

Кристина
ШПОР

КОГДА ПАДАЛИ СТЕНЫ...

Переустройство мира
после 1989 года

Издательство «Весь Мир»

Кристина Шпор

**Когда падали стены...
Переустройство
мира после 1989 года**

Издательство «Весь Мир»

2019

Шпор К.

Когда падали стены... Переустройство мира после 1989 года /
К. Шпор — Издательство «Весь Мир», 2019

ISBN 978-5-7777-0896-0

Книга известного специалиста в области истории международных отношений Кристины Шпор посвящена детальному воссозданию истории и обстоятельств, а также анализу причин и последствий колоссальных изменений в мире конца 80-х - начала 90-х гг. XX в., которые принято считать концом холодной войны. Осью внимания автора являются два противоположных по характеру символических события того времени - падение Берлинской стены и события на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Все остальные перемены в отношениях между СССР и США, внутривосточные перемены в странах Восточной Европы и в самом СССР рассматриваются К. Шпор как реализация разных подходов к осуществлению реформ. Ценнейшей особенностью книги является огромная документальная база, на которую опирается автор в своей работе, а также беспристрастный научный подход к описанию и анализу событий. Оригинальное издание книги вышло в свет в 2019 г., но прошедшие с этого времени четыре года и значительные новые перемены в международной обстановке несколько не умаляют, а наоборот, повышают значение и ценность исследования. Книга К. Шпор представляет несомненный интерес не только для специалистов в области международных отношений, но буквально для всех читателей, стремящихся глубоко понять истоки и причины современного кризиса глобального мирового порядка.

ISBN 978-5-7777-0896-0

© Шпор К., 2019

© Издательство «Весь Мир», 2019

Содержание

Список карт	6
Введение	14
Глава 1.	22
Глава 2.	64
Глава 3.	114
Глава 4.	161
Конец ознакомительного фрагмента.	164

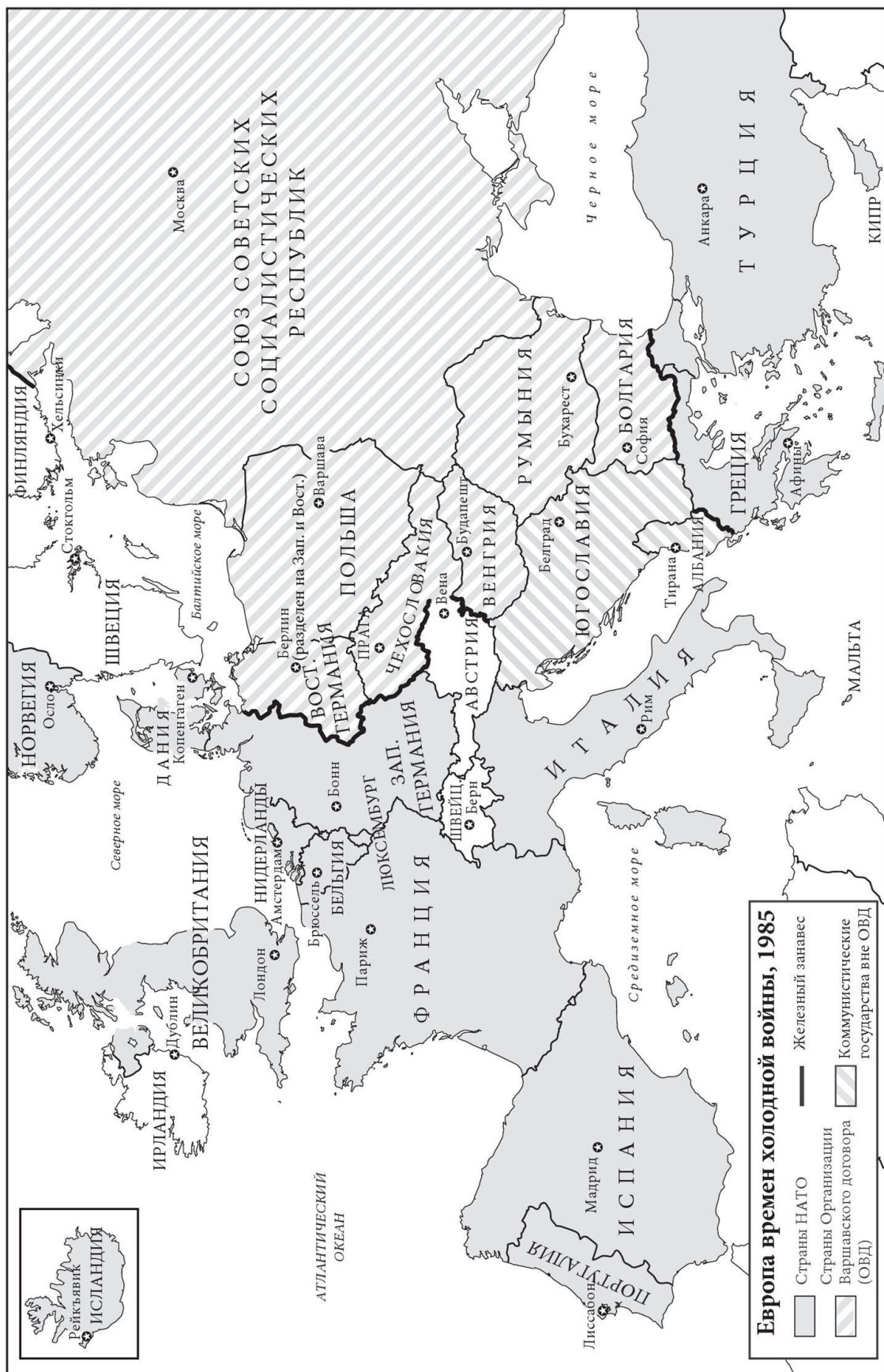
Кристина Шпор

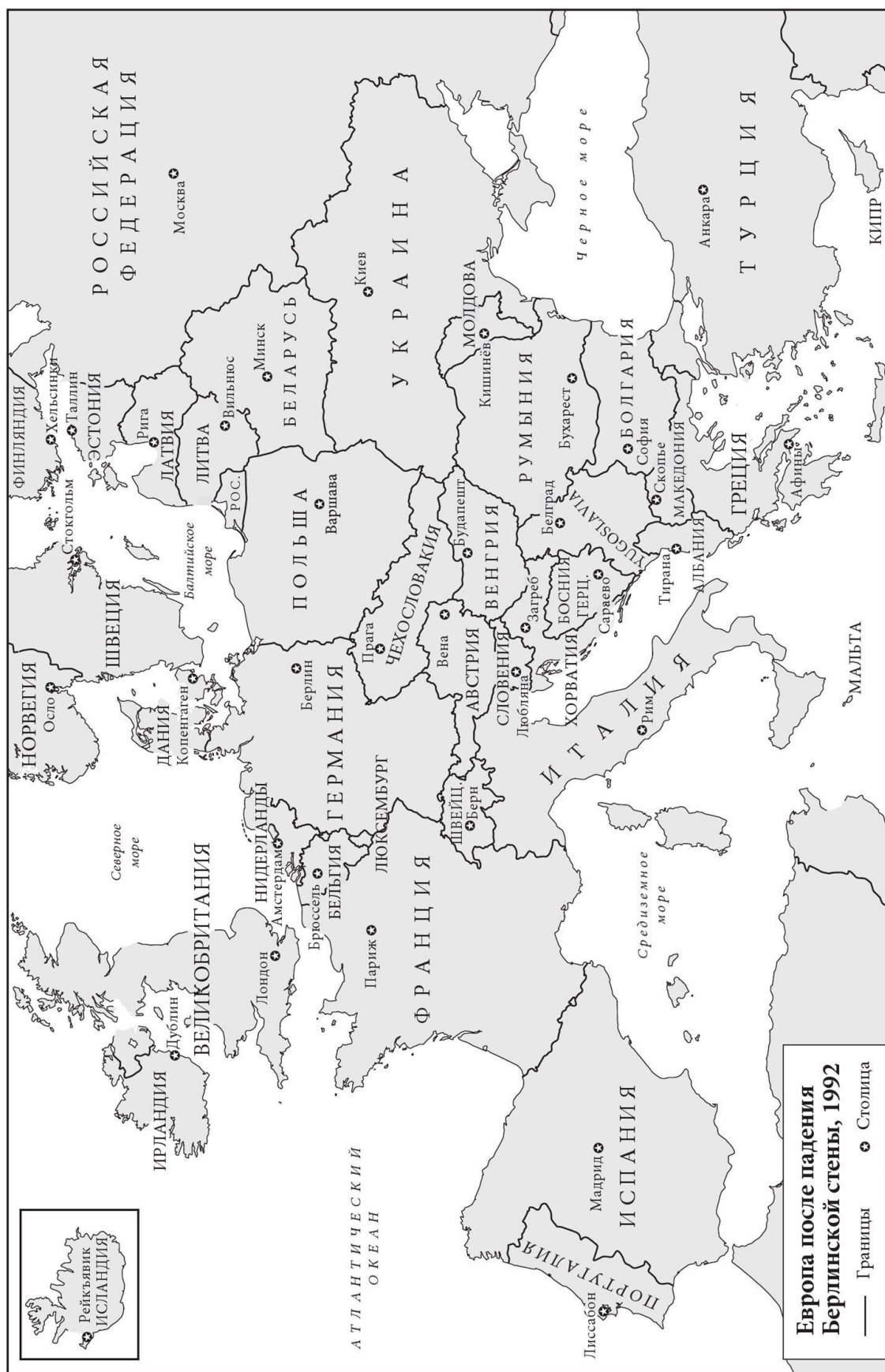
Когда падали стены...

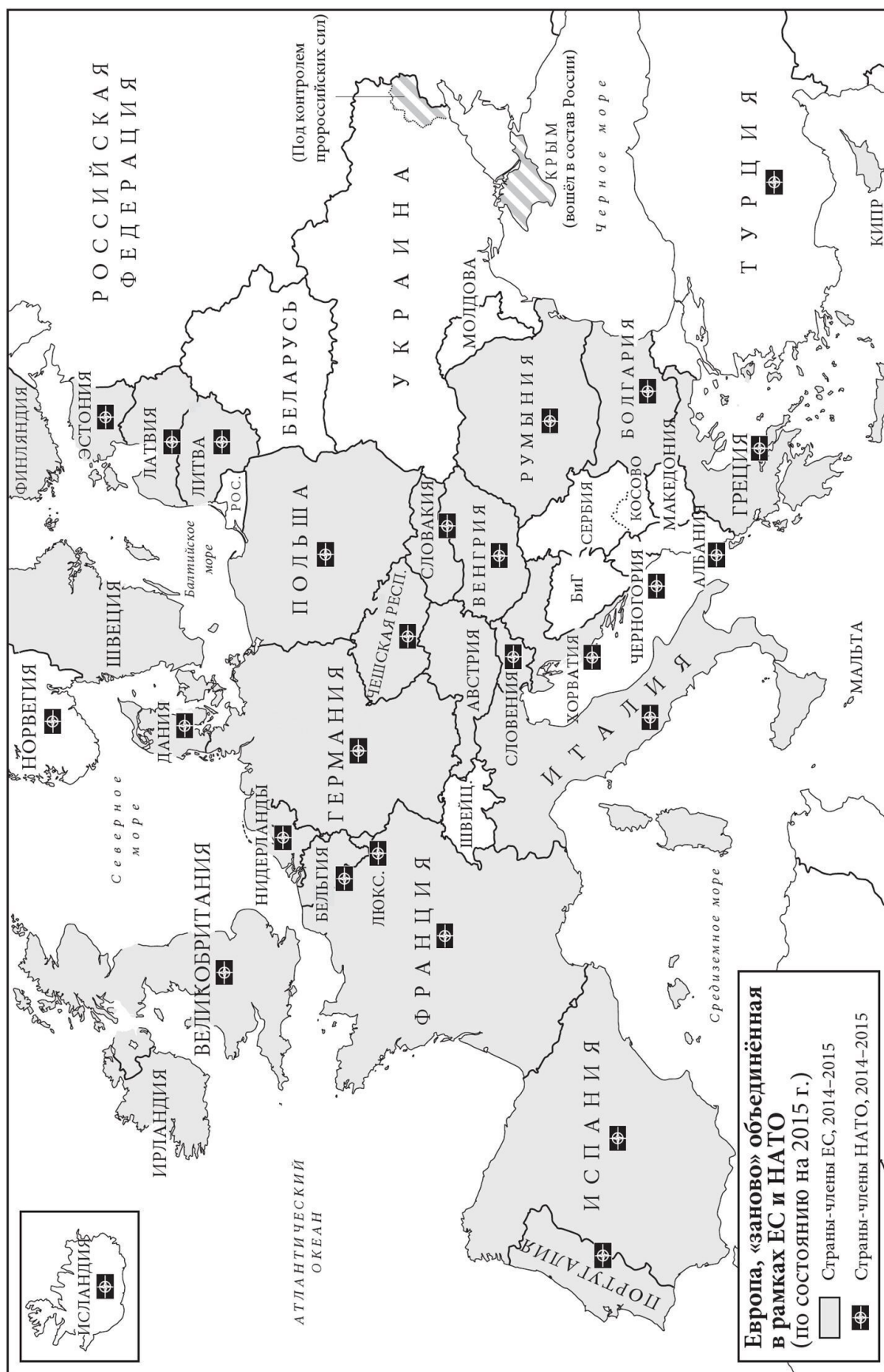
Переустройство мира после 1989 года

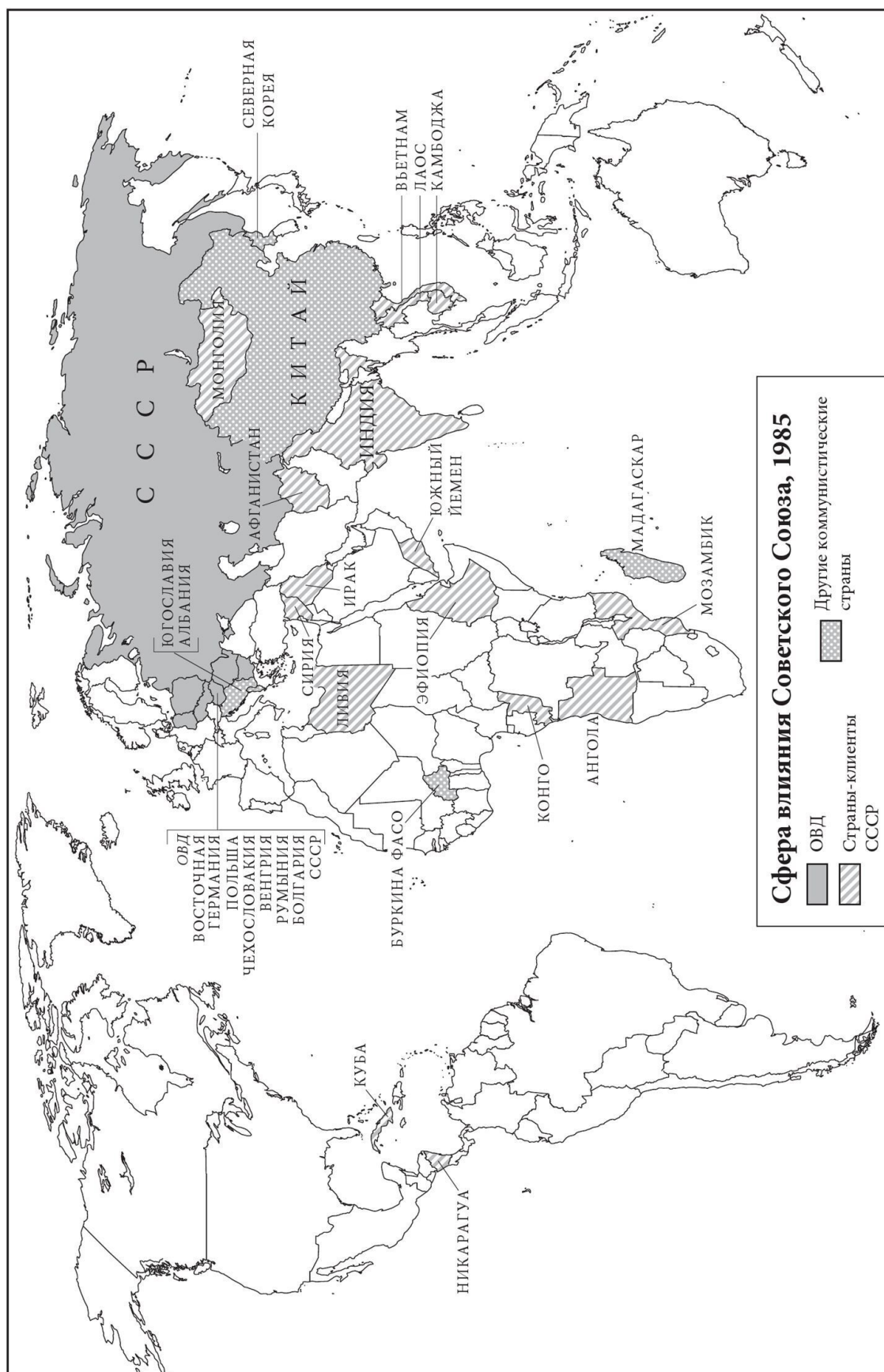
Список карт

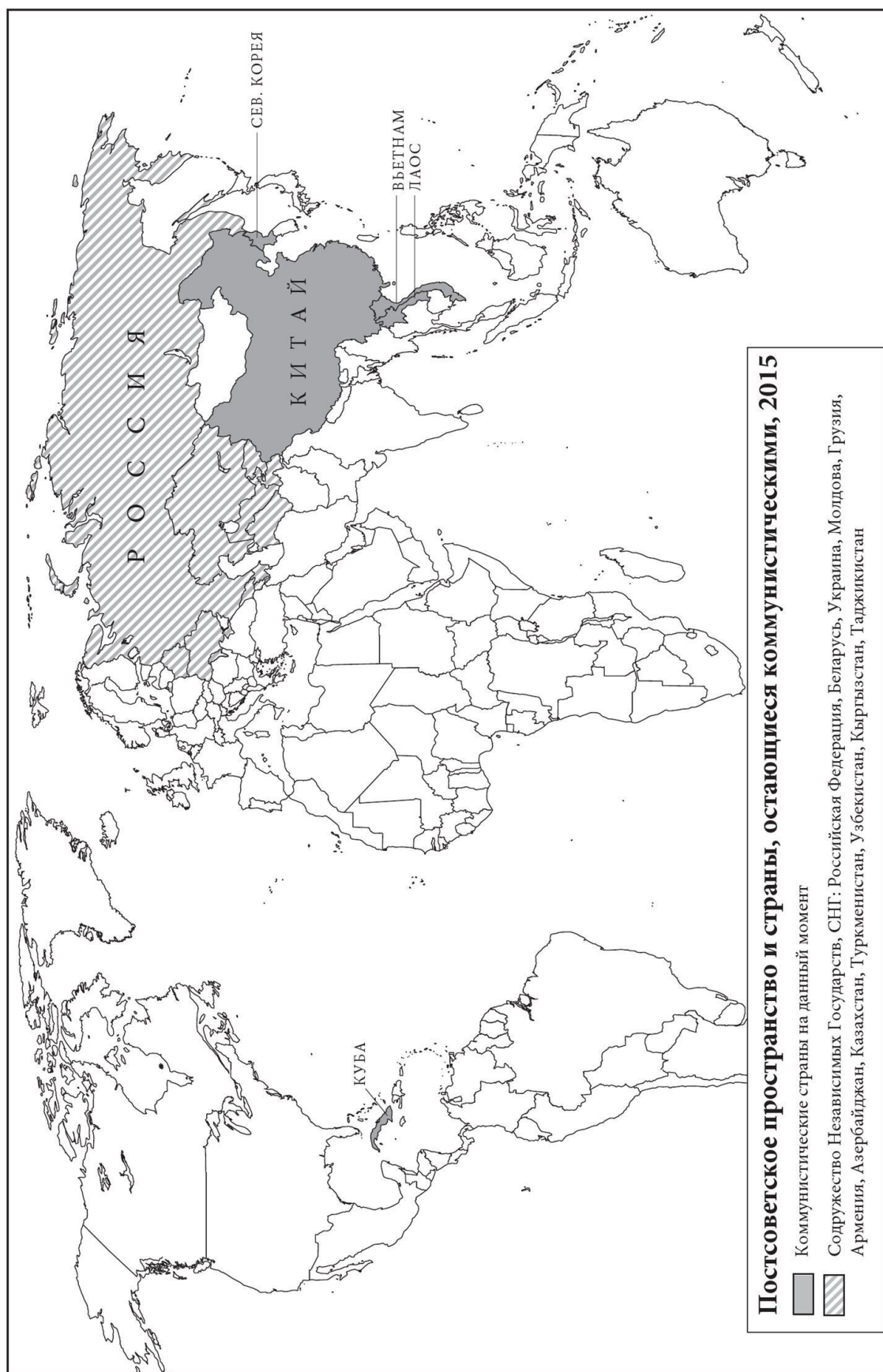
- Карта 1. Европа времен холодной войны, 1985
- Карта 2. Европа после падения Берлинской стены, 1992
- Карта 3. Европа, «заново» объединенная в рамках ЕС и НАТО
- Карта 4. Сфера влияния Советского Союза, 1985
- Карта 5. Постсоветское пространство и страны, остающиеся коммунистическими, 2015
- Карта 6. Расширение экономического влияния Китая, 2015

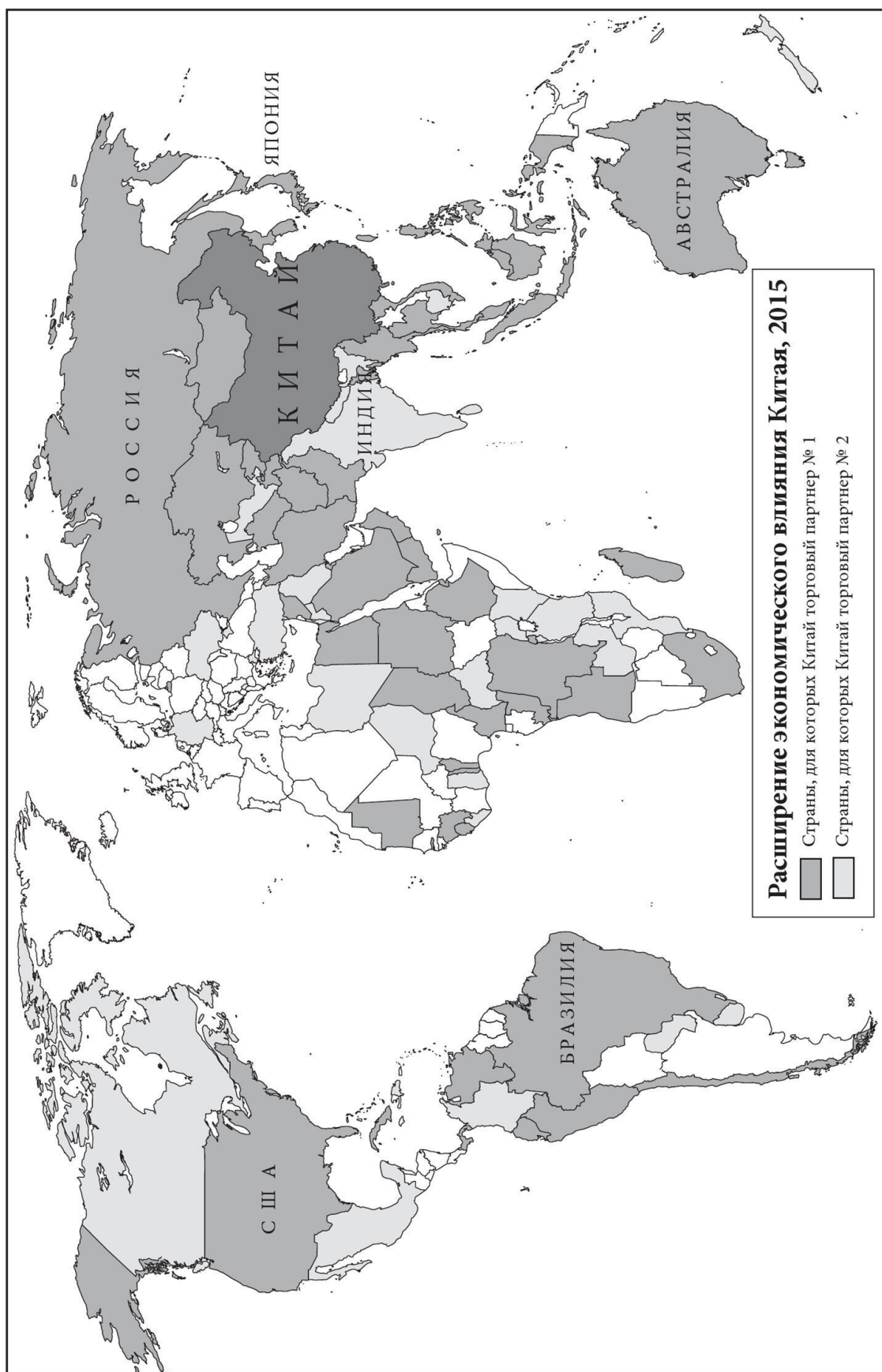

1989-й был годом, когда все сметалось прочь, 1990-й должен стать годом
выстраивания заново.
Джеймс А. Бейкер, 1990

Нам все равно, что о нас говорят другие. Единственное, что нас действительно заботит, так это хорошая окружающая среда для нашего собственного развития. Для того, чтобы история в итоге подтвердила превосходство китайской социалистической системы, этого достаточно.

Дэн Сяопин, 1989

Франция – наша Родина, Европа – наше будущее.

Франсуа Миттеран, 1987

Мир – это не единство в одинаковости, а единство в разнообразии, в сопоставлении и согласовании различий.

Михаил Горбачев, 1991

В политике нужно понимание того, что возможно, а также того, что приемлемо для других.

Гельмут Коль, 2009

Введение

Экономический кризис в Советском Союзе... Война в Заливе... Хаос в Югославии... Сталинистский заговор против советского лидера Михаила Горбачева...

Мобилизация всего Восточного блока... Советское вторжение на Балканы... Запад призывает резервистов и повышает уровень готовности сил гражданской обороны...

Утром 24 февраля 1989 г. тысячи танков Варшавского пакта двинулись на Западную Германию с берегов Балтики прямо через границы Чехословакии. Направление главного удара пролегло по Северо-Германской равнине, а вспомогательный удар был нацелен на Франкфурт. Вначале бронетанковым силам Запада, несмотря на растущие потоки беженцев, удавалось сдерживать врага. Но затем Кремль решился на использование отравляющих газов против Великобритании и в Северной Германии. 5 марта войска союзников начали терять управление, и командование НАТО впервые применило тактическое ядерное оружие. Это не остановило Советы, и они продолжили наступление, поэтому 9 марта НАТО перешло ко второму и на этот раз массированному ядерному удару двадцатью пятью ядерными бомбами и ракетами, треть из которых попала по Западной Германии. Советское руководство ответило тем же. Атомный пожар охватил большую часть Западной и Восточной Германии. Радиация распространилась по Польше, Чехословакии и Венгрии¹.

Конечно же, ничего этого не произошло на самом деле. Такова была легенда военных маневров НАТО «Винтекс», проходивших раз в два года. По сценарию 1989 г. Германия стала театром «ограниченной ядерной войны», что означало мгновенную гибель сотен тысяч немцев и радиоактивное заражение всего исторического ядра Европы, обрекавшего миллионы на медленную и мучительную смерть. Самое скверное заключалось в том, что за всем этим вырисовывался призрак Третьей мировой войны.

В канун начала учений сценарий маневров «Винтекс-89» был слит в прессу и публикации о нем заполнили советские и немецкие средства массовой информации. Перспективы, обрисованные легендой учений, выглядели настолько устрашающими, что Вальдемар Шрекенбергер – сотрудник Федеральной канцелярии, назначенный на время учений исполнять обязанности главнокомандующего, в то время как настоящий канцлер был занят повседневным руководством Западной Германией, – отказался от второго удара, пытаясь предотвратить гуманитарную трагедию. В результате учения «Винтекс-89» были досрочно свернуты. Больше учения НАТО «Винтекс» никогда не проводились.

В начале 1989 г. западный оборонный истеблишмент все еще всерьез воспринимал перспективу того, что длительная конфронтация сверхдержав может привести к глобальному холокосту. Однако всего через несколько месяцев европейское будущее стало выглядеть совершенно иначе. Холодная война на самом деле подошла к концу очень быстрым и неожиданным образом, без всякого «большого взрыва», на подготовку к которому оба лагеря потратили столько времени, денег и изобретательности.

Война между Востоком и Западом не состоялась; узел холодной войны был развязан преимущественно мирным путем, а новый мировой порядок был выстроен в результате заключения международных соглашений, переговоры по которым проходили в атмосфере беспрецедентного духа сотрудничества. Двумя главными катализаторами перемен стали новый лидер России с его новым политическим видением и народные протесты на улицах Восточной Европы. Могущество народа было взрывным, только не в военном смысле этого слова: демон-

¹ 'Atomares Wintex' *Der Spiegel* 8/1989 20.2.1989; 'NATO-ÜBUNG: Schlag Zuvief' *Der Spiegel* 11/1989 13.3.1989; 'Der Iwan kommt – und feste druff' *Der Spiegel* 18/1989 1.5.1989; 'Schlacht von gestern' *Der Spiegel* 29/1989 17.7.1989.

странты 1989 г. требовали демократии и реформ, они обезоружили правительства, казавшиеся непоколебимыми, а приливная волна путешественников и мигрантов сломала когда-то непроницаемый Железный занавес. Самым символичным моментом драмы тех месяцев стало падение Берлинской стены в ночь на 9 ноября.

В 1989 г. все, казалось, пришло в движение. Потоки революционных изменений поднимались снизу, в то время как власть имущие пытались проводить реформы сверху². Марксистско-ленинская идеология советского коммунизма, когда-то составлявшая ментальную архитектуру Советского блока, непрерывно утрачивала доверие и становилась бессильной. Либеральная капиталистическая демократия теперь выглядела словно поднятая волной грядущего: в то время как Восток был занят трансформацией по западноевропейскому образцу, мир, казалось, встал на путь конвергенции вокруг американских ценностей. Заговорили о «конце истории»³.

Ничто не подготовило мировых лидеров к таким быстрым и всеобъемлющим переменам. Десятилетиями они играли в военные игры, подобные «Винтекс-89». Но никогда не предполагали какого-либо сценария мирного выхода из состояния холодной войны; в самом худшем варианте расчет опирался на некую военную стратегию выживания в ядерном Армагеддоне, а в качестве лучшего развития событий предполагалось продолжать применять дипломатическую тактику хаотичного сосуществования при соперничестве двух противостоящих блоков. Едва ли можно было быть хуже готовыми к тому завершению, что на самом деле произошло в 1989–1991 гг. В этой книге показано, почему длительный и внешне стабильный мировой порядок разрушился в 1989 г., и рассмотрен процесс рождения нового порядка на его руинах⁴.

Чтобы понять, почему ключевые политики выбирали ту или иную дорогу или принимали то или иное решение, я попыталась заглянуть им через плечо, наблюдая за тем, как они стараются понять и взять под контроль новые силы, пришедшие в их мир. Эти мужчины (и одна женщина) перебрали целый ряд часто противоречивых опций в попытке добиться контроля над ходом событий, установить стабильность и избежать войны. Из-за того, что у них не было никаких дорожных карт или приемлемых для всех эскизов будущего мирового порядка, они стали придерживаться естественного осторожного подхода в условиях вызова, брошенного радикальными переменами – они стали использовать и приспосабливать принципы и институты, оказавшиеся успешными на Западе во время холодной войны. Без сомнения, то была дипломатическая революция, но осуществляемая, как ни парадоксально звучит, в консервативной манере.

² О драматических, революционных событиях 1989 г. написано очень много. См., например: Victor Sebestyen. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire*. Pantheon, 2009; Michael Meyer. *1989: The Year That Changed the World – The Untold Story Behind the Fall of the Berlin Wall*. Simon & Schuster 2009; Ludger Kühnhardt. *Revolutionszeiten: Das Umbruchsjahr 1989 im geschichtlichen Zusammenhang* Olzog 1995. О 1989 году как продукте социальной революции и «власти народа» см., например: Padraic Kenney. *A Carnival of Revolution: Central Europe 1989*. Princeton UP, 2003; Charles A. Maier. *Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany*. Princeton UP, 1997; Konrad H. Jarausch & Martin Sabrow (eds). *Weg in den Untergang: Der innere Zerfall der DDR*. Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. Сравни: Adam Roberts & Timothy Garton Ash (eds). *Civil Resistance 5 and Power Politics: The Experience of Non-Violent Action from Gandhi to the Present*. Oxford UP, 2009; April Carter. *People Power and Political Change: Key Issues and Concepts*. Routledge, 2012. О 1989 году как результате «реформ сверху», совершенных национальными коммунистическими элитами с одобрения Михаила Горбачева, см., например: Stephen Kotkin with Jan T. Gross. *Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment*. Modern Library, 2009; Constantine Pleshakov. *There Is No Freedom without Bread: 1989 and the Civil War that Brought Down Communism*. Farrar, Straus & Giroux, 2009; Gordon M. Hahn. *Russia's Revolution from Above, 1985–2000: Reform, Transition and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime*. Taylor & Francis, 2002; Jacques Lévesque. *The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe*. Univ. of California Press, 1997.

³ Francis Fukuyama. 'The End of History?' *The National Interest* no. 16 (Summer 1989). Pp. 3–18; *idem*. *The End of History and the Last Man*. Hamilton, 1992. О «пост-1989 оптимизме» см.: Thomas Bagger. 'The World According to Germany: Reassessing 1989'. *Washington Quarterly* 41, 4 (Winter 2019). Pp. 53–63.

⁴ Ср., например: George Lawson et al. (eds) *The Global 1989: Continuity and Change in World Politics*. Cambridge UP 2010; Richard K. Herrmann & Richard Ned Lebow (eds). *Ending the Cold War: Interpretations, Causation and the Study of International Relations*. Palgrave Macmillan, 2004; Bernhard Blumenau et al. (eds) *New Perspectives on the End of the Cold War: Unexpected Transformations?* Routledge, 2018.

Вовлеченные в этот процесс лидеры представляли собой небольшую взаимосвязанную группу. В Европе треугольник сформировали Советский Союз, Соединенные Штаты и Федеративная Республика Германия: на уровне политических лидеров – Михаил Горбачев, Джордж Г.У. Буш и Гельмут Коль⁵; на уровне чуть ниже – их министры иностранных дел – Эдуард Шеварднадзе, Джеймс Бейкер и Ганс-Дитрих Геншер⁶. Именно в этих силовых конструкциях были очерчены контуры Европы после холодной войны. Маргинальными оставались две все более изолируемые фигуры: британский премьер Маргарет Тэтчер, которая противилась быстрому объединению Германии, и французский президент Франсуа Миттеран, с неохотой участвовавший в процессе и настаивавший на том, чтобы объединенная Германия была глубоко включена в Европу⁷. Их взаимодействие с Колем, особенно на тему проекта европейской интеграции, создало в дальнейшем мощный политический треугольник⁸.

При этом центральным утверждением моей книги является то, что мы не можем понять Европу после падения Стены без того, чтобы принимать во внимание события, происшедшие в 1989 г. в другой части света. Под руководством Дэн Сяопина Китайская Народная Республика осуществила иной, драматичный выход из ситуации холодной войны – и его синонимом стало кровопролитие на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г.⁹ Постепенное вхождение Китая в глобальную капиталистическую экономику было уравновешено приверженностью Дэн Сяопина господству Коммунистической партии. Это равновесие, столь отличное от полной потери контроля со стороны Горбачева, вывело его страну на другую орбиту. Сила народа, сыгравшая столь важную роль в Восточной Европе, здесь не имела аналогов. «Успешное» подавление ее со стороны Дэна имело значительные последствия, все еще воздействующие на современный мир. Таким образом, европейская история была вписана в другой глобальный треугольник,

⁵ Их мемуары и автобиографии, а также ключевые биографии, см., например: Mikhail S. Gorbachev. *Memoirs*. Bantam 1997; *idem*, *Wie es war*. Ullstein 1999 [Издание на рус. яз.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы: в 2-х книгах. Москва, АПН, 1995]; William Taubman *Gorbachev: His Life and Times* W. W. Norton 2017 [Таубман У. Горбачев: его жизнь и время / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2017]; Archie Brown. *The Gorbachev Factor*. Oxford UP, 1996; George Bush & Brent Scowcroft. *A World Transformed*. Vintage Books, 1998; George Bush. *All the Best, George Bush: My Life in Letters and Other Writings*. Scribner, 2013; Jon Meacham. *Destiny and Power: The American Odyssey of George Herbert Walker Bush*. Random House, 2015; Timothy Naftali. *George H. W. Bush*. Times Books, 2007; Helmut Kohl with Kai Diekmann. *Ich wollte Deutschlands Einheit*. Ullstein, 1996; *idem*, *Vom Mauerfall zur Wiedervereinigung: Meine Erinnerungen*. Knaur-Taschenbuch, 2009; *idem*, *Erinnerungen 1982–1990*. Droemer 2005; *idem*, *Erinnerungen 1990–1994*. Droemer, 2007; Hans-Peter Schwarz. *Helmut Kohl: Eine politische Biographie*. Pantheon, 2014.

⁶ Eduard Shevardnadze. *The Future Belongs to Freedom*. Sinclair-Stevenson 1991 [Шеварднадзе Э.А. Мой выбор: В защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991]; James A. Baker with Thomas M. DeFrank. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992*. G. P. Putnam's Sons, 1995; Hans-Dietrich Genscher. *Erinnerungen*. Siedler, 1995; *idem*. *Unterwegs zur Einheit: Reden und Dokumente aus bewegter Zeit*. Siedler 1991; Gerhard A. Ritter. *Hans-Dietrich Genscher, das Auswärtige Amt und die deutsche Vereinigung*. Beck, 2013.

⁷ Margaret Thatcher. *The Downing Street Years*. HarperCollins, 1993; George R. Urban *Diplomacy and Disillusion at the Court of Margaret Thatcher: An Insider's View*. I. B. Tauris, 1995; François Mitterrand. *Über Deutschland*. Insel 1996; Pierre Favier & Michel Martin-Roland. *La Décennie Mitterrand, vol. iv: Les Déchirements (1992–1995)*. Seuil, 1999.

⁸ См., например: Frédéric Bozo et al. (eds) *Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal*. Routledge, 2008; Harold James. *Making the European Monetary Union*. Harvard UP, 2012; Kenneth Dyson & Kevin Featherstone. *The Road to Maastricht: Negotiating Economic and Monetary Union*. Oxford UP, 1999; Werner Rouget & Joachim Bitterlich. *Schwierige Nachbarschaft am Rhein: Frankreich–Deutschland*. Bouvier, 1998.

⁹ Об открытых китайских документах, относящихся к принятию решений в Пекине в связи с протестами и их подавлением в мае и июне 1989 г., до сих пор вызывающих много споров в том, что касается их «достоверности», см.: Zhang Liang et al. (eds) *The Tiananmen Papers: The Chinese Leadership's Decision to Use Force against Their Own People – In Their Own Words*. Little, Brown, 2001; and Andrew J. Nathan 'The Tiananmen Papers' *Foreign Affairs* 80, 1 (January/ February 2001) pp. 2–50. Комментарии по поводу этих источников см.: Lowell Dittmer. 'Review of The Tiananmen Papers'. *China Quarterly* 166 (June 2001). Pp. 476–483; Alfred L. Chan. 'The Tiananmen Papers Revisited'. *China Quarterly* 177 (March 2004). Pp. 190–205; Andrew J. Nathan. A Rejoinder to Alfred L. Chan'. *China Quarterly* 177 (March 2004). Pp. 206–214; Richard Baum. 'Tiananmen – The Inside Story?' *China Journal* 46 (July 2001). Pp. 119–123. См. также: Andrew J. Nathan. 'The New Tiananmen Papers: Inside the Secret Meeting That Changed China'. *Foreign Affairs* (May 2019) online; Bao Pu (ed.) *The Last Secret: The Final Documents from the June Fourth Crackdown*. New Century Press, 2019.

который сам по себе стал продолжением китайско-советско-американской «триполярности», возникшей на последнем этапе холодной войны¹⁰.

Всех менеджеров этих изменений в основном сформировала когорта поколения, рожденного между 1924 и 1931 гг., за исключением Миттерана (р. 1916) и Дэна (р. 1904). Все они были отмечены памятью военного времени 1937–1945 гг., и поэтому их объединяло общее представление о хрупкости мира. Знаменательно, что большинство из них (Коль и Миттеран были исключением) потеряли власть в 1990–1992 гг., и таким образом, им не пришлось столкнуться в сколько-нибудь внятной форме – как политическим лидерам – с необходимостью преодолеть последствия собственных действий.

В первых трех главах моей книги описаны события, сформировавшие новостные заголовки 1989 г.: снятие венгерского железного занавеса на границе с Австрией, «кровавая баня» на площади Тяньаньмэнь, неожиданное падение Берлинской стены. Но главное внимание сосредоточено на том, что произошло в ту возбужденную и тревожную эру, которая за этими событиями последовала: это была эра после событий у Стены и на Площади. Надежде, что человечество вступает в новую эру свободы и устойчивого мира, противостояло крепнущее признание, что биполярная стабильность времен холодной войны уступает место чему-то двойственному и более опасному¹¹.

Основное содержание книги посвящено рассказу о том, как в 1990–1991 гг. мир был изменен усилиями консервативной дипломатии, которая приспособливала институты холодной войны к новой эре. Несмотря на то что этот процесс направлялся Соединенными Штатами, особенно при президенте США Джордже Буше, советский лидер Михаил Горбачев тоже хотел принять участие в этом процессе как составной части его усилий по переориентации официальной советской идеологии на «общие» ценности советских граждан с Западом¹². Произошедшее сближение завершилось беспрецедентным сотрудничеством между США и СССР. Общий подход к вторжению Ирака в Кувейт в 1990 г. послужил в качестве главного украшения того, что американский президент описал как «новый мировой порядок». Конфронтационная биполярность оказалась преобразованной в двухопорную основу глобальной безопасности, коренящейся в сотрудничестве двух сверхдержав в рамках ООН, направляемом международным правом¹³.

Буш и Горбачев надеялись, что их новый *modus vivendi* сможет послужить основой международных отношений после холодной войны. Ясно, что Америка была при этом старшим партнером, но и сотрудничество было реальным. Партнерство на самом деле работало, но оставалось при этом хрупким, именно потому, что основывалось на отношениях двух людей, находившихся на вершине власти в своих странах. Буш, Коль и другие западные лидеры льнули к Михаилу Горбачеву, вместо того чтобы заниматься более глубокими проблемами Советского Союза, находившегося в трудном положении. В конце 1991 г. СССР полностью распался, заста-

¹⁰ См., например: Robert L. Suettinger. *Beyond Tiananmen: The Politics of US-China Relations 1989–2000*. Brookings Institution Press, 2003; David M. Lampton. *Same Bed, Different Dreams*. Univ. of California Press, 2002; Ezra F. Vogel. *Deng Xiaoping and the Transformation of China*. Harvard UP, 2013; Sergey Radchenko. *Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War*. Oxford UP 2014. Сопоставление экономических реформ в Советском Союзе и в Китае провел: Chris Miller. *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev the Collapse of the USSR*. Univ. of North Carolina Press, 2016; Stephen Kotkin. 'Review Essay – The Unbalanced Triangle: What Chinese-Russian Relations Mean for the United States'. *Foreign Affairs* 88, 5 (September/ October 2009). Pp. 130–138.

¹¹ См., например: Timothy Garton Ash. *The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed*

¹² См., например: Robert Service. *The End of the Cold War, 1985–1991*. Pan Books, 2015; James Graham Wilson. *The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War*. Cornell UP, 2013; Raymond L. Garthoff. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Brookings Institution Press, 1994.

¹³ См., например: Hal Brands. *From Berlin to Baghdad: America's Search for Purpose in the Post-Cold War World*. Univ. Press of Kentucky, 2008; Jeffrey A. Engel (ed.) *Into the Desert: Reflections on the Gulf War*. Oxford UP, 2013; Lawrence Freedman and Efraim Karsh. *The Gulf Conflict, 1990–1991*. Princeton UP, 1995. См. также: Marc Weller. *Iraq and the Use of Force in International Law*. Oxford UP, 2010.

вив Буша принять всерьез человека, вставшего во главе постсоветской России, – Бориса Ельцина, который боролся против вызова, заключавшегося в переходе его страны к капиталистической демократии¹⁴. Это новое изменение в глобальной геополитике, повлиявшее не только на Европу, но и на Азию, обязало Буша заново осмыслить двухполюсный подход.

После того как Советский Союз и биполярность ушли в прошлое, США с новой силой стали настаивать на утверждении подлинно глобальной и возглавляемой США системы свободной торговли. Для этого они решили заменить отмиравшее Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) 1947 г., переставшее соответствовать динамизму все больше глобализировавшейся мировой экономики, на новую Всемирную торговую организацию (ВТО), которая должна была включить и таких больших игроков, как Россия и Китай, после того как они уйдут от своей командной или плановой экономики и станут больше помогать развивающимся странам. Соединенные Штаты не были одиноки в стремлении найти для себя новое место в игре за глобальное экономическое превосходство. Япония со своей потрясающей экономикой тоже претендовала на роль гегемона грядущего «Тихоокеанского века», надеясь, что ее экономический вес заполнит геополитический вакуум, порожденный крушением Советского Союза. У руководства коммунистического Китая были свои амбиции. Китайский режим пережил «инцидент на площади Тяньаньмэнь», консолидировал контроль над страной и процветал в условиях «после Площади»; с течением времени именно это окажется значительно более важным, как с экономической, так и геополитической точки зрения, чем ложная заря Страны восходящего солнца¹⁵.

И в Европе мир и стабильность эры, наступившей в 1991 г. после холодной войны, тоже подверглись опасности, когда Югославия погрузилась в геноцидную войну. Прочное прежде балканское государство распалось на воюющие друг с другом образования, вызвав потоки беженцев. Эти новые Балканские войны не разожгли общеевропейского пожара, как в 1914 г., но мировым лидерам пришлось потрудиться, чтобы погасить языки его пламени¹⁶.

Раздробление Югославии вызвало опасения того, что сам Горбачев в 1991 г. назвал «балканизацией» Советского Союза¹⁷. На какой-то момент Москва и Киев стали мериться силой в вопросе о территориях на Украине и в Крыму, и казалось, что они балансируют на грани войны. На протяжении 1992 г. возникали споры и столкновения по вопросу того, кому принадлежат Черноморский флот и стратегические порты Черного моря, каковы права России на базирование и использование украинской военной инфраструктуры. В Вашингтоне особенно боялись за будущее советского ядерного потенциала, теперь оказавшегося разделенным между Россией и тремя ставшими независимыми постсоветскими республиками – Беларусью, Казахстаном и Украиной.

¹⁴ См., например: Serhii Plokhy. *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. Oneworld, 2014; Vladislav M. Zubok. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Univ. of North Carolina Press, 2009. idem. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. Yale UP, 2021. См. также: Stephen Kotkin. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford UP, 2008; Stephan G. Bierling. *Wirtschaftshilfe für Moskau: Motive und Strategien der Bundesrepublik Deutschland und der USA 1990–1996*. Schöningh, 1998; Peter Rutland. 'Mission Impossible? The IMF and the Failure of the Market Transition in Russia'. *Review of International Studies* 25 (December 1999) [The Interregnum: Controversies in World Politics 1989–1999] pp. 183–200; Angela Stent. *The Limits of Partnership: US-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton UP, 2015.

¹⁵ О Японии см., например: Ezra Vogel. *Japan as Number One: Lessons for America*. Harvard UP 1979; James Fallows. *Looking at the Sun: The Rise of the New East Asian Economic and Political System*. Pantheon, 1995; Rosemary Foot. 'Power Transitions and Great Power Management: Three Decades of China–Japan–US Relations'. *Pacific Review* 30, 6 (2017). Pp. 829–842.

¹⁶ См., например: Josip Glaurdic. *The Hour of Europe: Western Powers and the Break-up of Yugoslavia*. Yale UP, 2011; Richard Caplan. *Europe and the Recognition of New States in Yugoslavia*. Cambridge UP, 2005; James Gow. *Triumph of the Lack of Will: International Diplomacy and the Yugoslav War*. Columbia UP, 1997. О Китае, см., например: Odd Arne Westad. *Restless Empire: China and the World Since 1750*. Vintage, 2013, с точки зрения долговременной перспективы; и Julian Gewirtz. *Unlikely Partners, Chinese Reformers, Western Economists and the Making of Global China*. Harvard UP, 2017.

¹⁷ Jason Burke. 'Signs of "Balkanisation" seen in Soviet Union'. *Christian Science Monitor* (hereafter CSM) 8.10.1991; см. гл. 5 наст. изд., с. 269.

Крушение советской державы позволило ее бывшим странам-клиентам по всему миру почувствовать, каково это – быть странами-отступниками. Даже после Кувейтской войны 1990–1991 гг. проблема Ирака, где правил Саддам Хусейн, оставалась нерешенной, а Ким Ир Сен, возглавлявший Северную Корею, с его тайной ядерной программой, стал особенной головной болью¹⁸. Именно поэтому последние две главы настоящей книги посвящены событиям в мире в 1992 г., т.е. в году, обычно игнорируемом в большинстве очерков об окончании холодной войны, но который дал ростки проблем, остающихся с нами в XXI в. Несмотря на победный тон некоторых комментаторов, холодная война не закончилась победой Соединенных Штатов над Советским Союзом, и мир не был переделан по образцу и подобию Америки¹⁹.

Нигде международная дипломатия не добилась более быстрых и более впечатляющих результатов, чем при объединении Германии. Германский вопрос представлял собой огромный вызов в силу проблемного места страны в Европе, ее центральной роли в развязывании двух мировых войн и последующего положения на авансцене холодной войны. Во время процесса управления германским объединением оба ключевых альянса Запада времен холодной войны – НАТО и Европейское сообщество – сохранились, обновились и постепенно расширились за счет включения в свой состав стран Центральной и Восточной Европы²⁰.

Меры, предпринятые для стабилизации Европы после холодной войны, были консервативными по характеру, поскольку они использовали существовавшие ранее западные институты, а не сконструированные заново для решения неотложных задач новой эры. Несмотря на попытки некоторых европейских государственных деятелей, таких как Геншер, Горбачев и Миттеран, в 1989–1991 гг. не было создано никакой новой панъевропейской архитектуры, чтобы связать две половины континента и включить Россию в общую систему безопасности. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) обладало потенциалом, чтобы стать такой структурой, но в оперативную организацию по обеспечению безопасности ее так и не превратили. Политическая реальность мира после холодной войны – когда Америка осталась «европейской державой» – не позволяла пойти по таким панъевропейским направлениям. Привлекательность заново объединенной Европы под эгидой ставшего более сплоченным Европейского союза, охраняемой перерожденным НАТО, оказалась слишком сильной²¹.

¹⁸ См., например: Bruce Cumings. *North Korea: Another Country*. New Press, 2004; Nicholas L. Miller & Vipin Narang. 'North Korea Defied the Theoretical Odds: What Can We Learn from its Successful Nuclearisation?' *Texas National Security Review* 1, 2 (February 2018).

¹⁹ Ср., например: Hal Brands. *Making the Unipolar Moment: US Foreign Policy and the Rise of the Post-Cold War Order*. Cornell UP, 2016; *его же*: 'Choosing Primacy: US Strategy and Global Order at the Dawn of the Post-Cold War Era'. *Texas National Security Review* 1, 2 (2018). Pp. 8–33; Jeffrey A. Engel. *When the World Seemed New: George H. W. Bush and the End of the Cold War*. Houghton Mifflin Harcourt 2017. См. также: Charles Krauthammer. 'The Unipolar Moment'. *Foreign Affairs* 70, 1(1990/1991). [America and the World 1990/91] pp. 23–33; *он же*: 'The Unipolar Moment Revisited'. *The National Interest* 70 (Winter 2002/3) pp. 5–18. Ср.: Odd Arne Westad. *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge UP, 2007, Заключение; *он же*: 'The Cold War and America's Delusion of Victory'. *New York Times* (hereafter NYT) 28.8.2017.

²⁰ Среди удачных исследований этого см., например: Mary Sarotte. *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton UP, 2009; Andreas Rödder. *Deutschland einig Vaterland: Die Geschichte der Wiedervereinigung*. Beck, 2009; Frédéric Bozo. *Mitterrand, la fin de la guerre froide et l'unification allemande: De Yalta à Maastricht*. Odile Jacob, 2005; Philip Zelikow & Condoleezza Rice. *Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft*. Harvard UP, 1995; *они же*, *To Build a Better World: Choices to End the Cold War and Create a Global Commonwealth*. Twelve, 2019; Alexander von Plato. *Die Vereinigung Deutschlands – Ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die internen Gesprächsprotokolle*. Ch. Links, 2009; Vladislav Zubok. 'With His Back. Against the Wall: Gorbachev, Soviet Demise, and German Unification'. *Cold War History* (hereafter CWH) 14, 4 (November 2014) pp. 619–645; Mark Kramer. 'The Myth of a no-NATO Enlargement Pledge to Russia'. *The Washington Quarterly* 32, 2 (2009) pp. 39–61; Ron Asmus. *Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era*. Columbia UP, 2002; James Goldgeier. 'Bill and Boris: A Window Into a Most Important Post-Cold War Relationship'. *Texas National Security Review* 1, 4 (August 2018); Kristina Spohr. 'Precluded or Precedent-setting? The "NATO Enlargement Question" in the Triangular Bonn–Washington–Moscow Diplomacy of 1990/1991 and Beyond' *JCWS* 14, 4 (2012) pp. 4–54; *она же*, *Germany and the Baltic Problem After the Cold War: The Development of a New Ostpolitik 1989–2000*. Routledge, 2004.

²¹ См. главы 4 и 5 наст. изд. на тему: Идея Горбачева «Общего европейского дома», предложение Геншера о «панъевропейской архитектуре, основывающейся на СБСЕ» и представление Миттерана о модели «Европейской конфедерации», построенной на основе Европейского сообщества.

Соответственно, асимметричность отношений Востока и Запада с течением времени нарастала по мере того, как хаотичные фрагменты порядка времен холодной войны, находили себе место в рамках расширенного Запада. Получившийся в результате дисбаланс станет неприемлемым для тех, кто пришел к власти после Горбачева, – Бориса Ельцина и Владимира Путина. Оказавшееся на обочине, хотя все еще могущественное и осознающее свое положение Российское государство было оставлено зализывать свои раны на периферии новой Европы. И мы все еще имеем дело с этими последствиями²².

Представленное в настоящей книге новое прочтение событий периода 1989–1992 гг. основано на архивных материалах, созданных на разных языках по обе стороны бывшего Железного занавеса. Книга прочно опирается на недавно рассекреченные или ранее недооцененные документы – от докладных записок до подготовительных материалов к переговорам, от личной переписки до докладов разведки – из национальных, президентских и министерских архивов США, Советского Союза (России), Германии, Великобритании, Франции и Эстонии. Другие важные ресурсы включают в себя Архив национальной безопасности, Цифровой архив центра Вудро Вильсона и связанный с ним Международный исторический проект холодной войны в Вашингтоне (округ Колумбия) с их изобилием электронных тематических подборок (*briefing books*) и опубликованных коллекций документов с Запада, из Восточной Европы, России и Китая (включая партийные документы и материалы Политбюро). В число важнейших документов следует включать дневники и личные бумаги лидеров, их советников и многочисленные воспоминания ключевых деятелей той эпохи²³.

Эта книга сочетает в себе детальную реконструкцию ключевых эпизодов с синоптическим изучением перемен на макроисторическом уровне. Для постижения этой эры трансформаций нам самим необходимо занять своего рода наблюдательный пункт, находящийся «над» хаосом событий. В то же время необходим успешный анализ и тех нарративов, используя которые ведущие протагонисты осмысливали собственный мир и оправдывали свои действия. Кроме всего прочего, история того, что произошло в те годы, была написана в «соавторстве» многими основными акторами. Они не были лишь действующими лицами в чьем-то повествовании, но являлись могущественными, хотя и не безгрешными творцами истории, которую делали сами.

В 1995 г. президент Германии Роман Херцог охарактеризовал его эру как «время, у которого пока нет названия»²⁴. Спустя 25 лет его афоризм почти не потерял остроты, потому что отличительные черты эры, наступившей после холодной войны, все еще трудно различить и понять. По мере того как 1989 г. отдаляется от нас, кое-кто начинает говорить, что самый общий нарратив должен быть экономическим – и начинать надо с крушения Бреттон-Вудской финансовой системы в 70-е годы XX в., приведшего к финансовому кризису 2008 г. Но я считаю, что более глубокий анализ «стержневых лет» 1989–1992 гг. помогает понять стоящий за всем геополитический порядок, в рамках которого и происходят такие сдвиги в глобальном капитализме. И именно этот миропорядок после падения Стены сейчас находится под угрозой.

Достижения консервативных менеджеров весьма впечатляют: кроме всего прочего, они стабилизировали Центральную Европу на период быстрых геополитических изменений. Но (особенно это касается американцев) уверенность в том, что мир впредь будет переходить на ценности США в этом все более вашингтоноцентричном мировом порядке, не прошла проверку временем. Представление, что огорченная, но возрождающаяся Россия²⁵ и Китайская

²² Kristina Spohr & David Reynolds. 'Putin's Revenge'. *New Statesman* 17.1.2017

²³ См. полную библиографию, раздел «Первоисточники».

²⁴ Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog bei der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik in Bonn 13.3.1995 bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1995/03/19950313_Rede.html

²⁵ Cp. Stephen Kotkin. 'Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern' *Foreign Affairs* (May/June 2016) online.

Народная Республика, всегда идущая по своему компасу²⁶, согласится с подчиненным статусом в однополярном мире, сегодня кажется бесконечно наивным²⁷. И Европа времен Маастрихтского договора тоже не смогла выработать такого видения и энергии, чтобы создать континент, который был бы цельным, свободным и динамичным. Она содрогается от приверженности догмам, выдуманным после 1945 г., и страдает от хронического отсутствия независимой политической и военной мощи.

Этот новый Европейский союз образца 1992 г. воспринял западногерманскую логику послевоенного развития. ФРГ давно отреклась от исторических претензий Германии на право быть военной державой. Европейская интеграция в конце 1950-х гг. задумывалась как проект германо-французского мира, выстроенного вокруг экономического процветания и социального благополучия. Поскольку в 90-е годы XX в. ЕС стремился воспользоваться дивидендами мира, наступившего после окончания холодной войны, то он и к самому себе относился вполне в немецком духе, видя в себе маяк «гражданской мощи»²⁸, а не военного могущества.

Все это представляет линейное прочтение будущего после падения Стены, с экстраполяцией мирного объединения Германии на всю европейскую равнину. Но осуществимость благостной мирной мечты была поставлена под сомнение растущими с начала второго десятилетия нашего столетия популизмом, национализмом и псевдолиберализмом, когда «брексит» потрясает самую ключевую веру в необратимость европейского интеграционного проекта, а президент США Дональд Трамп подрывает саму собой разумеющуюся нерушимость трансатлантического альянса. Американский проект «глобального сообщества наций»²⁹ – порядка, основанного на международном праве, либеральных ценностях, ограниченном применении силы и легитимной международной арбитражной власти – теперь выглядит утопическим³⁰. Давняя вражда великих держав вернулась с ее мстительностью, и теперь традиционным западным истинам демократии и свободной торговли противостоят по всему миру – особенно Китай и Россия, но противостоит и сама Америка.

Недостатки международных решений, положивших конец холодной войне, сегодня очевидны. Замороженные конфликты, разрушение соглашений по контролю над вооружениями, склероз международных институтов, возвышение могущественных авторитарных режимов и распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) – вот только некоторые из неожиданных последствий ошибок в дизайне нового мирового порядка, импровизационным конструированием которого в такой спешке и с такой изобретательностью занимались творцы международных дел в 1989–1992 гг. Вот почему – и сейчас больше, чем когда-либо еще – нам нужно понять его истоки и болезненное рождение.

²⁶ Cp. Robert D. Blackwill & Jennifer M. Harris *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft*. Belknap Press 2018.

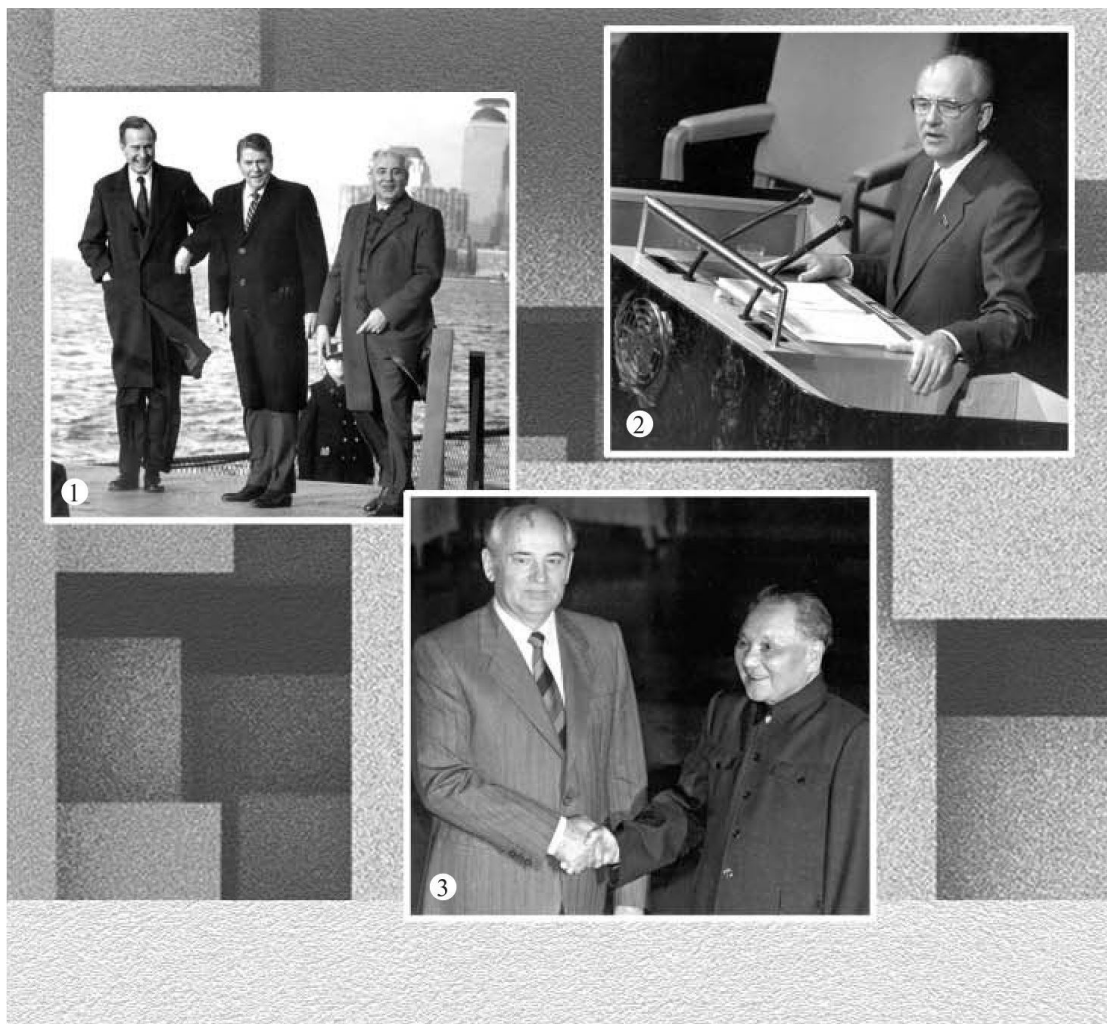
²⁷ Cp. Bobo Lo. *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*. Brookings Institution Press, 2008; Graham Allison. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Houghton Mifflin, Harcourt, 2017.

²⁸ Cp. Hanns W. Maull. 'Germany and Japan: The New Civilian Powers'. *Foreign Affairs* 69, 5 (Winter 1990) pp. 91–106; *on же* и Sebastian Harnisch (eds). *Germany as a Civilian Power? The Foreign Policy of the Berlin Republic*. Manchester UP, 2001; Jan Orbie. 'Civilian Power Europe – Review of the Original and Current Debates'. *Cooperation and Conflict* 41, 1 (2006) pp. 123–128. Karen E. Smith. 'Beyond the Civilian Power EU Debate'. *Politique européenne* 17, 3 (2005) pp. 63–82.

²⁹ Под рубрикой *Weltinnenpolitik* (Мировая внутренняя политика) немцы высказывали аналогичное представление с 1960-х гг. См. Carl Friedrich von Weizsäcker. 'Schachpartie der Großmächte' *Die Zeit* 7.1.1966; Ulrich Bartosch. *Weltinnenpolitik: Zur Theorie des Friedens von Carl Friedrich von Weizsäcker* [Beiträge zur politischen Wissenschaft, Vol. 86]. Duncker & Humblot, 1995.

³⁰ Cp. Hillary Rodham Clinton. 'Leading Through Civilian Power: Redefining American Diplomacy and Development'. *Foreign Affairs* 89, 6 (November/ December 2010) [The World Ahead] pp. 13–24.

Глава 1. Коммунизм, изобретенный заново: Россия и Китай

На фото:

1. Встреча на Говернорс-айленд в Нью-Йорке. Вице-президент США Дж. Буш-старший, Президент США Рональд Рейган, Михаил Горбачев 7 декабря 1988 г.
2. Михаил Горбачев на трибуне Генеральной ассамблеи ООН, 7 декабря 1988 г.
3. Встреча Михаила Горбачева и Дэн Сяопина, Пекин, 16 мая 1989 г., Пекин

Вечером 7 декабря 1988 г. весь Манхэттен гудел. Тысячи ньюйоркцев и туристов выстроились вдоль улиц и из-за спин полицейских приветствовали, размахивая руками и одобритительно показывая большие пальцы, двигавшийся по Бродвею кортеж Михаила Горбачева из 47 автомобилей.

Внезапно как раз напротив бродвейского театра «Зимний сад», где давали мюзикл «Кошки», Горбачев дал команду остановить свой огромный лимузин. Улыбаясь, он и его жена Раиса выпрыгнули из машины прямо под объективы фотокамер. Советского лидера сфотографировали под огромной неоновой рекламой «Кока-Колы» с победно поднятыми сжатыми кулаками в стиле Роберта «Роки» Бальбоа.

Горбачев буквально купался в американской лести. Кварталом южнее, в самом центре Таймс-сквер – Мекке мирового капитализма, переливалось огнями электронное табло с крас-

ными серпом и молотом и надписью «Добро пожаловать, Генеральный секретарь Горбачев». Он, наверное, все еще оставался коммунистом в глубине своего сердца и лидером соперничающей с Америкой сверхдержавы, но тем вечером в Нью-Йорке «Горби» был суперзвездой, прославляемым миротворцем. Большую часть времени, проведенного на Манхэттене, советский лидер на самом деле в основном провел в общении со звездами, миллиардерами и представителями высшего общества, а не в объятиях американских пролетариев³¹.

Планировалось, что он посетит и небоскреб Трамп-тауэр. Застройщику и девелоперу Дональду Трампу не терпелось провести миссис Горбачеву по шикарным магазинам мраморного атриума своей башни. Он надеялся показать чете Горбачевых номер на 60-м этаже с бассейном, «способным менять свой размер в пределах апартаментов» и, конечно, собственный пентхаус за 19 млн долл. на 68-м этаже. Трамп говорил, что хотел, чтобы они «получили хорошее представление о том, что собой представляют Нью-Йорк и Соединенные Штаты», и надеялся, что они «посчитают их чем-то особенным». В конце концов, маршрут Горбачева изменился, и Трамп-тауэр исчез из списка. Тем не менее после полудня, когда двойник Горбачева прогуливался по Пятой авеню возле магазина Тиффани, сопровождаемый стаей съёмочных групп и собирая огромные толпы, Трамп со своими охранниками выскочил из офиса, решив, что советский лидер изменил намерения и собрался посетить его храм консьюмеризма. Протиснувшись по тротуару, магнат с энтузиазмом принялся трясти руку якобы Горбачеву.

Настоящий Горбачев в действительности тогда уединился в советском представительстве. Разоблаченный Трамп тем временем уверял журналистов: «Я заглянул вглубь его лимузина и увидел там четырех привлекательных женщин. Я знаю, что его общество еще не настолько далеко зашло с точки зрения капиталистического декаданса». Михаил Горбачев определенно не разделял декадентские идеалы Дональда Трампа. Тем не менее он явно был восхищен рыночной экономикой. Свидетель тех дней Джой Питерс вспоминал, что Горбачев «намеревался выучить все наши трюки капитализма и стать Дональдом Трампом для Советского Союза»³².

Ощущение ожидания, что произойдет нечто необычное, было совершенно явным. Тем утром Горбачев, быть может, достиг момента своего самого великого международного триумфа. В ООН он произнес действительно поразительную речь, которой суждено было стать опорой для последующей советской внешней политики и для всего течения мировой политики. Горбачев намеревался произнести нечто «совершенно противоположное» пресловутой речи Уинстона Черчилля о железном занавесе в 1946 г.

В течение часа советский лидер высказал целую череду поразительных суждений по конкретным политическим вопросам. Самым удивительным было то, что он провозгласил тезис о прекращении классовой борьбы в международном масштабе, настаивая, что «сила и угроза силой не могут более и не должны быть инструментом внешней политики». Вместо этого он убеждал, что мир должен признать «верховенство общечеловеческой идеи», и подчеркивал значимость принятия ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, день в день сорок лет назад³³.

Было бы удивительно услышать такие слова от любого политического деятеля из Москвы, не говоря уж о Генеральном секретаре ЦК КПСС. В канун 1989 г. Горбачев стоял перед миром как мастер-реформатор, очевидно держащий ход событий под своим контролем.

³¹ Maureen Dowd. 'Soviet Star Is a Smash In Broadway Showing'. *NYT* 8.12.1988.

³² James Barron. 'For Gorbachev, Met Museum and Trump Tower Visits Due'. *NYT* 1.12.1988; Howard Kurtz. 'Gorbachev on the Road to New Soviet Frontiers'. *Washington Post* (hereafter WP) 4.12.1988; Maureen Dowd. 'Manhattan Goes Gorbachev – From Fish to Oreo Cookies'. *NYT* 7.12.1988.

³³ Горбачев М.С. Собрание сочинений. М.: Издательство «Весь Мир», 2008–2022. (Далее: Горбачев. Собр. соч.) Т. 13. С. 22, 24, 30.

В реальности ему предстояло начать революцию, способную снести все – даже его самого. Западным лидером, которому пришлось иметь дело с последствиями этих событий, был осмот- рительный новый американский президент, скептически настроенный по отношению к сво- ему магнетическому советскому визави и остерегавшийся действительных намерений России, скрывавшихся за реформаторскими лозунгами. Джордж У. Буш восемь лет был вице-прези- дентом во время президентства Рональда Рейгана (1981–1989). Он шел в Белый дом с намере- нием подвергнуть переоценке американско-советские отношения и переосмыслить свои приори- теты, выстраивая новую повестку, политически отличающую его от администрации Рейгана³⁴. Фактически в начале 1989 г. его заботило прежде всего то, как относиться к «новому изобре- тению» коммунизма, но происходившему не в Европе, а в Азии.

Михаил Сергеевич Горбачев не был «нормальным» советским лидером. Он родился в 1931 г. в небольшом селе Привольное возле Ставрополя на Северном Кавказе. Он рос, став свидетелем того, как его семья пострадала в годы сталинской коллективизации и позднее во время Большой чистки. Когда Горбачеву было десять лет, его отца призвали в армию, и он вер- нулся домой лишь через пять лет. Разрушения Великой Отечественной войны обошли При- вольное стороной, но село было оккупировано немецкими войсками на протяжении пяти меся- цев в 1942–1943 гг., поэтому Горбачеву пришлось вплотную ощутить все военные лишения, и этого он никогда не забывал. Проявляя способности в учебе и интерес к политике, он был замечен в школе и с раннего возраста пользовался поддержкой местных партийных руко- водителей. Благодаря их покровительству его послали изучать юриспруденцию в престижном Московском государственном университете (МГУ); на вступительных экзаменах он написал сочинение под названием «Сталин – наша слава боевая...», что свидетельствовало, что тогда его политические взгляды были «вполне сталинистскими, как у всех в то время», отмечал его лучший друг по университету. На одном из студенческих балов на третьем курсе он встретил Раису Титаренко, элегантную и умную студентку с философского факультета. Годом позже, в 1954-м, они поженились.

Направленный обратно в Ставрополь Горбачев упорно, но самым обычным образом продвигался в советской номенклатурной системе, в то время как Раиса преподавала марк- сизм-ленинизм в местном политехническом институте и готовила кандидатскую диссертацию, посвященную колхозному крестьянству края. Юношеский сталинизм Горбачева был поколеб- лен «закрытым докладом» Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева в 1956 г., который обнародовал чудовищные преступления Сталина и обнажил подлинные проблемы российской промышленности и сельского хозяйства. С этого момента Горбачев, продолжая верить в ком- мунистическую идеологию, признал то, насколько искаженно она выглядит в советской прак- тике. С 1960-х гг. в ходе поездок с Раисой во Францию, в Италию и Швецию он открыл для себя Запад и представил себе альтернативное будущее. Тем временем его политическая карьера ускорилась. В 1967 г. он стал партийным руководителем своего края в возрасте всего лишь тридцати пяти лет; двенадцать лет спустя стал руководить всем советским сельским хозяй- ством, переехав в средоточие власти, в Москву. Раиса получила преподавательскую работу в

³⁴ George Bush & Brent Scowcroft. *A World Transformed*. Vintage Books, 1998. P. 26. Джеффри Энгел выделяет роль Джеймса Бейкера в том, что он выбрал иное, чем Рейган, направление и предпринял чистку Белого дома, чтобы направить политический месседж, что «теперь за все отвечает другой человек». См.: Engel. *When the World Seemed New*. Pp. 86–89; Jon Meacham. *Destiny and Power: The American Odyssey of George Herbert Walker Bush*. Random House, 2015. P. 368; Derek H. Chollet & James M. Goldgeier. 'Once Burned, Twice Shy? The Pause of 1989?' in William C. Wohlforth *Cold War Endgame: Oral History, Analysis, Debates*. Penn State UP, 2010. Ch. 5. См. также: James A. Baker III Papers, Seeley G. Mudd Library, Princeton (hereafter JAB-SML), Box 96, Folder 6 (hereafter B96/F6), Meeting with President Richard Nixon 10.12.1988.

МГУ. Одним из его главных патронов был глава КГБ Юрий Андропов, сменивший Леонида Брежнева на посту Генерального секретаря в ноябре 1982 г.³⁵

Ему было под пятьдесят, и по стандартам советского Политбюро Горбачев оставался еще «цыпленком». Андропов, который был почти на семнадцать лет старше, страдал от острой почечной недостаточности и умер в феврале 1984 г. Сменивший его Константин Черненко был на двадцать лет старше Горбачева: страдавший от проблем с сердцем и легкими, он умер в марте 1985 г. В конце концов кремлевские старцы решили положиться на новое поколение и проголосовали за Горбачева. Объясняя Раисе, почему он принимает это назначение, Михаил сказал: «Все эти годы было невозможно сделать ничего существенного, ничего масштабного. Это все равно что биться о стену. Но жизнь того требует. Так дальше продолжаться не может»³⁶. Хотя что, собственно, надо делать, ему еще предстояло решить. Вначале Горбачев попытался провести антиалкогольную кампанию; после того как она провалилась, он стал искать более серьезные средства и новые лозунги, вначале остановившись на «ускорении», затем на «перестройке» и «гласности». Но за всем этим не последовали революционные изменения: Горбачев все еще оставался человеком партии и хотел реформировать советскую систему, чтобы сделать ее более жизнеспособной и конкурентоспособной: его девизом стало «Назад к Ленину».

Постоянные ссылки на Ленина отчасти объяснялись стремлением узаконить в глазах партии свою новаторскую перестроечную политику, так резко отличавшуюся от сталинской и брежневской практик, которые он считал отступлением от «социализма». Но еще больше это объяснялось тем, что он идентифицировал собственные взгляды на фундаментальную реформу Советской системы под лозунгом перестройки с ленинской концепцией Новой экономической политики в 1920-е гг., направляемой и ограниченной системы свободного предпринимательства. Его цель на этой стадии заключалась не в переходе к капитализму или к социальной демократии. Для него Ленин оставался источником для оправдания политических изменений в рамках Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и был настоящей купелью советской доктрины. Он хотел реструктурировать традиционные советские социополитические порядки «внутри системы», именно поэтому в рамках гласности он отдавал предпочтение «социалистическому плюрализму» перед полным «политическим плюрализмом» — и все для того, чтобы взбодрить Советский Союз³⁷.

Чтобы провести эту реформу и добиться обновления, Горбачеву было необходимо облегчить бремя военно-промышленного комплекса, лежавшее на советской экономике, чрезвычайно увеличившееся в 1980-е гг. из-за войны в Афганистане и вследствие несшейся по спирали гонки вооружений с Америкой.

И на самом деле советская командная экономика работала очень плохо, и тому были структурные причины — факт, который затушевывали глобальный рост цен на нефть в 1970-е гг. и обширные сибирские ресурсы страны, поддерживавшие в период между 1971 и 1980 гг. рост ВВП на уровне 2–3,5% в год. Но в следующее десятилетие, когда нефтяные цены обрушились, резко упал и национальный доход. На самом деле в период 1980–1985 гг. СССР демонстрировал рост, близкий к нулю. Растущая неудовлетворенность советских потребителей усиливалась из-за снижающегося уровня жизни и ограниченного доступа к высокотехнологичным товарам. Частично это было результатом недостаточной гибкости плановой экономики и отсутствия промышленной модернизации, но корнем проблемы было, конечно, то, что до четверти ВВП приходилось на военную индустрию в ущерб гражданскому производству³⁸.

³⁵ Таубман У. *Горбачев: его жизнь и время*, гл. 1–5; Sebestyen *Revolution 1989* p. 116; см. также Don Oberdorfer *From the Cold War to a New Era: The United States and the Soviet Union, 1983–1991* Johns Hopkins UP 1998 ch. 4 esp. pp. 107–111.

³⁶ Raisa Gorbacheva *I Hope* Fontana 1991. p. 5 [Горбачёва Р. М. Я надеюсь... М.: Книга, 1991].

³⁷ Archie Brown. *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective*. Oxford UP, 2007. Pp. 284–294; Antony D'Agostino. 'How the Soviet Union Thought itself to Death'. *The National Interest* (May-June 2017)

³⁸ 'The Soviet Economy in 1988: Gorbachev Changes Course'. CIA/DIA April 1989; David Reynolds. *One World Divisible: A*

Чтобы оживить домашнюю экономику, лишь слегка приоткрывая ее для внешнего мира, Горбачеву нужно было обеспечить стабильную международную среду, а также что-то сделать с «имперским перенапряжением» СССР в Восточной Европе и развивающемся мире. Это означало уменьшить враждебность США (выйти из гонки вооружений) и найти компромиссные решения для Третьего мира (включая идеологическое признание права на самоопределение). Таким образом, внутренняя политика оказывалась неразрывно связанной с внешней. В поисках менее конфронтационных отношений с Соединенными Штатами Горбачев готов был к переговорам с американским руководителем³⁹.

Однако на первый взгляд президент США Рональд Рейган казался для этого неподходящим партнером. Он родился в 1911 г. и был ровесником человеку, которому Горбачев сам только что пришел на смену, при этом Рейган являлся ярким антикоммунистом, принявшим за усиление гонки вооружений сразу после прихода к власти в 1981 г. Он был печально известен тем, что назвал СССР «империей зла» и предсказал, что «марш за свободу и демократию» «оставит марксизм-ленинизм на пепелище истории»⁴⁰. Такое тотальное идеологическое соревнование, полагал он, оправдывает военное строительство начальных лет его президентства. Но у Рейгана была и другая сторона – будущего миротворца, который видит в военной мощи основу для дипломатии в интересах «мира через силу». Даже более удивительно: оказалось, что этот твердолобый реалист лелеял утопическую веру в мир, свободный от ядерного оружия⁴¹.

В течение первого срока своего президентства Рейган не мог начинать диалог с большим стариком в Кремле. Однако после восхождения Горбачева не только диалог, но и переговоры внезапно стали возможны. Во время четырех саммитов, начиная со встречи в Женеве в ноябре 1985 г. и до визита в Москву в мае-июне 1988 г., дискуссии нередко накалялись, но оба лидера постепенно выработали отношения, основанные на личном доверии и даже приязни. Радикальные предложения Горбачева о ядерном разоружении, сделанные в Рейкьявике в октябре 1986 г. – через шесть месяцев после ужасного происшествия в Чернобыле, – едва не были приняты Рейганом, к ужасу некоторых его твердокаменных советников. К моменту вашингтонской встречи в декабре 1987 г. они перешли на «ты». У этих новых отношений было наполнение. В Вашингтоне Рейган и Горбачев подписались под ликвидацией целой категории ядерного оружия в рамках Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) – и это был первый случай, когда сверхдержавы согласились сократить свои ядерные арсеналы. Это был значительный шаг к преодолению холодной войны, делавший менее вероятным ядерный конфликт. Ученые-атомщики отвели стрелку своих знаменитых Часов судного дня на шесть минут от полуночи вместо трех. И 31 мая 1988 г., когда Рейгана на Красной площади спросили, ощущает ли он по-прежнему СССР «империей зла», тот ответил: «Я говорил так об ином времени, о другой эпохе»⁴².

Global History since 1945. W. W. Norton, 2000. P. 540. См. также: IMF Archives, Office of the Managing Director Alan Whittome Papers – Joint Study of the Soviet Economy (hereafter IMFA-AWP JSSE) Box 1 Folder 7 (hereafter B1/ F7) NATO – Long Term Projections for the Soviet Economy, Note by the Secretary General (C-M(89)18), pp. 1–6; and Office Memorandum Christensen to Whittome 4.10.1990 pp. 1–2.

³⁹ Geir Lundestad. «“Imperial Overstretch”, Mikhail Gorbachev and the End of the Cold War». *CWH* 1, 1 (2000), pp. 1–20; Arne Westad. *The Global Cold War*. P. 379.

⁴⁰ Заметки Рейгана на ежегодной конвенции Национальной ассоциации евангелистов в Орландо, Флорида 8.3.1983. The American Presidency Project website (hereafter APP); Reagan’s Address to Members of the UK Parliament 8.6.1982 APP.

⁴¹ Обращение Рейгана к нации по вопросам обороны и национальной безопасности 23.3.1983. APP.

⁴² О саммитах сверхдержав см., например: Jack F. Matlock Jr. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. Random House, 2004; James Graham Wilson. *The Triumph of Improvisation: Gorbachev’s Adaptability, Reagan’s Engagement, and the End of the Cold War*. Cornell UP, 2014; Svetlana Savranskaya & Thomas Blanton (eds). *The Last Superpower Summits: Gorbachev, Reagan and Bush Conversations that Ended the Cold War*. CEU Press, 2016 (hereafter TLSS); Jonathan Hunt & David Reynolds. ‘Geneva, Reykjavik, Washington, and Moscow, 1985–1991’ in Kristina Spohr & David Reynolds (eds). *Transcending the Cold War: Summits, Statecraft and the Dissolution of Bipolarity in Europe, 1970–1990*. Oxford UP, 2016. Pp. 151–179. О Часах Судного дня см.: *Bulletin*

Рейган шел вперед – то же делал и Горбачев. Драматическое выступление в ООН шесть месяцев спустя утром 7 декабря стало для советского лидера переломным моментом. Он хотел предстать творцом международных отношений, но в отличие от Черчилля – выводившим мир из холодной войны. Он намеревался поразить американцев, особенно в период между двумя президентствами, когда их внешняя политика находится в подвешенном состоянии. «Американцы опасаются, что мы можем предпринять что-то в духе Рейкьявика». Он готовил свою речь несколько месяцев, с момента визита Рейгана, она прошла через несколько редакций и менялась до самой последней минуты. Горбачев был настроен использовать этот случай, чтобы показать миру свою веру в яркое будущее обновленного Советского Союза и подтвердить мнение о себе как провидце и миротворце. И он надеялся, что, представив свое новое политическое мышление в такой запоминающейся форме, он обеспечит своей стране западные кредиты и экономическую помощь⁴³.

К моменту, когда Горбачев приехал в ООН, зал Генеральной Ассамблеи был совершенно полон, и все 1800 кресел были заняты. Слышался легкий гул от возбужденного перешептывания. Ожидания были велики. Горбачев ступил на подиум, одетый в темный отлично сидевший на нем костюм, белую рубашку с бордовым галстуком. Он начал свое выступление довольно медленно, хотя и свободно, но затем разошелся, стал говорить более напористо и властно. Действуя так, он излагал идеологическую схему того, как должен развиваться марксизм-ленинизм и как мир должен высвободиться от холодной войны⁴⁴.

Он начал с ремарки, соединившей западно- и восточноевропейскую историю вокруг революционной идеи: «Две великие революции – французская 1789 года и российская 1917 года – оказали мощное воздействие на сам характер исторического процесса, радикально изменили ход мировых событий. Обе они – каждая по-своему – дали гигантский импульс прогрессу человечества». Лишив токсичности революцию и установив общее основание для всего разделенного континента, Горбачев настаивал на универсальности человеческого опыта: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес» – и настаивал, что дальнейший прогресс возможен только в результате подлинно глобального консенсуса, движения к тому, что он назвал «новым мировым порядком». Если это так, добавил он, «то стоит договориться и об основных, действительно универсальных, предпосылках и принципах такой деятельности. Очевидно, например, что сила и угроза силой не могут более и не должны быть инструментом внешней политики». Этим он совершенно отверг доктрину Брежнева – объявленное Москвой право на использование собственной армии внутри сферы влияния ради спасения партнерского коммунистического государства: так в 1968 г. оправдывали применение танков для сокрушения Пражской весны. Принимая множественность социополитических структур, Горбачев провозгласил, что «свобода выбора – всеобщий принцип, и он не должен знать исключений»⁴⁵.

Таким образом, Горбачев мыслил широкими категориями, далеко выходя за пределы обычной биполярности – Восток против Запада. После более чем сорока лет холодной войны он решительно выступил в защиту «деидеологизации межгосударственных отношений» и тем самым декларировал конец вмешательства в дела Третьего мира. На самом деле в условиях,

of the Atomic Scientists thebulletin.org/ timeline.

⁴³ Анатолий Черняев. Записи с заседания Политбюро 31.10.1988. Архив Горбачев-фонда в Москве (далее АГФ), Цифровой архив Вильсон-центра (далее DAWC); Mikhail Gorbachev. *Memoirs*. Bantam, 1997, p. 459; О заседании Политбюро 24.11.1988, опубликовано в: *В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)*. 2-е изд. М.: Горбачев-фонд, 2008. С. 432–436, особ. с. 433.

⁴⁴ См. видео речи в ООН: [c-span.org/ video/?5292-1/gorbachev-united-nations](https://c-span.org/video/?5292-1/gorbachev-united-nations)

⁴⁵ Выступление Михаила Горбачева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7.12.1988 (Горбачев. Собр. соч. Т. 13. С. 22). См. также видео: c-span.org/video/?5292-1/gorbachev-united-nations; and video of 'Mikhail Gorbachev's 1988 Address to the UN: 30 Years Later', Panel Discussion with Andrei Kozyrev, Pavel Palazhchenko, Thomas W. Simons Jr, and Kristina Spohr at SAIS – Johns Hopkins University (Washington DC) 6.12.2018 youtube.com/watch?v=Mt6NkWIJuzo

когда мир в целом сталкивался с голодом, болезнями, неграмотностью и другими массовыми бедами, он выступил за признание «верховенства общечеловеческой идеи». Тем не менее он не собирался отказываться от советских ценностей: «...Остается такой фундаментальный факт – что формирование мирного периода будет проходить в условиях существования и соперничества разных социально-экономических и политических систем». Он продолжал: «Однако смысл наших международных усилий, одно из ключевых положений нового политического мышления состоят как раз в том, чтобы придать этому соперничеству качество разумного соревнования в условиях уважения свободы выбора и баланса интересов». Итак, две системы не сливаются воедино, но их отношения становятся отношениями мирного «соразвития». Работая совместно, сверхдержавы смогут «устранить ядерную угрозу и милитаризм», чье искоренение так необходимо для мирового развития и выживания человеческой расы.

В дополнение к этому великому предвидению Горбачев сделал несколько конкретных предложений, особенно в отношении прекращения девятилетней интервенции в Афганистане – что стало для СССР эквивалентом Вьетнама для Америки, и в отношении разоружения, «о самом главном, без чего никакие проблемы наступающего века не могут быть решены». Он говорил о необходимости нового договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ), уменьшающего арсенал каждой из сверхдержав на 50%. И, стремясь надавить на Соединенные Штаты, объявил о решении об одностороннем сокращении своих Вооруженных сил на пятьсот тысяч человек в течение двух лет. Так Горбачев намеревался начать переход «от экономики вооружений к экономике разоружения».

Такая конверсия стала абсолютно необходимой, чтобы подкрепить его проект о «глубоком обновлении» всего социалистического общества – проект, который стал приобретать существенно больший масштаб начиная с 1985 г., по мере того как он развивал свои идеи перестройки и гласности. На самом деле, как объяснял Горбачев, «под знаком демократизации перестройка охватила теперь и политику, и экономику, и духовную жизнь, и идеологию». Советская демократия «обретет прочную нормативную базу», включая «законы о свободе совести, о гласности, об общественных объединениях и организациях». Тем не менее, чтобы ни у кого не возник соблазн посягать на безопасность СССР и его союзников, пока в Кремле занимаются столь необходимыми «революционными преобразованиями», Горбачев твердо верил, что обороноспособность СССР должна поддерживаться на уровне «разумной и надежной достаточности». Такой язык заметно отличался от стремления к «превосходству», доминировавшего в отношениях Восток–Запад во время холодной войны. Он признавал, что еще остаются серьезные различия, и предстоит искать решение острых проблем в отношениях между сверхдержавами, но советский лидер демонстрировал оптимизм в отношении будущего, обводя взглядом зал: «Однако мы уже прошли начальную школу обучения взаимопониманию и поиску развязок в собственных и общих интересах»⁴⁶.

Ближе к концу своей речи он отдал должное работе президента Рейгана и государственного секретаря Джорджа Шульца по достижению соглашений. «Все это, – сказал он, – капитал, вложенный совместно в предприятие исторического значения. Он не должен быть утрачен или оставлен вне оборота. Будущая администрация США во главе с вновь избранным президентом Джорджем Бушем найдет в нас партнера, готового – без долгих пауз и попятных движений – продолжать диалог в духе реализма, открытости и доброй воли, со стремлением к конкретным результатам по повестке дня, которая охватывает узловые вопросы советско-американских отношений и международной политики»⁴⁷. Буша в тот момент не было в зале – он смотрел выступление по телевизору, но он не мог пропустить этот посыл. Как говорил Горба-

⁴⁶ Горбачев. Собр. соч. Т. 13. С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 36.

чев на Политбюро перед тем, как покинуть Москву, Бушу при таком дипломатическом натиске «некуда будет деваться»⁴⁸.

Помощник Горбачева Анатолий Черняев в зале присутствовал. Помогая написать эту речь, он ожидал, что она произведет впечатление, но не был готов к той реакции, которая она тем утром получила. «Час набитый зал не шелухнулся. А потом взорвался в овациях. И долго не отпускал М.С. Ему пришлось вставать и кланяться “как на сцене”»⁴⁹. Горбачев, этот великий шоумен, принял все как должное. Большая часть реакции в прессе была позитивной. «Нью-Йорк таймс» в своей редакционной статье отмечала: «Возможно, со времен Вудро Вильсона, представившего свои Четырнадцать пунктов в 1918 году, или Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля, объявивших об Атлантической хартии в 1941-м, никто из мировых деятелей не демонстрировал такого предвидения, как Горбачев»⁵⁰. Но другие вглядывались в то, что стояло за этим случаем и за его риторикой. «Крисчен сайенс монитор», например, привлекла внимание к тому, чего Горбачев не сказал. Не было никаких признаков того, что Кремль намерен полностью отказаться от самых передовых позиций своего стратегического влияния, обретенного в результате Второй мировой войны, – в Восточной Германии и Восточной Азии. В речи на самом деле совершенно ничего не было сказано об Азии. Вооруженные силы в Советской Азии будут сокращены, обещал он, и «значительная часть» советских войск, временно размещенных в Монгольской Народной Республике, должна «вернуться домой». Но в его речи не упоминались базы во Вьетнаме, сожалела газета, и ничего не было сказано о четырех северных японских островах, захваченных Сталиным в 1945 г., чей спорный статус не давал заключить мирный договор между Японией и Советским Союзом и формально завершить Вторую мировую войну⁵¹. Газета специально отмечала: горбачевское видение мира после холодной войны было селективным – но речь в ООН ясно показала, что для него средоточие холодной войны лежало в Европе. И именно там надо было снять напряжение.

Завершив свое выступление в ООН⁵², Горбачев сконцентрировался на следующем пункте своей нью-йоркской программы: встрече с президентом Рейганом и вице-президентом Бушем на острове Говернорс-айленд за южной оконечностью Манхэттена. Находясь в своем лимузине по дороге к пирсу на Баттери-парк, советский лидер принял срочный телефонный звонок из Москвы: на Кавказе произошло серьезное землетрясение, и, по самым последним сообщениям из Армении, оно унесло 25 тыс. жизней. Горбачев решил возвращаться домой следующим утром без остановок на Кубе и Лондоне, как планировалось изначально⁵³. Оставаясь в курсе тревоживших его событий во время короткой поездки по воде, он все-таки продолжил думать о том, что должно было произойти во время его пятой и прощальной встречи с Рейганом, человеком, которого он уже больше не считал «консерватором» и «неперестроившимся воином холодной войны», вместо этого вместе с ним он сумел вопреки препятствиям выработать настоящее доверие и стать друзьями⁵⁴.

⁴⁸ Заседание Политбюро 24.11.1988: В Политбюро ЦК КПСС. С. 433; Горбачев. Собр. соч. Т. 12. С. 491.

⁴⁹ Дневниковая запись 17.12.1988. Дневник Анатолия Черняева. National Security Archive Electronic Briefing Book (hereafter NSAEBB). No. 250.

⁵⁰ ‘Gambler, Showman, Statesman.’ *NYT* 8.12.1988.

⁵¹ Richard C. Hottelet. ‘The Enigmatic Gaps in Gorbachev’s UN Speech’. *CSM* 15.12.1988.

⁵² Примечательно, что в то время, как Горбачев произносил свою речь, представитель советского МИДа Геннадий Герасимов объявил, что Сергей Ахромеев, начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР ушел в отставку по состоянию здоровья. Незадолго до этого, в июле маршал Ахромеев выступил против сокращения численности советских войск без равного сокращения численности войск НАТО, и это при том, что он поддерживал инициативы Горбачева в области контроля над вооружениями, включая договор об РСМД. Советские официальные представители отрицали, что его отставка отражала недовольство сокращениями в армии.

⁵³ См. видео: ‘Mikhail Gorbachev’s 1988 Address to the UN: 30 Years Later’ [youtube.com/watch?v=M6NkWIJuzo](https://www.youtube.com/watch?v=M6NkWIJuzo). Cp. Pavel Palazhchenko. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter*. Pennsylvania UP, 1997. Pp. 105–108.

⁵⁴ Gorbachev. *Memoirs*. P. 463; Дневниковая запись 17.12.1988. Дневник А.С. Черняева. 1988. NSAEBB No. 250.

Наблюдая за тем, как паром пересекает беспокойные воды Нью-Йоркского порта, Буш почувствовал напряженное ожидание среди встречавших американских и советских официальных лиц. Он сам волновался. Как у избранного президента у него оставалось лишь несколько недель до инаугурации, но он пока не мог определять политику, ему еще предстояло явить свою будущую роль, соответствующую статусу президента, а не как заместителя Рейгана. Он знал, что Горбачева расстроит, когда он узнает, в каком направлении он намерен строить отношения с Советским Союзом, но Овальный кабинет пока занимал Рейган. В тот день Буш хотел избежать чего-либо, что можно было подать как подрыв авторитета действующего президента или что могло каким-либо образом связать свободу его действий в будущем⁵⁵.

Горбачев сошел на берег, оглядывая встречающих, и тут у него на лице появилась широкая улыбка – с такой же улыбкой на набережной его приветствовал Рейган. Обе делегации расположились в резиденции коменданта Говернорс-айленд. Беседа во время этой встречи носила непринужденный и ностальгический характер: это не была «переговорная сессия», как заметил Горбачев присутствовавшим журналистам. Она действительно была в каком-то смысле «особой», как назвал ее Буш, из-за его собственной двойственной роли, обращенной как в прошлое, так и в будущее⁵⁶.

После того как фотографы и журналисты удалились, Рейган и Горбачев стали вспоминать их первую встречу в Швейцарии почти три года назад, и президент обещал советскому лидеру памятный подарок – фотографию того момента, когда они встретились у подъезда. На фото Рейган от руки написал, что они «вместе прошли длинный путь, чтобы расчистить дорогу к миру, Женева, 1985 – Нью-Йорк, 1988». Горбачев был тронут и сказал, что он высоко ценит их «личное взаимопонимание». Рейган с ним согласился. Он был горд тем, что они «совершили вместе»: оба лидера, которые были «способны развязать новую мировую войну», решили «сохранить мир»⁵⁷, и таким образом они заложили «прочный фундамент на будущее». Это стало возможным, как они заявили, потому что они всегда были «прямыми и открытыми» друг с другом. Чего Рейган не упомянул – на самом деле, потому что для этого бы пришлось побродить по закоулкам памяти, – так это то, что саммит в Москве в мае-июне не удалось сделать венцом, как на то надеялся Горбачев, серии встреч, где бы был подписан Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Как подчеркнул Горбачев в своем выступлении в ООН, это было важное незавершенное дело⁵⁸.

Рейган спросил Буша, не хочет ли он что-либо добавить. Вице-президент решил лишь прокомментировать символичное фото. Обе страны прошли длинный путь за три года, сказал он и выразил надежду, что через следующие три года появится «еще одна столь же значимая фотография». Буш сообщил, что собирается двигаться вперед, опираясь на то, что совершил президент Рейган вместе с Горбачевым. Ничто из того, что достигнуто, не должно быть обращено вспять. Но он добавил, что ему «нужно немного времени, чтобы посмотреть все вопросы». Горбачеву же было нужно заверение, что Буш продолжит движение по пути, проложенному Рейганом. Вице-президент все-таки ушел от этого, ссылаясь в свое оправдание на необходимость создания нового кабинета. В теории он бы хотел «оживить все дела за счет вовлечения в них новых людей». Он хотел «сформулировать надежную политику национальной безопасности», но при этом настаивал на том, что он совсем не хочет, чтобы все замерло, и чтобы «часы пошли назад». Буш старался вести беседу в свободной и необязательной манере, отделиваясь банальностями, чтобы оставлять свои руки свободными⁵⁹.

⁵⁵ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*, p. 3.

⁵⁶ Ibid., pp. 6–7; Memcon of Reagan-Gorbachev meeting 7.12.1988, printed in *TLSS* doc. 69. P. 470.

⁵⁷ Ibid., pp. 472–474.

⁵⁸ Ibid., pp. 471–472. Gorbachev's Letter to Reagan 28.10.1987 NSAEBB No. 238.

⁵⁹ *TLSS* doc. 69. Pp. 472–474.

Между тем хватка советского лидера не ослабевала. Думая о будущем, Горбачев за ланчем продолжал прощупывать Буша. Он пытался уловить какие-нибудь существенные ответные реакции на свою речь в ООН. Шульц лишь заметил, что аудитория была «очень внимательной» и финальный шквал аплодисментов был «подлинным». Буш же продолжал молчать, если не считать замечания, что Горбачев, похоже, «собрал полный зал, и все места были заняты». Горбачев подчеркнул, что он привержен всему, что он сказал в ООН о сотрудничестве между нашими странами⁶⁰. Допустив, что между ними существуют «настоящие противоречия», особенно по региональным вопросам, он настаивал на том, что Вашингтону не нужно питать подозрений по отношению к Советскому Союзу. Повернувшись прямо к Бушу, он сказал, что сейчас «подходящий момент, чтобы это обозначить в присутствии вице-президента». Советский лидер дал беглый обзор горячих точек в мире и затем вернулся к своей главной теме о сотрудничестве, которое они с президентом смогли выстроить. Поочередно бросая взоры на Буша и Рейгана, он провозгласил, что «все дело в преемственности» и что «мы теперь должны стать способными к совместной конструктивной работе над всеми региональными проблемами». Никакой реакции от Буша на это не последовало, и Горбачев попытался вытянуть ее из него. «Если следующий президент что-то изучает и у него есть замечания или предложения по этим вопросам, я бы хотел услышать об этом от него». Буш снова уклонился от ответа. В конце концов Горбачев просто пошутил, что «было важно просто облегчить жизнь следующему президенту»⁶¹.

На протяжении всей встречи Буш оставался закрытым и держался чуть в стороне – иногда настолько, что, по словам журналиста Стивена В. Робертса, напоминал «неказистую рамку картины».

Позднее тем же днем в беседе с прессой в Вашингтоне вице-президент высказался о собственном необщительном тоне: «Я четко дал понять генеральному секретарю, что определенно намерен продолжить то продвижение вперед в отношениях с Советами, которое было совершено администрацией Рейгана, и я также пояснил, что нам необходимо некоторое время, и он это понял»⁶².

20 января 1989 г. состоялась инаугурация Джорджа Г.У. Буша на пост сорок первого президента Соединенных Штатов. Он стал первым из вице-президентов, избранных на пост в Белом доме, после Мартина Ван Бюрена в 1836 г. Многим уже стало казаться, что Джордж Буш так и останется в передней «дворца истории», делая полезное дело, но оставаясь в шаге от величия: постоянный представитель при ООН, посол США в Китае и глава ЦРУ в 1970-е гг. Однако стоило ему только высунуться, попытавшись стать претендентом от республиканцев на пост президента в 1980 г., как он тут же был легко побит телегеничным Рейганом, творением Голливуда, чью финансовую политику Буш уничижительно именовал «вуду-экономикой»⁶³.

Вначале Рейган собирался заполучить себе в пару на выборах бывшего президента Джеральда Форда, но после того, как переговоры об этом сорвались меньше чем за двадцать четыре часа до того, как надо было объявлять о кандидатуре, Рейган предложил пост Бушу, и тот, несмотря на разочаровывающий для него результат предвыборной кампании, немедленно

⁶⁰ Memcon of Reagan–Gorbachev luncheon 7.12.1988, printed in *TLSS* doc. 70. P. 476.

⁶¹ Ibid., pp. 477–478.

⁶² Steven V. Roberts. 'Table for Three, With Talk of Bygones and Best Hopes'. *NYT* 8.12.1988. См. также: Bill Keller. 'Gorbachev pledges major troop cutback, then ends trip, citing vast Soviet quake'. *NYT* 8.12.1988.

⁶³ См.: Engel. *When the World Seemed New*. Ch. 2; Meacham, *Destiny and Power* parts IV and V. 'Bush Conjures Up Voodoo Economics' *Chicago Tribune* (hereafter *CT*) 13.3.1988. Что это такое – вуду-экономика? С тех пор как Джордж Буш впервые произнес эту фразу в 1980 г., многие пытались дать подходящее определение термину.

согласился. Он был лоялистом и командным игроком. Среди записей в его дневнике можно найти такие: «Я не собираюсь выстраивать свою собственную избирательную базу или делать вещи, подобные проведению опорных конференций, чтобы показать, что я занимаюсь полезным делом» и еще: «Президент должен знать, что у него может быть свой вице-президент, и он не должен думать о том, что кто-то выглядывает у него из-за плеча»⁶⁴.

Во время второго срока Рейгана, когда Буш начал планировать собственную кампанию, такая преданность иногда работала против него самого – действуя как доказательство его постоянной готовности играть вторую скрипку⁶⁵. И когда его заставляли формулировать собственную повестку дня, он, как говорят, восклицал: «Ох, уж это мне видение!» – именно эту фразу часто использовали против него⁶⁶. Хватало ли у Буша характера и уверенности в себе, чтобы сделать последний, решительный шаг к Овальному кабинету?⁶⁷ Конечно, у него не было тщательно выстроенного домотканого красноречия Рейгана, и, хотя его речь при принятии на себя роли республиканского кандидата в июле 1988 г. и заслуживает похвалы, она также содержала обещание «Читайте по губам: не будет новых налогов». Буш пошел на это, чтобы успокоить правых республиканцев, для которых в сравнении с Рейганом он выглядел каким-то неприемлемым центристом. Со временем его будут донимать и этими словами, но в тот момент они несли основную нагрузку в гонке за президентство, сосредоточенной вокруг экономических и социальных, но не внешнеполитических вопросов⁶⁸. В ходе этой переходящей на личности, а временами просто некрасивой кампании республиканцы нещадно атаковали кандидата от демократов Майкла Дукакиса, бывшего губернатора Массачусетса, изображая его изнеженным гарвардским либералом, неспособным справиться с преступностью, и к тому же транжирой. 8 ноября 1988 г. Второй номер наконец стал Первым, одержав решительную победу, завоевав сорок из пятидесяти штатов и 80% голосов выборщиков⁶⁹.

Многие полагали, что Буш в основном будет продолжать политику уходящей администрации, и внешнюю, и внутреннюю, но новый президент не собирался изображать, что его президентство – это третий срок Рейгана. На самом деле эти двое совсем не были особо близкими людьми, и в частных беседах Буш довольно низко оценивал Рейгана, говоря о нем как о человеке «глуповатом и простецком во многих отношениях». Таким образом, передача власти была больше похожа на ее захват, хотя и выполненный вполне по-дружески. И в отличие от того, какое могло сложиться впечатление в ходе предвыборной кампании, внешней политике не суждено было оказаться на задворках. Более того, в дипломатии Буш придерживался иного стиля и другой повестки дня, чем его предшественник. И именно в этой сфере «настоящий» Джордж Буш выйдет из тени Рейгана⁷⁰.

Этот свежий подход к внешнеполитическим делам наметился уже в период междуцарствия с ноября по январь. Двумя ключевыми советниками Буш назначил Джеймса А. Бейкера

⁶⁴ Richard V. Allen. 'George Herbert Walker Bush; The Accidental Vice President'. *NYT Magazine* 30.7.2000; Herbert S. Parmet. *George Bush: The Life of a Lone Star Yankee*. Transaction, 1997. P. 257. Запись в дневнике Буша от 21.11.1986, опубликовано в: 'Was Vice President Bush in the Loop? You Make The Call'. *WP* 31.1.1993.

⁶⁵ О лояльности см.: Engel. *When the World Seemed New*, p. 22.

⁶⁶ Robert Ajemian. 'Where is the Real George Bush? The Vice President must now step out from Reagan's shadow'. *TIME* 26.1.1987.

⁶⁷ См.: Margaret Garrer Warner. 'Bush Battles the "Wimp Factor"'. *Newsweek* 19.10.1987.

⁶⁸ Выступление Буша с принятием номинации на участие в выборах президента на Республиканском национальном конвенте в Новом Орлеане 18.8.1988 APP; Mark J. Rozell. *The Press and the Bush Presidency*. Praeger, 1996. Pp. 73–77; Meacham. *Destiny and Power*. P. 339; The Problem with Read My Lips', *NYT* 15.10.1992.

⁶⁹ Timothy Naftali. *George H. W. Bush – The American Presidents Series: The 41st President, 1989–1993*. Times Books, 2007. Pp. 61–63; Meacham. *Destiny and Power*. Pp. 335–349. Cp. John Sides. 'It's time to stop the endless hype of the "Willie Horton" ad'. *WP* 6.1.2016.

⁷⁰ Bartholomew Sparrow. *The Strategist: Brent Scowcroft and the Call of National Security*. Public Affair, 2015. P. 265. См. Также: Russell L. Riley. 'History and George Bush' in Michael Nelson & Barbara A. Perry 41: *Inside the Bush Presidency of George H. W. Bush*. Cornell UP, 2014. Pp. 7–11. Cp. David Hoffman. 'How Bush Has Altered Views'. *WP* 18.8.1988.

III, ставшего новым государственным секретарем, и Брента Скоукрофта, занявшего пост советника по вопросам национальной безопасности. Они оба считали, что у Вашингтона сильные позиции в отношениях с Кремлем, но между ними существовали серьезные расхождения в том, как эту ситуацию использовать⁷¹.

Бейкер был давним помощником Буша еще со времен Техаса (он родился в Хьюстоне в 1930 г. и был на шесть лет моложе Буша). На протяжении более чем тридцати лет они оставались близкими друзьями: Бейкер был ему почти что младшим братом. В молодости служил в морской пехоте, затем стал успешным адвокатом, прежде чем освоиться в вашингтонских кругах. Он начал с того, что организовал предвыборную кампанию Джеральду Форду в 1976 г. и Рональду Рейгану в 1984-м, и затем в течение двух сроков президентства Рейгана был главой аппарата Белого дома, а после министром финансов. По мнению Денниса Росса, вашингтонского ветерана, назначенного на пост директора по планированию политики Государственного департамента, Бейкер был от природы превосходным переговорщиком, наделенным естественным даром общения с людьми и редким талантом выбора приоритетов. В том, что касается Советского Союза, Бейкер предпочитал продолжать и интенсифицировать дипломатическое взаимодействие. Он хотел проверить, насколько Горбачев искренен, и вдохновлял советского лидера на продолжение реформ во внутренней и внешней политике⁷².

Скоукрофт выражал точку зрения другой группы советников, настроенных по отношению к Горбачеву и его планам намного более скептически, поскольку опасался, что они могут быть нацелены на оживление мощи Советов. Москва, предупреждал Скоукрофт, может «размягчить Запад своей теплотой» и таким образом ослабить натовскую решительность и сплоченность. По этой причине он решительно противился проведению поспешного саммита между Бушем и Горбачевым в 1989 г., чтобы не оказаться использованными советской пропагандой. Как он вспоминал позднее, он полагал, что даже если не будет существенных договоренностей, например, в области контроля за вооружениями, Советы смогут капитализировать единственный возможный результат – добрые чувства, порожденные самой встречей. Они могут использовать эйфорию от встречи, чтобы подорвать решительность Запада, а ощущение самодовольства может вдохновить кого-то поверить, что Соединенные Штаты способны потерять бдительность. Советы в целом и особенно Горбачев умели создавать такую расслабляющую уютную атмосферу. Горбачевская речь в ООН породила, преимущественно за счет риторики, настроение пьянящего оптимизма. Поспешную встречу с новым президентом он мог использовать как доказательство того, что холодная война завершилась без каких бы то ни было существенных действий со стороны «нового» Советского Союза⁷³.

Скоукрофт и Буш были людьми почти одного возраста: оба служили в Военно-воздушных силах, впрочем, Буш еще застал войну на Тихом океане, а Скоукрофт служил в ВВС как кадровый военный уже после войны, начиная с 1947 г. и до тех пор, пока не вошел в аппарат Белого дома при Никсоне в 1972 г., став позднее советником по национальной безопасности у Форда (1975–1977). Именно в годы президентства Форда он близко сошелся с Бушем, ставшим послом в Китае, а затем директором ЦРУ. Их сблизили общие взгляды на мир, определяемые Второй мировой, холодной и Вьетнамской войнами. Оба верили в мировое лидерство США, центральную роль трансатлантического альянса и необходимость решительно использовать силу там и тогда, где и когда это нужно. Оба верили в эффективность личной дипломатии и чрезвычайную важность хорошей разведки. Буш полностью доверял Скоукрофту. Он

⁷¹ Sparrow. *The Strategist*, pp. 265–267.

⁷² Ibid. pp. 266–267. Bush & Scowcroft. *A World Transformed*, p. 18. James A. Baker with Thomas M. DeFrank. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992*. G. P. Putnam's Sons, 1995. Pp. 17–36. См. также: Maureen Dowd and Thomas L. Friedman. 'The Fabulous Bush & Baker Boys' *NYT Magazine* 6.5.1990.

⁷³ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 13–14, 46.

называл его «самым близким другом во всем» – от поля для гольфа до Овального кабинета⁷⁴. Скоукрофт видел свою роль как личного советника президента и как честного брокера, свободного – в отличие от Бейкера – от необходимости представлять интересы конкретного правительственного департамента. И как советник по вопросам национальной безопасности, он был узловым пунктом всей деятельности Буша в области безопасности и внешней политики. Заняв свой пост во второй раз, Скоукрофт выработал свою собственную «систему», представлявшую собой высокоэффективный процесс принятия решений. Ее ключевыми чертами были регулярные консультации внутри Совета по национальной безопасности (СНБ), решительное недопущение утечек – президенту все направлялось через Скоукрофта. В отличие от СНБ при Киссинджере или Збигнев Бжезинском в 1970-е годы, атмосфера тогда была действительно коллегиальной, а не конспирологической. Скоукрофт и Бейкер, несмотря на неизбежные расхождения между ними, были способны к продуктивной совместной работе⁷⁵.

В целом администрация Буша обладала большим опытом в сфере внешней политики, и сам президент глубоко разбирался в этих вопросах. Он любил читать тексты брифингов и служебные записки в отличие от трех своих предшественников – Форда, Картера и Рейгана – и пришел в Белый дом, имея обширный опыт в международных делах. В дополнение к тем постам, которые он занимал в 1970-е гг., он восемь лет был вице-президентом, и в течение этого времени ему довелось познакомиться со многими зарубежными деятелями и большинством глав правительств. Если судить о нем в этом отношении в личном качестве, то Буш был, с одной стороны, человеком неброским и осторожным, а с другой – очень амбициозным и уверенным в себе. Быть может, он и не обладал стратегической дальнорзоркостью, но выполнял свои государственные обязанности, опираясь на внятный набор базовых убеждений и целей. Стабильный мировой порядок требовал лидерства, и, несмотря на большой пессимизм 1980-х, Буш не сомневался в том, что только Соединенные Штаты могут это лидерство обеспечить; он не мог себе представить Америку находящейся «в упадке».

Надо учитывать, что в некоторых американских кругах нарратив «упадка» сочетался с туманными рассуждениями о начале некоего «Тихоокеанского века» (во главе с Японией с ее экономическим чудом), и о потенциальной «крепости Европа» (все более интегрирующейся в экономическом и политическом смысле в своем протекционистском Европейском сообществе). Белый дом при Буше сосредоточился на том, что там считали все более популярными и хорошо распространяемыми по всему миру вещами – на американских либеральных ценностях, и настаивали на создании новой, подлинно глобальной торговой системы (направляемой Соединенными Штатами), которая должна прийти на смену умирающему соглашению ГАТТ 1947 г. и может теперь включить в себя Советский Союз, Китай и третий мир.

Буш был убежден, что США на самом деле вступают в новую эру господства и что XXI в. будет веком Америки. В ноябре 1988 г., накануне своего избрания, Буш широкообещающе объявил, что Соединенные Штаты «дали импульс важным изменениям, происходящим в современном мире, – росту демократии, распространению свободного предпринимательства, созданию всемирного рынка товаров и идей. В обозримом будущем ни одна другая нация или группа наций не сможет претендовать на лидерство»⁷⁶.

Эти темы глобальных перемен и американских возможностей были более подробно развиты в его инаугурационной речи 20 января, которую он произнес, стоя у западного фасада

⁷⁴ Sparrow. *The Strategist*. P. 271.

⁷⁵ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 19–20.

⁷⁶ Andrew Rosenthal. 'Differing Views of America's Global Role', *NYT* 2.11.1988. См. также: Bush's Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in New Orleans 18.8.1988 APP; Hal Brands. *Making the Unipolar Moment: US Foreign Policy and the Rise of the Post Cold War Order*. Cornell UP, 2016. Pp. 276–279; и Jeffrey Engel. 'A Better World ... But Don't Get Carried Away: The Foreign Policy of George H. W. Bush Twenty Years On'. *Diplomatic History* 34, 1 (2010) p. 29; Zelikow & Rice. *To Build a Better World*, introduction.

Капитолия и глядя поверх Национальной аллеи на мемориал Линкольна. После обычных обращений к Богу и американской истории Буш заявил о том, что чувствует себя на пороге грядущей новой эры, хотя пока и неясной. «Есть времена, когда будущее видится как бы в плотном тумане; вы сидите и ждете, надеясь, что пелена спадет, и откроется верная дорога. Но сейчас такое время, когда будущее видится как дверь, сквозь которую вы можете пройти в комнату, называемую завтра». И Буш был готов это сделать. «Мы живем в мирное время благоденствия, но мы можем сделать его лучше. Подули новые ветры, и мир освежает возрождающаяся свобода. Потому что сердце чувствует, пусть пока это еще не факт, что дни диктатора сочтены». Новый президент не ссылался прямо на удивительные трансформации, происходившие в советском блоке и коммунистическом Китае, но ни у кого не было сомнения в том, что он имел в виду. «Тоталитарная эра уходит, ее старые идеи слетают как листья со старого, безжизненного дерева... Великие нации мира движутся к демократии через двери свободы». И Америка стоит на страже этих ворот. «Мы знаем, что именно работает: работает свобода. Мы знаем, в чем правда: правда в свободе». Президент обозначил миссию страны: «Америка не может быть в полной мере сама собой, если она не ведома высоким моральным принципом. У нас как народа такое предназначение сегодня есть. И оно в том, чтобы сделать лицо Нации добрее и смягчить лицо мира. Друзья мои, у нас есть чем заняться»⁷⁷. Это был миг Америки, и он хотел его запечатлеть.

Но когда надо начинать работу? Кто-то ждал, что Буш откроет двери в Москву: после эпохальной речи Горбачева в ООН и начавшихся перемен в Польше и Венгрии значительная часть мира пристально следила за переменами в Советском Союзе и за тем, как они отзываются в Восточной Европе. Несмотря на это и руководствуясь скептицизмом Скоукрофта, а также своим намерением покончить с благостными отношениями, которые были у Рейгана с Горбачевым, Буш начал свое президентство с «паузы» в дипломатии сверхдержав⁷⁸. Имея несколько действующих пунктов повестки дня, оставленных ему Белым домом времен Рейгана, – при этом СНВ-1 был примечательным исключением – Буш решил предпринять серию исследований «по перепроверке существующей политики и целей в регионах, и рассмотреть также вопросы контроля над вооружениями». Скоукрофт позднее вспоминал, что выработка подхода к взаимодействию с Москвой была «нашим бесспорным приоритетом», но для подготовки докладов было нужно немало времени. И действительно, доклад СНВ по Советскому Союзу (NSR3) лег президенту на стол лишь после 14 марта, а доклады по Восточной (NSR4) и Западной Европе (NSR5, сосредоточенный на вопросах более тесного объединения к 1992 г.) двумя неделями позже⁷⁹.

Тем временем Буш не только открыл дверь для Китая, но и шагнул в нее сам. 25–26 февраля он встретился с руководством Коммунистической партии в Пекине. Впервые в американской истории новый американский президент отправился в Азию прежде Европы⁸⁰.

⁷⁷ Bush's Inaugural Address 20.1.1990 APP.

⁷⁸ Sparrow. *The Strategist*, p. 296. Ср.: M. J. Heale, который пишет, что заместитель советника по национальной безопасности Роберт Гейтс имел в виду под «осознанной паузой». См.: Heale. *Contemporary America: Power, Dependency, and Globalisation since 1980*. Wiley-Blackwell, 2011. P. 134. JAB-SML B96/F6 10.12.1988. Заметки Бейкера включали следующие пункты: «**Заставьте Горби немного подождать с саммитом. Дж. Б стоит поработать с Европой, Японией, Китаем прежде какого-либо саммита с СССР. Попытайтесь провести первую встречу в 1990, а не в 1989! НЕ НАДО ЕХАТЬ К ГОРБАЧЕВУ СЛИШКОМ РАНО! Это важно для Дж. Б. Укрепим его положение. (РН думает, что это было бы великолепно). Отступите от возвращения к СНВ 15 февраля».

⁷⁹ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 36, 40–41. По свидетельству Томаса Симонса, издание «Нэшнл Секьюрити Ревью», которое он курировал, выступало в роли «сдерживающего фактора» администрации Буша в отношении Кремля. См. его комментарий к видеозаписи: 'Mikhail Gorbachev's 1988 Address to the UN: 30 Years Later' youtube. com/ watch? v=M6NkWIJuzo. See for NSR 3, NSR 4, NSR 5 fas.org/irp/offdocs / nsr/

⁸⁰ JAB-SML B108/F2 JAB notes – Trip w/GB to Japan China and Korea 21/2/~27/2/89: JAB briefing p. 1. Бейкер отметил, что поездка в Китай была «возвращением домой», но «также предусматривала обмен стратегическими взглядами на мир».

Буш, который считал себя экспертом по Китаю, хотел вовлечь Китай в Транстихоокеанское партнерство. «Значение Китая мне совершенно ясно», – говорил Буш Бжезинскому через две недели после выборов. «Я хочу вернуться в Китай прежде, чем Дэн полностью уйдет со своих постов. Я чувствую, что у меня там сложились особые отношения»⁸¹. Дэн Сяопин был творцом китайской политики «реформ и открытости» – линии, принятой после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и нацеленной на то, чтобы страна смогла преодолеть автаркию плановой экономики и постепенно войти в мировой рынок. К 1989 г. миниатюрному Дэну исполнилось восемьдесят четыре, и Буш торопился использовать их необычно длительные личные взаимоотношения, начало которых относилось к периоду квазипосольского пребывания Буша в Китае в 1974–1975 гг. Для Буша Китай – это Дэн. Увлечение Китаем для президента означало не восхищение страной как таковой (язык, пейзажи или культура), а признание ее социального и экономического потенциала, который Дэн стремился высвободить в процессе вхождения в глобальную капиталистическую экономику. В Китае Буша называли *лао пэнъю*, что по-китайски означает *старый друг*, которому можно доверять и кто привержен к построению позитивных отношений и действует в качестве ретранслятора между КНР и остальным миром; такой человек заслуживает особого доверия, что позволяет говорить с ним откровенно. Из американцев, к которым в Китае прежде относились похожим образом, можно упомянуть Никсона и Киссинджера, но ни Картера, ни Рейгана *лао пэнъю* не называли⁸².

Новый курс Китая, проводимый Дэном с 1978 г., стал одним из переломных моментов XX в. Под его руководством Пекин приступил к быстрой модернизации, все интенсивнее вовлекаясь в становящийся все более взаимозависимым мир, взаимодействуя с технологически продвинутыми Западной Европой и Америкой. Внутри страны предпринимались меры к тому, чтобы политика стала более отзывчивой на экономические импульсы. В их число входили: деколлективизация сельского хозяйства, позволявшая крестьянам получать прибыль; вознаграждение за особо эффективное промышленное производство; пропаганда малого бизнеса. Следя одновременно и за мировой экономикой, и за международным балансом силы, Дэн постепенно ослаблял контроль за иностранными инвестициями и торговлей и стал стремиться к участию в глобальных финансовых институтах. Он открыто назвал своей мечтой завершение к концу века общей социально-экономической трансформации страны, которую в 1980-е гг. относили к беднейшей трети государств мира. Ко времени избрания Буша президентом игра Дэна практически была сделана. Всего лишь за одно десятилетие реформ ВВП Китая почти удвоился со 150 млрд долл. в 1978 г. до более чем 310 млрд в 1988-м⁸³.

Самая густонаселенная страна мира переживала тяготы экономической революции, при этом в отличие от Советской России при Горбачеве, этим очень плотно руководила Коммунистическая партия Китая (КПК), шаг за шагом развиваясь и сама. У Горбачева не только экономическая либерализация началась намного позже, в 1985-м, а не в 1978 г., но запаздывали и сопутствующие политические реформы, которые постепенно разрушали монополию Коммунистической партии Советского Союза на власть, ведя дело ни много ни мало к смене системы правления. Этот процесс, в свою очередь, пробудил деструктивные этнические конфликты в стране, намного менее гомогенной, чем Китай. В то время как в Китае процесс экономических

⁸¹ Письмо Буша к Бжезинскому от 21.11.1988, опубликованное в: Bush *All the Best*, p. 405.

⁸² См. See Jeffrey A. Engel (ed.). *The China Diary of George H. W. Bush: The Making of a Global President*. Princeton UP 2008; Mark S. del Vecchio. 'China's "old friend" may call on old friends'. *United Press International* (hereafter UPI) 22.2.1989.

⁸³ О значениях ВВП по Китаю см: data. world-bank.org/country/china. О переориентации экономики Китая, см.: Barry Naughton. *Growing out of the Plan: Chinese Economic Reform*. Cambridge UP, 1995. Pp. 38–55, 59–96.

реформ контролировался сверху, в СССР перестройка сочеталась с гласностью, которая неизбежно должна была подорвать Советское государство⁸⁴.

В ходе этой китайской революции Соединенные Штаты сыграли важную роль. Хотя Дэн изначально намеревался взаимодействовать с Западной Европой, именно Америка была для него конечной моделью, особенно после того, как он совершил открывший ему на многое глаза визит в эту страну в начале 1979 г., отметивший установление дипломатических отношений: «То, что он увидел в Соединенных Штатах, было именно то, чем он хотел, чтобы Китай стал в будущем». В ходе стремительного недельного тура по Америке от Вашингтона (округ Колумбия) до Сиэтла заводы и фермы Америки покорили его. Настолько сильны были его впечатления от технологий и производительности в США, что, по его собственному признанию, Дэн не мог заснуть в течение нескольких недель⁸⁵.

Администрация Картера была намерена содействовать успеху реформ Дэна; они также хотели подтянуть Китай поближе к США, учитывая, что к тому времени разрядка напряженности ослабла, и отношения с Москвой соскальзывали в глубокую заморозку, напоминавшая новую холодную войну. Картер не только нормализовал дипломатические отношения с Китаем, но и через двенадцать месяцев предоставил КНР режим «наиболее благоприятствуемой нации» (НБН), что было решающим условием для расширяющейся двусторонней торговли. В апреле 1980 г. КНР вступила во Всемирный банк, в том самом месяце, когда она заняла место Тайваня в МВФ. Используя благоприятный момент, в сентябре 1980 г. администрация Картера заключила четыре торговых соглашения: по авиации, мореплаванию, текстилю и расширению консульских представительств. Анонсируя все эти меры, Картер назвал китайско-американские отношения «новой и жизненно важной силой сохранения мира и стабильности на международной арене», что «обещает все возрастающий рост доходов в торговле и в других сферах обмена» между двумя странами⁸⁶.

Рейган принял политику Картера и продолжил ее с еще большим усердием. Одним из приоритетов его новой «глобальной стратегии» была интеграция Тихоокеанского рубежа в мировую экономику. В рамках расширенного рынка Китай становился потенциально самым крупным партнером, поэтому успешное открытие страны обещало исключительные возможности для торговли и инвестиций США. Было у этого и стратегическое измерение. Движение в направлении экономической модернизации снова соединяло Китай с капиталистическим порядком и превращало его в прочный бастион против Советского Союза. Имея в виду все это, администрация Рейгана предложила Дэну в 1981 г. «стратегическую ассоциацию» с США – фактически это было предложением союза. Таким образом, ко времени, когда напряжение холодной войны стало нарастать, расширилось китайско-американское сотрудничество в области безопасности. Пекин получил от США военные технологии, при этом он координировал свои действия с Америкой в антикоммунистических кампаниях в Афганистане, Анголе и Камбодже⁸⁷. Хотя Рейган лично посетил Китай в 1984 г., он старался извлечь как можно больше пользы из статуса *лао пэнъю*, который имел его вице-президент в глазах китайцев. Буш совершил двухнедельные визиты в Пекин в мае 1982 и октябре 1985 г. Во время второго визита он был особенно оптимистичен в отношении китайско-американской торговли: «У нас нет

⁸⁴ О направленности реформ Дэна см.: Ezra F. Vogel. *Deng Xiaoping and the Transformation of China*. Harvard UP, 2013. Pp. 377–476.

⁸⁵ Arne Westad. 'The Great Transformation: China in the Long 1970s' in Niall Ferguson et al. (eds) *The Shock of the Global: The 1970s in Perspective*. Belknap Press, 2011. P. 77; см. также: Vogel. *Deng Xiaoping*. Pp. 333–348.

⁸⁶ United States–People's Republic of China Agreements. Remarks at the Signing Ceremony 17.9.1980 APP. См. также: Dong Wang. 'US-China Trade, 1971–2012'. *Asia-Pacific Journal* 11, 24 (June 2013).

⁸⁷ Встреча с Дэн Сяопином, секретная телеграмма Посольства США – Cable 16.6.1981. Pp. 1–5, DNSA collection: China, 1960–1998; Arne Westad. *Restless Empire*. Pp. 372–380. См. также: Henry S. Rowen. 'China and the World Economy: The Short March from Isolation to Major Player' in Shuxun Chen and Charles Wolf Jr (eds). *China, the United States, and the Global Economy*. Rand, 2001. Pp. 211–225.

верхних пределов, двери широко открыты», – сказал он на пресс-конференции, добавив, что встретил «намного больше открытости» сейчас, чем три года назад. Конечно, движение вперед зависело от Выдающегося руководителя, которому шел уже восемьдесят первый год. Наблюдатели были прекрасно осведомлены о том, что в промежутке между первым и вторым визитами Буша в Пекин в Кремле три геронтократа поочередно сошли со сцены. Но Буш с улыбкой поведал прессе слова Дэна, обращенные к нему: «Жизненно важные органы моего тела работают очень хорошо»⁸⁸.

Развивающиеся китайско-американские отношения находились в ситуации взаимного выигрыша сторон. В 1983 г. администрация Рейгана предприняла решающий шаг в либерализации контроля времен холодной войны над торговлей, технологией и инвестициями, позволив частному сектору работать с Китаем по минимальным ценам для американского налогоплательщика. Дэн со своей стороны отчаянно стремился копировать любые американские ноу-хау. Между 1982 и 1984 гг. количество лицензий на экспорт удвоилось, а продажи высокотехнологичных товаров, таких как компьютеры, полупроводники, гидротурбины и оборудование для нефтехимической промышленности, выросли в семь раз со 144 млн долл. в 1982 г. до 1 млрд долл. в 1986-м⁸⁹. Помимо этого, росло число американских совместных предприятий с Китаем в таких областях, как энергетика, транспорт и электроника. Потребительские товары являлись другим важным сектором сотрудничества, в котором среди других широко известных компаний из США участвовали «Кока-Кола» и «Пепси», «Хайнц», «Эй-Ти&Ти», «Белл саут», «Америкэн экспресс» и «Истман Кодак»⁹⁰. На всех этих направлениях в 1980-е гг. правительство США стремилось снизить издержки и обеспечить продвижение для частных американских компаний, используя при этом рыночные силы и пытаясь извлечь Китай из его устаревшей раковины. За десятилетие реформ Пекин и Вашингтон стали значительными торговыми партнерами: взаимная торговля между США и КНР выросла с 374 млн долл. в 1977 г. до 18 млрд долл. в 1989 г.⁹¹

К концу срока администрации Рейгана Вашингтон смотрел на Пекин с чувством триумфа. Государственный секретарь Шульц описывал «долгий путь к рынку» Китая как «поистине историческое событие – великая нация отбросила устаревшие экономические доктрины и освободила энергию одного миллиарда талантливых людей». Когда к исполнению своих обязанностей приступил Буш, уже считалось аксиомой, что экономические реформы Дэна настолько глубоко укоренились, что будут укрепляться и дальше. В Вашингтоне теперь оставался только один вопрос, как скоро экономические перемены породят политические – подобные тем переменам, что произошли в советском блоке при Горбачеве. Буш полагал, что так же, как на смену одному американскому лидеру следовал другой, начиная с эры Франклина Рузвельта и Корделла Халла, одна форма перемен влечет за собой другую: не было вопроса, состоится ли демократизация в Китае, вопрос был лишь в том, когда это произойдет⁹².

Однако последствия экономических реформ Дэна были двоякими. Они породили мечту о более открытом обществе, но в конце 1980-х также и вызвали разочарование в обществе. За время культурной революции Мао целое поколение было лишено возможности получить высшее образование, и когда Дэн нацелил Китай на то, чтобы догнать развитый и развивающийся

⁸⁸ John F. Burns. 'Bush Ends China Visit on High Note'. *NYT*. 16.10.1985.

⁸⁹ Для сравнения, экспорт США в Советский Союз снизился с 2,3 млрд долл. в 1982 г. до 1,6 млрд в 1986-м.

⁹⁰ Wang 'US-China Trade, 1971–2012'. Pp. 1–15, особенно п. 4. О торговле США–СССР, см.: Abraham Becker. *A Rand-Note N-2682-RC: US-Soviet Trade in the 1980s*. Rand 1987. Pp. 1–2; и Rowen 'China and the World Economy'. P. 214.

⁹¹ См.: Nicholas R. Lardy. 'Chinese Foreign Trade'. *The China Quarterly* no. 131 (September 1992) [The Chinese Economy in the 1990s] pp. 691–720; Wang. 'US-China Trade, 1971–2012'. P. 4; Brands. *Making the Unipolar Moment*. P. 220; см. также: 'Trade in Goods with China (1989)' United States Census Bureau.

⁹² George P. Shultz. 'Shaping American Foreign Policy: New Realities and New Ways of Thinking' *Foreign Affairs* 63, 4 (Spring 1985). P. 711; Magdaleine D. Kalb. 'Foreign Policy: Where Consensus Ends'. *NYT Magazine* 27.10.1985. Pp. 103–105.

миры, несостоявшиеся радикалы превратили кампусы в Пекине, Шанхае, Ухане и в других университетских городах в рассадники инакомыслия. Это произошло в тот момент, когда из-за уменьшения командной экономики инфляция достигла беспрецедентного уровня (8,8% в 1985 г.). Режим приступил к осторожным политическим реформам и ослабил контроль за интеллигенцией и университетами. Астрофизик и вице-президент Научно-технического университета в Хэфэе Фан Личжи прославился на Западе благодаря своей борьбе за права человека и поддержке студенческих протестов. Известность приобрел и журналист Лю Биньян, после того как во всеуслышание заявил, что «экономическая реформа в Китае – это очень длинная нога, а политическая реформа – короткая. Одна не может идти, потому что ее сдерживает другая». Поясняя, он добавил: «Студенческое движение [...] взорвалось, потому что политическая реформа едва началась»⁹³.

Китайское руководство не было готово к демократии. За спазмами политической открытости последовали суровые меры, когда протесты вышли из-под контроля. Проблема была не только в событиях на улицах и в кампусах, она проявлялась и в самой партии, приняв вид сражения между сторонниками жесткой линии и реформаторами. В ответ на «буржуазную либерализацию» в январе 1987 г. ветераны-консерваторы заставили уйти Генерального секретаря партии реформатора Ху Яобана⁹⁴. Были и другие вызовы. Старейший Дэн знал, что он должен передать власть новому поколению. Он озабочен тем, чтобы на место смещенного Ху пришел другой умеренный деятель Чжао Цзяньян, который осенью на съезде КПК провел мягкую программу политических реформ. Она вылилась в уход на пенсию почти половины членов Центрального Комитета – важный шаг на пути обновления партии. В числе ушедших в отставку был и сам Дэн, сохранивший за собой только один решающий пост Председателя Военного совета КНР. Борьба между соперничающими группировками внутри КПК и Политбюро на время стихла, при этом сохранялся непростой баланс между реформаторами во главе с Чжао и консерваторами, ведомыми Ли Пэнном⁹⁵.

В течение 1988 г. инфляция выросла до невиданных 18,5%⁹⁶, а студенческие протесты, направленные против роста цен, становились все сильнее, все многочисленнее, коррупция брала все новые высоты. В 1989 г. положение стало еще хуже. Сообщения средств массовой информации и происходившие в странах бывших советских сателлитов политические трансформации вдохновляли протестующих, и предстоящее семидесятилетие знаменитого китайского студенческого восстания против унижительных для страны положений Версальского договора 1919 г. – Движения 4 мая – грозило стать массовым⁹⁷. Дэн, показавший, что он больше беспокоится по поводу заразительности восточноевропейских и советских реформ, чем западных политических идей, в речи 25 апреля 1989 г. утверждал: «Это не рядовое студенческое движение, а смута... Оно в результате влияния югославского, польского, венгерского и советского либерализма дестабилизировало наше общество с целью свержения коммунистического

⁹³ Об инфляции: Li Yunqi. 'China's Inflation: Causes, Effects, and Solutions'. *Asian Survey* 29, 7 (July 1989). Pp. 655–668, особенно: p. 658. О политической либерализации, см.: Peter R. Moody, Jr. 'Political Liberalisation in China: A Struggle Between Two Lines' *Pacific Affairs* 57, 1 (Spring, 1984) pp. 26–44; Nathan Gardels. 'The Price China Has Paid: An Interview with Liu Binyan' *New York Review of Books* (hereafter *NYRB*) 19.1.1989.

⁹⁴ Charles Krauthammer. 'A Tale of Two Revolutions' *WP* 23.1.1987. Jim Mann. 'China Halts Experiment in Liberalisation: Student Unrest Blamed on "Bourgeois Thought"' *Los Angeles Times* (hereafter *LAT*) 7.1.1987. Антибуржуазную кампанию против либерализации называли *fandui zichanjieji ziyouhua yundong*, см. в словаре: Henry Yuhuai He. *Dictionary of the Political Thought of the People's Republic of China*. Routledge, 2001.

⁹⁵ Reynolds. *One World Divisible*. pp. 578–579; Robert L. Suettinger. *Beyond Tiananmen: The Politics of US-China Relations 1989–2000*. Brookings Institution Press, 2003. Pp. 20–23; Jeffrey A. Engel & Sergey Radchenko. 'Beijing and Malta, 1989' in Spohr & Reynolds (eds). *Transcending the Cold War*. P. 185.

⁹⁶ Yunqi. 'China's Inflation'. P. 655; Naughton. *Growing out of the Plan*. Pp. 268–270.

⁹⁷ M. E. Sarotte. 'China's Fear of Contagion: Tiananmen Square and the Power of the European Example'. *International Security* (hereafter *IS*) 37, 2 (Fall 2012). P. 159. Cp. David L. Shambaugh. *China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Woodrow Wilson Center Press, 2008. Pp. 43–45.

руководства, что поставит под угрозу будущее нашей страны и нашего народа». КПК все еще не была намерена ослаблять тиски, в которых она держала общество, или позволить развиваться политическому плюрализму в духе Горбачева⁹⁸.

Все это тем не менее не беспокоило Джорджа Буша. Он верил в Дэна как прогрессивного лидера, в то время как Горбачев все еще оставался неизвестной величиной, и Советский Союз представлял собой намного большую экзистенциальную угрозу Америке и НАТО. Таким образом, когда он стал президентом, у него не было никаких оснований «брать паузу» в китайско-американских отношениях. Напротив, Буш, как он об этом сказал Бжезинскому в ноябре 1988 г., собирался консолидировать и продвинуть «особые отношения» с Дэном и Китаем как можно быстрее.

Была еще одна озабоченность, давившая на сознание Буша. Нельзя было не принимать во внимание китайско-советские отношения. Вашингтон, Москва и Пекин формировали стратегический треугольник, конфигурация которого постоянно менялась. Буш прекрасно знал: за год до того, как он занял президентский пост, Михаил Горбачев уже формально предложил китайскому руководству провести саммит – впервые со времен встречи Хрущева и Мао в 1959 г. на грани китайско-советского разрыва, приведшего обе страны к угрозе войны спустя десять лет.

Горбачевская увертюра отражала его стремление нормализовать отношения между двумя крупнейшими коммунистическими странами, но она была движима еще и потребностью достичь международной стабильности, чтобы сосредоточиться на внутренних реформах. Дэн, в свою очередь, тоже четко сформулировал китайские условия для такой встречи: 1) Москва сокращает военное присутствие на китайско-советской границе; 2) Советы выводят войска из Афганистана и 3) Кремль прекращает поддерживать вьетнамскую оккупацию Камбоджи. К концу 1988 г. китайцы были вполне удовлетворены полученными советскими уступками и направили формальное приглашение Горбачеву прибыть в Пекин в мае 1989 г. на переговоры с Дэном. Визит должен был символизировать китайско-советское примирение после почти трех десятилетий вражды и даже антагонизма⁹⁹.

Горбачев не был знаком с Дэном лично. Он никогда не был в Китае и определенно не был *лао пэнъю* – старым другом. Будучи на двадцать семь лет моложе Дэна, Горбачев мало что помнил о китайско-советских отношениях до разрыва, произошедшего тогда, когда ему только шел третий десяток. Тем не менее, как и Буш, он был нацелен на приоритетное достижение прорыва на китайском направлении с момента, как стал Генеральным секретарем. И только Дэн сохранял подозрительность. Хотя он и приветствовал более тесные экономические связи с СССР, ему не нравился горбачевский энтузиазм в отношении политических реформ, и он даже называл его «идиотом» за то, что тот поставил политику впереди экономики¹⁰⁰. Со своей стороны, Горбачев сохранял скептицизм в отношении китайской программы реформ именно по причине отсутствия в ней политической модернизации, что, по его мнению, было необходимо для полноценной и успешной перестройки. Так он продолжал преуменьшать значение китайских реформ и даже предсказывал их крах. А еще он считал китайцев простыми имитаторами. «Сейчас все они претендуют на то, что начали перестройку раньше нас», – потешался он. «Они следуют нашим подходам». Надменное отношение Горбачева одновременно отра-

⁹⁸ См. Deng Xiaoping [and Chong-Pin Lin]. 'Deng's 25 April Speech: "This is not an Ordinary Student Movement but Turmoil"' *World Affairs* 152, 3 (Winter 1989–90) [China's 1989 Upheaval] pp. 138–140. Как отметила историк Мерл Голдман, оказалось, что Дэн утешал себя мыслью, что в отличие от Польши, Китаю не нужно беспокоиться о церкви и рабочих, и он не сомневался, что с китайской интеллигенцией и студентами справиться будет сравнительно легко. См. Merle Goldman. 'Vengeance in China'. *NYRB* 9.11.1989.

⁹⁹ Philip Taubman. 'Chinese Visit Aims to Break the Soviet Ice'. *NYT* 1.12.1988; Engel & Radchenko. 'Beijing and Malta, 1989'. P. 186.

¹⁰⁰ Младший сын Дэна приводит слова отца: Ezra Vogel. *Deng Xiaoping*. P. 423.

жало и традиционно пренебрежительное советское отношение к КНР и его собственные, ревнивые, почти мессианские амбиции, что перестройка – как это указано на обложке его книги – предназначена не только «для нашей страны», но и «для всего мира»¹⁰¹.

Фактически Горбачев казался самому себе новым Лениным. Он провозглашал, что его страна – лидер социалистической системы и, как это отметил его помощник Георгий Шахназаров, одна «из величайших держав или сверхдержав современного мира, от которой зависит судьба мира». С такой точки зрения, преобладавшей среди кремлевских стратегов и характерной для самого Горбачева, Китай все еще оставался державой второго сорта, хотя и совершавшей замечательный взлет из бедности и отсталости. Москва сама всегда искала признания на Западе, на который смотрела, иногда невротически, как на единственное мерило, каким можно было мерить собственные успехи. И в этой важнейшей погоне за международным статусом было почти необходимо издеваться над опытом и достижениями Китая¹⁰².

Конечно, совсем иначе эти отношения виделись в Пекине. Дэн был тверд в том, что на Китай нельзя смотреть как на «младшего брата» Москвы – именно этим Сталин цинично третирует Мао. Имея виды на восстановление китайско-советских отношений, Горбачеву надо было предельно четко показать китайцам, что ничего подобного у него и в мыслях нет: Китай, сказал он, перерос такую роль. И общим для них было понимание, что тридцать лет вражды не могут быть преодолены в одну ночь. Китайские лидеры спокойно наблюдали и делали выводы в отношении того, что они считали совершенно хаотичной советской ситуацией¹⁰³.

Итак, китайско-советские отношения находились в особо деликатном моменте в начале 1989 г., при том что саммит Горбачева и Дэна был намечен на май. В Вашингтоне, в третьем углу треугольника, Буш и Скоукрофт намеревались поставить Пекин впереди Советов. И хотя холодная война убывала, давние истины эпохи Никсона о конкурентной треугольности оставались стратегическим императивом. Буш и его советники боялись, что обаятельный Горбачев сможет очаровать китайцев, как он это сделал с Европой, покончит с конфликтом на их границе и зароем топор идеологической войны. Скоукрофт сказал: «Мы надеялись, что он может попытаться добиться нормализации отношений между Москвой и Пекином, и хотели убедиться, что это не будет сделано за наш счет. Тем не менее возможности согласовать визит в Китай в первой четверти президентского срока у нас не было»¹⁰⁴. Судьба пришла на помощь Бушу. 7 января 1989 г. умер император Японии Хирохито.

Присутствие президента США на похоронах Хирохито в Токио 24 февраля имело огромное значение для японцев. Буш был не только главой государства – великого союзника и защитника Японии, но он также был и ветераном войны на Тихом океане, в которой Хирохито был официальным главой одной из держав Оси – врага Америки. Тем не менее визит символизировал замечательное замирение двух стран после 1945 г. И он имел значение и в ряде других аспектов. Присутствие президента США приглашало прибыть и других высоких персон, еще выше поднимая уровень события, и это дало Бушу шанс задействовать похоронную дипломатию. Он провел двадцать одну встречу на полях церемонии, с такими фигурами, как Франсуа Миттеран и Рихард фон Вайцзеккер, президенты Франции и Западной Германии. Токио стал

¹⁰¹ «По итогам поездки делегации Верховного Совета в Китай». В кн.: В Политбюро ЦК КПСС. С. 207; Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 8.

¹⁰² Шахназаров цит. по: Sergey Radchenko. *Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War*. Oxford UP, 2014. Pp. 179–180.

¹⁰³ Radchenko. *Unwanted Visionaries*. P. 160.

¹⁰⁴ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 91.

отличной возможностью для Буша измерить температуру мировой политики и при этом без всякой необходимости соблюдать атрибуты полноценных саммитов¹⁰⁵.

Помимо всего прочего, внезапная поездка в Японию стала идеальным подготовительным этапом для визита в Китай. Сразу после инаугурации Буша Скоукрофт встретился с китайским послом Хан Сюем, чтобы начать детальное планирование. Для подготовки полноценного государственного визита времени было мало, поэтому вместо него договорились о «рабочем визите» – поездке без конкретной повестки за исключением того, что президент должен был обновить свои связи с высшим китайским руководством и вновь подтвердить свою приверженность Азиатско-Тихоокеанскому региону¹⁰⁶. Перед самым отлетом Буша из Токио в Пекин он вместе с премьер-министром Японии Нобору Такэсита сверил позиции. Такэсита сказал Бушу, что «для Японии, так же, как и для США, важно содействовать модернизации Китая». Он подчеркнул, что не считает, что улучшение китайско-советских отношений «создает какую-либо угрозу для Японии». Президент со своей стороны постарался заверить Японию, что, когда он в конечном счете раскроет свою политику в отношении СССР и контроля над вооружениями, это не будет иметь никакого губительного воздействия ни на Японию, ни на Китай. В целом посыл Буша был таким: не волнуйтесь, мы остаемся надежным союзником Японии¹⁰⁷.

По прибытии в Пекин вечером 25 февраля Буша тепло принял в Большом народном зале Председатель КНР Ян Шанкунь, который вновь подчеркнул особый статус Буша как старого друга. Во время сердечной сорокапятиминутной беседы Ян назвал первый президентский визит Буша в Пекин (и его пятую поездку в Китай со времен работы послом США в 1974–1975 гг.) «очень значимым». Было сказано множество лестных слов, которыми китайские лидеры обычно награждают своих «старых друзей». Президент Ян действовал вполне в этом духе, говоря: «Вы внесли огромный вклад в развитие китайско-американских отношений и сотрудничества между двумя нашими странами... Я думаю, это показывает, что Вы, господин Президент, уделяете много внимания нашим двусторонним отношениям... Я много раз говорил послу Лорду, что, если бы мне пришлось голосовать на выборах, я бы голосовал за Буша»¹⁰⁸.

Но за всей этой вежливой болтовней стояло также и содержание. Обе стороны подтвердили приверженность к углублению двусторонних отношений как таковых – а не только ради уравнивания советской мощи. «Я чувствую, что те отношения, что существуют у нас сейчас, не являются какой-то гранью отношений с Советами – заявил Буш, – у них свои достоинства. Например, у нас существуют культурные, образовательные и торговые отношения. И это не потому, что мы опасаемся Советов, хотя и опасаемся до какой-то степени». Ян согласился: «Мы две большие страны, расположенные по обе стороны Тихого океана. Таким образом, дружеская кооперация между нашими странами будет способствовать сотрудничеству в Тихоокеанском регионе и в мире тоже. Это самое важное для утверждения мира во всем мире, стабильности и безопасности»¹⁰⁹.

Все это стало прелюдией к той встрече, которой Буш на самом деле жаждал, встрече с миниатюрным китайским Выдающимся руководителем¹¹⁰. Он проговорил с Дэном целый час

¹⁰⁵ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 91; Sparrow. *The Strategist*. Pp. 314–316. См. также: Memcons of the various bilaterals Bush held on the margins of the funeral ceremonies in Tokyo (23–5 February 1989), ranging from talks with leaders from Belgium to Zaire, from Egypt to Singapore, bush41library. tamu.edu/ archives/memcons-telcons. Они находятся в: George H. W. Bush Presidential Library in College Station, Texas (hereafter GHWBPL).

¹⁰⁶ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 91.

¹⁰⁷ GHWBPL Memcon of Bush–Takeshita talks 23.2.1989 Tokyo.

¹⁰⁸ GHWBPL Memcon of Yang–Bush talks 25.2.1989 Beijing, pp. 2–5. Уинстон Лорд все еще был в должности посла Рейгана в Пекине (6.11.1985–23.4.1989).

¹⁰⁹ Ibid., p. 5.

¹¹⁰ Рост Буша был 188 см (6 футов и 2 дюйма), а Дэна – 150 см (4 фута и 11 дюймов).

утром 26 февраля в отдельной комнате здания Большого народного зала. Буш постарался заверить, что он примчался в Пекин не для того, чтобы опередить Горбачева, но два руководителя провели значительную часть времени, гадая о том, куда направляется Советский Союз. Дэн подробно говорил об истории, подчеркивая, что две страны, принесшие Китаю наибольшие страдания и «унижения» на протяжении последних полутора столетий, это Япония и Россия. И хотя Япония стоила Китаю «десятки миллионов жизней» и «неисчислимого» финансового ущерба, влияние Советов было еще более глубоким, потому что они захватили три миллиона квадратных километров китайской территории. Опираясь на это, Дэн вопрошал: если его саммит с Горбачевым окажется успешным и отношения нормализуются, что будет потом? «Лично я думаю, что это все еще неизвестная величина», – сказал он.

«Фактом является то, что существует множество накопившихся проблем. Более того, они имеют глубокие исторические корни»¹¹¹. Буш вторил чувству Дэна, что человек в одиночку не может изменить историю. «Горбачев обаятельный человек, и Советский Союз находится в состоянии перемен. Но США надо быть осторожными. Наш опыт говорит нам, что вы не можете принимать серьезные внешнеполитические решения, основываясь лишь на личных качествах или намерениях одного человека. Нужно рассматривать тенденцию, господствующую в обществе и стране»¹¹².

В завершение Дэн эту мысль выразил применительно к своей стране. «Что касается проблем, стоящих перед Китаем, то позвольте мне сказать вам, что всеобщей потребностью является утверждение стабильности. Без стабильности все уйдет, даже то, что уже совершенно, будет разрушено». Тяжелым взглядом посмотрев на Буша, он добавил: «Мы надеемся, что наши друзья за рубежом могут понять это». Буш ответил, не моргнув: «Мы понимаем». Посыл Дэна был ясен. Что бы кто ни думал о перестройке и гласности, о свободе выбора в Восточной Европе и широковещательных заявлениях о всеобщих ценностях, в Китае не будет Горбачева. Права человека и политические реформы не являются подходящими темами для обсуждения, даже со старым другом. Буш получил это послание, и у него не было никакого желания ему противоречить. «Отлично, – сказал Дэн, – пошли обедать»¹¹³.

Буш покинул Пекин, пребывая в оптимизме и полагая, что проделана важная основательная работа для того, что он называл «продуктивным периодом» в дипломатических отношениях, невзирая на потрясения, которые переживал Китай во внутренних делах. Президент ценил и запомнил «обмен теплыми и искренними рукопожатиями со старыми друзьями». Но в более прагматическом смысле он также чувствовал, что он смог откровенно поговорить с руководителем Китая¹¹⁴, и что обе стороны в состоянии выработать практические рабочие отношения, основанные на «реальном уровне доверия». У Буша не было иллюзий, что отношения с Пекином будут складываться легко, и поэтому он всячески выступал за хорошие коммуникации по всем вопросам, признавая, что критика не должна звучать публично, особенно по вопросам прав человека. «Я понял, что резкими словами и грозными взглядами лучше всего

¹¹¹ GHWBPL Memcon of Deng–Bush talks with delegations, 26.2.1989 Beijing pp. 2, 5.

¹¹² Ibid., pp. 8–9.

¹¹³ Ibid., p. 9. Стоит заметить, что в отношении критической оценки КПК эволюции СССР Ли был даже более откровенен и прям в разговоре с Бушем, чем Дэн. Он утверждал: «Вначале Советы упирали на экономическую реформу, а сейчас они уделяют основное внимание политической реформе и процессу демократизации. Этот последний акцент, наверное, больше по вкусу США. Тем не менее эффект последнего подхода может оказаться довольно ограниченным и может спровоцировать этнические проблемы в Советском Союзе. В лучшем случае он может лишь возбудить у интеллигенции энтузиазм к перестройке. По моему мнению Советскому Союзу нужно в основном сконцентрироваться на решении экономических проблем страны». GHWBPL Memcon of Bush–Li talks 26.2.1989 Beijing p. 10.

¹¹⁴ Буш встречался не только с Дэн Сяопином и Ян Шанкунем, но также дважды с премьером Ли Пэнгом и однажды с Чжао Цзяном – Генеральным секретарем КПК. См.: GHWBPL Memcon of Bush–Li talks 25.2.1989 Beijing; Memcon of Bush–Li talks 26.2.1989 Beijing; Memcon of Bush–Zhao talks 26.2.1989 Beijing.

обмениваться в частном порядке, как было во время этого визита, а не во время заявлений для прессы и в ходе сердитых публичных выступлений»¹¹⁵.

Возвращаясь в Вашингтон после своего первого зарубежного визита как президента, Буш размышлял над тем, что он узнал. 27 февраля на авиабазе Эндрюс он сказал журналистам, что его ураганный тур по Японии, Китаю и Южной Корее подтвердил масштабную роль Америки в настоящем и в будущем как «Тихоокеанской державы». Из этих напряженных четырехдневных обсуждений он вынес для себя, что «мир ждет от Америки лидерства». Это, резюмировал он, происходит «не потому, что мы обладаем военной мощью, а потому что сейчас господствуют идеи, которые мы защищаем. Свобода и демократия, открытость и процветание, порожденные индивидуальной инициативой свободного рынка, – эти идеи, которые когда-то мыслились как чисто американские, теперь стали целями человечества по всей Азии»¹¹⁶.

Это было поразительной идеологической декларацией человека, по своей природе не склонного к риторике. Меньше чем через три месяца после широковещательного выступления Горбачева в ООН, новый президент США обозначил свои маркеры. Советский лидер любил представлять новый социализм в качестве ответа не только на проблемы России, но и для всего мира. Теперь Буш в противовес этому выдвинул американские ценности почти что в стиле холодной войны. И хотя тем февральским вечером на базе Эндрюс он говорил прежде всего о роли США в Азии, но в середине апреля он в похожем тоне высказался и по Восточной Европе.

В Токио 24 февраля президент вполне ясно высказал свою точку зрения Вайцзеккеру: «Мы не хотим, чтобы Горбачев одержал победу в пропагандистском наступлении». Как атлантические союзники, «мы должны стоять вместе»¹¹⁷. Шесть недель спустя, 12 апреля он развил свое понимание в беседе с генеральным секретарем НАТО Манфредом Вёрнером. Он сказал, что намерен укрепить солидарность Альянса, приняв на себя лидирующую роль. Он был обеспокоен, что «Горбачев преобладает в заголовках прессы всей Европы, порождая напряженность в оборонных вопросах НАТО», в особенности потому, что подрывает поддержку в Западной Германии размещения тактических ядерных ракет. Наступило время, сказал президент, чтобы подтвердить, что НАТО «не развалится». Вёрнер согласился с ним: он видел в предстоящем саммите НАТО в конце мая «уникальную возможность» в действительно «исторической» ситуации. Проблема была в том, что, «хотя нам сопутствует успех, общество воспринимает происходящее так, словно Горбачев творит историю». И Бушу необходимо «развернуть общественное восприятие». НАТО не следует бросать вызов Москве в вопросах контроля над вооружениями, но надо «выйти на политическое поле боя», настаивая на «самостоятельности и свободе Европы, свободной от Берлинской стены и доктрины Брежнева». И в этом НАТО надеется на американские «идеи, концепции и сотрудничество», потому что другие союзники не многое могут сделать. Буш с этим согласился: Горбачев, «как какой-нибудь сёрфер, поймал волну общественной поддержки». На предстоящем саммите НАТО важно найти «наше согласованное общее видение»¹¹⁸.

Теперь президент уже был готов представить свое «видение». В тщательно спланированной серии важных речей в течение апреля и мая он постепенно очертил свой общий сценарий для Европы после холодной войны. Для первой речи был специально выбран Хэмпт-рамк, польско-американский пригород Детройта. Она была произнесена 17 апреля, через две

¹¹⁵ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 97.

¹¹⁶ Bush's Remarks Upon Returning From a Trip to the Far East 27.2.1989 APP.

¹¹⁷ GHWBPL Memcon of Bush–Weizsäcker talks 24.2.1989 Tokyo p. 2.

¹¹⁸ GHWBPL Memcon of Bush–Wörner talks 12.4.1989 Washington DC pp. 1–4.

недели после того, как в Польше были обнародованы положения важнейшей конституционной реформы, предусматривавшей создание Сената и канцелярии президента и легализацию свободного профсоюза «Солидарность». Эти важные структурные реформы стали результатом двухмесячных переговоров за круглым столом между оппозиционным движением и коммунистическим режимом генерала Войцеха Ярузельского. Демократические выборы состоялись летом. «Идеи демократии», как выразился Буш, «определенно с новой силой возвращаются в Европу», и Польша идет в авангарде, и все другое тогда в Хэмтрамке представлялось маловероятным.

Заимствуя темы из своей инаугурационной речи, Буш говорил о преодолении тоталитаризма, о распространении свободы и праве на самоопределение. «Запад теперь может уверенно предложить свое видение европейского будущего», – провозгласил он. «Мы мечтаем о дне, когда не будет препятствий для свободного перемещения людей, товаров и идей. Мы мечтаем о дне, когда народы Восточной Европы смогут сами выбирать свою систему правления и голосовать за партию по своему выбору в ходе регулярных, свободных и конкурентных выборов... И мы видим Восточную Европу, в которой Советский Союз откажется от использования военного вторжения как инструмента политики». Рефреном звучавшие слова Буша о «мечтах» и «видениях» были созвучны его суждениям в беседе с Вёрнером за пять дней до того. Он был движим растущей убежденностью в том, что у Америки как лидера Запада есть уникальная возможность использовать свою государственную мощь для преобразования Европы. «Что привело нас к этим открытиям? – спрашивал он. – Единство и сила демократий, да, и кое-что еще: подлинно новое мышление в Советском Союзе, природное желание свободы, живущее в сердцах всех людей». Президент провозгласил, что «если мы мудры, едины и готовы использовать момент, то нас запомнят, как поколение, сделавшее всю Европу свободной»¹¹⁹.

Скоукрофт назвал речь в Хэмтрамке «первым большим шагом администрации в Восточную Европу». Хотя он признал, что она была «едва замечена» в США, слова Буша привлекли значительно большее внимание в Европе и СССР, где газета «Правда» отнеслась к ней благосклонно, отметив позитивную оценку президентом советских реформ и перспектив лучших отношений между сверхдержавами¹²⁰.

К маю неторопливый анализ администрацией советской политики наконец набрал скорость. 12 мая Буш воспользовался выпускной церемонией в Техасском университете А&М в штате, ставшем ему родным, чтобы огласить кое-что из новой стратегии в отношении сверхдержав, которую он обобщил в ключевой концепции «После сдерживания». Другими словами, президент хотел перешагнуть через оборонительный характер американской политики, свойственный ей на самом пике холодной войны. Мы увидели более настойчивого Буша: осторожный свидетель, стоящий в сторонке во время саммита Рейгана и Горбачева на Говернорс-айленде в прошлом декабре, теперь точно знал, в каком направлении он хочет двигаться:

«Мы приближаемся к завершению исторической послевоенной борьбы двух систем взглядов: одна – тирании и конфликта, другая – демократии и свободы. Анализ американско-советских отношений, который в моей администрации только что завершен, показывает новую дорогу к разрешению этой борьбы... Наше исследование показывает, что сорок лет настойчивости предоставили нам отличную возможность, и сейчас пришло время перейти от сдерживания к новой политике для 1990-х – политике, которая признает весь масштаб изменений, происходящих во всем мире и в самом Советском Союзе. В общем, у Соединенных Штатов сейчас есть цель, далеко выходящая

¹¹⁹ Bush's Remarks to Citizens in Hamtramck, Michigan 17.4.1989 APP.

¹²⁰ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. pp. 52–53.

за пределы простого сдерживания советского экспансионизма. Мы стремимся к интеграции Советского Союза в сообщество наций».

Буш также выдвинул условия, на которых СССР пригласят обратно «в мировой порядок». Одной риторики Горбачева не хватит – «обещаний недостаточно». Кремль должен принять более конкретные «позитивные шаги». Список открывался сокращением советских сил (пропорционально законным потребностям безопасности), за ним следовали: обеспечение самоопределения, требование «поднять Железный занавес» и найти вместе с Западом дипломатические пути решения региональных конфликтов по всему миру, таких как Афганистан, Ангола и Никарагуа. Такие шаги сделают возможными качественно новые отношения между двумя сверхдержавами¹²¹.

И при этом Буш признавал, что советские военные возможности все еще остаются пугающими. Поэтому устрашение оставалось необходимым, и в силу этого требовался сильный блок НАТО – что стало темой выступления Буша в Нью-Лондоне в штате Коннектикут 24 мая в Академии береговой охраны США. Там он очертил будущую военную стратегию США и политику в области ограничения вооружений на несколько предстоящих десятилетий. «Наша политика заключается в том, чтобы использовать любую – я имею в виду каждую – возможность для построения лучших, более стабильных отношений с Советским Союзом, точно в такой же степени, как наша политика заключается в защите американских интересов в свете сохраняющейся советской военной мощи». Он признал, что «среди тех многих вызовов, с которыми мы будем сталкиваться, есть и рискованные. Но позвольте мне заверить вас, что мы способны найти больше, чем долю в новых возможностях... Перед нами открывается возможность сформировать новый мир...»

Новый мир стал возможным, потому что «мы стали свидетелями конца идеи: заключительной главы коммунистического эксперимента. Коммунизм сейчас признан... системой, потерпевшей крах... Но траектория коммунизма – это только одна половина истории нашего времени. Другая половина – торжество демократической идеи» – что очевидно всему миру, от членов профсоюза в Варшаве до студентов в Пекине. «Пока мы с вами сегодня беседуем, – а он обращался к молодым американцам-выпускникам, – мир меняется из-за драматических событий на площади Тяньаньмэнь. Повсюду голоса говорят на языке демократии и свободы»¹²².

Речь в Академии береговой охраны завершила публичное изложение новой стратегии администрации Буша в отношении европейской сцены отношений по линии Восток–Запад перед саммитом НАТО в Брюсселе 30 мая¹²³. Его далекоидущие рассуждения о мире и свободе, о свободном глобальном рынке и сообществе демократий подготовили почву для последующих заявлений о том, что его внешняя политика не имеет собственных целей, она лишь реактивна, и ему «совершенно не хочется плыть в неизведанные воды». Кроме всего прочего, он раз за разом останавливался на пояснении, каким он видит место американского лидерства в мире, и на разъяснении того, что его администрация понимает под «общими ценностями Запада»¹²⁴.

¹²¹ Bush's Remarks at the Texas A&M University Commencement Ceremony in College Station 12.5.1989 APP.

¹²² Bush's Remarks at the United States Coast Guard Academy Commencement Ceremony in New London, Connecticut 24.5.1989 APP.

¹²³ JAB-SML B108/F5 RBZ (Zoellick) draft – NATO Summit-Possible Initiatives 15.5.1989. Этот пятистраничный документ подчеркивает «Общие ценности Запада» как исторически лежащие в основе НАТО и являющиеся «также источником современных успехов», и которые должны контрастировать с «более узкой, территориально ограниченной горбачевской концепцией Общего европейского дома». Более того эти ценности служат НАТО принципами, «на которых мы включаем Восточную Европу и СССР в “сообщество наций”. Прекращение разделения Европы происходит на наших условиях». Документ далее настаивает: «Необходимо проводить эту тему в речах, инициативах и через способы коммуникации, имеющие символический характер (например, фотографирование). Тему надо проводить как на встречах НАТО, так и на экономических саммитах».

¹²⁴ Ann Devroy. 'From Promise to Performance: The Nation Changed – but Bush did Not' WP 17.1.1993. Для верности см. также: Engel. 'A Better World', pp. 38–41; и Ryan Barilleaux and Mark Rozell. *Power and Prudence: The Presidency of George H. W. Bush*. Texas A&M University Press, 2004; JAB-SML B108/F5 RBZ draft 15.5.1989.

Как сам Буш сказал во время установочной встречи на Говернорс-айленд, он был намерен взять передышку и действовать предусмотрительно в эру, когда потрясены сами фундаментальные основы международных отношений. «Предусмотрительность» действительно станет девизом дипломатии Буша, и это не исключает ни предвидения, ни надежды. Речи в апреле и мае 1989 г., нередко недооцениваемые комментаторами ввиду драматических событий второй половины 1989 г., делают предельно ясными устремления его внешней политики.

Однако превратить амбиции в достижения – это иная проблема. И первый тест для него был особенно актуальным. Саммит НАТО в Брюсселе имел необычайно важное значение, потому что совпал с сороковой годовщиной создания Альянса и потому что оказался перед необходимостью ответа на эффектное попури драматических предложений Горбачева по сокращению вооружений, выдвинутых в его речи в ООН.

Осложняло ситуацию и то, что правительства стран НАТО не могли предварительно выработать общую позицию, прежде всего из-за фундаментальных споров по поводу ядерного оружия малой дальности (РМД) – с радиусом поражения менее 500 км. За всем этим обменом аргументацией, окружавшей саммит НАТО, можно было различить малозаметный, но существенный сдвиг в приоритетах союзнических отношений Америки – от Великобритании к Западной Германии¹²⁵.

Британия, представленная премьер-министром Маргарет Тэтчер – знаменитой Железной леди, требовала скорейшего выполнения соглашения НАТО 1985 г. о модернизации ядерного оружия меньшей дальности (88 установок ракет «Ланс», имевших около 700 боеголовок). Она была одержима мыслью об их ценности как оружия сдерживания и как инструмента повышения обороноспособности НАТО. Коалиционное правительство Западной Германии, на территории которой размещалась большая часть этих ракет, вместо этого настаивало на том, чтобы США продолжили переговоры с Советским Союзом о сокращении РМД, опираясь на успешное соглашение сверхдержав 1987 г. о полной ликвидации ядерных ракет среднего радиуса действия (РСД). Министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер – лидер Свободно-демократической партии (СвДП), младшего партнера в коалиции, настаивал, как и Горбачев, на полной ликвидации РМД. Это называли «третьим нулем» – по аналогии с соглашением о «двойном нуле» – о повсеместной ликвидации РСМ в Европе и Азии. Для Тэтчер, чувствовавшей себя сравнительно безопасно в своем островном королевстве, это оружие было инструментом военной стратегии, но для Геншера и германских левых все это было вопросом жизни и смерти, потому что Германия неизбежно становилась бы эпицентром войны в Европе. Коль считал позицию Геншера слишком экстремистской, но ему не только приходилось умиротворять своего партнера по коалиции и успокаивать общественное мнение у себя дома, поддерживая проведение переговоров о сокращении вооружений, но он был вынужден лавировать вокруг «этой женщины», как он называл Тэтчер и продолжать укреплять силу Альянса¹²⁶.

И британцы, и немцы в преддверии саммита продолжали маневрировать. Тэтчер приняла Горбачева в Лондоне 6 апреля. Их личные отношения были прекрасными с тех самых пор, как они впервые встретились в декабре 1984 г., еще до того, как он стал Генеральным секретарем и после чего она объявила, что с этим человеком «можно иметь дело»¹²⁷. Во время их встречи в 1989 г. эта личная «химия» была столь же очевидной, сколь заметными были и их фундаментальные разногласия по ядерной политике. Горбачев начал с экспрессивной речи в пользу ядерного разоружения и «свободной от ядерного оружия Европы» – что было

¹²⁵ См. Genscher *Erinnerungen*. Pp. 611–612. См. также: JAB-SML B108/F5. Заметка о встрече Бейкера со Штольтенбергом 19.5.1989.

¹²⁶ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 57–60, 64–65, 67–77. См. также: Hans Peter Schwarz *Helmut Kohl: Eine politische Biographie*. Pantheon, 2014. Pp. 508–511.

¹²⁷ Taubman. *Gorbachev*. Pp. 201, 475; Cp. Charles Moore. *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*, vol. 2. Allen Lane, 2015. Pp. 240–241.

совершенно неприемлемо для Тэтчер – и затем поделился своим разочарованием тем, что Буш не слишком позитивно откликнулся на его разоруженческие инициативы. Премьер-министр, играя свою любимую роль умудренного государственного деятеля, постаралась ободрить его: «Буш совсем другой человек, чем Рейган. Рейган был идеалистом, твердо отстаивающим свои убеждения. Буш более уравновешенный человек, он больше, чем Рейган, придает значение деталям. Но в целом он продолжает линию Рейгана, включая советско-американские отношения. Он будет стремиться к заключению соглашений в наших общих интересах».

Услышав эти последние слова, Горбачев буквально подпрыгнул: «Вот в чем вопрос – в общих интересах или в ваших западных интересах?» И ответ последовал: «Я убеждена, что в общих». Подтекст при этом был ясен: именно она может стать посредником в отношениях между двумя сверхдержавами¹²⁸.

В частном порядке Тэтчер, тем не менее, высказала некоторую озабоченность новым президентом США. С «Ронни» ей удалось установить близкое, хотя иногда и манипулятивное взаимопонимание, и она не опасалась за безопасность хваленых англо-американских «особых отношений» в рамках внешней политики США¹²⁹. С приходом к власти Буша ситуация стала менее ясной. Оказалось, что «пауза» новой администрации предусматривает и изучение отношений с Британией. И она чувствовала, что Государственный департамент при Бейкере настроен против нее и склоняется в сторону Бонна, а не Лондона¹³⁰. Ее опасения не были беспочвенными. Прагматику Бушу не нравился догматизм Тэтчер, и он определенно не был настроен на то, чтобы позволить ей руководить Альянсом. И ему, и Бейкеру было трудно с ней иметь дело, в то время как Коля казался более договороспособным партнером¹³¹.

С Бонном вопросы были в отношениях не на личном уровне, а на политическом, что объяснялось глубоким разладом внутри коалиции. В нескольких телефонных разговорах в течение апреля-мая Коля попытался заверить Буша в своей лояльности трансатлантическому партнерству и в том, что он не даст вопросу о РМД повредить саммиту. Его тон был почти что отчаянным, чего не смогли скрыть даже официальные американские записи их разговоров. «Он хотел, чтобы саммит прошел успешно. Он желал, чтобы президент добился успеха. Это будет первая президентская поездка в Европу в качестве президента. Президент – надежный друг европейцев и особенно немцев»¹³².

Препирательства в канун саммита не смущали Буша. Он знал, что целью Коля является «сильное НАТО» и что канцлер «привязывает его политическое существование к этой цели»¹³³. Но все-таки прогнозы перед саммитом оставались неясными. «Буш приезжает на переговоры с разделенным НАТО», – такой заголовок вынесла на свои страницы «Нью-Йорк таймс» 29 мая. Газета заявляла, что настойчивость Бонна в вопросе сокращения РМД на немецкой территории порождает опасения в Вашингтоне, Лондоне и Париже по поводу ни много ни мало «денуклеаризации» центрального фронта НАТО. Газета отметила, что предварительно согласованного коммюнике нет, следовательно шестнадцати лидерам стран НАТО «придется самим вырабатывать» его на саммите. Один из натовских делегатов признался – «честно говоря, я не знаю, возможен ли компромисс»¹³⁴.

¹²⁸ Запись разговора между Михаилом Горбачевым и Маргарет Тэтчер, 6.4.1989, опубликована в издании: Svetlana Savranskaya et al. (eds) *Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989*. CEU Press, 2011 (hereafter *MoH:1989*) doc. 56. Pp. 438–441 особенно: p. 440; Dan Fisher. 'Thatcher Hears Gorbachev Complaint: No US Action on Arms'. *LAT* 7.4.1989.

¹²⁹ О сложной подоплеке см.: Richard Aldous. *Reagan and Thatcher: The Difficult Relationship*. W. W. Norton, 2012.

¹³⁰ Margaret Thatcher. *The Downing Street Years*. P. 783.

¹³¹ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*, pp. 64–67.

¹³² GHWBPL Telcon of Kohl–Bush call 5.5.1989 Oval Office p. 2.

¹³³ GHWBPL Telcon of Kohl–Bush call 21.4.1989 Oval Office p. 2.

¹³⁴ James M. Markham. 'Bush Arrives for Talks with a Divided NATO'. *NYT* 29.5.1989.

Когда президент приехал в Брюссель, у него оказалось при себе кое-что неожиданное. Он представил союзникам предложение о радикальном сокращении вооружений, но речь шла не о РМД, а об обычных вооружениях в Европе. Подготовить такое предложение в Вашингтоне было совсем не просто, но опасение союзнического кризиса в Брюсселе побудило Буша заставить всех как следует поработать. «Инициатива о паритете в обычных вооружениях», как окрестил ее президент, предполагала, что с каждой стороны останется по 275 тыс. военнослужащих, что означало вывод 30 тыс. американцев с территории Западной Европы и 325 тыс. советских солдат из Восточной Европы. И соглашение об этом должно было быть достигнуто между сверхдержавами в срок от шести до двенадцати месяцев. Этой инициативой Буш хотел проверить, насколько Горбачев готов к долговременным непропорциональным сокращениям, которые ликвидируют превосходство Советской армии в Восточной Европе, на чем и основывалось советское доминирование в странах-сателлитах. А непосредственно в момент выдвижения эта инициатива, с точки зрения «Нью-Йорк таймс», означала «драматический сдвиг в повестке дня саммита» и возможность «утопить дискуссию о ракетах». Так оно и произошло. После девяти часов интенсивных дебатов союзники приняли предложения Буша о сокращении обычных вооружений в Европе и прежде всего – ускоренный график. В свою очередь Соединенные Штаты подтвердили свою готовность «начать переговоры о достижении частичного сокращения американских и советских сухопутных ядерных сил», как только «начнется» осуществление соглашения об обычных вооружениях. Эту сделку приветствовали геншеристы, потому что она означала близкую перспективу переговоров о РМД, а Тэтчер и Миттеран, представлявшие две ядерные европейские державы, были удовлетворены тем, что не происходит никакой эрозии принципов натовского ядерного сдерживания как такового. Все это устраивало и Буша: он стремился к снижению угрозы применения обычных вооружений в Европе и был тверд в том, что в вопросе ядерного оружия не должно быть никакого «третьего нуля»¹³⁵.

Итак, саммит НАТО, казавшийся сначала таким неопределенным, завершился очевидным успехом. На завершающей пресс-конференции царила почти эйфорическая атмосфера. Коль с энтузиазмом заявил, что у него появился «исторический шанс» на «реалистический и значительный» прогресс в деле контроля за вооружениями. Он не мог удержаться от того, чтобы пошутить над своим злым гением (фр. *bete noire*) Тэтчер, которая, как он сказал, прибыла в Брюссель с решительным настроением противостоять любым переговорам по РМД и яростно противиться любым уступкам немцам. «Маргарет Тэтчер отстаивает свои интересы со свойственным ей темпераментом – отметил канцлер. – У нас разный темперамент. Она женщина, а я нет»¹³⁶.

Столь замечательно гармоничный исход встречи в Брюсселе – «мы все выигравшие», провозгласил Коль¹³⁷ – стал большим подарком НАТО в год его сорокалетия. И на самом деле Коль чувствовал, что это «лучший из возможных подарков на день рождения» для Альянса¹³⁸. Но это был немалый дар и Бушу, которого дома атаковали и за то, что упустил лидерство в Альянсе, и за то, что отдал дипломатическую инициативу Горбачеву. Теперь, однако, с таким компромиссным пакетом, он перевернул всю ситуацию. Как с удовлетворением заметил Скоукрофт, после таких «фантастических результатов» пресса «уже никогда больше не вернется к теме весны – что мы якобы лишены дальновидности и стратегии»¹³⁹. Брюссель, по мнению одного американского репортера, стал «часом Буша»¹⁴⁰.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ James M. Markham. 'NATO Chiefs Agree to a Compromise in Missile Dispute'. *NYT* 31.5.1989.

¹³⁷ Bernard Weinraub. 'Buoyed by Agreement, Bush Visits Bonn'. *NYT* 31.5.1989.

¹³⁸ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 83.

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Serge Schmemmann. 'Bush's Hour: Taking Control, He Placates the Germans and Impresses British; Kohl Gets Respite From Political Ills'. *NYT* 1.6.1989.

Тем же вечером сразу после завершения пресс-конференции президент отправился в Бонн, купаясь в теплых лучах славы¹⁴¹. На государственном ужине в великолепном ресторане XVIII в. президент провозгласил тост за другое сорокалетие – самой Федеративной Республики. «В 1989 году, – возвышенно провозгласил он, – мы ближе к осуществлению нашей цели мира и европейского согласия, чем когда-либо со времен основания НАТО и Федеративной Республики». Он добавил: «Я не могу себе представить лучших германо-американских отношений, чем сейчас»¹⁴².

Утром следующего дня, 31 мая, флотилия Буша–Коля поднялась вверх по Рейну к живописному городу Майнцу, столице земли Рейнланд-Пфальц – родной области Коля¹⁴³. «Соединенные Штаты и Федеративная Республика всегда были крепкими друзьями и союзниками», – провозгласил президент, – но сегодня у нас есть и еще одна роль: мы партнеры по лидерству»¹⁴⁴.

Это была поразительная фраза, ставшая подтверждением зрелости американо-западно-германских отношений, сложившихся за предыдущие сорок лет, что стало еще более очевидным после того, как на саммите проявилось заметное снижение роли Тэтчер и «особых отношений» с Лондоном. То, что Бонн называли «партнером по лидерству» Вашингтона, было ей решительно не по нраву: она с сожалением признала, что это «подтверждает то, что американцы сейчас думают о Европе»¹⁴⁵.

Тэтчер задел тот аспект высказываний Буша, в котором он говорил о партнерстве, но в своей речи в Майнце президент больше сосредоточился на том, что для него означает лидировать. «Лидерство, – провозгласил он, – имеет парную константу: ответственность. И наша ответственность заключается в том, чтобы смотреть вперед и замечать приметы будущего. На протяжении сорока лет ростки демократии в Восточной Европе дремали, скрытые под мерзлотой тундры холодной войны... Но любовь к свободе невозможно отринуть навсегда. Мир ждал достаточно. Пришло время. Пусть Европа будет целостной и свободной... Пусть Берлин станет следующим – да будет Берлин следующим!»¹⁴⁶

За два года до этого его предшественник Рональд Рейган, стоя перед Бранденбургскими воротами и обращаясь к советскому лидеру, призвал: «Господин Горбачев, снесите эту стену»¹⁴⁷. Теперь, в июне 1989 г. новый президент США снова бросил перчатку, начав новое пропагандистское наступление на харизматичного советского лидера. Фраза «Пусть Берлин станет следующим», с одной стороны, была рождена, чтобы стать заголовком, но она открыла то, что администрация уже принялась за вопрос объединения Германии. Буш сказал в своей речи в Майнце: «Пограничная полоса из колючей проволоки и минных полей между Венгрией и Австрией убирается фут за футом, миля за милей. Точно так же снимаются барьеры в Венгрии и так же они должны пасть повсюду в Восточной Европе». Но нигде разделение между Востоком и Западом не было таким явным, как в Берлине. «Там эта смертельно опасная стена разделила соседей и братьев. И эта стена выситя как памятник поражению коммунизма. Он должен пасть».

Обращаясь прежде всего к Германии, Буш показал, что смотрит намного шире. Воля к свободе и демократии, продолжал настаивать он, поистине глобальный феномен. «Эта идея охватывает Евразию. Именно из-за этой идеи пошел процесс брожения во всем коммунистическом мире от Будапешта до Пекина»¹⁴⁸. К июню 1989 г. Венгрия несомненно двигалась в

¹⁴¹ Weinraub. 'Buoyed by Agreement'.

¹⁴² Bush's Toast at a Dinner Hosted by Chancellor Helmut Kohl in Bonn, Federal Republic of Germany 30.5.1989. APP.

¹⁴³ Weinraub. 'Buoyed by Agreement'.

¹⁴⁴ Bush's Remarks to the Citizens in Mainz, Federal Republic of Germany 31.5.1989 APP.

¹⁴⁵ Thatcher. *The Downing Street Years*. P. 789.

¹⁴⁶ Bush's Remarks to the Citizens in Mainz 31.5.1989.

¹⁴⁷ Reagan's Remarks on East-West Relations at the Brandenburg Gate in West Berlin 12.6.1987 APP.

¹⁴⁸ Bush's Remarks to the Citizens in Mainz 31.5.1989.

этом направлении, но здесь изменения происходили мирным путем. На другой стороне мира, однако, силы демократического протеста и коммунистического подавления жестоко схлестнулись, что имело драматические глобальные последствия у Запретного города Китая.

15 мая ближе к полудню Михаил Горбачев прилетел в аэропорт Пекина, чтобы начать свою историческую четырехдневную поездку по Китаю. Сойдя со своего бело-синего аэрофлотовского самолета, он принял приветствие китайского президента Ян Шанкуня. Они прошли вдоль почетного караула из нескольких сот китайских солдат, одетых в форму оливкового цвета и белые перчатки. Раздался 21 залп приветственного артиллерийского салюта.

Долгожданный китайско-американский саммит показал, что отношения между двумя странами возвращаются к чему-то «нормальному» после трех десятилетий идеологического противостояния, военной конфронтации и регионального соперничества. Советский лидер определенно рассматривал визит как «водораздел». В письменной речи, розданной репортерам в аэропорту, он отметил: «Мы прибыли в Китай в доброе весеннее время. Весна – это расцвет природы, пробуждение новой жизни. Повсюду в мире люди связывают с ней пору обновления и надежд. Это созвучно и нашему настроению». На самом деле ожидалось, что визит Горбачева подтвердит примирение двух самых больших коммунистических стран в тот момент, когда обе они с трудом осуществляют глубокие экономические и политические изменения. «У нас многое есть что сказать друг другу как коммунистам, даже в практическом плане», – отмечал перед встречей Евгений Примаков, ведущий советский эксперт по Азии. «Нормализация происходит в то время, когда обе страны изучают, как социалистические страны должны относиться к капитализму. Раньше и мы, и они думали, что социализм может распространяться только через революции. Сегодня, – добавил он, – и мы, и они подчеркиваем значение эволюции». И в Азии, и в Америке опасались, что этот визит может стать предпосылкой для создания китайско-советской оси, положив конец использованию Соединенными Штатами многолетнего конфликта между Москвой и Пекином¹⁴⁹.

Горбачев приехал в город, охваченный политическими беспорядками. Уже прошел месяц, как студенты, приехавшие из разных мест Китая, но в основном пекинские, вышли на улицы. Их недовольство властями копилось на протяжении нескольких лет, но сейчас непосредственным поводом для их возмущения стала смерть бывшего Генерального секретаря КПК (1982–1987) Ху Яобана, того человека, который в 1986 г. посмел заявить, что Дэн «устарел» и ему пора уходить в отставку. Но вместо этого Дэн и другие сторонники твердой линии в руководстве заставили в 1987 г. уйти самого Ху, которого студенты потом стали считать защитником реформ. В течение нескольких недель после смерти Ху 15 апреля 1989 г. больше миллиона человек выходили на протесты в Пекине, осуждая растущее социальное неравенство, nepoтизм и коррупцию, требуя демократии как панацеи от всего плохого. То, что началось как законопослушный протест, очень быстро переросло в радикальное движение. Ставки быстро росли с обеих сторон, после того партийная газета «Жэньминь жибао» в своей передовице 26 апреля характеризовала демонстрации не иначе как «беспорядки» и объявила студентов «бунтовщиками», действующими по «хорошо продуманному плану» в анархических целях. Их обвинили в непатриотичном поведении, «нападках» на Коммунистическую партию и даже в отрицании и партии, и социалистической системы¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Vincent J. Schodolski & Uli Schmetzer. 'Gorbachev arrives in China: Beijing talks 1st summit in 30 years'. *CT* 15.5.1989 pp. 1–2; Jim Hoag & Daniel Southerl. 'Gorbachev arrives in Beijing' *WP* 15.5.1989.

¹⁵⁰ Andrew J. Nathan. 'The Tiananmen Papers', *Foreign Affairs* 80, 1 (January/ February 2001) pp. 11, 15–18. См. также: GHWBPL NSC – SitRoom Tiananmen Square Crisis File (TSCF) China (OA/ ID CF01722-002) Lilley to Baker Cable – Re: Chinese Economists support students 19.5.1989 p. 5; Аналитический доклад ЦРУ: 'The Road to the Tiananmen Crackdown – An Analytic

13 мая, за два дня до прибытия Горбачева в столицу, тысяча студентов начала голодовку на площади Тяньаньмэнь, расположившись на одеялах и газетах прямо возле Памятника народным героям. Визит советского лидера был удобным моментом для юных китайских протестантов, потому что давал беспрецедентную возможность выразить их недовольство перед глазами всего мира. Они держали в руках плакаты на русском, английском и китайском языках. На одном можно было прочесть «Приветствуем настоящего реформатора», а на другом – «Наша общая мечта – демократия»¹⁵¹. Горбачев, имя которого они знали из местных средств массовой информации, для них сочетал в себе все то, чем не обладали китайские лидеры: демократ, реформатор и человек перемен. Их целью было рассказать о себе Горбачеву напрямую – поверх лидеров режима – и заставить таким образом собственных лидеров идти на уступки. Студенты подготовили письмо с шестью тысячами подписей и передали его в советское посольство с просьбой встретиться с Горбачевым. Ответ был осторожным. Посольство объявило, что Генеральный секретарь поговорит с представителями общественности, но не сообщили никаких деталей, ни времени, ни места встречи¹⁵².

Руководство КПК оказалось в затруднительном положении. Недели ушли на тщательную подготовку к переговорам: китайское правительство хотело, чтобы все прошло без сучка без задоринки, а вместо этого весь центр столицы оказался заполнен тысячами демонстрантов, повторявших для мировых СМИ: «У вас есть Горбачев. А что есть у нас?»¹⁵³ Массовые студенческие протесты были главным раздражителем, особенно если учесть присутствие 1200 иностранных журналистов, прибывших, чтобы осветить саммит, а теперь пользовавшихся малейшей возможностью, дабы взять интервью у протестантов и передать в эфир кадры погрузившегося в хаос Пекина. Правительство ничего не могло сделать, чтобы остановить их, потому что о репрессиях узнают по всему миру. Это был «провал», как кратко выразился Дэн. В своем кругу он говорил: «Тяньаньмэнь – символ Китайской Народной Республики. Ко времени появления Горбачева она должна быть в порядке. Мы должны поддержать свой имидж на международном уровне»¹⁵⁴.

В воскресенье 14 мая накануне начала переговоров студенты дали ясно понять, что они не намерены принимать во внимание призывы к их патриотизму со стороны китайских властей, требовавших очистить площадь. Наоборот, 10 тыс. человек встали в центре Тяньаньмэнь на круглосуточную вахту, а в дневное время толпа на площади насчитывала 250 тыс. Высшие руководители партии неоднократно беседовали со студенческими лидерами, обещая удовлетворить их требования и предупреждая о серьезном международном уроне для Китая, если они не послушаются. Все было напрасно. Фактически упрямство студентов вынудило в последнюю минуту внести изменения в китайский протокол – что изменило всю динамику саммита¹⁵⁵.

Пришлось отказаться от огромной красной ковровой дорожки, способной покрыть широкие ступени, ведущие в Большой народный зал, выходящий фасадом на площадь Тяньаньмэнь. Вместо этого в спешке организовали церемонию встречи в старом аэропорту Пекина, откуда

Chronology of Chinese Leadership Decision-Making' EA 89-10030 (Confidential/ No Foreign Distribution) September 1989 Margaret Thatcher Foundation (hereafter MTF).

¹⁵¹ Аналитический доклад ЦРУ: 'The Road to the Tiananmen Crackdown' p. 5; Adi Ignatius & Peter Gumbel. 'Gorbachev Arrives In China as Protests Continue in Beijing'. *Wall Street Journal* (hereafter WSJ) 15.5.1989; Udo Schmelter 'Ceremonies moved to foil protestors' *CT* 15.5.1989 pp. 1–2. Заслуживает внимания, что в середине мая массовые демонстрации проходили и в других местах, особенно в городах Северо-Востока – Шеньяне, Харбине, Даляне, Чанцюне, в которых приняли участие около 200 тыс. человек – студентов, учителей, работники СМИ, государственных служащих. Демонстрации продолжались в течение нескольких дней, более тысячи человек приняли участие в голодовке. См.: GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/ID CF01722-002) American Consul in Shenyang to Baker 19.5.1989 pp. 1–2.

¹⁵² Radchenko. *Unwanted Visionaries*. P. 162

¹⁵³ Блокнот Теймураза Мамаладзе: Notepad of Teimuraz Stepanov-Mamaladze, 15.5.1989 Hoover Institution Archive, Teimuraz Stepanov-Mamaladze Papers (hereafter HIA-TSMP): Notepad 15.5.1989 DAWC.

¹⁵⁴ Nathan. 'The Tiananmen Papers'. P. 14.

¹⁵⁵ Schmelter. 'Ceremonies moved to foil protestors'.

кортеж автомобилей по улочкам и переулкам инкогнито добрался до бокового входа в Дом народных собраний. И только оказавшись в безопасности внутри здания, Горбачев смог по достоинству оценить щедрый банкет, данный от имени президента Яна¹⁵⁶.

Ситуация была деликатной и для Горбачева. Единственным подходящим ответом, казалось, было полностью игнорировать внутреннюю политику Китая и делать вид, что все идет нормально. Но частным образом члены советской делегации признавались, что были шокированы. Сидя по большей части в темноте, они гадали, действительно ли Китай куда-то проваливается. Быть может, страна проходит через какую-то всеобщую «революцию», политически находится при последнем издыхании? Горбачев пытался действовать с надлежащими «предосторожностями и правомерно», как он выразился позднее, но, увидев ситуацию, находясь на месте, он почувствовал, что им следует уехать домой как можно скорее¹⁵⁷. Обязанный встречаться с прессой во время визита, он позволял себе лишь неопределенные ответы. Он уворачивался от вопросов о протестах, признавая, что видел демонстрантов с плакатами, требующими отставки Дэна, но при этом говорил, что он не берет на себя «роль судьи» и даже не позволяет себе «строить умозаключения» о том, что происходит¹⁵⁸. Конечно, говорил он, лично он выступает за гласность, перестройку и политический диалог, но Китай находится в иной ситуации, и он совсем не собирается становиться в позу «китайского Горбачева». На самом деле он говорил собственным сотрудникам по приезду, что не намерен идти китайским путем, и не хотел, чтобы Красная площадь была похожей на площадь Тяньаньмэнь¹⁵⁹.

Точно так же китайское руководство не хотело, чтобы Пекин шел по пути Будапешта и Варшавы. Визит главного защитника коммунистических реформ породил напряженные споры внутри КПК. 13 мая Дэн прояснил свою твердую позицию политическому реформатору Чжао Цзяяну. «Мы не должны ни на дюйм отступать от базовых принципов, на которых строится правление коммунистической партии, и мы отвергаем западную многопартийную систему». Чжао не был убежден: «Когда мы допускаем некоторую демократию, дела могут внешне выглядеть хаотическими; но эти небольшие “неприятности”

являются нормальными в демократических и правовых рамках. Они предупреждают большие потрясения и в долговременном плане создают стабильность и мир»¹⁶⁰.

Премьер-министр Ли Пэн занял ту же позицию, что и Дэн, предвзято и крайне негативно оценив человека из Кремля и его повестку реформ: «Горбачев много кричит и мало делает», – записал он в своем дневнике. Допустив ослабление монополии партии на власть, он «сам себе создал оппозицию», в то время как КПК сохраняет за собой контроль и тем самым «объединяет великое большинство руководителей». Ли также осудил гласность за то, что она развязала этнические беспорядки внутри СССР, особенно на Кавказе, и за то, что она вызвала политические потрясения в Восточной Европе. Он предупредил, что такая опрометчивость может привести к полному разрушению Советской империи и распространению этой заразы на сам Китай. Дэн и Ли в основном говорили так в своем кругу, чрезвычайно подозрительно относив-

¹⁵⁶ Nicholas D. Kristof. 'Gorbachev Meets Deng in Beijing; Protest Goes On'. *NYT* 16.5.1989; David Helley. 'Gorbachev in China: The Communist Summit; Protestors Force Summit Change – China Moves Ceremony From Square'. *LAT* 15.5.1989.

¹⁵⁷ См. запись в блокноте Теймураза Мамаладзе: Teimuraz Stepanov-Mamaladze 17.5.1989 HIA-TSMP: Notepad 15.5.1989 DAWC; and Excerpts from the Conversation between Mikhail Gorbachev and Rajiv Gandhi 15.7.1989 AGF DAWC.

¹⁵⁸ '1,000,000 Protestors Force Gorbachev to Cut Itinerary: The Center of Beijing Is Paralyzed' *LAT* 17.5.1989; Notepad Entry of Teimuraz Stepanov-Mamaladze 17.5.1989 HIA-TSMP: Notepad 15.5.1989 DAWC.

¹⁵⁹ Mark Kramer. 'The Demise of the Soviet Bloc' in Terry Cox (ed.) *Reflections on 1989 in Eastern Europe*. Routledge, 2013. P. 35; Radchenko. *Unwanted Visionaries*. P. 163. См. также: Diary of Teimuraz Stepanov-Mamaladze 17.5.1989 HIA-TSMP: Diary No. 9 DAWC. Говоря о Китае, Горбачев, конечно, обращался к домашней аудитории, утверждая, что попытки подавить стремление к политической свободе приведут лишь к беспорядкам на улицах. Действительно, один из членов советской делегации сказал корреспонденту газеты Нью-Йорк таймс в контексте массовых протестов в КНР: «Это показывает, что может произойти, если правительство не поспевает за народом». Bill Keller. 'Gorbachev Praises the Students and Declares Reform Is Necessary'. *NYT* 18.5.1989.

¹⁶⁰ Nathan. 'The Tiananmen Papers'. P. 14.

шемся к советскому визитеру – особенно учитывая его вдохновляющее воздействие на молодых членов его китайского фан-клуба¹⁶¹.

Как и Буш за три месяца до этого, так и Горбачев встретился с важнейшими лицами Китая 15 и 16 мая. Но в отличие от Буша, с ним никто не делился теплыми воспоминаниями о прошедшем; не было никакой близости или простой болтовни. Фактически, даже несмотря на то что Ян и Ли какое-то время прожили в СССР, будучи студентами, и вполне сносно говорили по-русски, между Горбачевым и его китайскими собеседниками не возникло никаких личных отношений. Но, как и у Буша, у него состоялась встреча с Дэном, которая на самом деле имела для Горбачева большое значение.

«Горбачеву 58, а Дэну 85» – такое можно было прочесть на некоторых плакатах на улицах, что подчеркивало молодость и динамизм русского лидера и консерватизм его «престарелого» китайского визави, которому 85 лет исполнялось в августе. Горбачев хотел произвести хорошее впечатление на Дэна: он пытался быть тактичным и почтительным – и впервые был настроен больше слушать, чем говорить. Чтобы дать возможность говорить пожилому человеку, он произнес: «Как ценят на Востоке». Китайцы были также чувствительны к стилю и символике. Они хотели избежать каких-либо объятий и лобызаний того сорта, которыми так часто обменивались коммунистические лидеры. Вместо этого они намеревались увидеть «новые китайско-советские отношения, которые символизировали бы уважительные рукопожатия. Это вполне соответствовало международным нормам и также подчеркивало формальное равенство, установившееся теперь между Пекином и Москвой¹⁶².

Элегантная симметрия цифр 58/85 дает материал для небольшого паззла: люди на Западе помнили, что Дэну исполнится 85 лет в мае 1989 г. Китайцы добавляют один год на беременность и отсчитывают годы не от настоящей даты рождения, а от китайского Нового года. И таким образом получается, что Дэну уже было 85 лет к моменту визита Горбачева. Для студентов, вероятно, этого «почти» было вполне достаточно.

Встреча Дэна и Горбачева продолжалась два часа и состоялась в Большом народном зале 16 мая. В первые несколько минут встречи велась прямая телевизионная трансляция, так что они смогли объявить всему миру об официальной нормализации своих отношений. Катализатором этого процесса, как сказал Дэн, стал приход к власти Горбачева в 1985 г., начавшего переоценку советской внешней политики и отход от политики холодной войны с Западом и конфликтов с другими странами. Он особенно отметил речь Горбачева во Владивостоке в 1986 г., когда советский лидер сделал важные предложения Китаю. «Товарищ Горбачев, народы всего мира и я лично увидели новое содержание в политическом мышлении Советского Союза. Я увидел, что возможен поворот в ваших отношениях с Соединенными Штатами и возможен поиск выхода из ситуации конфронтации и превращение ее в диалог». С тех пор, добавил он, Горбачев постепенно перешел к снятию или уменьшению трех больших препятствий: Афганистан, китайско-советские пограничные споры и война в Камбодже. В результате удалось нормализовать как межгосударственные, так и межпартийные отношения между СССР и КНР¹⁶³.

На публике все, конечно, выглядело приятным и светлым. Но как только телевизионные камеры покинули зал, Дэн сменил свой тон. «Я хочу сказать несколько слов о марксизме и ленинизме. Мы изучали их много лет». Многие из того, что говорилось в прошедшие тридцать лет, «оказалось пустышкой», подытожил он. Мир далеко ушел со времен Маркса, и марк-

¹⁶¹ Запись в дневнике Ли цитируется в: Engel & Radchenko. 'Beijing and Malta, 1989'. Pp. 192–193.

¹⁶² Radchenko. *Unwanted Visionaries*. P. 166; Robert Service. *The End of the Cold War 1985–1991*. Pan Books, 2015. P. 385. Об игре цифрами Горбачев–Дэн '58–85', см. также: Excerpts from the Conversation between Mikhail Gorbachev and Rajiv Gandhi. 15.7.1989 AGF DAWC.

¹⁶³ Michael Parks & David Holley. '30-Year Feud Ended by Gorbachev, Deng: Leaders Declare China-Soviet Ties Are Normalised'. *LAT* 16.5.1989.

систская доктрина тоже должна уйти. Горбачев заметил: «Тридцать лет прошли не зря – нам во многом удалось разобраться. И от этого не уменьшилась наша приверженность социалистическим идеалам, наоборот, мы поднялись до нового уровня осмысления социализма». И он добавил: «...Сейчас мы более внимательно изучаем наследие Ленина». Но Дэн вмешался, сказав, что ленинизм тоже со временем ушел в прошлое и не в последнюю очередь потому, что «ситуация в мире постоянно меняется, и тот, кто не может развивать марксизм-ленинизм без принятия во внимание новых условий, тот не настоящий коммунист». Посыл Дэна, похоже, состоял в том, что идеология должна меняться в свете изменений обстоятельств на национальном и международном уровнях – «никаких готовых моделей не существует», но рамки социалистической идеологии остаются необходимыми, чтобы избежать хаоса прагматизма и чистого экспериментаторства¹⁶⁴.

В этом была закодирована вполне очевидная критика горбачевского подхода к реформе «построения социализма», но советский лидер – стремясь оставаться почтительным – предпочел ее не заметить, вместо этого согласился со своим китайским собеседником в том, что «под прошлым нужно подвести черту, обратив взоры в будущее». Да, сказал Дэн, «но будет неверно, если я не скажу сегодня ничего о прошлом». У каждой стороны, добавил он, есть «право на выражение своей собственной точки зрения», и он бы хотел этим воспользоваться. «Отлично», – сказал Горбачев только для того, чтобы что-то произнести в завершение длинного и неспешного монолога престарелого китайского руководителя об ущербе и унижении его собственной страны в XX в. Дэн перечислил по очереди территориальный грабеж со стороны Британии, Португалии, Японии, царской России и затем СССР при Сталине и Хрущеве – и особенно после китайско-советского разрыва, когда возникла советская военная угроза вдоль собственно китайской границы. Осуждая идеологические ссоры, Дэн признал: «Мы тоже ошибались». Он внятно возложил всю ответственность за напряженность в двусторонних отношениях на Кремль: «Советский Союз неверно воспринимал место Китая в мире... существо проблем заключалось в неравноправном положении, в том, что к нам относились с пренебрежением и стремились подчинить»¹⁶⁵.

В конце концов Горбачев использовал свой шанс высказаться. Он заметил, что видит вещи иначе, но принимает «определенную вину и ответственность с нашей стороны» за недавнее прошлое. Все остальное – особенно территориальные изменения начала XX в. – уже принадлежит истории. «...Сколько перемен произошло на многих землях! Сколько исчезло государств и появилось новых! ... Историю не перепишешь, ее заново не составишь. Если бы мы встали на путь восстановления прошлых границ на основе того, как обстояло дело в прошлом, какой народ проживал и на какой территории, то, по сути дела, должны были бы перекрыть весь мир». Горбачев подчеркнул свою веру в геополитические «реальности» – в то, что принцип нерушимости границ придает миру стабильность», и напомнил Дэну, что собственное поколение Горбачева выросло на «чувстве дружбы с Китаем».

Эти умиротворяющие слова, похоже, увели пожилого человека от череды исторических сопоставлений. «Это всего лишь рассказ о том, что было – бросил Дэн. – Давайте считать, что с прошлым мы покончили». «Хорошо – ответил Горбачев. – Давайте положим этому конец». После коротких, ничего не значащих заключительных слов о «развитии» их отношений, встреча подошла к концу. Получилось так, что они разобрались с прошлым, но не пришли ни к какой ясности по поводу будущего¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Советская стенограмма встречи между Михаилом Горбачевым и Дэн Сяопином (выдержки), 16.5.1989 DAWC. Китайскую версию см.: DAWC.

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ Ibid.

И в этом, действительно, было все дело. Когда Горбачев попытался обсуждать китайско-советскую торговлю и совместные экономические проекты с Ли Пэном, он не добился никакого продвижения. Когда его спрашивали о советских инвестициях, сам Горбачев не мог ничего сказать. Он мог лишь обещать обычные экспортные товары СССР – нефть и газ, но в них китайцы не были так уж заинтересованы. А в том, что касается передовых технологий, особенно ИТ, то Ли дал ясно понять, что в этом Китай надеется на США и Японию. Никаких других существенных тем для переговоров не было¹⁶⁷. Фактически свой последний день в Пекине Горбачев провел, замкнутый в особняке для почетных гостей на окраине города, из-за протестов в городе не имея возможности, как это предусматривалось первоначальным планом, посетить Запретный город и послушать китайскую оперу. После короткой поездки в Шанхай он вернулся 19 мая домой, испытывая смешанные чувства в отношении всей поездки: реальным было удовлетворение от нормализации отношений – «поворотное событие», имеющее «эпохальное значение», но в то же время оставлявшее чувство глубокой неопределенности не только по поводу будущего китайско-советских отношений, но и самой Китайской Народной Республики¹⁶⁸.

В тот момент, когда Горбачев покидал Пекин, Дэн все свое внимание обратил на разрешение проблемы со студентами. Их наглый отказ добровольно покинуть Тяньаньмэнь унижил Выдающегося руководителя, но пока советский лидер оставался в городе, руки Дэна были связаны. Но его гнев закипал. Китайская столица была буквально парализована миллионами протестантов, сидевших на площади и маршировавших по бульварам. Студенты объединялись с рабочими, продавцами, гражданскими служащими, учителями, крестьянами и даже с недавно получившими форму новобранцами полицейской академии Пекина¹⁶⁹. Порядка не было, и казалось, что сам режим – в опасности.

20 мая Дэн объявил о введении в Пекине военного положения. Правительство ввело в город тысячи военных, вооруженных пулеметами и сопровождаемых танками, снабженных слезоточивым газом и водометами¹⁷⁰. Была введена жесткая цензура средств массовой информации, а Чжао – либерального лидера партии вынудили уйти с его поста за мягкое отношение к протестующим. Всем заправляли сторонники жесткой линии. И все равно им понадобилось еще две недели, в течение которых напряжение продолжало возрастать, на то, чтобы разрешить этот кризис. Одного лишь присутствия на улицах Народно-освободительной армии Китая оказалось недостаточно: солдат настраивали на недопущение кровопролития ни при каких обстоятельствах. Однако запугать этим студентов не удалось – они использовали методы непротivления, чтобы не допускать столкновений с войсками. Численность протестантов к концу мая уменьшилась, но все равно составляла около 100 тыс. человек, и они продолжали держать в заложниках, в политическом и идеологическом смысле, коммунистическое руководство Китая¹⁷¹.

¹⁶⁷ HIA-TSMP Notepad 16.5.1989 Gorbachev Talks with Li Peng 16.5.1989 DAWC; Vladislav Zubok. 'The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce'. *CWH* 17, 2 (2017) pp. 121–141, особенно: p. 138.

¹⁶⁸ Daniel Southerl. 'Leaders Fail to Sway Chinese Protestors'. *WP* 19.5.1989; '1,000,000 Protestors Force Gorbachev to Cut Itinerary' *LAT* 17.5.1989. О поездке в Шанхай и о взглядах советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе на «нормализацию советско-китайских отношений как на историческое событие» см. также: HIA-TSMP: Diary No. 9 Teimuraz Stepanov-Mamaladze – Entry 18.5.1989 DAWC. О китайской оценке, что «наиболее важный результат саммита» состоит в «нормализации отношений» см.: GHWBPL NSC-SitRoom TSCF China – part 1 of 5 [2] (OA/ID CF01722-002) Am. Embassy Beij ing to Baker – Re: MFA Briefing on Sino-Soviet Summit 20.5.1989 pp. 1–4.

¹⁶⁹ '1,000,000 Protestors Force Gorbachev to Cut Itinerary' *LAT* 17.5.1989; GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/ID CF01722-002) US amb. in Beij ing to Baker, Cable – Subj: Beij ing at Crisis, 20.5.1989 p. 1

¹⁷⁰ GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/ID CF01722-002) From SSO DIA, Cable – Re: China, Beij ing, 20.5.1989 p. 1; US amb. in Beij ing to Baker Cable – PRC State Council declares martial law 20.5.1989 p. 1.

¹⁷¹ Vogel. *Deng Xiaoping*. Pp. 616–624. См. также: Adi Ignatius & Julia Leung. 'Beij ings Bind'. *WSJ* 22.5.1989. О смещении Чжао и связи инфляционного кризиса и роста неприемлемых для ветеранов партии политических требований см. также: Naughton. *Growing out of the Plan*. Pp. 269–270. Важно отметить, что протесты распространились также на Чэнду, Чуньцин и

Все, за что выступали протестующие, во всяком случае то, что они сообщали мировым СМИ, олицетворяла собой «Богиня демократии». Эту десятиметровую статую из папье-маше и пенопласта, напоминавшую статую Свободы в Нью-Йорке, воздвигли 29 мая в самом центре площади напротив императорского дворца. Фотографии журналистов показывают, что при внимательном рассмотрении она представляла собой воспроизведение облика Мао. Демократия – по модели США – стала общепризнанным символом требований демонстрантов. Китайское правительство выпустило специальное заявление, предписывающее убрать статую, назвав ее «отвратительной» и провозгласив, что «здесь Китай, а не Америка»¹⁷².

Несмотря на то что Дэн был в растерянности, он в конце концов отдал военным приказ на применение силы по отношению к тем, кто, как он сказал, пытается совращать народ. Его аргументами было то, что Китай нуждается в мирном и стабильном окружении для продолжения движения по дороге реформ, чтобы провести модернизацию и открыться капиталистическому миру. Но реформа, настаивал он, не означает отказа от четырех базовых принципов: придерживаться социализма, укреплять руководящую роль КПК и ее монополию, поддерживать «народную демократию» и сохранять приверженность марксистско-ленинско-маоистской философии. Идеологическая чистота, подкрепленная автократическим правлением партии, должна была остаться¹⁷³.

На заре в воскресенье 4 июня десятки тысяч китайских солдат заполонили площадь Тяньаньмэнь и прилегающие улицы, стреляя из автоматов по толпам мужчин и женщин, отказывавшихся уходить с их дороги. Множество студентов и рабочих было убито и ранено. Несколько тысяч человек, находившихся по сторонам площади, смогли покинуть площадь с миром, впрочем, продолжая нести с собой свои университетские флаги. Палаточный лагерь был сметен: бронетранспортеры сминали палатки, сбивали с ног тех, кто решил остаться. Когда некоторые протестанты в ответ стали взбираться на военную технику и забрасывать камнями здание Великого народного зала, солдаты применили слезоточивый газ и дубинки. Очень скоро городские больницы оказались переполнены ранеными. «Мы, врачи, привыкли видеть смерть, – сказал один медик пекинской больницы “Тонгрэн”. – Но мы еще никогда не видели ничего подобного этой трагедии. Все палаты больницы были залиты кровью»¹⁷⁴.

Установить точное число погибших невозможно: оценки варьируются от 300 до 2600 человек. Государственные СМИ Китая 4 июня сообщили о разгроме «контрреволюционного восстания» и упомянули о жертвах среди полицейских и военных. Демонстрантов вымарали из официальной истории Китая. Но что действительно имело значение, так это то, что короткая, но сопровождавшаяся жертвами, битва за демократию стала бессмертной благодаря мировым СМИ. В дополнение к сообщениям о бойне и гибели гражданских лиц, запечатлевшие все это фотографии стали по-настоящему символическими – для реформаторов всего мира они стали символами потерянного для Китая 1989 г. Два самых знаменитых снимка мужчины, в одиночку ставшего на пути танковой колонны, и чья судьба все еще остается дразняще неизвестной. Он мог бы стать классической эмблемой мира в 1989 г. – символом силы народа. Им могла бы стать и Богиня демократии, зримо воплощавшая то, за что боролись протестанты. Утром 4 июня

Гуанчжоу. GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/IA CF01722-002) Am. embassy Beijing to Baker Telex – Student Hunger Strikes in Chengdu, 19.5.1989; and American Consul Guangzhou to Baker, Re: Guangzhou students on the march in defiance of Li Peng (Guangzhou report no. 9), 20.5.1989; and Am. embassy Beijing to Baker, Cable – Subj: Sitrep. No. 5, 0600 – The Scene from Tiananmen Square 21.5.1989. GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China – part 1 of 5 [3] (OA/ID CF01722-003) From SSO DIA – China: Situation report 22.5.1989.

¹⁷² Claudia Rosett. ‘Miss Liberty Lights Her Lamp in Beijing’. *WSJ* 31.5.1989.

¹⁷³ GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China – part 2 of 5 [2] (OA/ID CF01722-007) Am. embassy Beijing to Baker Cable – Subj: Sitrep. No. 18 Central party organs endorse Deng line 27.5.1989 pp. 1–2; Vogel *Deng Xiaoping* pp. 625–627.

¹⁷⁴ Nicholas D. Kristof. ‘Troops Attack and Crush Beijing Protest – Thousands Fight Back, Scores Are Killed, Square Is Cleared’. *NYT* 4.6.1989.

статую разнесли на мелкие кусочки, и затем всю площадь вымыли армейские чистильщики, убрав осколки несостоявшейся революции. Но мир этого не забудет¹⁷⁵.

Так Китай заново изобрел коммунизм – силой. По ходу дела, поскольку вся трагедия разыгрывалась на экранах телевизоров в режиме реального времени, на студентов стали смотреть в контексте холодной войны, видя в них сторонников западных идеалов свободы, демократии и прав человека. К тому же применение китайским правительством танков против вооруженных студентов тоже пробуждало воспоминания о 1968 г., и не о студенческих протестах, шедших тогда по всему миру, а о подавлении Пражской весны Советской армией, что до основания потрясло весь европейский коммунизм. В Дэне стали теперь видеть преступного врага демократии, и многие задавались вопросом, а был ли Горбачев искренним в своей ооновской речи, когда отрекся от доктрины Брежнева и выступил за «свободу выбора». И поскольку беспорядки в Советском блоке и в самом СССР нарастают, то не пойдет ли Горбачев дорогой Дэна? Покатятся ли теперь танки по Восточной Европе?

Через пять дней в Москве опубликовали осторожное заявление с «сожалением» по поводу кровопролития и выразили «надежду», что здравый смысл и настрой на продолжение реформ возобладают в КНР. Официальный представитель советского МИДа Геннадий Герасимов признал, что советские официальные лица были удивлены той жестокостью, с которой китайские лидеры покончили со студентами-демонстрантами: «Мы этого не ожидали»¹⁷⁶. В частном порядке Горбачев сказал Колю, что он был «потрясен» развитием событий в Китае, но не развил эту тему¹⁷⁷. Для него произошедшее в Пекине стало подтверждением давнего убеждения, что подход Дэна к реформам неизбежно связан с нарастанием напряженности и что единственным способом снятия этой напряженности без кровопролития является политическая либерализация. Так советский лидер еще сильнее убедился в том, что его собственная стратегия, нацеленная на избежание насилия и построение «смешанной экономики» без крайностей капиталистической приватизации и социального неравенства, является единственным разумным путем для движения вперед. Короче говоря, горбачевскую экономическую реформу надо дополнять политической, что бы эта реформа ни означала¹⁷⁸.

В Советском Союзе были люди, ожидавшие от Горбачева открытого осуждения китайского правительства. Радикальный политик Борис Ельцин и правозащитник Андрей Сахаров заклеили действия Дэна как «преступление против человечности» и выстроили параллели между разгоном демонстрантов в Пекине и советскими военными «репрессиями» против демонстрантов в Тбилиси (Грузия) в апреле, буквально за несколько недель до поездки Горбачева в Пекин. (Интересно, что Дэн приводил этот инцидент в пример своим людям как пример

¹⁷⁵ Ibid.; Vogel. *Deng Xiaoping*, pp. 625–632; Heather Saul. 'Tiananmen Square: What happened to tank man? What became of the unknown rebel who defied a column of tanks?'. *Independent* 4.6.2014. See also GHWBPL NSC –SitRoom TSCF China – part 3 of 5 [1] (OA/ID CF01722-011) Am. embassy Beij ing to Baker Cable – Subj: Siterep No. 32 The morning of 6.4.1989, 4.6.1989 pp. 1–4; and Am. embassy Beij ing to Baker Cable – Subj: Chaos within China 4.6.1989 pp. 1–5; Baker to Am. embassy Beij ing Cable – Subj: SSO TF3-3: China Task Force Situation 4.6.1989 p. 1. Cf. Am. embassy Beij ing to DoS Cable – What Happened on the Night of June 3/4? 22.6.1989 NSAEBB No. 16. В этом сообщении утверждалось, что «число смертей среди гражданского населения, вероятно не достигало 3000, как это указывалось в некоторых сообщениях прессы». Хотя цифры, приводимые Китайским Красным Крестом, насчитавшим 2600 жертв среди военных и гражданских, а также 7000 раненых не кажутся «неоправданной оценкой». Для сравнения, британский посол в Китае сэр Алан Дональд писал в своем докладе 5 июня: «Минимальные оценки жертв среди мирного населения составляют 10 000 погибших». TNA FCO 21/4181 UK emb. Beij ing to FCO Cable – China: Background to Military Situation 6.6.1989 p. 3.

¹⁷⁶ State Department Bureau of Intelligence and Research. 'China: Aftermath of the Crisis' 27.7.1989 NSAEBB No. 16; 'Kremlin Dismayed, Aide Says' *NYT/AP* 10.6.1989.

¹⁷⁷ GHWBPL Telcon of Kohl–Bush talks 15.6.1989 Oval Office p. 1.

¹⁷⁸ См. выдержки из записи переговоров между Михаилом Горбачевым и Радживом Ганди 15.7.1989 AGF DAWC.

хорошей дисциплинированности.) Но у Горбачева не было никакого намерения соревноваться с Ельциным и Сахаровым. Он не мог принести в жертву абстрактным принципам успехи своей личной дипломатии, достигнутые с таким трудом¹⁷⁹. Китай был слишком важен для СССР, чтобы рисковать, превращая Дэна во врага тем, что обе стороны согласились считать «вмешательством во внутренние дела».

И реакция Буша на Тяньаньмэнь тоже была осторожной. Американцы не были удивлены тем, как обернулись события – Джеймс Лилли, новый посол США в Пекине, неделя за неделей предсказывал расстрел, и сам президент очень старался не дать демонстрантам никаких вдохновляющих поводов¹⁸⁰. 30 мая он говорил репортерам: «Я достаточно стар и помню Венгрию в 1956 году, и я не хочу делать каких бы то ни было заявлений и призывов, которые могли бы привести к повторению того, что тогда произошло»¹⁸¹.

Он послал Дэну личное письмо за три дня до этого, откровенно обращаясь к нему как к давнему другу и предупреждая против «насилия, репрессий и кровопролития», чтобы не нанести ущерба китайско-американским отношениям¹⁸². Дэн не ответил. 4 июня Буш попытался позвонить ему по телефону, но Дэн просто не взял трубку. Это был полный афронт: даже старому другу не позволительно вмешиваться, если это не устраивает Китай¹⁸³.

Дэн явно считал, что он может пойти на риск разгона. Он предполагал, что Запад скоро обо всем забудет, и в любом случае они знают, что торговля с Китаем слишком важна, чтобы порвать с ним отношения. На самом деле Дэн очень осторожно заверил Вашингтон в своей глубокой заботе о взаимных отношениях. Китайский лидер не ошибался в своих умозаключениях. Из Вашингтона поступали неоднозначные сигналы. С одной стороны, Буш «возмущался» решением Дэна о применении силы в отношении демонстрантов¹⁸⁴, уменьшил продажу военной техники и снизил уровень официальных контактов с Китаем. Он также обещал гуманитарную и медицинскую помощь всем, кто пострадал в трагедии на Тяньаньмэнь. Но, с другой стороны, у него не было никакого намерения к ограничению дипломатических отношений или применению жестких санкций, от которых пострадают простые люди. Принимая во внимание существовавшие личные связи с Дэном и свою собственную убежденность в магнетической притягательности капитализма, Буш стремился избегать какой-либо конфронтации, способной повредить расцвету китайско-американских отношений в долговременной перспективе. Если действовать слишком грубо, то можно подпитать твердолобых контрреформаторов в Пекине и запустить стрелки часов в обратную сторону – то, чего он хотел избежать любой ценой. Но если реагировать слишком мягко, то коммунистические режимы в Восточной Европе, включая СССР, могут почувствовать вкус к использованию силы против своих политических оппонентов. Проблема была в том, что пространство для маневра было очень ограниченным – особенно у себя дома, где Конгресс призывал к жестким санкциям, а правозащитное лобби желало наказать «мясников с Тяньаньмэнь» и обвинить Буша как «умиротворителя» Пекина¹⁸⁵.

¹⁷⁹ State Department Bureau of Intelligence and Research 'China: Aftermath of the Crisis' 27.7.1989 NSAEBB No. 16.

¹⁸⁰ См.: US Embassy (Lilley) Beijing Cable 'PLA Ready to Strike' (CONFIDENTIAL) 21.5.1989 NSAEBB No. 47.

¹⁸¹ The President's News Conference Following the North Atlantic Treaty Organisation Summit Meeting in Brussels 30.5.1989 APP.

¹⁸² GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/ID CF01722-007) Sec State WashDC to US amb. in Beijing Cable RE: China matters – Letter from President to Deng Xiaoping 27.5.1989 pp. 1–2.

¹⁸³ Engel & Radchenko. 'Beijing and Malta, 1989'. P. 195.

¹⁸⁴ James R. Lilley & Jeffrey Lilley. *China Hands: Nine Decades of Adventure, Espionage, and Diplomacy in Asia*. Public Affairs, 2004. P. 309; Kristof. 'Crackdown in Beijing'.

¹⁸⁵ Vogel. *Deng Xiaoping*. Pp. 648–652; David M. Lampton. *Same Bed, Different Dreams*. Univ. of California Press, 2002. Pp. 21–22; Engel. *When the World Seemed New*. Pp. 175–181. См. также: Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 98–103; GHWBPL NSC – SitRoom TSCF China (OA/ID CF01722-011) Am. embassy Beijing Cable – Subj: Chaos in China 4.6.1989 pp. 1–5. See also JAB-SML B108/F6 RBZ draft 5.6.1989 – Response to PRC events pp. 1–2.

Жонглируя всеми этими напастями и в то же время публично защищая приоритет действий президента над Конгрессом в вопросах внешней политики, Буш 21 июня вновь попытался связаться с Дэном. На этот раз ему было отправлено рукописное послание, составленное, по его словам, «с тяжелым сердцем». Он апеллировал к их «настоящей дружбе», подчеркивал личное уважение к Дэну и даже хвастался тем, что сам лично «преклоняется перед китайской историей, культурой и традицией». Он ясно дал понять, что не будет диктовать или вмешиваться, но обращается к Дэну «не позволить, чтобы последствия недавних трагических событий подорвали жизненно важные отношения, столь упорно выстроенные за последние семнадцать лет». Имея в виду провал с обращением 4 июня, президент добавил: «Я бы приветствовал личный ответ на это письмо. Это дело слишком важное, чтобы мы поручили его нашим бюрократам»¹⁸⁶.

На сей раз личная дипломатия сработала. Буш получил письменный ответ в течение 24 часов – сущностно позитивный настолько, что Буш попросил Скоукрофта лично слетать в Китай на переговоры с Дэном и Ли. Это была эпическая история, достойная сопоставления с визитом Киссинджера в Пекин в июле 1971 г., совершенном в духе Марко Поло. Самолет взлетел в 5 утра 30 июня 1989 г. с авиабазы Эндрюс. Это был военно-транспортный самолет C-141, «в котором было установлено нечто, что эвфемистично называли «комфортным тюфяком», здоровенный ящик с кроватью и сиденьем». Самолет можно было дозаправить в воздухе, поэтому ему не нужно было нигде приземляться по пути. Официальным пунктом назначения была Окинава, но уже в пути это переиграли. Все наклейки ВВС США были сняты, экипаж, вылетевший в военной форме, перед прилетом в Пекин сменил ее на гражданскую одежду. Миссия была настолько секретной, что не проинформировали даже китайские ПВО. К счастью, когда они заметили неопознанный самолет, входящий в китайское воздушное пространство возле Шанхая, и запросили, нужно ли его сбивать, то их звонок попал прямо к президенту Ян Шанкуню, который приказал им воздержаться от огня. Американцы благополучно приземлились около полудня 1 июля и оставшуюся часть дня отдыхали в Государственной резиденции для гостей¹⁸⁷.

Разговор Скоукрофта с Дэном 2 июля в Великом народном зале установил параметры будущей политики для обеих сторон – настолько, что здесь их стоит детально воспроизвести¹⁸⁸.

Дэн начал с того, что «выбрал» Буша в качестве особого друга потому, что с их первой встречи он понял: тот «достоин доверия». Конечно, проблемы в китайско-американских отношениях не могут «разрешить вдвоем, даже если они друзья», сказал китайский лидер. Таким образом Дэн поблагодарил Буша за то, что послал к нему «своего эмиссара». Он показал, что Буш понимает всю сложность ситуации. И он принял «важное и взвешенное действие, хорошо встреченное нами». «Представляется, что есть надежда установить подлинно хорошие отношения»¹⁸⁹.

Тем не менее, на взгляд Дэна, «суровая правда по большому счету заключалась в том, что Соединенные Штаты игнорируют китайские интересы» и «ущемляют китайское достоинство». Для него это был «коренной вопрос». Некоторые американцы, желавшие разрушения КНР и социалистической системы, помогали «контрреволюционному восстанию». Из-за того, что США завязали этот узел, перефразируя китайскую пословицу, то Дэн настаивал: «Мы надеемся, что в будущем США будут стремиться узлы развязывать». Другими словами, это Буш должен был исправлять положение.

¹⁸⁶ Письмо Буша Дэну от 29.6.1989. Опубликовано в: Bush. *All the Best*. Pp. 428–431.

¹⁸⁷ GHWBPL Scowcroft – Special Separate China Notes Files – China Files (hereafter SSCNF-CF) China 1989 (sensitive) (OA/ID 91136-001) Handwritten notes on the flight 30 June – 1 July 1989. Cp.: Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. Pp. 105–106

¹⁸⁸ GHWBPL Scowcroft SSCNF-CF China 1989 (sensitive) (OA/ID 91136-001) Memcon of Deng–Scowcroft talks 2.7.1989 Beijing pp. 1–14.

¹⁸⁹ Ibid. pp. 1–3.

Его правительство, добавил Дэн, намерено наказать «лидеров контрреволюции» в соответствии «с китайскими законами». Иначе, риторически вопрошал он, «как может продолжать существовать КНР»? Дэн не дал Скоукрофту возможности сомневаться в том, что никакое вмешательство во внутренние дела Китая неприемлемо, и предупредил Конгресс и СМИ США больше не подбрасывать топлива в огонь. На самом деле он ожидал, что Вашингтон найдет «подходящий метод», чтобы снять различия в подходах к событиям на Тяньаньмэнь¹⁹⁰.

Скоукрофт отвечал со всей учтивостью, всегда отличавшей американские отношения с Китаем. Он много говорил о личной связи Буша с Китаем и о собственном глубоком чувстве к этой стране. Он пытался напоминать о серьезных инвестициях США в постоянно «углубляющиеся» отношения с Пекином после 1972 г., от чего экономически и стратегически выиграли обе стороны, в том числе и на уровне интересов обычных людей. Он также подчеркивал значение своего визита. «Наше присутствие здесь, ради которого пришлось тайно преодолеть тысячи километров, не подразумевает ничего иного кроме попытки общения, и оно символично обозначает то значение, которое президент Буш придает этим отношениям и тем усилиям, которые он предпринимает, чтобы сохранить их»¹⁹¹.

Вторя словам Дэна о важности личных дружеских отношений, Скоукрофт внес в разговор необходимые американцам моменты. «События на площади Тяньаньмэнь наложились на общий климат углубляющихся двусторонних отношений и растущей симпатии». Он объяснил, что президент должен как-то отвечать на эмоциональную реакцию электората. Это американское «внутреннее дело» – затрагивающее фундаментальные человеческие ценности, которым Буш, в свою очередь, придавал большое значение. Другими словами, президент сохраняет свою приверженность «свободе» и «демократии», о которых он говорил в инаугурационной речи. И защищая чувствительность Америки к вопросам прав человека, он не может представить себе личный визит в Пекин из-за того, что такой визит придаст легитимности режиму Дэна, которая исчезла после кровопролития на Тяньаньмэнь. Но, как сказал Скоукрофт Дэну, Буш хочет «действовать таким образом, чтобы обеспечить здоровые отношения со временем». И он «очень близко принимает китайские озабоченности». Тайная дипломатия тем самым оставалась единственным способом для «восстановления, сохранения и укрепления» двусторонних отношений¹⁹².

Дэн не дал прямого ответа. Вместо этого он назвал три максимы, которые движут Китаем. Первая: «Думаю, что надо понимать историю», – сказал Дэн. Китай вел войну на протяжении двадцати двух лет, которая стоила ему 20 миллионов жизней – и из этого конфликта китайский народ вышел победителем под руководством Коммунистической партии. «На самом деле, – сказал он Скоукрофту, – если прибавить к этому трехлетнюю войну, в которой мы помогали Корее против агрессии США, то получится двадцатипятилетняя война». Второе, что он отметил, было священное значение китайской независимости: страна не может позволить себе быть управляемой другой нацией: «Не важно, какого рода трудности вырастут на нашем пути». А что касается третьей фундаментальной максимы, то не существует «никакой другой силы», кроме Китайской коммунистической партии, которая может представлять Китай. И это доказали «несколько десятилетий»¹⁹³.

Такой же разговор состоялся у Скоукрофта с Ли. Как он вспоминал позже, он почувствовал глубокое различие и «столкновение культур»¹⁹⁴, которое в один момент не преодолеешь, но его тайная поездка выполнила свое главное предназначение: проверила каналы коммуни-

¹⁹⁰ Ibid. p. 4.

¹⁹¹ Ibid. pp. 7–9.

¹⁹² Ibid. pp. 10–12.

¹⁹³ Ibid. pp. 13–14.

¹⁹⁴ Bush & Scowcroft. *A World Transformed*. P. 110.

кации и таким образом устранила беспокойство за экономические связи. Буш отметил в своем дневнике: «Я оставил дверь открытой»¹⁹⁵.

Таким образом, Кремль и Белый дом внешне отреагировали на Тяньаньмэнь осторожно. Но за сценой их осмысление событий менялось. Горбачев и Буш оба сосредоточились на отношениях с Китаем в первые месяцы 1989 г., но по-разному, и оба совершили значимые визиты в Пекин, но они оба мало что могли сделать, по крайней мере в обозримом будущем, из-за жесткого ответа китайских коммунистических руководителей на революцию¹⁹⁶. В середине 1989 г. и Горбачев, и Буш оба выверяли свою политику.

Советский лидер, надо сказать, все еще был склонен смотреть на Восток. Обсуждая события на Тяньаньмэнь с премьер-министром Индии Радживом Ганди 15 июля в Москве, Горбачев оставил в стороне эмоциональные разговоры о человеческих жертвах и заметил, что «политикам надо быть осторожными в таких вещах. Тем более, когда речь идет о такой стране, как Китай. О стране с населением более одного миллиарда человек. Это ведь целая цивилизация». Но, пытаясь во всем найти позитив, он даже почувствовал, что раз Китай столкнулся с повсеместным осуждением из-за «резни на Тяньаньмэнь», то у этого есть и светлая сторона: Пекину теперь нужны друзья, и это может дать Москве и Нью-Дели реальную возможность, в то время как Дэн уже сыт по горло медлительностью Буша. «Американцы хотят, чтобы у нас все было плохо и даже еще хуже. Так что мы должны надеяться главным образом на самих себя». И еще, размышлял он, мы можем надеяться на другие дружественные страны, стремящиеся отвечать требованиям модернизации и развития. «Вчера мы говорили с министром науки и техники КНР. Речь шла о сотрудничестве. Он хорошо настроен». Горбачев напомнил Ганди об их предыдущих разговорах о «треугольнике» – новой конструкции трехстороннего сотрудничества между Советским Союзом, Индией и Китаем. «Может быть, именно сейчас тот самый момент, когда они действительно заинтересованы в связях с вами и с нами»¹⁹⁷.

Горбачевские размышления были весьма симптоматичными ввиду неопределенностей на международной арене той смутной осенью 1989 г. Кое-кто в его окружении видел в событиях на Тяньаньмэнь свет близких изменений в Европе. Владимир Лукин, глава горбачевского штаба по планированию, предупреждал, что события 4 июня показывают: лидеры КНР все более явным образом дрейфуют «в сторону группы социалистических стран с традиционной идеологией», имея при этом в виду Восточную Германию, Кубу, Румынию и Северную Корею, и «одновременно подозрительно и с опаской относятся к тем странам, которые реформируют административно-бюрократическую систему», другими словами, к Польше и Венгрии. Это, говорил Лукин, «конечно, неприятный факт, но было бы неверно не принимать это во внимание в наших контактах с китайцами». Вместо того чтобы выступать за попытки построить Ось на Востоке, он защищал идею выглядеть «благожелательным резервом» для Пекина, избегающего каких-либо броских жестов. Такая политика позволит Советскому Союзу «пройти нынешний трудный период, не портя отношения с официальным Пекином». И это будет дополнительным преимуществом сохранения «уважения наиболее передовых частей китайского народа», которые, предсказывал он, без всякого сомнения, сыграют роль в «не столь уж далеком периоде после Дэна» и поддержат «наше движение в «Западном направлении» нашей внешней политики. Это было поразительное наставление. Лукин предупреждал, что Китай не только твердо связал себя не с авангардом, а с арьергардом коммунистического обновления – хотя он ясно понимал, что эра Дэна подходит к концу, но он также отчетливо видел, что будущее России лежит не в Азии, но вместе с Европой и Западным миром»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Bush. *All the Best*. P. 431.

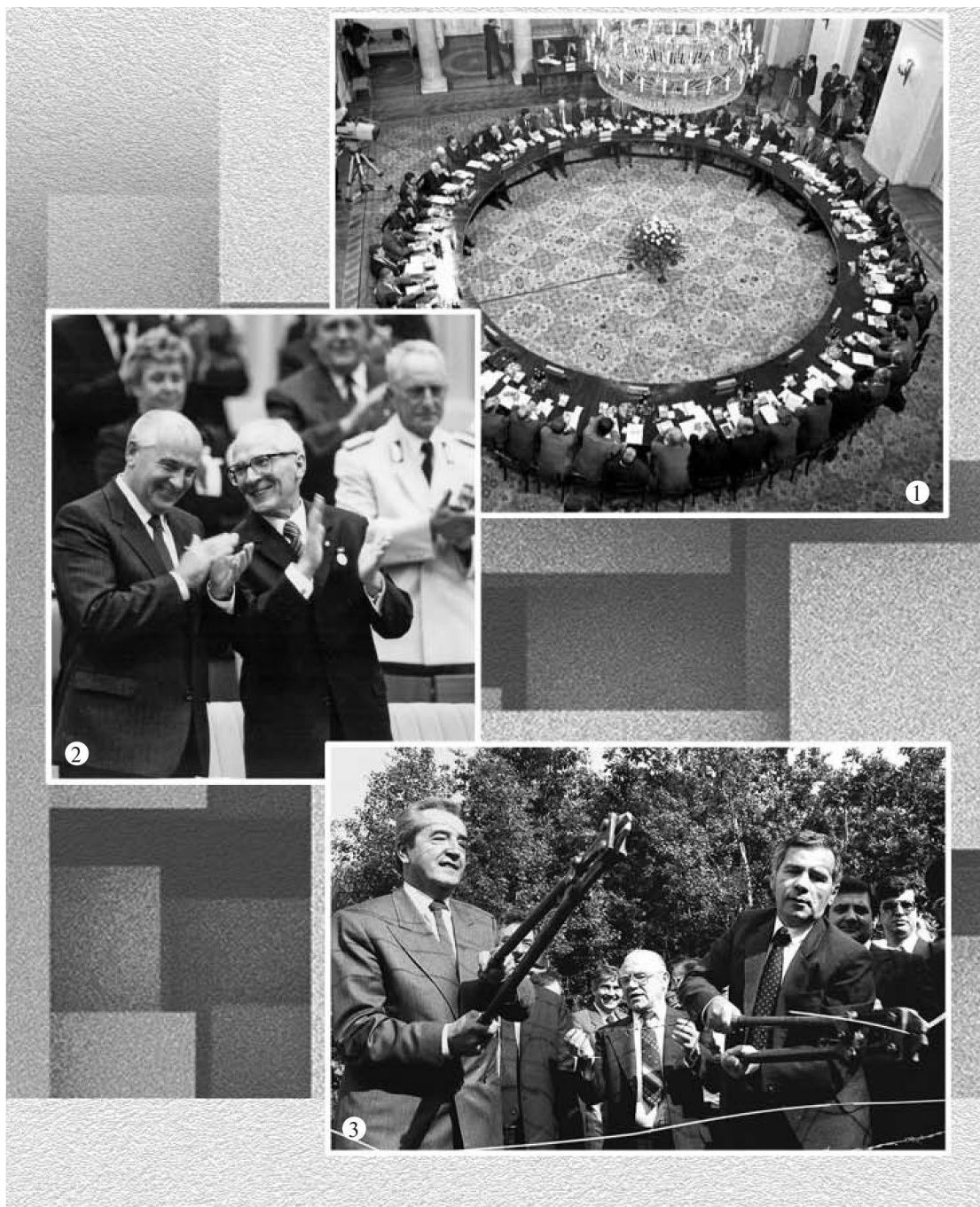
¹⁹⁶ См.: Richard Baum. *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping*. Princeton UP, 1996. Pp. 18–20.

¹⁹⁷ См. выдержки из записи переговоров между Михаилом Горбачевым и Радживом Ганди 15.7.1989 AGF DAWC, А также: Горбачев. Собр. соч. Т. 15. С. 257, 262–264.

¹⁹⁸ Заметка Владимира Лукина относительно советско-китайских отношений: 22.8.1989 GARF f. 10026 op. 4 d. 2870 l.

Несмотря на весь шум по поводу Тяньаньмэнь, не стоит забывать, что дата 4 июня вообще-то не была вехой лишь для Китая. В этот самый день «Солидарность» пришла к власти в Польше. Так демократия двинулась маршем по Восточной Европе. Это было именно так, потому что всего за четыре недели до этого коммунистическое правительство Венгрии совершило судьбоносный шаг, сняв заграждения из колючей проволоки на границе с Австрией. Это разрушение открыло брешь на Запад, особенно для восточных немцев, имевших право на гражданство Западной Германии. В то время как Китай ограждал свою новую гибридную модель – контролируемый коммунистами зародышевый капитализм, Железный занавес в Европе пал. Это был вызов всему порядку холодной войны в целом – и с этим что-то могли сделать лишь две сверхдержавы. Полгода Джордж Буш водил хоровод вокруг Горбачева, теперь у него не было иного выбора, как действовать.

Глава 2. Коммунизм опрокинутый: Польша и Венгрия

На фото:

1. Польша. Заседание «круглого стола». Варшава, 6 февраля – 5 апреля 1989 г.
2. Празднование 40-летия ГДР. Михаил Горбачев и Эрих Хонеккер. Берлин, 6 октября 1989 г.
3. Алоис Мок и Дьюла Хорн – министры иностранных дел Австрии и Венгрии снимают проволочное заграждение на границе двух стран. 27 июня 1989 г.

4 июня 1989 г. То воскресенье стало не только поворотным пунктом в современной истории Китая, но оказалось вехой для Польши и для всего процесса выхода Восточной Европы из ситуации холодной войны. Многие из наблюдателей провозгласили этот день днем первых свободных и демократических выборов в Польше со времен Второй мировой войны.

Впрочем, это было не совсем так: движение Польши от коммунистической диктатуры началось с манипуляций на выборах. Партия польских коммунистов (Польская объединенная рабочая партия, ПОРП), с 1980 г. втянувшаяся в изнурительную борьбу за власть с профсоюзным движением «Солидарность», уступила требованию проведения выборов в надежде сохранить контроль над процессом реформ. Предполагалось изобрести коммунизм заново, по-польски. Как заметил американский журналист Джон Тальябуэ, генерал Войцех Ярузельский, руководитель партии, хотел «использовать выборы для замены аппаратчиков, противившихся переменам, людьми, настроенными на реформы на ключевых постах, чтобы влить в партию свежую кровь», как это пытался сделать в СССР Горбачев¹⁹⁹. Стремление режима к демократии было лишь прикрытием. По результатам выборов полностью формировался состав верхней палаты – сто кресел Сената, но в наиболее важной нижней палате, в Сейме, по результатам выборов замещалось лишь 161 место из 460, т.е. 35%. Все остальные места были зарезервированы за коммунистами (38%) и союзными им партиями (27%). Более того, 35 мест по квоте коммунистов были выделены для выдающихся государственных и партийных деятелей. Эти кандидаты не имели конкурентов, и их имена были внесены в специальный «национальный список». Единственный «выбор», оставленный избирателям, состоял в том, что они могли вычеркивать имена из различных списков как им заблагорассудится. Режим понимал, что отдельные избиратели так и поступят, но не ожидали, что такое явление будем иметь большой масштаб, поэтому кандидатам из «национального списка» было достаточно получить 50% голосов. При таких условиях не было причин полагать, что такой весьма осторожный демократический эксперимент может представлять какую-либо угрозу монополии компартии²⁰⁰.

В действительности то воскресенье раскрыло множеству людей глаза на то, что происходит с «демократией» в их части мира: это был сказ не о выборном пуле, а о пулях. Пресса и телевидение были полны сообщениями о событиях с площади Тяньаньмэнь, произошедших с временной разницей с Варшавой в шесть часов и с Вашингтоном – в двенадцать. Британский журналист и телекомментатор Тимоти Гэртон Эн, находившийся в Польше для освещения выборов, с раннего утра засел в импровизированном офисе только что основанной оппозиционной «Газеты Выборчей» (ее лозунгом стало: «Нет свободы без солидарности»). Он и его польские друзья как загипнотизированные смотрели кадры, показывавшие убитых или раненых китайских протестантов, которых выносили из Запретного города²⁰¹. Тем утром «Нью-Йорк таймс» вышла с огромным заголовком на первой полосе «ВОЙСКА АТАКУЮТ И СМІНАЮТ ПРОТЕСТЫ В ПЕКИНЕ; ТЫСЯЧИ ОКАЗЫВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ, МНОЖЕСТВО УБИТЫХ». В нижней части этой же полосы было размещено небольшое объявление под названием «Выборы в Польше»: «Кое-кто говорит, что через четыре года оппозиция придет к власти»²⁰².

На самом деле до перемен в Польше оставались часы. Несмотря на то что официальные результаты должны были появиться лишь через несколько дней, к вечеру стало ясно, что оппозиция завоюет почти все места в Сенате. Более того, заполняя бюллетени по выборам депутатов Сейма, миллионы избирателей отказали в доверии правительству, вычеркнув множество

¹⁹⁹ John Tagliabue 'Poland Flirts with Pluralism Today' *NYT* 4.6.1989.

²⁰⁰ О польских «полу-конкурентных выборах» см.: Marjorie Castle. *Triggering Communism's Collapse: Perceptions and Power in Poland's Transition* Rowman & Littlefield, 2003. Ch. 6. См. также: Tagliabue 'Poland' *NYT* 4.6.1989.

²⁰¹ Timothy Garton Ash. 'Revolution in Poland and Hungary' *London Review of Books* (hereafter *LRB*) 17.8.1989. Cp. *idem: The Magic Lantern*. Pp. 25–46, особенно p. 32.

²⁰² Kristof. 'Troops Attack and Crush Beijing Protest'.

имен в официальном списке и, таким образом, десятки ключевых функционеров, включая премьер-министра, министра внутренних дел, не смогли набрать 50% голосов. Это был поразительный результат: «Солидарность» превзошла коммунистов. Победа не только была пощечиной партии, но и стала подрывом основ эффективной деятельности правительства. Режим потерял контроль над процессом нового переосмысления коммунизма. Народ брал верх.

Однако общий настрой в Польше тем солнечным вечером совсем не был таким уж буйно радостным. Население испытывало тревогу. Лидер «Солидарности» Лех Валенса выразил озабоченность последствиями того, что выглядело для рабочего движения как решительный сдвиг: «Я думаю, что слишком большой процент победителей среди наших людей может вызвать тревогу». Выдержав десятилетие жесткой борьбы с режимом, он не знал теперь, какой будет реакция правительства Ярузельского. Официальный представитель партии Ян Биштика предупредил: «Если ощущение триумфа и авантюризм породят анархию в Польше, то демократия и социальный мир могут оказаться в серьезной опасности». И мрачно добавил: «Власти, коалиция и оппозиция не могут допустить такой ситуации»²⁰³.

Гэртон Эш стал свидетелем того, как лидеры «Солидарности» «погрузились в яростные дискуссии, мучительные переговоры, заключение тайных сделок», он видел, что их реакция на результаты выборов была «удивительным смещением экзальтации, недоверия и тревоги. Тревоги за новую ответственность, с которой они теперь столкнулись – на самом деле это и есть проблема успеха, но также и затаенного страха, что дела не могут все время идти также хорошо»²⁰⁴. Этот страх, конечно, был подогрет новостями из Китая. И деятели «Солидарности», и коммунисты-реформаторы внезапно и остро представили себе, что может произойти, если насилие выплеснется наружу – и не в последней степени потому, что 55 тыс. солдат Советской армии находились на польской земле²⁰⁵. И поэтому они сделали все возможное, чтобы этого избежать.

Руководители «Солидарности» теперь осознали, что им суждено участвовать в политике на национальном уровне – уйдя от их изначальной роли «оппозиции» и приняв на себя ответственность как результат успеха на выборах. Правительство тоже было шокировано результатами. Они ожидали доверия от избирателей, а вместо этого получили уничтожительный вердикт как итог четырех десятилетий коммунистического правления, опиравшегося на внешнюю силу – советскую военную мощь. Но, вступая в неизведанные воды, обе стороны были обречены на совместную работу – из-за опасений в противном случае получить Тяньаньмэнь у себя дома. И «Солидарность», и коммунисты, похоже, были объединены сообществом судьбы – они не могли действовать во имя Польши друг без друга.

В Москве Горбачев и его советники пребывали в шоке от новостей из Варшавы. Они надеялись, что реформы в стиле перестройки в странах-сателлитах будут встречены с благодарностью, позволив коммунистам-реформаторам остаться у руля. И советское руководство отнесло полученные результаты на счет особенностей Польши. Позднее Андрей Грачев, помощник Горбачева, заметил, что поляки были «слабым звеном» в советском блоке. То, что произошло в Польше, скорее всего, так и останется польским феноменом²⁰⁶. Горбачев тем не менее оставался приверженным тем принципам, которые он огласил в своей речи в ООН. Доктрина Брежнева мертва, а «свобода выбора» носит всеобщий характер. Польский народ

²⁰³ John Daniszewski. 'Communist Party Declares Solidarity Landslide Winner'. AP 5.6.1989; John Tagliabue. 'Stunning Vote Casts Poles into Uncharted Waters' NYT 6.6. 1989.

²⁰⁴ Garton Ash. *The Magic Lantern* P. 32.

²⁰⁵ Tyler Marshall 'Russian Troops Remain in Ex-Satellite States – Military: Of an estimated 600,000 in Eastern Europe in the late 1980s, only about 113,000 haven't gone home' LAT 1.4.1993.

²⁰⁶ Andrei Grachev *Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War* Polity 2008 P. 172.

высказался. Значит, так тому и быть – до тех пор, пока Польша остается членом Варшавского пакта²⁰⁷.

Никто не мог предугадать, что польская выборная революция будет иметь эффект домино. Но проблемы накапливались годами. Глядя в прошлое, видишь, что весь советский блок был карточным домиком. Во-первых, потому что он основывался на присутствии Советской армии после окончания Второй мировой войны. Советский контроль над этими территориями развивался постепенно – быстро, как в случае с Польшей, медленнее – в Чехословакии, но однопартийные режимы, связанные с Москвой, так или иначе, устанавливались силой. В 1955 г. стальной кулак одели в тонкую бархатную перчатку в форме международного союза независимых государств (внешне – в ответ на НАТО), обычно на Западе именуемого Варшавским пактом, фактически в качестве прикрытия советского доминирования. В 1956 г. пакт поддержал Советскую армию в подавлении антикоммунистических протестов в Будапеште; в 1968 г. он сделал то же самое для подавления Пражской весны. В конечном итоге блок сохранялся под угрозой вторжения танков. Конечно, США были бесспорным гегемоном НАТО, естественным гарантом ядерной безопасности, использовавшим базы на территории стран Альянса. Хотя Западная Европа являлась частью американской «империи», но это была империя «по приглашению» и «соединению». В Восточной Европе советский блок был «империей по принуждению»²⁰⁸.

Что еще удерживало страны-сателлиты вместе (под зонтиком СЭВа, Совета экономической взаимопомощи, 1949 г.), так это общее признание концепции экономического планирования, выработанной в Москве. «План» означал установление правительством целей для всего производства, для функционирования всех отраслей и даже для каждой фабрики, завода, хозяйства, ликвидируя тем самым рыночные силы, но одновременно и личную инициативу. Основываясь на программах всеобщей национализации, внедрявшихся после 1945 г., план содействовал быстрой индустриализации и урбанизации ранее преимущественно аграрных обществ и первоначально привел к быстрому повышению уровня жизни и благосостояния большинства населения. Но эти преимущества скоро были исчерпаны, и к 1970 г. негибкость командной экономики стала ощутимой. Стало расти недовольство из-за нехватки и низкого качества потребительских товаров. Поскольку блок ориентировался на автаркию, то в значительной мере препятствовал импорту с Запада, даже в период разрядки в 1970-е гг. К тому времени система выживала в значительной мере за счет впрыскивания западных кредитов и субсидированных цен на советскую нефть. Десятилетием позже, когда на Западе развернулась ИТ-революция, неэффективность СЭВа и хрупкость советского блока стала очевидна всем²⁰⁹.

Эти серьезные структурные недостатки все-таки никоим образом не предопределили «революцию 1989 г.». Ни аналитики ЦРУ, ни теоретики в области международных отношений не предрекали внезапной дезинтеграции блока в 1989-м²¹⁰. Беспорядки в тот год не были

²⁰⁷ Ibid. pp. 171–172.

²⁰⁸ См.: Geir Lundestad 'Empire by Invitation? The United States and Western Europe 1945–52'. *Journal of Peace Research* 23, 3 (1986). Pp. 263–277; idem "'Empire by Invitation" in the American Century'. *Diplomatic History* 23, 2 (Spring 1999). Pp. 189–217; idem, *Empire by Integration: The United States and European Integration, 1945–1997* Oxford UP, 1997; and John Lewis Gaddis. *We Now Know*. Clarendon Press, 1997. Pp. 284–286.

²⁰⁹ К числу полезных обзорных работ относятся: Geoffrey Swain & Nigel Swain. *Eastern Europe since 1945*. Macmillan, 1993; Judy Batt. *East Central Europe from Reform to Transformation* Pinter 1991.

²¹⁰ О прогнозах специалистов в области международных отношений или, скорее, об отсутствии у них таковых см.: George Lawson et al. (eds) *The Global 1989: Continuity and Change in World Politics* Cambridge UP, 2010, introduction esp. p. 4; или Michael Cox 'Why Did We Get the End of the Cold War Wrong?' *The British Journal of Politics and International Relations* 11, 2 (2009) pp. 161–176; John Lewis Gaddis. 'International Relations Theory and the End of the Cold War'. *International Security* 17, 3 (1992-3)

просто кульминацией народного недовольства и уличных протестов: преобразования частично были спровоцированы действиями самих национальных лидеров, борьбой между консерваторами и реформаторами. Это больше напоминало «революцию сверху», чем «революцию снизу». Более того, национальные лидеры действовали в международном контексте – отвечая на сигналы, шедшие изначально от Горбачева и позднее с Запада. Понимая такую динамику, мы даже можем говорить о «революции поперек». И одним из таких «поперечных» факторов, определявших успех или неудачу реформ, могли стать действия Советской армии, потому что советское военное присутствие питало блок в целом.

Впрочем, 1989 г. не был каким-то всеобщим восстанием против советской «навязанной империи». Перемены становились результатом конкретных обстоятельств в конкретных странах, внутри конкретных обществ, культур и религий. Катализаторы срабатывали в разное время и происходили с разной скоростью, будучи движимы разнообразными национальными и местными обстоятельствами. Многие их корни уходили глубоко в давно копившиеся обиды; и многие имели исторические напоминания в прежних революциях, и не обязательно это была память о событиях коммунистической эры (Берлин, 1953; Познань, 1956; Будапешт, 1956; Прага, 1968), но она могла восходить к намного более давним временам, скажем к 1848 или 1918 гг.

Если говорить о Польше²¹¹, то националистическое возмущение правлением чужаков канализировалось в рамках Католической церкви, обладавшей уникальным влиянием, не имевшим аналога ни в одной стране блока. Столетиями Церковь охраняла польские ценности от русского православия и прусского протестантизма, особенно во времена, когда Польша исчезала с карт на различных этапах раздела. В коммунистическую эру она с успехом сохранила свою независимость от государства и правящей партии, представляя собой почти что альтернативную идеологию. В октябре 1978 г. первым Папой – поляком был избран харизматичный кардинал Кароль Юзеф Войтыла. Само это событие и последовавший за ним в июне триумфальный визит Папы на родину превратили его в альтернативного лидера, защитника прав человека и свободы слова, который, согласно своему статусу, теперь пребывал на Западе. Таковы были его авторитет и аура, что режим оказался бессильным, а народ открыл для себя, что он говорит чужим голосом²¹².

В Польше была и другая хорошо организованная сила, способная противостоять государству. «Солидарность», независимый профсоюз, сформировался в 1980 г. во время серии забастовок, распространявшихся по приморской Польше от Гданьска к северу до Гдыни и к западу до Щецина. Причиной стало недовольство значительным повышением цен, предпринятым правительством. Горнилом, раздувавшим протесты, была верфь имени Ленина в Гданьске, главном порту Польши, где бастовавшие 20 тыс. рабочих с членами своих семей стали важной и сплоченной силой сопротивления, лидером которой выступал Лех Валенса, убедительный и смелый рабочий-организатор, ставший – со своими огромными усами – узнаваемым повсюду в мире. После нескольких месяцев беспорядков режим, который теперь возглавлял генерал Войцех Ярузельский, в отличие от своего предшественника пользовавшийся полной поддержкой Москвы, в декабре 1981 г. ввел в стране военное положение. Это было крушение по-польски, но во всяком случае никакой интервенции войск стран Варшавского пакта, подоб-

pp. 5–58. О том, каковы были аналитические выводы ЦРУ, см., например: Gerald K. Haines & Robert E. Leggett (eds). *CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947–1991*. Ross & Perry, 2001; Benjamin B. Fischer & Gerald K. Haines (eds). *At Cold War's End: US Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989–1991* Ross & Perry 2001/

²¹¹ Andrzej Paczkowski *The Spring Will Be Ours: Poland and the Poles from Occupation to Freedom* Pennsylvania UP 2003.

²¹² Andrej Paczkowski & Malcolm Byrne (eds). *From Solidarity to Martial Law: The Polish Crisis of 1980–1981 – A Documentary History* CEU Press, 2007 pp. 4–5; Marcin Zaremba 'Karol Wojtyla the Pope: Complications for Comrades of the Polish United Workers' Party' *CWH* 5, 3 (2005) pp. 317–336.

ного событиям в Праге в 1968 г., не было. Власти не могли уничтожить «Солидарность», но и объявленный вне закона профсоюз тоже не мог свергнуть правительство²¹³.

Польская экономика тем временем продолжала свое движение вниз по спирали, пока зимой 1988 г. не пришло время для очередного скачка цен, который правительство представляло как элемент программы обширных реформ и политических изменений. Но после того как цены в первом квартале 1988 г. рванули вверх на 45%, а цена топлива для домашнего отопления выросла на 200%, правительству почти сразу пришлось остановить свою программу²¹⁴. Весной и летом забастовки прокатились по всей стране, охватив все отрасли промышленности – от верфей до городского транспорта, от металлургии до шахт, – и это происходило в то время, когда из Москвы Горбачев призывал к новым реформам и подталкивал Ярузельского к тому, чтобы двигаться вперед, к «социалистическому возрождению». Когда новая волна забастовок в августе парализовала ключевые экспортные отрасли Польши, особенно угольную и сталелитейную, фасад правительственной самоуверенности стал давать трещины. «В последнюю забастовку произошла важная вещь», – сказал Веслав Войтас из Сталёва-Воля, города в сердце польской металлургии и эпицентра стачек 1988 г. Он и его товарищи-рабочие в августе решились на то, чтобы завершить стачку маршем через весь город к местной католической церкви. В шествии приняли участие 30 тыс. из 70 тыс. жителей города. «Мы сломали барьеры страха, – во всеуслышание провозгласил он. – И я думаю, что власти поняли – мы победили»²¹⁵.

Войтас был прав. Теперь, когда страх перед танками исчез, поляков больше нельзя было заставить молчать. Ярузельский согласился на обсуждение экономических, социальных и политических реформ. Переговоры за круглым столом начались в феврале 1989 г., и в них на равных приняли участие «Солидарность», Церковь и коммунисты²¹⁶. 5 апреля было достигнуто соглашение, изменившее Конституцию 1952 г. и обозначившее длинную дорогу Польского государства к представительному правительству, включавшую восстановление верхней палаты парламента в дополнение к Сейму. Более того, Сейм теперь должен был избираться на свободных выборах, что открывало «Солидарности» дорогу к легализации и выборам 4 июня.

В ответ на обещание Ярузельского начать дискуссии за круглым столом в сентябре 1988 г. Валенса призвал к прекращению забастовок²¹⁷. Народные протесты в таких больших масштабах уже не повторились. С осени 1988-го то, что происходило в Польше, стало «кризисом, полностью управляемым элитами, при котором массам разрешали 4 и 18 июня 1989 г. выйти на политическую сцену лишь для того, чтобы отдать свои голоса», и это положило конец монополии коммунистов на власть²¹⁸. С обеих сторон это действительно было делом элит, заключавших сделки между лидерами правящей партии и оппозицией. Это объясняет придуманный комментатором Тимоти Гэртоном Эшем неологизм «реформлюция» (*англ.* *refolution*) для обозначения процесса реформ, осуществляемых сверху при революционном давлении снизу²¹⁹.

Динамика процесса в Венгрии в 1988–1989 гг. была такой же, хотя логика исход событий существенно отличались. Здесь не было никаких мощных забастовок-катализаторов, никакого профсоюзного движения, как и группирования вокруг Церкви; решающим триггером здесь

²¹³ Детальное изучение событий 1980–1981 гг. см. у: Timonhy Garton Ash *The Polish Revolution: Solidarity* Yale UP, 2002; Paczkowski & Byrne (eds) *From Solidarity to Martial Law*.

²¹⁴ John Tagliabue 'Thousands at Gdansk Shipyard Join Polish Strike' *NYT* 3.5.1988; см. также: Grzegorz W. Kolodko 'Polish Hyperinflation and Stabilization 1989–1990' *Economic Journal on Eastern Europe and the Soviet Union* (1/1991) pp. 9–36.

²¹⁵ Andrew A. Michta. *Red Eagle: The Army in Polish Politics, 1944–1989*. Hoover Institution Press, 1990. P. 200; Taubman. *Gorbachev*. Pp. 480–483; Paula Butturini. 'Polish Strike "Broke the Barrier of Fear": Militant Steelworkers Sense Victory'. *CT* 18.9.1989.

²¹⁶ О переговорах за круглым столом в Польше см.: Wiktor Osyatinski. 'The Round-Table Talks in Poland' in Jon Elster (ed.) *Round-Table Talks and the Breakdown of Communism*. Univ. of Chicago Press, 1996.

²¹⁷ John Tagliabue. 'Appeal by Walesa Fails to Resolve All Polish Strikes' *NYT* 2.9.1988.

²¹⁸ Castle. *Triggering Communism's Collapse*. P. 47.

²¹⁹ Garton Ash. *The Magic Lantern*. P. 14.

стала борьба за власть внутри партийной элиты. В мае 1988 г. престарелый Янош Кадар, отметивший свое 75-летие и находившийся у власти с 1956 г., когда его поставили на этот пост из Кремля, удалился от дел. Его уход открыл двери новому поколению коммунистов, большинство которых разменяло пятый или шестой десяток, и при этом почти все они были реформаторами²²⁰. Их поведение определялось наследием ноября 1956 г., когда советские танки вошли в столицу Будапешт и было смещено правительство коммунистов-реформаторов, объявившее о своей приверженности свободным выборам и выходу страны из организации Варшавского договора. Во время этих кровавых событий погибло около 2700 венгров, и больше 20 тыс. было ранено²²¹.

После того как в дело были пущены советские танки, Кремль потребовал от своей марионетки Кадара покончить с беспорядками. Первое, что он сделал, это отправил около 20 тыс. человек в заключение и казнил 230 из них, в том числе лидеров «контрреволюции» (таково было официальное описание в советском блоке событий народного восстания). Предшественник Кадара Имре Надь был тайно подвергнут пыткам и повешен в тюремном дворе, а его тело было закопано в безвестной могиле со связанными колючей проволокой руками и ногами. И хотя в Венгрии не было принято упоминать его имя, Надь стал культовой фигурой для венгров и для Запада²²².

Кадар, доказавший свою преданность Москве, постепенно и тихо стал отходить от марксистских догм и в некоторой степени разрешил заниматься частным предпринимательством. В рамках командной экономики при нем были освобождены цены на многие товары, коллективизация на селе проводилась по-новому, что позволило людям поставлять продуктовые товары, выращенные на их частных землях²²³. Такими были истоки так называемой гуляш-экономики 1960-х гг., официально названной «Новым экономическим механизмом»²²⁴. Экономические и социальные реформы Кадара позволили повысить уровень жизни в стране и провести относительно смягчение идеологического климата. Кроме того, он очень осторожно открыл Венгрию и в социальном отношении; передачи западных радиостанций не глушили, а правила для поездок за Железный занавес были смягчены. В 1963 г. на Запад съездили 120 тыс. венгров, в четыре раза больше, чем в 1958 г. Все это сделало Венгрию наиболее благополучной и толерантной страной советского блока²²⁵. Кадар стал популярной личностью, во всяком случае на какое-то время.

Тем не менее к середине 1980-х время оказавшегося в тени Горбачева престарелого венгерского лидера вышло. Конечно, именно так думали представители молодого поколения в его партии, намеревавшиеся внедрять новые идеи и динамизм, порожденные Кремлем. Кадар утратил вкус к реформам точно так же, как московские геронтократы брежневской эпохи в начале 1980-х гг. На протяжении 1987 г. Кадар пытался укрепить свое положение как партийного лидера, назначив на пост премьера Кароя Гроса, партийного функционера, пользовавшегося доверием у консерваторов. Но Грос предал Кадара и перешел на сторону реформаторов, ослабив государственный контроль и субсидии и начав оказывать содействие частной инициа-

²²⁰ Rudolf L. Tökés. *Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change and Political Succession*. Cambridge UP, 1996, ch. 6.

²²¹ Bridget Kendall. *The Cold War: A New Oral History of Life between East and West*. BBC Books, 2017. P. 180. О наследии 1956 года см.: Karen Dawisha. *Eastern Europe, Gorbachev and Reform: The Great Challenge*. Cambridge UP, 1990. Pp. 136–139.

²²² Odd Arne Westad. *The Cold War: A World History*. Penguin Books, 2017. Pp. 202–206. О «контрреволюции» или народном восстании см. также: 'Minutes of the Meeting of the HSWP CC Political Committee' 31.1.1989, printed in *Cold War International History Bulletin* Issue 12/13 (section by Békés & Melinda Kalmár Csaba, 'The Political Transition in Hungary') doc. 1 pp. 73–75 CWIHP.

²²³ Nigel Swain. *Collective Farms Which Work?* Cambridge UP, 1985. P. 26.

²²⁴ Ibid. pp. 134–135.

²²⁵ Roger Gough. *A Good Comrade: Janos Kádár, Communism and Hungary*. I. B. Tauris, 2006. Pp. 142, 150; см. также: Michael Getler. "Goulash Communism" Savoured'. WP 14.9.1977.

тиве. В условиях ослабления финансовой дисциплины Венгрия накопила самый большой долг в Восточной Европе в расчете на душу населения²²⁶.

В условиях углублявшегося кризиса росла уверенность в себе диссидентов, принявшихся с молчаливого согласия партии создавать разнообразные оппозиционные группы. Именно эти новые политические силы стали все больше формировать политическую повестку дня. В ответ на это коммунисты-реформаторы сумели победить консерваторов и сместить Кадара с поста генерального секретаря на специальной партийной конференции в мае 1988 г., а осенью молодой экономист Миклош Немет сменил Кароя Гроса на посту премьер-министра. Стратегией реформаторов, как и у их польских коллег, было выбрано отступление партии и самообновление без потери контроля. И, как и в Польше, эти надежды оказались иллюзорными. Венгрия стала второй костяшкой в блоковой цепочке домино.

К февралю 1989 г. попытка правительства договориться с оппозицией провалилась. То, что в итоге получилось, стало чем-то вроде конкурентного сотрудничества. Многие оппозиционные группы превратились в политические партии, и компартия – Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) – почувствовала себя обязанной выступить в поддержку перехода Венгрии к многопартийной демократии. Очень скоро партия на практике отказалась от ленинского принципа «демократического централизма», при помощи которого она как бы имела легальное право на монополию власти. В этом насыщенном событиями политическом процессе историческая память сыграла свою роль²²⁷. 15 марта в Венгрии традиционно считался национальным днем памяти, которым отмечали начало националистического восстания 1848 г. против Австрийской империи, которое в конечном счете было подавлено войсками союзника Австрии – русского царя Николая I. В годы коммунистического правления всякие празднования в этот день были запрещены из опасений, что они могут породить антирусские протесты, но в 1989 г. реформистское правительство, надеясь умиротворить оппозицию совместным празднованием и тем самым получить одобрение своего политического курса, объявило, что теперь 15 марта опять станет Национальным праздничным днем. И тем не менее малочисленное мероприятие, проводившееся правительством на ступеньках Национального музея, утонуло в сотысячной утренней демонстрации, прошедшей на улицах города в память о 1848 г.²²⁸

В этой накаленной атмосфере оппоненты режима выступили с идеей проведения Круглого стола оппозиции (КСО). Всего было проведено восемь раундов переговоров за круглым столом, в рамках которых осуществлялись попытки объединения оппозиции на почве выработки единой переговорной стратегии перед лицом правительственной программы реформ. Казалось естественным, что венгерская оппозиция обретет такой же вес и влияние, какой в Польше добилась «Солидарность». После нескольких недель препирательств о том, как будут вестись переговоры, 13 июня начались собственно встречи КСО и правительства, которые в отличие от переговоров в Польше велись в тайне²²⁹.

Через три дня, 16 июня, в день тридцать первой годовщины казни Имре Надя оппозиция наконец провела перезахоронение останков Надя и нескольких других известных жертв революции 1956 г. и осуществила общественные похороны на Площади героев в центре Будапешта в присутствии огромной толпы, насчитывавшей, даже по официальным оценкам, 200

²²⁶ Tökés. *Hungary's Negotiated Revolution*. Pp. 274–277.

²²⁷ Ibid. ch. 7; András Bozóki. *The Round-Table Talks of 1989: The Genesis of Hungarian Democracy*. CEU Press, 2002. Pp. 98–101.

²²⁸ О 1848 году см.: Alice Freifeld. *Nationalism and the Crowd in Liberal Hungary, 1848–1914*. Woodrow Wilson Center Press, 2000. Pp. 309–316; Tamás Hofer. 'The Demonstration of March 15, 1989, in Budapest: A Struggle for Public Memory' *Program on Central and Eastern Europe*, Working Paper Series #16 Cambridge MA, 1991. Pp. 6–8.

²²⁹ Nigel Swain. *Hungary: The Rise and Fall of Feasible Socialism*. Verso, 1992. Pp. 18–26. См. также: Bozóki. *The Round-Table Talks of 1989*; idem 'The Round-Table Talks of 1989: Participants, Political Visions, and Historical References'. *Hungarian Studies* 14, 2 (2000). Pp. 241–257.

тыс. человек. Вся церемония была показана по телевидению, и в ней приняли участие четверо реформаторов из руководства правящей партии, во главе с премьер-министром Неметом. Но это не принесло им ничего хорошего. Двадцатилетний представитель «Альянса молодых демократов», ФИДЕС (Fiatl Demokraták Szövetsége, Fidesz), по имени Виктор Орбан отдал должное Надю как человеку, который хотя и был коммунистом, но «не отделял себя от чаяний венгерского народа положить конец коммунистическим табу, слепому повиновению Русской империи (sic!) и диктатуре одной партии». Указывая на четырех присутствовавших на церемонии коммунистических лидеров, он продолжил: «Мы не можем понять, как те, кто хотел очернить революцию, и их премьер-министр внезапно превратились в великих сторонников и последователей Имре Надя. Мы также не можем понять, как лидеры партии, заставлявшей нас учиться по книгам, фальсифицировавшим революцию, теперь спешат нести их гробы, словно это талисманы удачи». В ходе выступлений звучали злые ноты: замечания Орбана сигнализировали о решительном неприятии всего замысла управляемой трансформации и национального согласия, к чему стремились коммунисты-реформаторы, и самого духа умиротворения и очищения, наполнявшего венгерский политический процесс²³⁰.

Перезахоронение Надя стало катализатором сильного антисоветского, антикоммунистического национализма, выраставшего с самого низа, и сработало чем-то вроде визита Папы в Польшу, но в данном случае это происходило через политическую память, а не благодаря религиозному рвению. И та и другая политические трансформации в значительной мере определялись национальным опытом и развивались в рамках национальных границ. И хотя процессы происходили почти в одно и то же время, каждая подпитывала и влияла на другую. То, что происходило в Польше и Венгрии, было выходом из диктатуры через создание новой институциональной структуры для нового режима. В дополнение всему происходило и широкое проникновение революционных идей²³¹, выходивших за пределы Восточной Европы. В действительности это говорит нам о том, что сторонники жесткой линии в Пекине видели в этом распространение заразы из Польши и Венгрии²³². «Болезнь» экономических реформ, сочетавшаяся с политической демократизацией²³³, распространялась на протяжении всего года, поражая весь блок от Эстонии на Балтийском побережье до берегов Черного моря.

Зараза, поразившая множество коммунистических государств, была не единственным процессом в 1989 г. Реформа в одной из этих стран, в Венгрии, оказалась чем-то вроде растворителя для всего советского блока, да и для всей холодной войны в Европе.

²³⁰ Henry Kamm. 'Hungarian Who Led '56 Revolt Is Buried as a Hero'. *NYT* 17.6.1989. О политическом транзите в Венгрии в целом см. также: László Bruszt & David Stark. 'Remaking the Political Field in Hungary: From the Politics of Confrontation to the Politics of Competition'. *Journal of International Affairs* 45, 1 [East Central Europe: After the Revolutions] (Summer 1991). Pp. 201–245.

²³¹ О проникновении (диффузии) идей см.: Mark R. Beissinger. 'Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/ Tulip Revolutions'. *Perspectives on Politics* 5, 2 (June 2007). Pp. 259–276 на с. 259; idem. 'An Interrelated Wave'. *Journal of Democracy* 20, 1 (January 2009) pp. 74–77; Leeson & Dean. 'The Democratic Domino Theory: An Empirical Investigation'. *American Journal of Political Science* 53, 3 (July 2009). Pp. 533–551. Больше о «заразности» и «диффузии» идей см. в: Valerie Bunce & Sharon Wolchik. 'Getting Real about "Real Causes"'. *Journal of Democracy* 20, 1 (January 2009). Pp. 69–73; Kristian Skrede Gleditsch & Michael D. Ward. 'Diffusion and the International Context of Democratisation'. *International Organisation* 60, 4 (Fall 2006). Pp. 911–933.

²³² О достигшей Китая восточноевропейской «заразе» см.: Vogel. *Deng Xiaoping*. З. 626; James Miles. *The Legacy of Tiananmen: China in Disarray*. Univ. of Michigan Press, 1996. Pp. 42–43; Baum. *Burying Mao*. Pp. 250, 275–280; Shambaugh. *China's Communist Party*. Pp. 43–46; Sarotte. 'China's Fear of Contagion'. Pp. 156–182. О распространении «заразы» по СССР см.: Esther B. Fein. 'Moscow Condemns Nationalist "Virus" in 3 Baltic Lands'. *NYT* 27.8.1989.

²³³ Cp. Krishan Kumar. 'The Revolutions of 1989: Socialism, Capitalism, and Democracy'. *Theory and Society* 21, 3 (June 1992). Pp. 309–356.

Это стало очевидно, когда 27 июня 1989 г. по всему миру стало стремительно распространяться фото двух хорошо одетых мужчин, режущих ограждение из колючей проволоки. Этой парой были венгерский министр иностранных дел Дьюла Хорн и его австрийский коллега Алоис Мок, специально встретившиеся на австро-венгерской границе, чтобы послать сигнал к освобождению. Стоя бок о бок друг с другом и разрезая колючую проволоку, они, казалось, посылали добрую весть о том, что послевоенному разделению Европы пришел конец.

Конечно, это была пиаровская акция. Когда Хорн предложил провести церемонию разрезания проволоки, Немет шутливо заметил: «Давай, Дьюла, сделай это, но торопись, проволоки осталось уже немного»²³⁴. На самом деле оба правительства еще 2 мая приступили к снятию пограничных заграждений, включая наблюдательные вышки и системы предупреждения о нарушении границы, а само решение об этом было принято еще в конце 1988 г., когда Немет в рамках пакета реформ исключил из бюджета расходы на поддержание всей системы. Система предупреждения, впрочем, продолжала функционировать, просигнализовав около 4 тыс. раз за год о пересечении границы кроликами, косулями, фазанами и подвыпившими гражданами. У обанкротившегося правительства не было средств на восстановление системы охраны границы, всякие ограничения на зарубежные поездки для венгров несколько позднее в том году были полностью сняты: спустя двенадцать месяцев, к концу 1988 г. за границей (в основном на Западе) побывало 6 млн венгров²³⁵.

Свое решение о снятии заграждения вокруг страны Немет обсудил с Горбачевым, когда 3 марта приехал в Москву, и у советского руководителя не было возражений: «У нас существует строгий режим на границах, но мы тоже становимся более открытыми». Однако Немет признался Горбачеву в том, что и для Будапешта ситуация тоже достаточно сложная, потому что единственным оставшимся предназначением пограничного ограждения было недопущение незаконного пересечения границы гражданами Восточной Германии, пытавшимися бежать на Запад через Венгрию. «Конечно, – добавил он, – нам надо обсудить это с товарищами из ГДР»²³⁶.

Восточногерманский режим, с 1971 г. возглавляемый Эрихом Хонеккером, воспринял сообщения об открытии границы со смешанным чувством гнева и беспокойства. Гнев вызывало то, что венгры решились на это одни, без всякого благословения со стороны Горбачева и не советуясь с союзниками по Варшавскому пакту. А настоящее беспокойство объяснялось тем, что любой восточный немец, имеющий действующие документы, позволявшие путешествовать в Венгрию, теперь мог покинуть территорию блока и отправиться в Австрию и далее в Западную Германию, где немцам автоматически давали гражданство. Другими словами, Венгрия могла стать фатальной прорехой в Железном занавесе, за который ГДР так долго боролась, видя в нем условие своего политического существования.

Тем не менее, когда Венгрия в начале мая приступила к снятию заграждений, министр обороны Восточной Германии генерал Хайнц Кесслер, похоже, сохранял относительное спокойствие. Он сообщил Хонеккеру, что его венгерский коллега генерал Ференц Карпати заверил его, что снятие заграждений производится «по чисто финансовым соображениям», и что Венгрия, конечно, продолжит охрану границы с большего числа наблюдательных вышек и

²³⁴ Немет цит. по: Walter Mayr. 'Hungary's Peaceful Revolution: Cutting the Fence and Changing History'. *Spiegel-Online* 29.5.2009.

²³⁵ Sebestyen. *Revolution 1989*. P. 259; Mayr. 'Hungary's Peaceful Revolution'.

²³⁶ Выдержки из записи переговоров Горбачева и Немета в Москве 3.3.1989, см.: *МОН:1989* doc. 59 pp. 412–413. Чтобы понять изменения в отношениях Горбачева и Немета, ср. с другими выдержками записи тех же переговоров, опубликованных в: *CWHP Bulletin* 12/13 pp. 76–77.

за счет «интенсификации патрульной службы» с собаками-ищейками. Карпати, конечно, следовал инструкциям, полученным от Немета, который просил его выиграть время и держать Восточный Берлин в неведении. «Стоит нам начать объяснять, какая обстановка на самом деле, и мы сразу выдадим себя, и от этого станет только хуже». В конце концов Кесслер получил от Карпати заверения и доложил Хонеккеру, что снятие 260-километрового пограничного ограждения предполагается производить постепенно в период до конца 1990 г. со скоростью около четырех километров в неделю, начав работы с участков вблизи четырех из восьми пограничных переходов. Он объяснил, что Венгрия предпринимает эту «косметическую процедуру» постепенно в целях улучшения добрососедских отношений с Австрией и в контексте общего ослабления напряженности в Европе²³⁷.

И тем не менее ежедневное снятие колючей проволоки держало Восточный Берлин в напряжении. Хонеккер послал жаловаться в Москву своего министра иностранных дел Оскара Фишера, но результатом стало лишь то, что Шеварднадзе сказал тому, что ГДР должна решать этот вопрос напрямую с Венгрией²³⁸. Так Восточная Германия очутилась в одиночестве, не имея никакой поддержки из Москвы, оказавшись зажатой между реформирующейся Польшей на востоке, своим западным противником капиталистической Германией и становящейся все более либеральной и открытой Венгрией далее к югу.

Поначалу, как и обещал Карпати, венгерские пограничники задерживали восточногерманских «беглецов» на участках, где возле первых погранпереходов сняли проволоку. Железный занавес вроде бы все еще выглядел опущенным. Но по мере того, как новости о событиях на границе становились широко известными и особенно после появления тех самых фотографий Хорна и Мока 27 июня, люди стали смелеть. С каждой следующей неделей так называемая зеленая граница (т.е. удаленные от погранпереходов участки со снятой проволокой и плохо патрулируемые) предоставляли все большие возможности для беглецов. К августу 1989 г. около 1600 восточных немцев успешно воспользовались таким маршрутом для переезда на Запад²³⁹.

Режим Хонеккера старался на своем уровне не допустить появления информации обо всем этом в газетах и на телевидении. Но было поздно. Восточные немцы получили послание: Венгрия стала их воротами на свободу.

Возникший из-за Венгрии международный кризис оказался среди важнейших вопросов, обсуждавшихся при встрече Горбачева и Коля 12 июня 1989 г. во время его первого государственного визита в ФРГ²⁴⁰. Канцлер заявил: «Мы наблюдаем за событиями в Венгрии с большим интересом». «Я сказал Бушу, поскольку Венгрия озабочена, мы действуем так, как гласит старая немецкая поговорка: пусть церковь остается в деревне. Она означает, что венгры должны сами решать, чего они хотят, и никто не должен вмешиваться в их дела». Горбачев с ним согласился: «У нас есть такая же поговорка: в чужой монастырь со своим уставом не ходят!» Оба засмеялись. «Прекрасная народная мудрость», – воскликнул Коль. Но затем советский руководитель помрачнел. «Скажу Вам откровенно, что в социалистических странах происходят большие подвижки. Направленность их проистекает из конкретного положения в

²³⁷ Sebestyen. *Revolution 1989*. P. 261; Michael Meyer. 1989: *The Year that Changed the World*. Simon & Schuster, 2009. Pp. 68–70. BA-MA Strausberg AZN 32665 Bl. 78/79 ‘Schreiben von DDR-Verteidigungsminister Heinz Keffler an Erich Honecker zur Demontage des Grenzsinalzaunes zwischen Ungarn und Österreich’ 6.5.1989 pp. 1–2 Chronik der Mauer Digital Archive (CdMDA).

²³⁸ Sebestyen. *Revolution 1989*. P. 261.

²³⁹ Gary Bruce. *The Firm: The Inside Story of the Stasi*. Oxford UP, 2010. P. 165.

²⁴⁰ Helmut Kohl. *Ich wollte Deutschlands Einheit*. Ullstein, 1996. Pp. 35–51.

той или иной стране. Западу на этот счет не следует беспокоиться. Все движется в направлении укрепления демократических основ». И тут последовало горбачевское пояснение социалистического обновления на национальном уровне. Но он также сделал Колю и важное предостережение, понимая, что на канцлера оказывается давление с целью обещания финансовой поддержки оппозиционным группам в странах советского блока. «Как это делается, каждая из соцстран решает сама. Это ее внутреннее дело. Думаю, Вы согласитесь со мной, что нельзя втыкать палку в муравейник. Последствия от этого могут быть совершенно непредсказуемыми».

Не вступая в спор, Коль просто сказал, что в СССР, США и ФРГ существует «общее мнение», что мы «не должны вмешиваться в чье бы то ни было развитие». Но Горбачев считал необходимым подчеркнуть этот момент: «Если кто-то попытался бы дестабилизировать обстановку, это сорвало бы процесс укрепления доверия между Западом и Востоком, разрушило бы все, что создано до сих пор»²⁴¹. На следующий день, 13 июня вместе с Колем они подписали не менее одиннадцати соглашений, расширявших экономические, технологические и культурные связи, а также совместную Декларацию, подтверждавшую право народов и стран на самоопределение – важный шаг, особенно с точки зрения Германии²⁴².

Впрочем, Боннская декларация была чем-то большим. Она стала центральным пунктом государственного визита, главное значение которого для западных немцев заключалось в символическом примирении двух народов, чья жестокая борьба разделила Европу и Германию. Она означала, что обе страны настроены на новую и еще более многообещающую фазу советско-западногерманских отношений. Это было отражено в заключении, выражавшем «глубокие, давние чаяния» двух народов «залечить раны прошлого через понимание и примирение и совместное построение лучшего будущего»²⁴³.

Вдохновленные достигнутым и общей атмосферой, оба господина практически не расставались на протяжении трех дней. Они беседовали наедине за это время по меньшей мере трижды по разным поводам. И в отличие от обычной сдержанной манеры встреч между западными лидерами и коммунистами они достигли такого доверия, что могли давать оценки своим «общим друзьям». Так, они оба уважали Ярузельского; оба были настроены поддерживать усилия по трансформации Польши под его руководством так же, как и реформаторский курс Венгрии, до той поры пока она не вышла из-под контроля. У каждого из них были проблемы с упорным социалистическим режимом Эриха Хонеккера, и никто из них не поддерживал Николае Чаушеску. По мнению Коля, этот старый диктатор вверг свою страну во «мрак и стагнацию»; Горбачев называл Румынию «примитивным феноменом», подобным Северной Корее «в центре цивилизованной Европы»²⁴⁴.

Как у обычных людей, у них возникла настоящая близость, включавшая обмен детскими воспоминаниями и откликами на испытания семей в годы войны. «Нет ни одной семьи ни в одной стране, – тихо произнес Коль, – которую бы не затронула война»²⁴⁵. Он сказал Горбачеву, что его правительство видит в этом визите ни много ни мало «конец вражды между

²⁴¹ Запись беседы Горбачева с Колем 12.6.1989. С. 2. АГФ. Записки А.С. Черняева. DAWC. Ср. Запись беседы Горбачева с Колем 12.6.1989, опубликовано в: *MoH:1989* doc. 63 pp. 463–467. См.: Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 14. С. 460–464. Что касается немецкой записи переговоров Коль–Горбачев 12.6.1989, см.: Hanns Jürgen Küsters & Daniel Hoffmann (eds). *Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes, 1989/90* (hereafter *DESE*) [Dokumente zur Deutschlandpolitik]. Oldenbourg, 1998. doc. 2 pp. 276–287 esp. pp. 283–284.

²⁴² Kohl. *Ich wollte*. Pp. 47–49; *Bulletin der Bundesregierung* no. 61 15.6.1989 pp. 542–544; Ср. Записи переговоров Коль–Горбачев в составе делегаций 13.6.1989, опубликовано в: *DESE* doc. 4 pp. 295–299. О подготовке декларации и лингвистических спорах, особенно с западногерманской точки зрения, см. также: Hannes Adomeit. *Imperial Overstretch: Germany in Soviet Policy from Stalin to Gorbachev*. Nomos, 1998 pp. 398–399.

²⁴³ Serge Schmemann. ‘Bonn Declaration: “Heal the Wounds”’ *NYT* 14.6.1989.

²⁴⁴ Запись третьей беседы Горбачева и Коля 14.6.1989, опубликовано в: *MoH:1989* doc. 67 pp. 477–478. Немецкой записи встречи 14 июня нет. См.: Горбачев. Собр. соч. Т. 14. С. 498.

²⁴⁵ Запись переговоров Коль–Горбачев 13.6.1989 (полная стенограмма) *DESE* doc. 3 pp. 287–292 esp. p. 292; более краткие выдержки на русском см.: Record of Second Conversation between Gorbachev and Kohl 13.6.1989 *MoH:1989* doc. 66 p. 475.

русскими и немцами, начало периода настоящей дружбы, добрососедских отношений». Он добавил, что «эти слова поддерживает воля всех людей, и по воле народа, который приветствовал вас на улицах и площадях». Вне всякого сомнения, это было поразительной особенностью этого визита. Горбачева восторженно встречали в Западной Германии: и в маленьких городках долины Рейна, и на сталелитейных заводах Рура, на которых он побывал, повсюду толпились люди, кричавшие «Горби, Горби». Беседа между лидерами становилась все более откровенной. «Мне нравится ваша политика, и вы мне нравитесь как человек, – признался Коль, – давайте общаться чаще, давайте перезваниваться по телефону. Я думаю, что мы сможем многое сделать сами, не передавая полномочия бюрократии». Горбачев согласился: он чувствовал, что взаимное доверие растет «с каждой новой встречей»²⁴⁶.

В последний вечер, после долгого и умиротворяющего ужина в загородном особняке Канцелярии, Коль и Горбачев, сопровождаемые лишь переводчиком, прогуливались по парку и спустились к Рейну. Они присели на низкую стену, изредка обмениваясь фразами с гулявшими тут людьми и взирая на горную гряду Зибенгебирге за рекой. Коль так никогда и не забудет тот момент. Оба они представляли себе, что произойдет полный пересмотр советско-германских отношений, который будет закреплён в «Большом договоре»²⁴⁷, способном открыть новые перспективы для будущего. Но Коль предупредил, что это невозможно сделать до тех пор, пока Германия остается разделенной.

Горбачев стоял на своем: «Разделение является результатом логичного исторического развития». Однако и Коль тоже не менял позицию. Он почувствовал, что в такой приятный вечер, когда они оба размягчены вином и добрыми намерениями, появилась возможность, которую никак нельзя упустить. Указав на широкий, спокойно текущий Рейн, канцлер стал размышлять вслух: «Эта река символизирует историю. Ничто не остается неподвижным. Технически можно построить дамбу... Но тогда воды реки преодолеют ее и найдут другой путь к морю. Так и с единством Германии. Вы можете попытаться предотвратить объединение, и в этом случае мы не доживем до этого момента. Но определенно Рейн течет к морю, так же определенно, как произойдет германское единство – как и европейское».

Горбачев слушал и на этот раз не прерывал его. Тот вечер на берегу Рейна, как вспоминал сам Коль позже, стал поистине поворотным моментом в размышлениях Горбачева, да и во всех их отношениях. При расставании они обнялись. Впрочем, это было не совсем ловкое упражнение: приземистый кремлевский лидер и массивный стокилограммовый канцлер ростом за метр восемьдесят. Но их взаимные чувства были подлинными: родилась политическая дружба. Более того, для Горбачева Западная Германия стала, как говорили в Москве, «главным зарубежным партнером» – после Соединенных Штатов – и которая поэтому играла помимо всего прочего «глобальную роль»²⁴⁸.

Теперь Коль мог купаться в лучах славы двух в высшей степени успешных для него визитов лидеров сверхдержав – Буша и Горбачева. Он высказался на встрече с прессой возвышенно: «В течение трех недель два наиболее могущественных человека из двух различных систем посетили Германию. Эта новая эра накладывает на Германию новую ответственность и, – добавил он, – на поддержание мира»²⁴⁹.

Оценка саммита Горбачевым тоже была теплой и позитивной. «Я думаю, мы выходим из периода холодной войны, хотя там все еще есть некоторые льдинки и неясности», – провозгласил он перед отъездом. «Мы идем к новой стадии отношений, которую я могу назвать мирным периодом развития международных отношений». Он даже предположил, что «Берлинская

²⁴⁶ MoH:1989 doc. 67 p. 476 and doc. 66 p. 475.

²⁴⁷ См.: Hannes Adomeit. *Imperial Overstretch*, pp. 398–399.

²⁴⁸ Kohl. *Ich wollte*, pp. 43–44. О важности двусторонних отношений с Бонном для Москвы и о глобальной роли ФРГ см.: DESE doc. 2, p. 280.

²⁴⁹ Schmemmann. 'Bonn Declaration', p. 12.

стена может исчезнуть, когда исчезнут условия, ее породившие. Я не вижу в этом большой проблемы». В этом был едва прикрытый посыл режиму Хонеккера. И, обращаясь, собственно, к разделению Германии, он заявил: «Мы надеемся, что время решит эту проблему». Но, рассуждая о снятии одного величайшего геополитического барьера, Горбачев также упомянул о своих опасениях новой «непроходимой стены через Европу», – имея в виду планы Европейского сообщества создать полностью интегрированный единый рынок к 1992 г. «До сих пор мы не слышали убедительных экономических и политических аргументов, рассеивающих такие опасения». Здесь надо напомнить, что в июне 1989 г. процесс европейской интеграции, казалось, вел к углублению разделения между двумя половинами континента, а совсем не выглядел объединяющей силой того рода, которую имел в виду Горбачев, когда говорил об «Общем европейском доме» от Атлантики до Урала²⁵⁰.

Для Горбачева Бонн стал частью серии визитов по всей Европе в середине 1989 г., во время которой – так же как и Буш во время своего разговорного тура весной – советский лидер представил свои идеи о новой Восточной Европе, которые в свою очередь родились в рамках его программы политической и экономической реструктуризации.

Тремя неделями позже, в Париже, он развил ту линию, которую они с Колем начертили в отношении Польши и Венгрии, настаивая на том, что коммунистические страны «сейчас находятся в состоянии перехода» и что они «придут к новому качеству жизни в рамках социалистической системы, а социалистическая демократия» является «процессом демократизации», в конечном счете преобразующим всю Восточную Европу. Другими словами, все то, что происходит в советском блоке, было процессами реконструкции, перестройки, а не деконструкции, не разрушения. Хотя, указывая на исторические связи между 1789 и 1917 гг., он провозгласил, что перестройка – это тоже «революция». Рассуждая об этом в аудитории, забитой профессорами, писателями и студентами Сорбонны, – он специально попросился выступить там – Горбачев почувствовал себя интеллектуалом, которым хотел быть. Он философствовал о фундаментальных «новых проблемах, стоящих перед человечеством в конце двадцатого века», на которые «Новое мышление» дает ответы. Он предостерегал Запад от ожиданий того, что Восточная Европа «вернется в лоно капитализма», и от «иллюзии, что только буржуазное общество представляет вечные ценности»²⁵¹.

В этих рассуждениях сквозило действительное раздражение Горбачева выступлениями Буша в апреле и мае. Он не видел никакого «реализма» или «конструктивной линии» в этих заявлениях, и фактически нашел их «совершенно неприятными», как сказал об этом Колю в Бонне. «Честно говоря, эти заявления напомнили мне высказывания Рейгана о “крестовом походе” против социализма». Как и Рейган, Буш «обращался к силам свободы», призывал к завершению периода «статус-кво» и к тому, чтобы «отбросить социализм назад». И все это, кипятился Горбачев, «в то время, когда мы призываем к деидеологизации отношений. Невольно приходит в голову вопрос: а когда Буш действительно искренен, а когда его слова – просто риторика?»²⁵².

Когда эта тема была поднята во время встречи Миттерана и Горбачева в Елисейском дворце 5 июня, то французский президент не стал скрывать, что у него на этот счет имеются собственные взгляды. «Джордж Буш будет проводить очень умеренную политику даже без всякого сдерживания со стороны Конгресса, просто потому что он консерватор». «Фактически, – добавил он, – у Буша только один большой недостаток – у него просто нет никакого оригинального мышления». Сильно чувствовалось недовольство Миттерана отсутствием собственного

²⁵⁰ Serge Schmemmann. 'A Gorbachev Hint for Berlin Wall' *NYT* 16.6.1989; Ferdinand Protzman. 'Gorbachev Urges Greater Trade and Much Closer Ties with Bonn'. *NYT* 14.6.1989.

²⁵¹ James M. Markham. 'Gorbachev Says Change Will Sweep Bloc'. *NYT* 6.7.1989; cp. Taubman *Gorbachev*. P. 478.

²⁵² Запись беседы Горбачева и Коля 12.6. 1989. АГФ. Записки А.С. Черняева. DAWC. См. также: *MoH:1989 doc.* 63 pp. 464–465; *DESE doc.* 2, p. 282.

влияния и снижающимся статусом Франции в мировых делах. Он чувствовал себя отодвинутым в результате активной европейской дипломатии Буша и Коля – к этой теме я вернусь в четвертой и пятой главах. Советскому лидеру, наоборот, нравилось, что француз копает под неповоротливого президента США, и он высоко ценил выражение Миттераном «веры в успех перестройки»²⁵³.

Тем не менее советский лидер, настроенный на перехват инициативы у «крестоносца» Буша и на доминирование на почве высоких моральных ценностей, выложился по полной, выступая в Совете Европы в Страсбурге. Объявив, что «послевоенный период и холодная война становятся пережитками прошлого», Горбачев обещал представить внушительный пакет предложений в области разоружения, включая сокращение советских ракет малой дальности «без промедления», если с этим согласится НАТО, имея в виду конечную цель ликвидировать все такие вооружения. Не забывая о недавних возражениях со стороны Альянса относительно «третьего нуля», он с вызовом провозгласил, что СССР быстро движется к своим «безъядерным идеалам», в то время как Запад придерживается своей устаревшей концепции «минимального сдерживания».

Советский лидер развил свое видение Общего европейского дома. В нем не могло быть места «самой возможности применения силы или угрозы силой», и он сформулировал необходимость замены «доктрины сдерживания на доктрину сдержанности». Он предвидел, что по мере того, как Советский Союз будет двигаться «к более открытой экономике», постепенно будет «возникать обширное экономическое пространство» по всему континенту. Он продолжал верить в возможность того, что «соревнование между разными типами общества ориентировано на создание лучших материальных и духовных условий жизни людей». Но он верил, что наступит день, когда «единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей».

Признав, что у него нет «готового проекта» Общего европейского дома в кармане, он напомнил слушателям о работе Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. (СБСЕ), когда 35 стран согласовали общие принципы и ценности. И теперь, заявил он, «нынешнему поколению руководителей европейских стран, США и Канады, помимо самых актуальных вопросов, пора обсудить, какими они видят последующие этапы движения к европейской общности века». Краеугольными камнями Хельсинки-1975 были две сверхдержавы, и Горбачев считал, что положение не изменилось. «Реальности сегодняшнего дня и перспективы на обозримое будущее очевидны: СССР и США являются естественной частью европейской международно-политической структуры. И их участие в ее эволюции не только оправдано, но и исторически обусловлено. Никакой иной подход неприемлем»²⁵⁴.

Горбачев возвращался домой через Румынию, где провел совещание Политического консультативного комитета стран Варшавского пакта, которое формально и публично отказалось от доктрины Брежнева, – другими словами, оно подтвердило его заявление в Нью-Йорке и позднее в Страсбурге, что силу нельзя использовать для контроля за правительством отдельной социалистической страны. В сочетании с горбачевским пиаровским наступлением с использованием решительных односторонних сокращений советских вооруженных сил в Восточной Европе и с его настоятельным стремлением к тому, чтобы страны Варшавского договора и страны НАТО добились прогресса в договоренности относительно обычных вооружений к 1992 г.²⁵⁵, – все это стало очень волнующим моментом для Хонеккера и других сторонников

²⁵³ Неполная советская запись переговоров Миттеран–Горбачев 5.7.1989 *MoH:1989* doc. 72 pp. 490–491. James M. Markham. 'Gorbachev Likens Soviets to French'. *NYT* 5.7.1989. Французская точка зрения на визит Горбачева в Париж см.: Bozo. *Mitterrand*. pp. 60–63.

²⁵⁴ Горбачев. Собр. соч. Т. 15. С. 156–169.

²⁵⁵ Mark Kramer 'The Demise of the Soviet Bloc' *Journal of Modern History* 83 (December 2011) pp. 788–854 here pp. 806–809. And US National Intelligence Council 'Status of Soviet Unilateral Withdrawals' 1.9.1989, Memorandum NIC M 89-10003 (Secret),

жесткой линии внутри блока – Чаушеску в Румынии и Милоша Якеша в Чехословакии – особенно, если учесть, что они использовали саммит для страстного лоббирования военной интервенции войск Варшавского пакта в Венгрии. Сторонники подавления и непримиримости, они, должно быть, чувствовали, что Кремль покидает их²⁵⁶. Горбачев определенно не оставил у своих коллег – лидеров коммунистических стран – никаких сомнений, что он думает о динозаврах среди них. Он подчеркнул: «Необходимы новые перемены и в партии, и в экономике... Еще Ленин говорил, что новая политика нуждается в новых людях. И это зависит уже не только от субъективных желаний. Это диктует и сам ход процессов демократизации»²⁵⁷.

Советский лидер покинул Бухарест 9 июля, как раз в то время, когда президент Соединенных Штатов прибыл в Варшаву. Каждая сверхдержава расставляла по Европе вехи смятения. Буш был встревожен мирным наступлением советского лидера в Европе и не в последнюю очередь тем, что американские союзники охвачены чем-то вроде горбимании, которая делает их податливыми на советские обольстительные предложения в области сокращения вооружений. Его собственный тур по Европе – в Польшу и Венгрию, перед встречей G7 во Франции – был запланирован в мае, но теперь он стал еще более насущным, чтобы как-то «компенсировать эффект» горбачевского посыла²⁵⁸.

На самом деле еще прежде, чем отправиться в Европу, Буш быстро и вполне уверенно отверг парижские предложения Горбачева: «Я не вижу причины, находясь здесь, пытаться изменить коллективное решение, принятое НАТО», – заявил он и повторил, что не будет никаких переговоров по ракетам меньшей дальности, пока в Вене не будет достигнуто соглашение о сокращении обычных вооружений в Европе, в той сфере, где у СССР было большое превосходство. В своих мемуарах он саркастически высказался о попытке Горбачева убедить Запад, что «не надо ждать конкретных действий со стороны СССР, перед тем как снизить степень своей военной готовности и готовности системы безопасности»²⁵⁹.

Сказав это, Буш не хотел, чтобы его европейская поездка выглядела как средство отнять очки у Горбачева. Президент весной уже выдвинул свои собственные идеологические принципы и был далек от желания начинать какой-то «крестовый поход», поскольку чутко следил за изменчивой ситуацией в Восточной Европе и деликатным положением, в котором Горбачев оказался у себя дома. Он не намеревался «отступить» от своих собственных ценностей свободы и демократии, но вполне осознавал, что «жесткая риторика неизбежно возбудит воинственные элементы внутри Советского Союза и Пакта». Его даже беспокоил сам факт его собственного присутствия, вне зависимости от того, что он при этом станет говорить. Желая быть, как он сам это называл, «ответственным катализатором, насколько это возможно, демократических изме-

printed in Fischer (ed.) *At Cold War's End* doc. 19 pp. 304–313. 'Warsaw Pact Warms to NATO Plan' CT 9.7.1989.

²⁵⁶ В Бухарестской декларации утверждалось, что в интересах жизненно важных требований политики безопасности, взаимопонимания и сотрудничества между странами следует уважать национальную независимость, суверенитет и равноправие всех государств, равенство прав всех народов и право каждого народа на самоопределение и свободу выбора собственного социального и политического развития; следовать политике невмешательства во внутренние дела, соблюдения устава ООН и принципов Хельсинкского Заключительного акта, а также всеми признанных принципов международных отношений. См.: Совещание Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора, Бухарест, 7–8 июля 1989 г.: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1989, а также: Parallel History Project-ETH Zurich (PHP-ETHZ).

²⁵⁷ См.: Горбачев. Собр. соч. Т. 15. С. 182.

²⁵⁸ Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 115. О планах Буша посетить Польшу: 'Bush to Visit Hungary, Poland in July to Show US Support for Their Reforms' LAT 6.5.1989. См. также: GHWBPL Telcon of Kohl–Bush call 5.5.1989 Oval Office, p. 2.

²⁵⁹ Maureen Dowd 'Bush Rebuffs Gorbachev's Move for Swifter Cuts in Nuclear Arms' NYT 7.7.1989; Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 115. Kevin McDermott & Matthew Stibbe (eds) *The 1989 Revolutions in Central and Eastern Europe: From Communism to Pluralism* Manchester UP 2015 p. 127.

нений в Восточной Европе», он совсем не хотел стать стимулом для беспорядков: «Если станут собираться огромные толпы, намереваясь продемонстрировать свою оппозицию советскому доминированию, то события могут выйти из-под контроля. Вызывающая энтузиазм встреча может вылиться в насильственный бунт». И хотя он и Горбачев соперничали, стремясь занять более выгодное положение, оба лидера были согласны в важности сохранения стабильности в блоке, находившемся в состоянии изменений²⁶⁰.

Буш и его сопровождение прибыли на военный аэродром в Варшаве около 10 часов вечера 9 июля. Когда они покидали борт президентского самолета, чтобы принять участие в большом приеме в свою честь, стоял влажный летний вечер. Во главе встречающих находился Ярузельский, но впервые в рамках государственного визита среди них были и представители «Солидарности». К самолету зевакам подойти не разрешили, но на всем маршруте движения от аэропорта до правительственной резиденции в центре города, где остановились Джордж и Барбара Буш, в три-четыре ряда выстроились люди, размахивая флагами и показывая пальцами букву V в знак победы «Солидарности». Люди выходили на балконы своих квартир и засыпали цветами автомобильный кортеж. Общий настрой, вопреки опасениям Буша, выражал дружеское приветствие, а не был политической демонстрацией²⁶¹. И так было во время всей поездки. Никакого столпотворения с выражением поклонения, как это было по время визита папы Иоанна Павла II в 1979 г. или Кеннеди в Берлине в 1963-м, не было. Общественное настроение казалось неопределенным, его можно было охарактеризовать словами американской журналистки Морин Дауд как смесь «нетерпеливости и медлительности», поскольку поляков ожидало странное будущее, в котором и «тюремщики», и те, кого они держали в заключении, теперь должны были попытаться управлять совместно²⁶².

Буш и Ярузельский сумели превратить их плановую десятиминутную встречу «за чашкой кофе» утром 10 июля в пространный и откровенный разговор, продлившийся целый час. В поле их зрения попали польские политические и экономические реформы, финансовая помощь США, отношения сверхдержав, германский вопрос и представления Буша об «объединенной Европе без иностранных войск»²⁶³. Встреча президента с премьер-министром Мечиславом Раковским – ветераном коммунистической журналистики, внезапно назначенным на пост премьера в сентябре, тоже была деловой по характеру и вскрыла некоторые сложности, скрывавшиеся за уютным словом «реформа». Как пояснил Раковский, главной проблемой Польши было «провести реформы и избежать серьезных беспорядков». Приватизация станет важным шагом, но он предупреждал, что понадобится жизнь «целого поколения», прежде чем поляки примут неизбежно следующую за ней «стратификацию по степени богатства», свойственную Западу. Что полякам не нужно, добавил он, так это американский «незаполненный чек» – иными словами, «несвязанные кредиты» с Запада. Вместо этого он выражал надежду, что Буш будет способствовать тому, что Всемирный банк и МВФ проявят гибкость при реструктуризации выплат по долгам. Раковский признал, что его партия «совершала экономические ошибки в прошлом», но настаивал, что это «уже закрытая глава», и что польские лидеры теперь понимают необходимость перевернуть эту страницу. Буш обещал, что Запад поможет, но заявил, что он не намерен поддерживать радикальные, откровенно утопические требования профсоюзов, которые «могут разорить казну». В этом отношении Буш был ближе к целям польских реформаторов-коммунистов, включая Ярузельского и Раковского, стремив-

²⁶⁰ Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 115–116.

²⁶¹ Ibid. p. 116; Maureen Dowd 'Bush in Warsaw on Delicate Visit to Push Changes' *NYT* 10.7.1989.

²⁶² Maureen Dowd 'For Bush, A Polish Welcome without Fervor' *NYT* 11.7.1989.

²⁶³ GHWBPL Memcon of Jaruzelski–Bush and Scowcroft meeting 10.7.1989 Belvedere Palace (Poland). Позднее Буш сам говорил, что встреча продолжалась «два часа»: Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 117. Запись с польской стороны см. в: Information Note Regarding George H. W. Bush's Visit to Poland (July 9–11) 18.7.1989, опубликовано в: *MoH:1989 doc. 76* pp. 503–505.

шихся наладить экономическое сотрудничество с США и Западом, чем к Валенсе и оппозиции, которые хотели немедленной и широкомасштабной прямой помощи, чтобы смягчить тяготы переходного периода и таким образом получить народную поддержку²⁶⁴.

Президент говорил об экономической помощи, когда обратился к польскому парламенту в своей послеобеденной речи 10 июля, но то, что он широко описал как «План шести пунктов», было встречено со смешанными чувствами. Потребность в помощи была очевидной: польские долги западным кредиторам летом 1989 г. достигли 40 млрд долл., при том, что экономический рост в стране едва достигал 1%, а инфляция стремилась к 60%. И хотя Буш обещал обратиться к Конгрессу за выделением 100 млн долл. из фонда предприятий, чтобы оживить польский частный сектор, он надеялся, что остальная часть пакета помощи, который он предлагал (325 млн в виде новых займов и реструктуризация долгов на 5 млрд долл.), будет предоставлена Всемирным банком, Парижским клубом, G7 и другими западными институтами²⁶⁵. Это выглядело довольно неопределенно и было совсем непохоже на 10 млрд, которые запрашивал Валенса. И это даже близко не напоминало помощь в 740 млн долл., обещанную Рейганом в самый пик холодной войны, которую он предложил правительству коммунистов перед введением ими в декабре 1981 г. военного положения²⁶⁶. Конечно, это предложение делалось до того, как внешний долг США в результате политики рейганомии резко вырос – с 500 млрд долл. в 1981 г. до 1,7 трлн долл. в 1989 г.²⁶⁷ Понятно, что общественная реакция на это в Польше была открыто критической. «Очень мало конкретики», – жаловался спикер правительства, – и слишком много постоянно повторяющихся пояснений о необходимости дальнейших жертв со стороны польского народа». Этого было слишком много для популярных надежд в Польше на «мини-план Маршалла». В то время как Буш считал себя «осторожным», Скоукрофт говорил журналистам, защищаясь, что ценность помощи заключается настолько же в «политическом и психологическом», насколько и в «сущностном» отношении²⁶⁸.

На следующий день Буш улетел в Гданьск, где встретился с Валенсой за ланчем в его скромном, но уютном двухэтажном доме в пригороде. Это была подчеркнута неформальная встреча, домашний визит. Джордж и Барбара поболтали с Лехом и Данутой как «частные лица», потому что лидер «Солидарности» не участвовал в выборах и теперь не имел никакой официальной политической роли. Осмотрев комнаты, президент был поражен «отсутствием современной техники и мебелировки, которые большинство американских семей считают обычными». «Стильные официанты», взятые взаймы в ближайшем отеле, и «типичные» балтийские блюда, подаваемые на серебряных подносах, не сочетались с этими реальностями. После того, что Буш назвал «неопределенными и нереалистичными» финансовые запросы Валенсы, подкреплявшиеся предупреждением о «второй Тяньаньмэнь в центре Европы», если польские экономические реформы провалятся, президент с удовольствием убыл с этого непростого свидания и отправился на верфи имени Ленина, чтобы обратиться к 25 тыс. докеров. Он рассматривал свое выступление у ворот завода перед мемориалом в память о 45 рабочих, убитых служ-

²⁶⁴ GHWBPL Memcon of Rakowski–Bush meeting 10.7.1989 Council of Ministers (Poland) pp. 2–3.

²⁶⁵ Bush's Remarks to the Polish National Assembly in Warsaw 10.7.1989 APP.

²⁶⁶ Gregory F. Domber 'Skepticism and Stability: Re-evaluating US Policy during Poland's Democratic Transformation in 1989' *JCWS* 13, 3 72 (Summer 2011) pp. 52–82 esp. p. 62.

²⁶⁷ Marshall Robinson America's Not-So-Troubling Debts and Deficits' *Harvard Business Review* (July–August 1989). Буш сам говорил Раковскому о дефиците бюджета в 150 млрд долл. 10 июля 1989 г., что на самом деле в два раза превышало дефицит в 79 млрд долл. в 1981 г. См.: Statistical Comparison of US presidential Terms, 1981–2009' at reagan. procon.org/view.resource.php?resourceID=004090.

²⁶⁸ R. W. Apple Jr 'Bush, in Warsaw, Unveils Proposal for Aid to Poland' *NYT* 11.7.1989. Об экономических показателях см. таблицу под названием: 'Political Openings, Economic Straits' *NYT* 12.7.1989. О финансовой помощи со стороны США: Буш хотел помочь Восточной Европе, но «мы не можем вливать деньги, пока не проведены экономические реформы. Мы должны быть осторожными», говорил он президенту Комиссии ЕС Жаку Делору 14 июня. См.: GHWBPL Memcon of Bush's Luncheon Meeting with Jacques Delors 14.6.1989 White House.

бами безопасности во время забастовки 1970 г., – изображавшим три якоря, нанизанных на гигантские стальные кресты, – как «эмоциональный пик» своей польской поездки. Буш чувствовал «сердцем и душой, что он эмоционально вовлечен», и при этом он отдавал себе отчет, что «является свидетелем истории, которая делалась на этом самом месте»²⁶⁹.

Его поездка в Польшу была короткой (9–11 июля), но она подчеркнула масштаб политических и экономических проблем, которые предстояло решать. Один из президентских советников сказал для прессы, что «это потребует сотен миллионов долларов от нас и от множества других людей, но даже это не гарантирует конечный успех»²⁷⁰.

Вечером, когда Буш приехал в Будапешт, разразилась мощная гроза. Их с Барбарой отвезли прямо на площадь Кошута, названную так в честь предводителя потерпевшей поражение венгерской революции 1848 г., которая в свою очередь стала одним из центров восстания 1956 г. против господства Советов. Когда автомобильный кортеж примчался на площадь и встал напротив здания парламента, его приветствовало множество собравшихся здесь людей, что-то около 100 тыс., – и эта толпа была заряжена энтузиазмом, полна ожиданий, чему несколько не мешали потоки воды с небес. Буш тоже был взволнован. Это был первый в истории визит американского президента в Венгрию²⁷¹.

Дождь шел все время, пока председатель Президентского совета Венгрии Бруно Штрауб на протяжении доброй четверти часа бубнил свою приветственную речь. Когда Буш, наконец, получил возможность говорить, он отстранил зонт и, не заглядывая в приготовленный текст, экспромтом произнес несколько фраз «от всего сердца» об изменениях, происходящих в Венгрии, и о ее настроенном на реформы руководстве. Как только он закончил свою речь, сквозь тяжелые тучи выглянуло заходящее солнце. Там был еще один особый момент. Краем глаза Буш увидел пожилую женщину возле подиума, промокшую до нитки. Он снял свой плащ (который на самом деле принадлежал одному из секьюрити) и накинул ей на плечи. Зрители ревели в знак одобрения. Затем Буш спустился к толпе, пожимая руки и раздавая наилучшие пожелания. Скоукрофт записал: «Между ним и толпой возникла совершенная эмпатия»²⁷².

На следующий день, 12 июля Буш следовал сценарию, похожему на тот, что был во время визита в Варшаву. Он с большой осторожностью следил за тем, чтобы его не связали слишком тесно с какой-либо оппозицией официальным партийным лицам. Конечно, его встречи наедине как с оппозицией, так и с представителями коммунистов, проходили за закрытыми дверями, а публично он выражал свою поддержку коммунистам-реформаторам, стоявшим во главе правительства. И все-таки различие в атмосфере между Будапештом и Варшавой было вполне ясным: Венгрия уже два десятилетия пользовалась «большей политической свободой – в ночных клубах разыгрывали сатирические сценки о правительстве – и обладала большей экономической энергией, при которой изобилие фруктов и овощей на продуктовых рынках было полнее, чем в какой-либо другой стране Варшавского пакта»²⁷³.

Во время своих переговоров с Бушем премьер-министр Миклош Немет подчеркивал свою твердую веру в то, что Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) сможет

²⁶⁹ Maureen Dowd 'Bush urges Poles to pull together' *NYT* 12.7.1989; R. W. Apple Jr 'A Polish Journey; Bush Escapes Pitfalls in Weathering Tough Economic and Political Climate' *NYT* 12.7.1989; David Hoffman 'Wałęsa Pleads with Bush for Money to Spare Poland the Fate of Beijing' *WP* 12.7.1989; 82 Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 120–121. См. также: Bush's Question-and-Answer Session With Reporters Following a Luncheon With Solidarity Leader Lech Wałęsa in Gdansk 11.7.1989 APP; и Bush's Remarks at the Solidarity Workers' Monument in Gdansk 11.7.1989 APP.

²⁷⁰ Apple Jr 'A Polish Journey'.

²⁷¹ Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 124. Jack Nelson 'Bush Hailed in Hungary, Lauds Reforms' *LAT* 12 July 1989; Terry Atlas & Timothy J. McNulty 'Cheers Greet Bush Call For Reform' *CT* 12.7.1989.

²⁷² Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 124; George H. W. Bush *Speaking of Freedom: The Collected Speeches* Scribner 2009, pp. 79–80.

²⁷³ Domber 'Skepticism and Stability' pp. 72–73; Paczkowski *The Spring Will Be Ours* p. 507; R. W. Apple Jr 'In Hungary, The Ideas for Change Are Selling Themselves' *NYT* 13.7.1989.

«обновиться и способна через выборы получить доминирующее положение в коалиции. Опасность состоит в том, что, если ВСРП проиграет, то оппозиция не окажется готовой править». Буш с этим согласился. В отношении «политической системы Венгрии» президент утверждал, что «принципы, озвученные премьер-министром, это как раз то, что и поддерживает Америка» и обещал, что он «не будет делать ничего такого, что способно осложнить процесс реформ». Настроенный на стабильность Буш полагал, что коммунисты-реформаторы лучше всего подготовлены для роли инженера, способного постепенно и успешно увести страну с орбиты Москвы²⁷⁴.

В Венгрии – в отличие от Польши, где политическая ситуация была намного более неопределенной перед лицом выборов, – вопрос был не в том, будут ли проводиться реформы, а в том, насколько они будут быстрыми и на чьих условиях будут проводиться. В настоящий момент коммунисты-реформаторы осуществляют трансформацию и делают это уверенно. В международном плане у Венгрии тоже больше пространства для маневра, чем у Польши, имеющей стратегически важное значение для Советского Союза. В Будапеште знали и то, что им выгодно следовать за Варшавой в этом спуске со стапелей. Было очевидно, что Польша, взяв курс на реформы, определенно сумела уйти, оставаясь при этом в Варшавском пакте, и венгерские реформаторы тоже предпочли этот же путь – особенно после того, как Горбачев твердо озвучил свою антиинтервенционистскую позицию на саммите в Бухаресте (в 1956 г. Венгрия слишком далеко зашла, объявив о выходе из Варшавского пакта).

Поняв новые правила игры, венгры еще и хотели проверить пределы допустимого. Фактически они уже это начали, приступив к снятию колючей проволоки на границе. Имре Пожгаи, заместитель премьер-министра Венгрии при Немете, объяснял Бушу, что есть только два случая, способные повлечь за собой советскую интервенцию: «развязывание гражданской войны» или «провозглашение Венгрией нейтралитета». Последний представлялся ему маловероятным: он был уверен, что Венгрия сможет осуществить «мирную» трансформацию. И последнее просто «невозможно» для Венгрии: как и в случае с Польшей, членство Венгрии в Организации Варшавского договора не обсуждается, чтобы не провоцировать Кремль. Буш совершенно согласился с тем, что венгры не должны выбирать между Востоком и Западом. Что на самом деле важно, провозгласил тот, так это чтобы «советские реформы продолжались», и при этом Соединенные Штаты не должны «осложнять положение Горбачева и не затруднять осуществление венгерского курса»²⁷⁵.

Буш нашел, что реформаторы здесь деятельны и заряжены энергией. В отличие от Польши, выглядевшей тусклой, перегруженной и обеспокоенной за свой новый политический плюрализм, Венгрия быстро открывалась на Запад, казалась действительно наполненной жизненной силой. И Буш дал это понять в своей речи в Университете Карла Маркса днем 12 июля. «Я вижу людей в движении, – сказал он. – Я вижу цвета, креативность, склонность к экспериментам. Сама атмосфера в Будапеште наэлектризована, насыщена оптимизмом». Буш хотел, чтобы его слова подействовали как акселератор процесса изменений, ведущих к многопартийным выборам, с тем чтобы страна не застряла на полпути. «Соединенные Штаты окажут поддержку, но не для сохранения статус-кво, а для продвижения реформ», – провозгласил он, прежде чем напомнить аудитории, что здесь, как и в Польше и во всем блоке, не существует простых решений: «Еще существуют остатки сталинистской экономики – огромные, неэффективные заводы и запутанная система цен, которую никто не может понять, а также масштабные субсидии, искажающие экономические решения». Но, добавил он, «венгерское правительство все больше передает дело управления магазинами управляющим, сельскими хозяйствами – фермерам. И творческие силы людей, однажды высвобожденные, станут создавать собствен-

²⁷⁴ GHWBPL Memcon of Bush–Németh Meeting 12.7.1989 Parliament Building (Hungary) pp. 2–4.

²⁷⁵ GHWBPL Memcon of Bush–Pozsgay meeting 12.7. 1989 US Ambassador's Residence (Hungary) pp. 2–3.

ные импульсы. И это передаст вам, каждому из вас ваши собственные судьбы – и судьбу Венгрии»²⁷⁶.

В духе этой возвышенной риторики президент, так же, как и в Варшаве, предлагал довольно скудную экономическую помощь: 25 млн долл. из фонда поддержки частных предприятий; 5 млн долл. для регионального экологического центра; обещание предоставления статуса «наиболее благоприятствуемой нации», как только Венгрия либерализует свое эмиграционное законодательство. Кроме того, он много говорил о направлении делегации волонтеров Корпуса мира для обучения венгров английскому языку²⁷⁷.

Его аудитория прослушала всю речь спокойно, но внимательно. Самым эмоциональным моментом стали комментарии Буша на тему «злого символа разделения Европы и изоляции Венгрии» – заборов из колючей проволоки, которые, как он сказал, «скатаны и скручены в рулоны». Буш пафосно провозгласил: «Впервые Железный занавес начали снимать... И Венгрия, ваша великая страна, пошла впереди». Что еще важно, так это то, что вместе с выводом советских войск, как он обещал, «мы будем работать вместе над тем, чтобы уйти от сдерживания, уйти от холодной войны». Заканчивая свою речь, он вновь воззвал: «Давайте сами писать свою историю о том, как наше поколение сделало Европу единой и свободной». За это зал аплодировал ему стоя²⁷⁸.

В четверг 13 июля, когда Буш летел из Будапешта в Париж на саммит G7, он и Скоукрофт думали о том, что «рождается новая Европа». Во время полета президент поделился своими впечатлениями с журналистами президентского пула, летевшими вместе с ним. Он сказал, что убывает «с таким настоящим ощущением» перемен, происходящих в Восточной Европе, – перемен, которые он описывал как «абсолютно удивительные», «резонансные» и «жизненные». Он заявил о своем намерении «сыграть конструктивную роль» в этом процессе перемен. Встречи, особенно с венгерскими лидерами, были «очень хорошими, очень открытыми». Буш разошелся и добавил: «Я имею в виду, что это были эмоциональные встречи, а не традиционные дипломатические, когда я “читаю по бумажке” и вы “читаете по бумажке”». Там была «энергия и страсть», и он заметил, что это его «очень вдохновило»²⁷⁹.

Президент не знал, чему еще предстоит произойти, и поэтому оставался осторожным, но он определенно был под впечатлением от увиденного. «Я твердо убежден, что это волна свободы и, если хотите, волна будущего», – сказал он оживленно. Кому-то это могло показаться излишне сдержанным и слишком комплиментарным по отношению к старой коммунистической гвардии. Хотя другие, включая его собственного заместителя советника по национальной безопасности Роберта Гейтса, доказывали, что президент играет в более сложную игру. Превознося демократические свободы и национальную независимость перед толпами, на встречах с лидерами из числа старой гвардии он говорил на языке прагматизма и примирения – в стремлении «облегчить им путь, ведущий от власти»²⁸⁰.

Конечно, проблема, с которой столкнулась его администрация, состояла в том, чтобы поддерживать реформы в Восточной Европе и при этом не заходить слишком далеко и не забе-

²⁷⁶ Bush's Remarks to Students and Faculty at Karl Marx University in Budapest 12.7.1989 APP; Apple Jr 'In Hungary, The Ideas for Change are Selling Themselves'.

²⁷⁷ Ibid. См. также: Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 126.

²⁷⁸ Apple Jr 'In Hungary, The Ideas for Change are Selling Themselves'.

²⁷⁹ Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 126; Bush's Interview with Members of the White House Press Corps 13.7.1989 APP.

²⁸⁰ Robert M. Gates *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War* Simon & Schuster 2006 p. 466.

гать вперед, дабы не спровоцировать беспорядки и даже реакцию. Сложные экономические преобразования легко могли породить инфляцию, безработицу и нехватку продовольствия – и любое из этих зол могло вынудить ориентированных на реформы лидеров повернуть вспять. Кроме всего прочего, Буш хотел избежать возможной ответной советской реакции – в стиле 1953, 1956 и 1968 гг. Ключом к успешным изменениям в советском блоке была советская уступчивость, и Буш намеревался облегчить Горбачеву обеспечение этого. «Мы здесь не для того, чтобы дразнить Горбачева, – говорил он репортерам. – Как раз наоборот – поддержать все те реформы, которые он защищает, и новые реформы»²⁸¹.

С этими свежими впечатлениями от революционных изменений Буш прибыл в город, поглощенный празднованием революции. 14 июля 1989 г. исполнялось двести лет со дня взятия Бастилии, с чего начались четверть века шатаний Франции от политики в интересах народа до имперской автократии. Французский президент Франсуа Миттеран был намерен произвести впечатление на гостей со всего света экстравагантным празднованием французского величия – и своим собственным почти королевским положением. Впрочем, принимая во внимание драматические события в Восточной Европе, французская историческая церемония в июле 1989 г. действительно имела особый резонанс.

Сразу после прилета Буша отвезли на площадь Трокадеро напротив Эйфелевой башни. Он сидел в одном ряду с лидерами шести ведущих индустриальных стран и с более чем двадцатью лидерами развивающихся стран Африки, Азии и Америки и принял участие в церемонии в память о принятии в 1789 г. Декларации прав человека. Актеры зачитывали выдержки из Декларации и цитировали лидеров революции, высеченные в камне статьи документа были украшены гирляндами цветов, а в голубое парижское небо выпустили полтысячи голубей. Замысел Миттерана был очевидным: французскую революцию следовало помнить не за потоки пролитой крови, а за провозглашение вечных ценностей: свободы, равенства, братства. За всем этим последовал прием в совершенно новом, огромном, сверкающем здании Оперы на площади Бастилии, построенном на том самом месте, где когда-то стояла королевская тюрьма. А утром следующего дня два десятка особых гостей вместе с лидерами стран G7 Миттеран пригласил присутствовать на военном параде на Елисейских полях в честь Дня Бастилии, который французский президент постарался превратить в масштабную демонстрацию французской военной доблести. В скрытом послые всего этого нельзя было усомниться: Пятая республика все еще является державой глобального уровня. Глядя на 300 танков, 5 тыс. солдат и тактические ядерные ракеты,двигающиеся по Большим бульварам Парижа, Скоукрофт не мог не вспомнить советские парады на 9 мая.

Друзья Миттерана из третьего мира по-настоящему раздражали американцев. Помимо всего прочего, экономический саммит G7 в Париже готовился специально для того, чтобы рассмотреть неотложные вопросы смягчения бремени выплаты долгов и состояние глобальной окружающей среды. Делегация США совершенно не желала, чтобы саммит G7 превратился в спонтанную встречу Север–Юг на полях французского национального юбилея, и особенно потому, что страны-должники уже и так привлекли к себе внимание в Париже, обратившись с предложением списать долги странам третьего мира на сумму 1,3 трлн долл. В Белом доме опасались, что на такой внезапной встрече кредиторов и должников, за которую выступала Франция, «Юг» выступит единым блоком и облечет свои требования к «Северу» в форму «репараций» за годы колониальной «эксплуатации», изложенную с использованием марксистско-ленинской риторики. И вообще, США были решительно против коллективных действий должников. С их точки зрения проблемы долгов должны решаться в прямых двусторонних переговорах между странами, и именно в этом контексте Америка объявила о краткосрочном

²⁸¹ Bush's Interview With Members of the White House Press Corps 13.7.1989 APP. See also Maureen Dowd 'Bush Credits Moscow with Change in East Bloc' NYT 14.7.1989.

займе для страны-соседки Мексики на сумму 1–2 млрд долл. и обозначила такую же возможность для Польши²⁸².

Поскольку центральной темой саммита G7 было смягчение долгового бремени, генерал Ярузельский решил этим воспользоваться и 13 июля обратился к «Большой семерке» с предложением принять двухлетнюю многомиллионную программу срочной помощи. Его программа из шести пунктов была опубликована во всех важнейших партийных газетах Польши. Она предусматривала выделение 1 млрд долл. на реорганизацию системы поставок продовольствия, новые кредиты на 2 млрд долл., а также сокращение и реструктуризацию польского долга на сумму около 40 млрд долл., и это не считая отдельного финансирования специальных проектов. Важным было то, что запрос Ярузельского одобрило движение «Солидарность»; на самом деле Валенса только что выступил в поддержку одобренного компартией кандидата в президенты, что делало победу генерала Ярузельского более чем вероятной, и это позволяло выйти из политического тупика, на несколько недель возникшего после выборов²⁸³.

Все еще окрыленный своими последними визитами, Буш был доволен, что может использовать финансовые требования Ярузельского, чтобы поставить Восточную Европу в центр обсуждения на саммите, перехватив инициативу у Миттерана, одоббившего набор участников в малую глобальную лигу. Но раз содействие демократическим переменам становилось центральным вопросом встречи, то это означало, что саммиту придется заниматься и гораздо менее приятным для американцев вопросом о сорвавшейся революции в Китае. Так парижская встреча G7 оказалась посвященной двум самым горячим политическим вопросам текущего момента – проблемам, потенциально способным нарушить мировой порядок.

Как только в пятницу после полудня 14 июля саммит начал свою работу – он проходил в новой стеклянной Пирамиде, ставшей входом в Лувр, – лидеры принялись обсуждать, насколько далеко им стоит зайти в осуждении Китая. Большинство европейцев во главе с французским президентом хотели наказать КНР показательными санкциями, но Буш (так же как премьер-министр Тэтчер, опасавшаяся за судьбу Гонконга²⁸⁴) призвал к сдержанности. Президент США хотел, чтобы американо-китайским отношениям, столь важным для сохранения глобального мира, не был причинен сколько-нибудь серьезный ущерб. Надо сказать, что в Париже он рисковал, потому что Сенат США как раз в тот самый день проголосовал (81 голос против 10) за наложение США жестких санкций против КНР.

Премьер-министр Японии Сосукэ Уно, единственный азиатский голос в G7, тоже высказался за осторожность. Токио совсем не хотел изоляции Пекина, что могло толкнуть его в руки Москвы. Более того, учитывая длинную историю японских вторжений в Китай, он считал, что у Японии нет моральных оснований для наказания Пекина. Япония полагала, что находится в уникальном положении. Если она сможет оставить открытыми каналы связи с Китаем, используя при этом свое положение ключевого союзника Америки в Тихоокеанском регионе, она сможет стать и посредником в восстановлении американо-китайского сотрудничества. Видя в этом реальные выгоды, Буш и Уно вместе старались смягчить тон коммюнике в отношении Китая. В конечном счете лидеры выступили с решительным осуждением «жестоких репрессий» в КНР, но не объявили ни о каких дополнительных санкциях и лишь призвали китайцев к «созданию условий, позволяющих избежать изоляции»²⁸⁵.

²⁸² Peter T. Kilborn 'US Prepares Loan to Enable Mexico to Meet Payments' *NYT* 14.7.1989; Bush & Scowcroft, *A World Transformed* p. 127. Об экономических приоритетах США на саммит, см. также: GHWBPL Telcon of Bush-Kohl call 23.6.1989 Oval Office p. 2. Буш говорил Колю: «Приоритетом для США будет обсуждение ситуации международной задолженности и координации макроэкономической политики. Саммит Семерки должен вернуться на уровень координации политики, как это делали в прошлом». Ср. на немецком: Telcon of Bush-Kohl call 23.6.1989, опубликовано в: *DESE doc.* 10 p. 315.

²⁸³ Serge Schmemann 'Poland's Leader Asks West for Aid' *NYT* 14.7. 1989; idem 'Walesa to Back a Communist Chief' *NYT* 15.7.1989.

²⁸⁴ See TNA UK PREM 19/2597 Charles Powell's notes on Bush-Thatcher Telcon 5.6.1989 MTF.

²⁸⁵ Ezra F. Vogel, Ming Yuan, Akihiko Tanaka (eds) *The Golden Age of the US-China-Japan Triangle, 1972-1989* Harvard Univ.

Как только с острой темой Китая было покончено, G7 в субботу перешла к поиску согласия в отношении Польши и Венгрии. Принятая ими «Декларация об отношениях Восток–Запад» гласила: «Мы признаем, что политические перемены, происходящие в этих странах, будет трудно удержать без экономического прогресса»²⁸⁶. Чтобы ускорить этот прогресс, они согласились предоставить более благоприятные, по сравнению с обычными, условия для кредитов МВФ, позволив Польше отложить выплату в 1989 г. транша в 5 млрд долл. в счет погашения внешних займов. Они также согласились рассмотреть совокупность видов экономической помощи Польше и Венгрии (инвестиции, совместные предприятия, профессиональная подготовка и участие опытных менеджеров), также и чрезвычайные поставки продовольствия.

Все это не являлось особо удивительным. Что было намного более замечательным и в конечном счете важным, так это решение о том, что координировать экономическую и продовольственную помощь странам Восточного блока будет Европейское сообщество – это стало поразительной новостью для международной политики²⁸⁷. Буш получил то, чего он желал. Привлечение помощи для Восточной Европы наполнило его в основном символический визит в Варшаву, Гданьск и Будапешт настоящим содержанием. Но он нисколько не собирался нести это бремя в одиночку. G7 с готовностью восприняла его концепцию «общей Западной акции» в поддержку Польши и Венгрии, которая, как надеялся Буш, вытащит дела Западной и Восточной Европы из ведения одних только сверхдержав, равномерно распределит тяготы и сделает возможно большими, более синхронными и менее конкурентными западные усилия в этом отношении. Белый дом также полагал, что действия США, предпринимаемые в более широких многосторонних рамках, будут восприняты Советами как менее угрожающие. Работать вместе с союзниками и через них станет отличительной особенностью дипломатического стиля Буша.

Канцлер Коль, немедленно поддержанный другими участниками, предложил Европейской комиссии возглавить группу стран-доноров для оказания помощи Польше и Венгрии. Это в конечном счете сформировало G24: двадцать четыре промышленно развитые страны, входящие и не входящие в состав ЕС. Председатель Европейской комиссии Жак Делор, всегда готовый к принятию на себя лично большей роли как главы наднационального органа, выразил полную готовность руководить «координационным центром помощи». Кроме всего прочего, поскольку в 1988 г. ЕС уже установило прямые отношения с СЭВ как с торговым союзом, Венгрия выразила желание работать в направлении соглашения об ассоциации. Итак, в то время как США уступили место в переднем ряду, ЕС обрело положение лидера, что свидетельствовало о его растущей политической силе.

Пакет мер по оказанию помощи странам Восточной Европы стал первым случаем, по которому Европейское сообщество было выбрано в качестве агентства по выполнению решений G7. И это решение было предвестником будущего. Ведь буквально тремя неделями раньше на встрече в Мадриде 26–27 июня страны ЕС приняли решение об образовании в 1992 г. более тесного политического и экономического союза. Совершенно не случайно, что проект был выработан самим Делором²⁸⁸.

Делор был выдвинут на пост председателя Европейской комиссии в 1984 г., после того как в течение трех лет чрезвычайно эффективно работал министром финансов Франции при Миттеране, подчеркивавшим его талант как политического медиатора. Он успешно отговаривал своего известного упрямством босса смирить свое социалистическое кейнсианство про-

Asia Center 2002 pp. 105–106; Mary Nolan *The Transatlantic Century: Europe and the United States, 1890–2010* Cambridge UP 2012 p. 327; R. W. Apple Jr 'Leaders in Paris Argue over China' *NYT* 14.7.1989.

²⁸⁶ О декларации см.: g8.utoronto.ca/summit/1989paris/east.html.

²⁸⁷ Maureen Dowd 'Leaders at Summit Back Financial Aid For East Europe' *NYT* 16.7.1989.

²⁸⁸ *Ibid.*; Robert L. Hutchings *American Diplomacy and the End of the Cold War: An Insider's Account of US Policy in Europe, 1989–1992* Woodrow Wilson Center Press 1997 pp. 67–69; R. W. Apple Jr 'Mission for Europeans Signals Growing Power' *NYT* 16.7.1989.

ведением политики бережливости и фискальной консолидации. Это позволило укрепить слабевший франк и позволило Франции остаться в Европейской валютной системе. Опираясь на эти достижения, Делор перебрался в Брюссель, став Председателем Комиссии. Он искусно подвел двенадцать часто разноречивых членов Европейской комиссии к подписанию Единого европейского акта в 1986 г., содержавшего твердую приверженность двигаться к полному экономическому и валютному союзу (ЭВС). Делор, вне всякого сомнения, видел в ЭВС путь к продвижению европейской интеграции, но он не был ярким федералистом и приверженцем Соединенных Штатов Европы. Его возражения – прагматические и философские – против европейского федерализма помогают понять его осторожность в отношении высокоцентрализованных подходов при принятии решений, когда зарождалась «еврозона». В 1988 г. на встрече Совета ЕС в Ганновере европейские лидеры уполномочили Делора возглавить комитет, состоявший из управляющих центральными банками и других экспертов по разработке конкретных шагов в направлении ЭВС. И в этом случае он снова проявил свою способность к поиску компромиссов между предложениями различных экономических подходов, в особенности в построении мостов понимания между Францией и Германией²⁸⁹.

Таким образом, в Мадриде в июне 1989 г. лидеры ЕС-12 пришли к согласию в том, что в следующем году начнется первый этап ЭВС, который завершится с созданием единого рынка в 1992-м. Это этап включит в себя устранение всякого контроля за обменом валют, создаст свободный рынок финансовых услуг и осуществит усиление политики конкурентности – что повлечет за собой решительное сокращение государственных субсидий. Другим зубцом в шестеренке этой политики являлось усиление социального согласия, что предусматривало свободу передвижения людей между странами и гарантии прав работников. Построение единого рынка при достижении социального мира являлось высшим приоритетом в этой новой и поразительной главе истории Сообщества. Стала очевидной большая роль внешней политики в делах ЕС и самого Председателя Комиссии. Именно поэтому Буш настоял на встрече с Делором в Вашингтоне в июне, за две недели до мадридской встречи и за пять недель до G7.

Эта встреча должна была показать, что Соединенные Штаты всерьез принимают Сообщество и проект «ЕС'92» (так в США кратко обозначили трансформацию Европейского сообщества в Европейский союз)²⁹⁰. Выкинув из головы опасения по поводу экономически протекционистской «крепости Европа», Буш и Бейкер дали ясно понять – Америка хочет видеть, что завершение создания единого европейского рынка связано с действительным прогрессом на так называемом Уругвайском раунде переговоров по новому соглашению о глобальных тарифах и торговле, которое должно было заменить систему ГАТТ эпохи холодной войны. Делор согласился, что ЕС'92 и переговоры по глобальному торговому соглашению должны двигаться вперед одновременно: если Уругвайский раунд не сможет завершиться успехом, то и Сообщество не сможет достичь целей ЕС'92. Фактически он подчеркнул: «Это станет противоречием, если Уругвайский раунд закончится неудачей, а ЕС'92 двинется вперед». Сколькими моментами и в том и в другом случае оставались французское сельское хозяйство из-за мощного фермерского лобби в стране и Япония с ее мощной экспортно-ориентированной экономикой, но жестко протекционистским внутренним рынком. Делор надеялся, что «в будущем США, ЕС и Канада смогут совместно оказать давление на японцев»²⁹¹.

Несмотря на то что ЕС со всей очевидностью превращалось в независимого игрока, оно всегда опиралось на собственную эффективность ключевых стран-членов. При всех своих

²⁸⁹ D. Hodson 'Jacques Delors: Vision, Revisionism, and the Design of EMU' in Kenneth Dyson & Ivo Maes (eds) *Architects of the Euro: Intellectuals in the Making of European Monetary Union* Oxford UP 2016 pp. 212–232.

²⁹⁰ О ЕС-92 см.: JAB-SML B108/F1 Talking points – Cabinet Meeting (first meeting of Bush administration) WDC 23.1.1989 p. 2; Robert B. Zoellick 'Bush 41 and Gorbachev' *Diplomatic History* 42, 4 (2018) p. 561.

²⁹¹ О Мадридской декларации см.: europa.eu/summits/madrid/ mad1_de.pdf. О встрече Буша с Делором за ланчем см.: GHWPBPL Memcon of Bush-Delors talks 14.6.1989 White House pp. 2–3.

амбициях Делор никогда об этом не забывал. Наиболее значительной державой в экономическом отношении в ЕС была Федеративная Республика Германия, и поэтому жизненно важно было плотно сотрудничать с Колем. Буш, конечно, знал об этом; и он также хорошо понимал, что американо-германская ось является единственным способом соединения со всем европейским двигателем. Кроме всего прочего, канцлер сам всегда поддерживал ЭВС. Делор говорил Бушу: «Коль придает новую силу целям Европейского сообщества». Конечно, теперь, летом 1989 г., возникала опасность, что дальнейшая западноевропейская интеграция может сойти с рельсов в силу дезинтеграции Восточной Европы. Но и в этом случае роль Германии была решающей.

Все это стало ясным во время саммита G7 в Париже при обсуждении вопроса о том, каким образом предоставить помощь Польше и Венгрии. Именно Коль поддержал идею соединения всей западной финансовой помощи. Для канцлера – даже если принимать во внимание германский вопрос – такой путь обладал несколькими преимуществами. Во-первых, Западная Германия (так же как и Америка) намеревалась поддержать импульс изменений в рамках Восточного блока, но он хотел, чтобы процесс шел мирным путем и без всякого кровопролития. Совместная экономическая инициатива Запада могла предотвратить анархию и сдержать советскую военную интервенцию. Во-вторых, если ФРГ будет действовать под зонтиком ЕС, никто не сможет обвинить Коля в том, что он действует в одиночку – отстраняясь от Запада, заигрывая с Востоком, даже восстанавливает германскую державу таким образом, что это напоминает времена кайзера и даже фюрера.

Что еще в отличие от Буша Коль готов был сделать, так это выложить существенную сумму на стол. 28 июня он уже сказал Бушу, что он намерен обещать Венгрии дополнительно 1 млрд марок (около 500 млн долл.) «свежих денег» в составе безусловного займа такого же размера, который он уже предоставил в 1987 г. И хотя в окончательном виде было понятно, что все это финансирование представляет собой займы и кредиты на приобретение немецких товаров и услуг, а не прямую помощь, все равно эта сумма была в сорок раз больше той, что президент сам предложил Будапешту. Канцлер был также намерен помочь Польше на двусторонней основе, но этот вопрос пока оставался замороженным, поскольку был связан с положением немецкого меньшинства в Польше – вопросом очень чувствительным для поляков и праворадикальных немцев в ФРГ. Это противоречие, коренившееся в наследии нерешенных территориальных проблем Второй мировой войны, было еще одним напоминанием о тех ограничениях, в которых ФРГ может действовать на международной арене. Тупиковая ситуация со сделкой мешала осуществлению намерения Коля посетить Варшаву. Изначально он планировал сделать это летом, по пятам следуя за Миттераном и Бушем, но государственный визит в Польшу в результате состоялся только 9 ноября²⁹².

Делор и вся G24 действовали быстро, потому что Варшава и Будапешт опасались, что экономический крах может подорвать демократические реформы. Официальные лица, тем не менее, делали различие между Венгрией и Польшей, поскольку только последняя запросила немедленную помощь продовольствием, чтобы избежать жестокого дефицита. Венгерские ожидания были изложены на 24 страницах и были сосредоточены на улучшении условий торговли с третьим миром и либерализации иностранных инвестиций. Поляки, конечно же, рассчитывали на то же самое, но после того, как им помогут справиться с текущим продовольственным кризисом. 18 августа ЕС объявило о том, что в начале сентября в Польшу придут 10 тыс. т мяса в качестве первой части пакета помощи на 120 млн долл., состоящего из поставок мяса, зерновых, цитрусовых и оливкового масла. Дальнейшая поставка 200 тыс. т пшеницы

²⁹² Письмо Коля Бушу 28.6.1989, опубликовано в: *DESE doc.* 12 pp. 320–323. О визите в Польшу см.: Serge Schmemmann 'Old Prejudices and Hostilities Stall Effort by Bonn and Warsaw to Reconcile' *NYT* 23.6.1989; Hutchings *American Diplomacy* pp. 67–68. См. также: Christoph Gunkel 'Helmut Kohls Polen-Reise 1989: Problemfall Mauerfall' *Spiegel-Online*, 6.11.2009.

со складов в Германии, а также 75 тыс. т овса из Франции и 25 тыс. т из Бельгии придут следом, а еще готовятся поставки на 500 тыс. т. Замысел заключался в том, что польское правительство будет продавать продовольствие людям, а полученные доходы реинвестировать в собственную экономику, особенно в частный фермерский сектор. Эта договоренность была формализована в соглашении о фонде. Роль, сыгранная ЕС/G24 в конце лета 1989 г., станет шаблоном для пакетов помощи Востоку в будущем²⁹³.

Таким образом, в конце концов именно Брюссель, а не Вашингтон стал заниматься регулированием западной поддержки перемен в Центральной и Восточной Европе. Это в некотором смысле ослабило претензии Буша на то, что он и Соединенные Штаты «раскрутили» реформы в Польше и Венгрии. И хотя тон его риторики с весны повысился, его собственные действия показывали, что он отдает предпочтение эволюции перед революцией, больше любит стабильность и порядок, поддержанные осторожной политикой разделения бремени ответственности с союзниками²⁹⁴. Мягкая рецессия в США и долговое наследие времен Рейгана, драматически увеличившего дефицит государственного бюджета, укрепили представления Буша об опасности анархии в Европе, способной стать бездонной бочкой для американских долларов. Поэтому президент был доволен результатом саммита G7. Больше всего его беспокоило письмо, зачитанное Миттераном в День Бастилии в самом начале их встречи.

Письмо было от Горбачева – и это было впервые, когда советский лидер официально обратился к G7. И впервые СССР предлагал не только расширить экономическое сотрудничество, но и прямое советское участие в подобного рода усилиях.

«Формирование связанной мировой экономики требует, чтобы многостороннее экономическое партнерство было поставлено на качественно новый уровень», – писал Горбачев. – Многостороннее сотрудничество Восток–Запад по глобальным экономическим проблемам выходит далеко за рамки развития двусторонних связей. Такое состояние дел не кажется справедливым, принимая во внимание тот вес, который имеют наши страны в мировой экономике». Все это, сказал Горбачев, является логическим продолжением его программы внутренней экономической реструктуризации. «Наша перестройка неотделима от политики, направленной на наше полное участие в мировой экономике, – заявил он. – Мир лишь выиграет от открытия такого большого рынка, как в Советском Союзе»²⁹⁵.

Как и всегда у Горбачева, его риторика была внушительной, даже неотразимой. Без сомнения, советский лидер был готов присоединиться к G7. Но Буш Советов опасался. Их реформы еще не продвинулись настолько далеко, чтобы претендовать на место в топ-клубе свободных рыночных экономик²⁹⁶. И он видел, что советское участие будет выгодно лишь Москве. Впрочем, письмо Горбачева, широко цитировавшиеся в международной прессе, невозможно было игнорировать. Отсутствие советского лидера чувствовалось во время всего саммита, так же как это было во время визитов Буша в Варшаву и Будапешт. Да и Тяньаньмэнь тоже было еще одним призраком на пиру – в качестве зримого напоминания о том, что может произойти, если демократические перемены пойдут неверным путем.

²⁹³ 'W. Europe to Start Giving Food Products to Poland' *LAT* 18.8.1989; 'Food Aid to Poland Linked to Free Markets' *NYT* 2.8.1989. Cp. Domber 'Skepticism and Stability' p. 65; и папки в: NS Archive Washington DC End of the Cold War – Poland 1989 Cables.

²⁹⁴ Cp. Engel 'A Better World' p. 27; Steven Hurst *The Foreign Policy of the Bush Administration: In Search of a New World Order* Cambridge UP 2009 p. 11; Meyer 1989 pp. 212–217; Melvyn Leffler 'Dreams of Freedom, Temptation of Power' in Jeffrey A. Engel (ed.) *The Fall of the Berlin Wall: The Revolutionary Legacy of 1989* Oxford UP 2009 pp. 132–169.

²⁹⁵ Выдержки из письма в: Steven Greenhouse 'Gorbachev Urges Economic Accords' *NYT* 16.7.1989.

²⁹⁶ Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 129.

После того как воскресным утром 16 июля саммит завершился, Буш коротко обменялся мнениями с Бейкером и Скоукрофтом, стоя на ступеньках посольства в Париже, обращенных в сад; они обсуждали собственные впечатления и обретенный опыт за прошедшие дни. Внезапно президент объявил, что наконец пришло время ему встретиться с Горбачевым. Он говорил об этом, как позднее вспоминал Скоукрофт, «таким образом, как он обычно делал, когда на что-то решался. Ни Бейкер, ни я не отговаривали его. Бейкер и раньше не был так решительно настроен против несвоевременной встречи с Горбачевым, как я, я теперь и не был так решителен в этом отношении»²⁹⁷.

Все выглядело как внезапный порыв, но на самом деле Буш обдумывал это на протяжении нескольких недель. Особенный импульс дали западные немцы. 6 июня в Овальном кабинете президент ФРГ Рихард Вайцзеккер предупреждал Буша о последствиях недавних волнений в Польше и Венгрии. «Будет полезно, если США проведут с Москвой закрытые переговоры о будущем Восточной Европы», – сказал он. Западноевропейские союзники сделают то же самое, основываясь, как он сформулировал, «на ценностях Атлантического альянса», и ФРГ станет действовать в этих рамках, чтобы избежать каких-либо суждений о проведении ею самостоятельной Восточной политики (*Ostpolitik*²⁹⁸). Позже Вайцзеккер вернулся к тому же самому пункту в разговоре, еще более откровенно предупреждая Буша о том, что «в международных отношениях Советы приближаются к таким временам, которые им совершенно неизвестны, и у них есть обоснованные опасения». Он твердо добавил: «Западу надо провести переговоры с Москвой, чтобы развеять эти страхи». Президент прямо на это ничего не ответил, но, переходя к Китаю, заметил, что у него «есть ощущение, будто Советы говорят “там же по милости божьей окажемся и мы”. Быть может, они опасаются, что реформы могут повлиять на них таким же образом»²⁹⁹.

Понимание значимости этого разговора усилилось после того, как 15 июня канцлер Коль – сразу после переговоров с Горбачевым в Бонне – позвонил Бушу, чтобы поделиться своими впечатлениями. Советский лидер, сказал он, находится в «отличной форме» и сравнительно «оптимистичен», показывая, что он настроен на поддержку усилий по проведению реформ в Польше и Венгрии. Но Коль хотел вернуться и к другому вопросу: Горбачев «искал пути установления личного контакта с президентом». Считая, что это именно так, канцлер сообщил, что он и Горбачев «поговорили немного о президенте». Было понятно, сказал Коль, что Горбачев к Соединенным Штатам в целом относится с подозрением, но в то же время у него есть «большая надежда на установление лучшего контакта с Бушем, чем у него был с Рейганом». На интеллектуальном уровне, настаивал Коль, Горбачев «поладит с президентом» и хочет «углубить контакты с США и лично с Бушем». Коль агитировал за то, что Горбачеву надо время от времени направлять прямые и личные письма. Это, считал он, станет «сигналом доверия президента, что является для Горбачева ключевым словом, так как он высоко ценит “личную химию”». Буш, по-видимому, принял все это с долей скепсиса – в конце разговора, цитируем официальные американские записи, он лишь «поблагодарил канцлера за его рассказ и сказал, что внимательно его выслушал», при этом главные моменты разговора были переданы в них точно³⁰⁰.

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ *Новая восточная политика*, или кратко *Ostpolitik*, в начале 1960-х гг. означала нормализацию отношений между ФРГ и Восточной Европой, особенно с СССР и ГДР. Эта политика разрядки напряженности в отношениях со странами Восточного блока была начата Вилли Брандтом вначале как министром иностранных дел, а затем проводилась им как канцлером ФРГ.

²⁹⁹ GHWBPL Memcon of Bush–Weizsacker meeting 6.6.1989 Oval Office p. 2.

³⁰⁰ GHWBPL Telcon of Kohl–Bush call 15.6.1989 Oval Office pp. 1–3; немецкая запись в: *DESE doc. 5 pp. 299–301 esp. p. 300*. См. также: Дневниковая запись 15.6.1989, опубликовано в: *Bush All the Best* p. 428. Буш был доволен: «Пересказ о Горбачеве» Коля был хорошим и канцлер звучал «оптимистично». В целом «долгий телефонный разговор» был «очень личным, очень дружеским». Далее Буш отметил: «От себя лично, Гельмут упомянул особые сосиски, которые он мне собирался отправить уже три или четыре раза, поэтому я должен поговорить с Секретной службой об их получении. Им это будет неудобно, но

Во время уикенда у Буша была возможность подумать о том, что произошло за неделю. 18 июня, через три дня после разговора с Колем, он записал в своем дневнике: «Я постоянно держу в уме, что мы должны что-то делать со встречей с Горбачевым. Я хочу встречи; но не желаю вязнуть в вопросе о контроле над вооружениями». Буш надеялся, что могут произойти какие-то «мировые катаклизмы», которые могут дать ему и Горбачеву шанс «сделать нечто, что бы продемонстрировало сотрудничество», и оказаться в процессе «спокойного разговора» без растущих ожиданий достижения какого-то драматического прорыва в вопросе о контроле над вооружениями. Короче говоря, президент желал обмена мнениями, а не саммита³⁰¹.

Визиты в Польшу и Венгрию обострили осознание Бушем того, что реформы могут легко выйти из-под контроля и обернуться насилием. Он не мог забыть фото с площади Тяньаньмэнь и не мог игнорировать «травматические восстания» в Восточной Европе в прошлом. И если сейчас Восточная Европа вошла в состояние перехода, то этот процесс должен быть управляем сверхдержавами: «откладывать встречу с Горбачевым становится опасным»³⁰². И Миттерран именно этот момент заострил, когда у себя дома 13 июля, в канун встречи G7, развеивал озабоченности Буша относительно поиска такого повода, который бы не подогревал излишних ожиданий. Французский президент сказал, что они оба «могут просто встретиться как президенты, которые раньше не встречались – для обмена мнениями»³⁰³.

Давление со стороны европейских союзников становилось все более интенсивным, но Буш был упрям и осмотрителен: в свое время он должен сам принять решение. К середине июля 1989 г. он наконец это сделал. Спустя семь месяцев президентства – освоившись в роли президента и отойдя от своего начального открытия Китая – его вниманием прочно овладела Европа, и он укрепил свое персональное положение как лидера на саммите НАТО в мае и на недавней встрече G7. Буш далеко ушел от своей отстраненной роли на Говернорс-айленд, оказавшись тогда в струе от горбачевского выступления с гастролями на Манхэттене. Сейчас он ощущал себя психологически готовым встретиться с «кремлевским соблазнителем».

Такой неспешный и осторожный подход к принятию решений был характерен для стиля Буша, столь отличного от стиля Рейгана, которого когда-то называли «Великим коммуникатором», «президентом-ковбоем». Это был стиль без гирлянд и фейерверков. Подход Буша был более выверенным и прагматичным, он основывался на большом опыте управления. Некоторые комментаторы ошибочно принимали сдержанные манеры Буша и то, что он прибегал к советам, за приметы слабости – как намек на то, что мощь Америки уходит. Но Буш считал сотрудничество, коллегиальность и убедительность отличительными чертами лидерства, а это требовало личного контакта и выстраивания доверия. Ко времени окончания встречи G7 Буш уже знал, что все эти приемы работают с его западными партнерами, и ощущал готовность опробовать их на своем коллеге по сверхдержавности, находясь в спокойной уверенности, что он сможет справиться с горбачевским беспокойным смешением завлекательной болтовни и навязывания ощущения его «превосходства». Горбачев сказал Рейгану, что для танго нужны двое. Теперь Буш был готов присоединиться к танцу³⁰⁴.

Возвращаясь домой на президентском самолете, президент набросал личное письмо к Горбачеву, чтобы объяснить, «насколько изменилось мое мышление». Раньше, пояснял он, он чувствовал, что встреча между ними должна обязательно завершиться выработкой важных

здесь нам нужно немного нарушить правила просто потому, что это так много значит для Коля, и, кроме того, мне нравятся немецкие сосиски».

³⁰¹ Дневниковая запись 18.6.1989, опубликовано в: Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 130

³⁰² Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 39, 130.

³⁰³ GHWBPL Memcon of Mitterrand–Bush meeting 13.7.1989 Palais de l'Elysee p. 2.

³⁰⁴ Engel *When the World Seemed New* p. 6; James M. Markham 'The President Tours a New Europe That Calls Its Own Shots' *NYT* 16.7.1989; Dowd 'Leaders at Summit Back Financial Aid For East Europe'. Об идеях Буша относительно «личной дипломатии» см.: Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 60–61. О том, как «танцевать танго», см.: Memcon of Reagan–Gorbachev talks 11.10.1986 Reykjavik p. 11 thereaganfiles.com/reykjavik-summit-transcript.pdf.

соглашений, особенно в сфере контроля над вооружениями – и не в последней очереди из-за надежд «наблюдающего мира». Но теперь, после того как он сам увидел советский блок, имел «удивительные беседы» с другими мировыми лидерами в Париже и узнал о недавних визитах Горбачева во Францию и в Западную Германию, он почувствовал, насколько жизненно важно им двоим установить личные отношения, чтобы «уменьшить шансы возникновения непонимания между нами».

Этим президент предложил провести неформальную встречу без повестки дня, «без тысяч помощников, выглядывающих из-за плеч, без непременных отчетов о брифингах и, конечно, без назойливых вопросов прессы, каждые пять минут, вопрошающей о том, «кто побеждает», и стала ли эта встреча победой или поражением. Фактически Буш твердо предложил: «будет лучше вообще избегать слово “саммит”». Он надеялся, что они смогут встретиться вскоре, но не хотел никоим образом оказывать на Горбачева какого-либо давления на этот счет. В начале августа, к удовольствию Буша, Горбачев ответил на его предложение утвердительно. Но потребовалось еще несколько недель, чтобы согласовать графики и место встречи³⁰⁵.

Тем временем перемены в когда-то замороженной Восточной Европе продолжали идти с удивительной быстротой. Как и раньше, в авангарде шла Польша. Внезапно нашелся выход из тупика в отношении нового поста президента. 18 июля Ярузельский объявил, что он на самом деле выставляет свою кандидатуру. На следующий день на общем заседании обе палаты парламента проголосовали за генерала, не имевшего оппонента, хотя значительная часть не послушавших своих лидеров парламентариев от «Солидарности» голосовала против. Ярузельский обещал быть «президентом консенсуса, представителем всех поляков». Конечно, для тех, кто побывал при нем в заключении, это прозвучало довольно иронично, но этот твердокаменный коммунист, на протяжении десятилетия подавлявший рабочее движение, был теперь назначен на пост президента Польши в облики «реформатора» в ходе по-настоящему свободных выборов. Многие рядовые участники «Солидарности» были взбешены. Но их политические лидеры доказывали, что это наилучший результат для того, чтобы двигаться к свободе, сохраняя стабильность. В то же время эта самая трудная победа, одержанная Ярузельским (он получил необходимое большинство всего в один голос), показала, кто на самом деле обладал настоящей легитимностью и политической силой в стране: свободные рабочие, «Солидарность»³⁰⁶.

Следующим шагом стала замена правительства премьер-министра Раковского. В соответствии с договоренностью, достигнутой на круглом столе, предполагалось, что «Солидарность» останется в оппозиции, в то время как возглавляемое коммунистами правительство будет управлять страной. Однако драматичные результаты выборов 4 июня сделали оригинальные весенние договоренности смешными. Вследствие этого коммунисты теперь стали выступать за большую коалицию с «Солидарностью» (не в последнюю очередь для того, чтобы поделиться ответственностью за углублявшийся экономический кризис). Но в «Солидарности» не было единства по вопросу о новом курсе; большинство ее членов не хотело участвовать в правительстве, в котором будут главенствовать коммунисты. И в любом случае, они полагали, что результаты июньских выборов на самом деле дают им мандат на управление страной.

В это время 2 августа Ярузельский назначил своего коллегу коммуниста генерала Чеслава Кищака Председателем Совета министров. Но он не смог сформировать кабинет, потому что

³⁰⁵ Письмо Буша Горбачеву 21.7.1989, опубликовано в: Bush *All the Best* pp. 433–434. Cp. Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 132–133.

³⁰⁶ John Tagliabue 'Jaruzelski Wins Polish Presidency by Minimum Votes' *NYT* 20.7.1989; Domber 'Skepticism and Stability' p. 74.

союзники компартии – Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия – отказались от сотрудничества с ними. И тут Лех Валенса объявил, что он сформирует кабинет под знаменем «Солидарности». Этим поступком Валенса вышел за рамки договоренностей круглого стола. Так в первые недели августа и до того крайне неустойчивая политическая ситуация была дополнена растущей нестабильностью, не считая того, что начала подыматься новая волна забастовок против инфляции и нехватки продовольствия на промышленном юге в районе Катовице и на балтийских верфях.

Ярузельский был в сомнениях. Должен ли он сдаться и принять ускоряющийся темп политического перехода? Или ему нужно твердо стоять на своем и распустить парламент? Новые свободные выборы, без сомнения, станут полным поражением коммунистов. Посол США в Варшаве предупреждал, что Польша «находится на грани». Если произойдет эскалация ситуации, то неизвестно, насколько долго «слабеющая власть элиты сможет себя защищать». Как предотвратить консервативную реакцию? Или даже гражданскую войну?³⁰⁷

Ярузельский мучился несколько дней. Против того, чтобы выступить в роли сторонника жесткой линии, были перспективы политического и экономического хаоса, а также спокойное, но уверенное давление со стороны Горбачева и Кремля. Валенса пошел на решающие уступки – он обещал, что Польша останется в составе Организации Варшавского договора и что коммунисты займут ключевые министерские посты – министра обороны и министра внутренних дел, другими словами, контроль за армией и полицией останется у них. И то и другое было очень важными жестами для Москвы – или по меньшей мере для Москвы образца 1956 и 1968 гг., в случае если холодная война еще не стала настолько прошлым, как об этом говорил Горбачев. В этих условиях Ярузельский решил сделать шаг, который вытолкнул польскую политическую систему намного дальше, чем кто-либо в Восточном блоке пытался сделать, – в «партнерское сотрудничество» между партией и движением. Президент-коммунист принял премьер-министра «Солидарности»³⁰⁸.

Редактор оппозиционного издания «Газета Выборча» (Адам Михник. – *Примеч. пер.*), выступая за правление «одного из нас и одного из них», месяцем раньше уже предлагал такое решение, исходя из принципа, который он назвал «ваш президент, наш премьер-министр». Роль последнего выпала на долю журналиста Тадеуша Мазовецкого, с 1950-х зарекомендовавшего себя выдающимся католическим деятелем-мирянином. С самых первых дней возникновения движения «Солидарность» он выступал как важное звено, связывавшее прогрессивную интеллигенцию и по-боевому настроенных рабочих, работал редактором «Тугодник Солидарношч» – нового еженедельника «Солидарности», пока не был на год интернирован на основании закона о военном положении. В 1988–1989 гг. он помогал вести переговоры о завершении массовых стачек и проведении заседаний круглого стола³⁰⁹.

24 августа Сейм утвердил Мазовецкого в должности премьер-министра, при этом за него проголосовало и большинство депутатов-коммунистов, показав тем самым, что в принципе они готовы служить под его началом. Он стал первым некоммунистическим главой правительства в Восточной Европе со времен начальных послевоенных лет, но, впрочем, ни у кого на Западе не было каких-либо «юбилейных» настроений. «Историческим шагом» назвал это

³⁰⁷ Garton Ash *The Magic Lantern* pp. 39–40. NSArchive, End of the Cold War – Poland 1989 Cables 'US embassy Warsaw to Sec State – Conversation with Gen. Kiszczak' 11.8.1989; and 'New Prime Minister May Fail to Form a Government, Will Waęsa Try Next?' 14.8.1989.

³⁰⁸ John Tagliabue 'Senior Solidarity Aide Says He Is Being Named Premier; Post-War Milestone In Bloc' *NYT* 19.8.1989. О давлении на Горбачева см.: From Rakowski's polit-diary – Gorbatschow zu Mieczyslaw Rakowski: 'Den Weg der Verständigung gehen' 22.8.1989, опубликовано в: Stefan Karner et al. (eds) *Der Kreml und die 'Wende' 1989: Interne Analysen der sowjetischen Führung zum Fall der kommunistischen Regime – Dokumente* Studienverlag 2014 pp. 434–436; Francis X. Clines 'Gorbachev Calls, Then Polish Party Drops Its Demands' *NYT* 23.8.1989; Castle *Triggering Communism's Collapse* pp. 204–210.

³⁰⁹ Цит. по: Castle *Triggering Communism's Collapse* p. 207. John Tagliabue 'Man in the News: Tadeusz Mazowiecki – A Catholic at the Helm' *NYT* 19.8.1989.

событие официальный представитель Госдепартамента США, однако «нет никакого повода для восхищения», имея в виду те огромные и требующие срочного решения экономические проблемы, стоявшие перед Мазовецким³¹⁰. Фактически и новый польский лидер не отрицал этого, признавая: «Никто прежде еще не вступал на дорогу, ведущую от социализма к капитализму»³¹¹.

Плюсом стало то, что новому польскому премьеру понадобилось лишь три недели, чтобы представить парламенту свое правительство, которое было одобрено голосами 402 депутатов, при этом 13 отсутствовали, и никто не проголосовал против. Вполне символичным выглядело и то, что во время своей первой речи в качестве премьера 12 сентября шестидесятидвухлетний Мазовецкий почувствовал головокружение и вынужден был взять перерыв на час, чтобы прийти в себя. Когда он вернулся на трибуну под гром аплодисментов, то пошутил: «Извините меня, но я нахожусь в том же состоянии, что и экономика Польши». А после того, как стих смех, он добавил: «Я пришел в себя – и я надеюсь, то же произойдет и с экономикой». В конце своего выступления Мазовецкий встал с кресла премьер-министра «как член Солидарности», подняв в знак триумфа обе руки, словно повторяя жест победы «Солидарности»: два пальца одной руки в форме буквы V³¹².

Боровшиеся друг с другом на протяжении десятилетия «Солидарность» и коммунисты теперь приступили к непростой совместной работе, при этом большая часть правительственного аппарата осталась на своих местах, приспособливаясь, иногда даже старательно, к новым целям и манере поведения. Взамен безвыходного треугольника Партия–«Солидарность»–Церковь жизнь страны теперь определялась деятельностью новой конфигурации сил: правительство, парламент и президент, при том что ведущая политическая фигура и стратег «Солидарности» Лех Валенса фактически занимал положение будущего президента.

И хотя измученная экономика Польши едва начала свое движение от плана к рынку, первая и решающая фаза политического перехода – намеченного, но не прописанного в соглашениях круглого стола, – была пройдена без какого-либо конфликта. Не случилось никакой гражданской войны и советской военной интервенции. Эта мирная «революция» имела динамический эффект не только в Польше, и в других странах, где коммунисты были у власти, показав, что немыслимое стало возможным.

В то время как события в Польше шли своим чередом, сверхдержавы выглядели сторонними наблюдателями. Можно с уверенностью утверждать, что Госдепартамент предпочел бы вести более авантюрную и открыто поддерживающую политику. Но Белый дом оставался на охранительных позициях, твердо возлагая всю ответственность на Варшаву. «Только поляки могут знать о том, что они достигли успеха», – сказал Скоукрофт в интервью Си-эн-эн, когда его спросили, почему президент не решился предложить Варшаве больше помощи. «Мы можем помочь, но мы сможем помогать только тогда, когда деньги будут направлены в те структуры, которые способны использовать их надлежащим образом». Его посыл был совершенно четким: давайте подождем и посмотрим. Буш чувствовал, что «важно действовать осторожно и избегать растаскивания денег по крысиным норам»³¹³.

Что касается СССР, то Горбачев, казалось, цеплялся за иллюзию того, что «демократический социализм» в Польше и Венгрии имел будущее. Но даже если и так, у Кремля не было ни воли, ни ресурсов для проведения в отношении Восточной Европы политики в стиле Сталина, Хрущева или Брежнева. В любом случае, перед Горбачевым стояла тяжелейшая проблема, как удержаться у власти у себя дома и как сохранить Советский Союз. Ему приходилось действо-

³¹⁰ John Tagliabue 'Jaruzelski, Moved by "Needs and Aspirations" of Poland, Names Walesa Aide Premier' *NYT* 20.8.1989.

³¹¹ *Idem* 'Wider Capitalism to Be Encouraged by Polish Leaders' *NYT* 24.8.1989.

³¹² *Idem* 'Poles Approve Solidarity-Led Cabinet' *NYT* 13.9.1989.

³¹³ Скоукрофт цит. по: Thomas L. Friedman 'The Challenge of Poland' *NYT* 25.8.1989. Bush quoted in GHWBPL Telcon Bush-Kohl call 23.6.1989 Oval Office p. 2.

вать в совершенно новой политической системе, сложившейся после первых свободных выборов в СССР с 1917 г. Стремясь убедить Коммунистическую партию отменить Верховный Совет и создать работающий парламент, Съезд народных депутатов, в марте 1989 г. он понял, что это достижение перестройки создало более независимый орган, способный постепенно подрыывать его власть. Как заметил его биограф Уильям Таубман, он «заменял старую политическую “игру”, в которой ему не было равных, на новую, в которую он прежде не играл». В этом процессе все больше и больше власти получали республики и высвобождались новые националистические, даже сепаратистские силы. Эти центробежные силы проявились самым драматическим образом в Грузии, спровоцировав вмешательство Советской армии в Тбилиси в апреле 1989 г., когда погиб 21 человек, и стали еще более очевидными по мере того, как Европа стала проявлять озабоченность в отношении Прибалтийских республик на западной окраине СССР³¹⁴.

23 августа, за день до того, как Мазовецкий был утвержден на посту премьера Польши, около двух миллионов человек, взявшись за руки, образовали человеческую цепочку длиной в 400 миль по Эстонии, Латвии и Литве в память о пятидесятой годовщине пакта между Сталиным и Гитлером, заключенного в 1939 г., который передал Советскому Союзу эти три государства Балтии, пользовавшиеся независимостью с 1918 г. Этот «Балтийский путь» стал напоминанием о том, что СССР и советская империя существовали благодаря силе. Польский Сейм и компартия Польши публично осудили пакт, так же как это сделал и Горбачев за несколько дней до этого. Но никто из них до сих пор не хотел браться за то, чтобы сделать логические практические выводы из этих слов. Пакт передал в состав СССР не только страны Балтии, но и значительную часть восточной Польши. Осуждение сталинистской политики возвращало к жизни когда-то похороненные вопросы о европейской геополитике – вопросы, влиявшие на основы отношений между супердержавами³¹⁵. Так Польша выступила в роли чего-то вроде ледокола для холодной войны летом 1989 г. Венгрия следовала за ней, начав собственные переговоры за круглым столом о реформе электорального процесса и структуре правления. В этом случае, впрочем, стол был не круглым, а треугольным – что отражало более четкую конфигурацию венгерской политики, в которой ключевыми игроками были коммунисты, оппозиционные партии и непартийные организации. Начав переговоры 13 июня, все три группировки достигли 18 сентября соглашения о переходе к многопартийной парламентской демократии через полностью свободные общенациональные выборы. План предусматривал, что перед этими выборами старый, пока существующий парламент проведет выборы президента – на самом деле, существовало общее понимание, что Имре Пожгаи является наиболее вероятным кандидатом на этот пост. Но как только идея получила огласку, «Свободные демократы», «Молодые демократы» и Независимые профсоюзы нарушили уже достигнутый консенсус, отказавшись подписать соглашение. Очень скоро венгерская треугольная политика стала распадаться на фрагменты. Оппозиционные партии начали ссориться между собой, в то время как 7 октября ВСРП проголосовала за самороспуск и затем провозгласила себя Венгерской социалистической партией (ВСП), ее возглавил Режё Ньерш. Это стало для них фатальным решением, потому что общество видело, что стоит за косметическими изменениями. В течение следующих месяцев и в процессе подготовки к выборам «новая-старая партия» не выросла численно, в отличие от ее оппозиционных соперников. Тем временем некоторые коммунисты, сплотившись вокруг

³¹⁴ Taubman *Gorbachev* pp. 481–483, 428.

³¹⁵ О Балтийском вопросе см.: Kristina Spohr *Germany and the Baltic Problem after the Cold War: The Development of a New Ostpolitik, 1989–2000* Routledge 2004 pp. 20–22; Graham Smith (ed.) *The Baltic States: The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania* St Martin's Press 1996 pp. 132–133. О современных репортажах о Балтийской цепи см.: Michael Dobbs 'Baltic States Link In Protest "So Our Children Can Be"' *WP* 24.8.1989; Francis X. Clines 'Poland Condemns Nazi-Soviet Pact' *NYT* 24.8.1989. Cf. Esther B. Fein 'Moscow Condemns Nationalist "Virus" in 3 Baltic Lands' *NYT* 27.8.1989; Michael Dobbs 'Independence Fever Sets Up Confrontation' *WP* 27.8.1989.

Кароя Гроса, сформировали партию под старым названием, но эта их собственная, на скорую руку созданная партия стала в венгерской политической жизни еще более маргинальной.

Эти драматические перемены полностью захватили содержание венгерской политики. 18 октября парламент продолжил работу и одобрил конституционные поправки, согласованные за круглым столом, и в том числе переименовал страну в Венгерскую Республику, убрав из него слово «Народная». Свободные выборы были назначены на 25 марта 1990 г., а президентские выборы – на лето. Так Венгрия пошла в направлении многопартийной политики, еще до того, как стала демократией. Дольше, чем в Польше старое – хотя теперь и нацеленное на проведение реформ – правительство, ведомое переименовавшимися коммунистами, здесь продолжило управлять политическим процессом. В то время как в Польше выборы 4 июня стали решающим пунктом в процессе ухода от коммунизма, в Венгрии эмоциональные и символические корни обновления как нации прошли через драматические события 16 июня, когда состоялось перезахоронение останков Надя и отречение от событий 1956 г.

Поляки пошли в авангарде демократизации. Но это все-таки было процессом, происходившим в границах одного государства, так же как в советских республиках Эстонии, Латвии и Литве. Железный занавес в Европе был поднят в Венгрии.

Август был главным месяцем отпусков для всего континента. Почти все в Париже оказалось закрытым. Итальянцы нежились на прибрежных курортах Средиземноморья и Адриатики. Западные немцы терялись в горах Баварии или где-то на берегах Северного моря. На коммунистическом Востоке любители позагорать двигались на Черноморское побережье Болгарии или расслаблялись на берегах Балтики, в то время как множество восточных немцев, набившись в свои маленькие, цвета карамели «трабанты», отправились в Венгрию. Для тех, кто любил отдыхать в кемпингах, наиболее популярным местом были берега озера Балатон. Но в тот год многие туристы отправились в путешествие только в один конец, услышав или прочитав сообщения о том, что в Венгрии сняли колючую проволоку с границы. Они решили ухватить шанс и проскользнуть на Запад. Историк Мэри Саротт отмечает, что Штази (Министерство государственной безопасности) Восточной Германии подготовило «удивительно честный доклад для внутреннего пользования» о побуждениях своих граждан к отъезду из ГДР: нехватка потребительских товаров, ненадлежащие услуги, слабая система здравоохранения, ограниченные возможности для передвижения, плохие условия труда, жестко бюрократические подходы государственных органов и отсутствие свободных СМИ³¹⁶.

Помимо причин, упомянутых в этом материале, были еще и политические резоны для отъезда. Вдохновленные политическими преобразованиями в Польше и Венгрии – в странах, которые они хорошо знали и посещали сотнями тысяч, – многие восточные немцы видели, что в их собственной стране Хонеккер, напротив, остается нерушимым препятствием для прогресса. Он давал «вчерашние ответы на вопросы сегодняшнего дня». Открытое недовольство впервые проявилось в мае, во время местных выборов, когда многие восточные немцы надеялись, что они будут проходить, как в СССР, в духе «демократизации». Вместо этого выборы прошли, как обычно, под жестким контролем партии. На избирательных участках никто не ожидал, что кто-то может не одобрить списка кандидатов от правящей партии. Не было никакой оппозиции и никакого выбора, кроме одного – отвергнуть кандидатов, что многие и сде-

³¹⁶ Mary Elise Sarotte *The Collapse: The Accidental Opening of the Berlin Wall* Basic Books 2014 p. 24. Документы Штази см.: BStU Sekretariat Mittag 27 Blatt 120–130 'STRENG GEHEIM! Zentrale Auswertungs- und Informationsgruppe: «Hinweise auf wesentliche motivbildende Faktoren im Zusammenhang mit Anträgen auf ständige Ausreise nach dem nichtsozialistischen Ausland und dem ungesetzlichen Verlassen der DDR»' Berlin 9.9.1989 esp. p. 3.

лали. К тем, кто «забыл» о выборах, очень быстро пришли от Штази с напоминанием сделать это. И когда в ночь после выборов 7 мая 1989 г. были оглашены результаты, то оказалось, что 98,86% избирателей проголосовали за официальный список. Все было «в порядке»: во всяком случае об этом сообщил Председатель Государственного совета ГДР Эгон Кренц³¹⁷.

Выборы были пародией, и их результаты, конечно, имели мало общего с реальным настроением граждан ГДР. Они чувствовали себя обманутыми этой игрой в демократию. На одном из немногих протестных плакатов была начертана саркастическая надпись «Махинаций на выборах много не бывает» (*Nie genug vom Wahlbetrug*). Выглядело все так, словно с восточными немцами можно было играть как с детьми, а вот полякам и венграм позволили вести себя как взрослым – свободно выражать свои политические взгляды и самостоятельно определять политические перемены.

Рейнхард Шульт, ведущий восточногерманский активист, говорил: «Многие не могли больше терпеть атмосферу детского сада». «Люди покидали Восточную Германию, потому что потеряли надежду на перемены»³¹⁸. В 1988 г. из ГДР легально уехали 29 тыс. человек. А в первые шесть месяцев 1989 г. было выдано уже 37 тыс. разрешений на выезд³¹⁹.

Экономические перспективы и политическое разочарование были «выталкивающими» факторами. А особую роль «втягивающего» момента стала играть все более пористая граница Венгрии и Австрии. Хотя сама по себе она не была достаточной возможностью, поскольку, если людей задерживали при «подготовке» или «попытке» совершить незаконный побег, то венгерские власти обязаны были таких людей возвращать в ГДР, как было решено сторонами в секретном двустороннем протоколе 1969 г. Но 12 июня 1989-го был совершен новый правовой поворот, когда Венгрия начала применять Женевскую конвенцию о статусе беженцев 1951 г., что, собственно, было ею обещано еще в марте. Эта поразительная замена политических принципов предполагала, что Венгрия может более не принуждать восточных немцев к возвращению в ГДР: говоря горбачевским языком, правительство теперь заменило приверженностью к всеобщим ценностям всякие обязательства перед братскими коммунистическими странами. Теперь восточные немцы переставали быть незаконными нарушителями и могли претендовать на статус «беженцев по политическим мотивам» в соответствии с международным правом и таким образом получить обоснование своего бегства³²⁰.

Фактическая ситуация тем не менее оставалась неопределенной. Венгерская бюрократия все еще не решила вопрос о статусе граждан ГДР: они доказывали, что тех, кто хочет покинуть ГДР (*ausreisewillige DDR-Bürger*), нельзя относить к категории лиц, подвергающихся политическим преследованиям (*politisch Verfolgte*), согласно конвенции ООН. Но даже несмотря на то, что венгерские пограничные власти все еще препятствовали попыткам бегства со стороны восточных немцев, делая это иногда при помощи оружия, как случилось 21 августа, число тех, кого возвращали силам безопасности ГДР, или хотя бы тех беглецов, чьи имена сообщали в Восточный Берлин, все равно уменьшалось. Было ясно, что тесное сотрудничество между

³¹⁷ David Childs *The Fall of the GDR* Longman 2001 p. 66. Serge Schmemmann 'Sour German Birthday; Humiliation of Exodus to West Overwhelms East Berlin's Celebration of First 40 Years' *NYT* 6.10.1989.

³¹⁸ Hans Michel Kloth *Vom Zettelfalten zum freien Wählen: Die Demokratisierung der DDR 1989/90 und die 'Wahlfrage'* Ch. Links 2000 p. 295; 'DDR: Zeugnis der Reife' *Der Spiegel* 20/1989 15.5.1989 pp. 24–25; Schmemmann 'Sour German Birthday'.

³¹⁹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Berlin (hereafter PAAA) Zwischen-Archiv (ZA) 139.798E Dr. Mulack an Bundesminister – Betr.: Vorsprache und Zufluchtnahme von Deutschen aus der DDR in unseren osteuropäischen Vertretungen 20.6.1989 p. 3.

³²⁰ BStU ZA ZAIG 5352 Blatt 124–134 'Zentrale Auswertungs- und Informationsgruppe: "Hinweise zum verstärkten Missbrauch des Territoriums der Ungarischen Volksrepublik durch Bürger der DDR zum Verlassen der DDR sowie zum Reiseverkehr nach der UVR" 14.7.1989. Этот документ включает договор 1969 г. См. также: Memcon of Fischer-Horn talks in East Berlin 31.8.1989, опубликовано в Horst Möller et al. (eds) *Die Einheit: Das Auswärtige Amt, das DDR-Außenministerium und der Zweiplus-Vier-Vertrag* (hereafter *DE*) Vandenhoeck & Ruprecht 2015 doc. 2 p. 76 fn. 4.

Штази и службой безопасности Венгрии (так же как и с Польшей) уходит в прошлое; и это стало еще одной приметой того, что блок начинает рушиться³²¹.

К концу августа около 150–200 тыс. восточных немцев проводили отпуск в Венгрии, в основном возле озера Балатон. Все кемпинги были полны, машины на дорогах стояли в пробках. Многие гости из ГДР уже превысили срок планового пребывания и свои двух-трехнедельные официальные отпуска. Некоторые просто бродили по округе в надежде стать свидетелями каких-то новых драматических политических изменений; другие поджидали подходящий момент, чтобы проскочить полем или лесом через один из все множившихся открытых проходов в пограничном заграждении. Многие сотни пытались отыскать какой-то иной путь к свободе, собираясь неподалеку от западногерманского посольства в Будапеште, где они надеялись воспользоваться своим автоматическим правом на гражданство ФРГ. Но каким бы ни был их маршрут, восточные немцы-беженцы становились серьезной проблемой для Венгрии.

Дню 19 августа суждено было стать решающим. Депутат Европарламента Отто фон Габсбург – старший сын последнего императора Австро-Венгерской империи – вместе с активистами правозащитниками и членами оппозиционного Венгерского демократического форума планировал провести вечеринку, чтобы сказать: «Прощай, Железный занавес». То, что потом получило название «Панъевропейский пикник», предполагалось провести как веселую встречу для австрийцев и венгров солнечным летним днем на лугах возле пограничного перехода на дороге из города Шопрон (Венгрия) в Санкт-Маргаретен-им-Бургенланд (Австрия). Недалеко от этого места несколькими неделями ранее министры иностранных дел Хорн и Мок перерезали проволоку на заборе между Востоком и Западом³²².

Однако этот спокойный, местный праздник стал намного более политическим, когда в последний момент сам Имре Пожгаи вошел в это дело как коспонсор со стороны партии. Он договорился со своим давним другом Иштваном Хорватом, реформатором и министром внутренних дел, а также с премьер-министром Неметом, что ворота на границе в качестве символического жеста будут открыты в полдень на три часа. Пограничникам запретили иметь при себе оружие и предпринимать какие-либо действия. В отличие от венгерских и австрийских граждан, имевших право передвигаться между двумя странами, для восточных немцев дело обстояло иначе. Буклеты о предстоящем мероприятии были напечатаны на немецком языке и распространялись заблаговременно; в них была карта, показывавшая, как добраться до места пикника и где они смогут «вырезать кусок Железного занавеса». В результате маленький пограничный городок Шопрон заполнили 9 тыс. человек, забивших все гостиницы и места для кемпинга, а западногерманское Министерство иностранных дел было вынуждено срочно отправить туда дополнительных консульских работников, чтобы «помочь соотечественникам». Все это дополнительно увеличило давление на венгерских пограничников, за которыми кроме всего практически наблюдали западные дипломаты³²³.

Тем не менее большинство восточных немцев, намеревавшихся бежать, по-настоящему боялись. Они ничего не знали о приказах, отданных венгерским солдатам. И вот пикник начался. Играл духовой оркестр, пиво текло рекой, и танцоры в венгерских и бургенландских национальных костюмах смешались с толпой. В тот день в пикнике приняли участие около 660 восточных немцев. Как только открыли деревянные ворота, сразу возникла давка. Люди рванулись сквозь ворота и, не встречая сопротивления пограничников, оказались в Австрии – удивленные и восторженные. Это стало самым большим массовым побегом восточных немцев

³²¹ Vermerk des stellv. Referatsleiters 513, Mulack – Ausreisewillige DDR. Bürger in Ungarn, опубликовано в: *DE doc.* 1 pp. 73–74 and fn. 2; BStU ZA ZAIG 4021 Blatt 1–192 hier Blatt 79–89 ‘MfS – Der Minister: Referat auf der Sitzung der Kreisleitung der SED im MfS zur Auswertung der 8. Tagung des ZK [Auszug]’ 29.6.1989.

³²² Sebestyen *Revolution 1989* p. 311.

³²³ Ibid. pp. 312–313; Meyer 1989 pp. 98–102.

с момента установления Берлинской стены в 1961 г. Еще 320 человек в тот же уикенд смогли относительно свободно пересечь границу в других местах³²⁴.

Сами по себе эти цифры не впечатляют. Они не учитывали тысяч других восточных немцев, терзаемых сомнениями. В течение нескольких следующих дней венгерское правительство увеличило число пограничников, патрулирующих западную границу, что привело к существенному уменьшению числа людей, попадающих на Запад. Тем не менее с каждым днем все больше восточных немцев приезжало в Венгрию. За кулисами событий правительство ФРГ нажимало на венгерские власти, с тем чтобы те предоставляли восточным немцам статус беженца по Декларации ООН. Но целью Бонна совсем не было превращение потока в наводнение – совсем нет: ФРГ стремилась избежать беспорядков и нестабильности. Были предприняты безумные усилия для предотвращения того, чтобы СМИ грели руки на теме беженцев, пересекающих границу или захватывающих посольства (*Festsetzer*), чтобы не порождать у восточных немцев надежд на простоту выезда из страны в условиях, когда у ФРГ формально нет никаких соглашений на этот счет ни с Венгрией, ни с ГДР. А на заднем плане все еще маячила тень Советской армии. А что, если ситуация вдруг выйдет из-под контроля? Что, если толпы беженцев восстанут или кто-то из солдат или сотрудников тайной полиции запаникует и начнет стрелять? Вмешаются ли Советы в этом случае? В такой атмосфере транснациональный миграционный кризис получил импульс. Тревожило, что у него все еще не было международного решения³²⁵.

В конечном счете не эти метания на венгерской границе заставили довести дело до конца, а гуманитарный кризис в Будапеште. Правительство Немета осознало, что оно больше не может бездействовать и лишь наблюдать за событиями: на их глазах толпа беженцев из ГДР вокруг немецкого посольства росла день ото дня. Около 800 человек разбили палатки возле здания. Еще 181 человек находился на территории посольства. Посольство было вынуждено закрыть свои двери для посетителей 13 августа. Поблизости от посольства при помощи Красного Креста, Мальтийского ордена и других гуманитарных организаций открыли несколько временных палаточных городков: в пригороде Будапешта Зуглигете (на 600 человек) и Чиллеберк (на 2 200 человек), а позднее возле озера Балатон (примерно на 2 тыс. человек или около того). Во всех этих лагерях была большая нехватка продовольствия и воды. Там оказалось мало туалетов и душей, не говоря уже о спальнях мешках, подушках, одежде и туалетных принадлежностях³²⁶.

Под пристальным взором мировых СМИ Бонн не мог оставаться безучастным, глядя на страдания восточных немцев в условиях развивающегося международного кризиса. Но оба немецких правительства не знали, что делать с этими людьми. Режим Хонеккера не мог выйти за границы коммунистической ортодоксии и позволить ГДР дрейфовать в «буржуазный лагерь». Потребовалось не менее шести бесед в промежутки между 11 и 31 августа 1989 г., прежде чем Восточный Берлин неохотно пообещал Бонну, что он не будет «наказывать» тех, кто оккупировал здание посольства, и займется их заявками на выезд, но без какого-либо обещания дать положительный ответ на просьбу о постоянной эмиграции. Тем не менее в самом Восточном Берлине день за днем стремительно росло число таких заявок, что объяснялось запретительной бюрократической практикой в ГДР и враждебным отношением к вопросам гражданства в свете либерализации, произошедшей в Польше и Венгрии³²⁷.

³²⁴ Meyer 1989 p. 102; Richard A. Leiby *The Unification of Germany, 1989–1990* Greenwood Press 1999 pp. 10–11; Protzman 'Westward Tide of East Germans Is a Popular No-Confidence Vote'.

³²⁵ См.: DE doc. 1 p. 74.

³²⁶ DE doc. 2 p. 78 fn. 5; Kunzmann to StS Lautenschlager – Betr.: Versorgung der Deutschen aus der DDR in den Botschaften Prag, Warschau und in Ungarn 5.9.1989, опубликовано в: DE doc. 3 pp. 79–81.

³²⁷ BStU ZA ZAIG 4021 Blatt 1–192 hier Blatt 79–89 'MfS – Der Minister: Referat auf der Sitzung der Kreisleitung der SED im MfS zur Auswertung der 8. Tagung des ZK [Auszug]' 29.6.1989; DE doc. 2 p. 75.

Чтобы разрешить этот кризис, западногерманское руководство выступило с инициативой принятия решения по ситуации на самом высоком уровне, одновременно с Будапештом и с Восточным Берлином³²⁸. Обычно восточными немцами – все равно, мигрантами или беженцами, поскольку это был германо-германский вопрос, а не вопрос «международных» отношений – занимались под эгидой бундесканцелярии. Но поскольку большая часть беженцев располагалась в третьих странах, и в основном возле или даже в самих посольствах ФРГ, то пришлось привлекать Министерство иностранных дел. Им заведовал могущественный Ганс-Дитрих Геншер, человек, имевший собственную политику. Родившийся в 1927 г. в Галле – после 1945 г. этот город стал частью ГДР, – Геншер считал, что у него есть собственный личный интерес, почти что миссия, разобраться с этим вопросом, далеко выходя ради этого за пределы своих прямых служебных обязанностей. Более того, Коль возглавлял коалиционное правительство, сформированное из собственно христианских демократов и либералов из Свободной демократической партии (СвДП), лидером которой был Геншер. Это делало министра иностранных дел также политическим «делателем королей», от которого зависел канцлер, желавший иметь работающее большинство в бундестаге. Таким образом, Коль был вынужден делегировать значительную часть самостоятельности Геншеру в решении этой глубоко национальной и высокоэмоциональной проблемы, и их отношения определенно не избежали некоторой доли соперничества. Результатом стало нечто вроде двухтрековой политики в процессе того, как ФРГ реагировала на кризис с беженцами летом и осенью 1989 г. Министерство иностранных дел работало с Будапештом и Дьюлой Хорном (а также с Варшавой и Прагой), в то время как бундесканцелярия имела дело с Восточным Берлином и Эрихом Хонеккером³²⁹.

Но германо-германский трек тем летом использовался не часто. Посольство Западной Германии (или «постоянное представительство») в Восточном Берлине тоже должно было закрыться, частично из-за толп желающих быть спасенными. Но более всего потому, что сам Хонеккер был серьезно болен, как потом оказалось, раком и в течение трех месяцев, с июля и до конца сентября, мало участвовал в активной политической жизни, в то время как партийные чиновники начали борьбу за власть³³⁰.

Таким образом, вся тяжесть решения проблемы легла на венгерское правительство, которому помимо всех других собственных политических и экономических проблем пришлось попытаться разорвать этот порочный дипломатический круг, в то время как в грязных и убогих лагерях разыгрывалась человеческая драма. Было необходимо взаимодействовать с ФРГ в абсолютно новом ключе, чтобы разрешить кризис в самом центре Будапешта. И в то же время у правительства не было никакого желания совершенно и открыто разрывать с ГДР: Хорн не хотел отказываться от тайного двустороннего соглашения 1969 г. о том, как надо поступать с «уголовными преступниками», планирующими или пытающимися осуществить «дезертирство с территории республики». И он хотел противиться давлению со стороны ФРГ, чтобы официально признать восточных немцев «беженцами» в понимании международного права и тем самым призвать Агентство ООН по делам беженцев заниматься этим вопросом вместо них. Короче говоря, его правительство находилось как бы на ничейной земле между международным порядком и другим порядком. Почти запутавшись в этой ситуации, Хорн сказал одному из сотрудников Геншера: «Венгрия оказалась в неопределенном положении»³³¹.

Какими бы ни были заранее оговоренные матрицы действий на двух неформальных треках Бонна, понадобилось вмешательство канцлера Коля, чтобы довести дело до конца, и для

³²⁸ Protzman 'Westward Tide'.

³²⁹ Sarotte *The Collapse* p. 25.

³³⁰ Memo by Stern to Seiters 8.8.1989 and Mem-con of Duisberg-Nier talks 11.8.1989, опубликовано в: *DESE docs* 20 and 21 pp. 351–355. Serge Schmemmann 'Illness Sparks Succession Watch in East Germany' *NYT* 24.7.1989 p. 3; Robert J. McCartney 'East Germany "Paralysed"' *WP* 14.9.1989.

³³¹ PAAA ZA 178.925E StS Dr. Sudhoff (Bonn) – Mein Gespräch mit dem ungarischen AM Horn (14.8.1989) 18.8.1989 p. 4.

этого пришлось решать вопрос напрямую с коллегой в Будапеште, премьер-министром Неметом. 25 августа Немет и Хорн тайно приехали в Бонн на встречу с Колем и Геншером в замке Гимних, который был отреставрирован и служил резиденцией гостей правительства. Во время встречи после ланча, продлившегося два с половиной часа, венгры и западные немцы пытались решить это дело, невзирая на то, что хотели восточные немцы³³².

Коль и Геншер убеждали своих венгерских визитеров, что наиболее чувствительным способом для продвижения вперед является открытое сотрудничество с Западом по вопросу восточногерманских беженцев. Это был волнующий момент. Немет уверял Коля, что «депортации» обратно в ГДР «не рассматриваются», и добавил: «Мы откроем границу к середине сентября». «Если никакая военная или политическая сила извне не заставит нас действовать иначе, мы оставим границу открытой для граждан Восточной Германии» как маршрут выезда. Услышав эти слова, Коль с трудом сдержал нахлынувшие эмоции. Ему хотелось плакать³³³.

Далее Немет согласился с Колем с тем, что острота экономического кризиса в Венгрии настолько велика, что ей понадобится помощь Запада, чтобы выстоять. ГДР, напротив, ничего не может сделать для Венгрии; так же не может сделать ничего и Горбачев, потому что у него самого «трудное положение дома», хотя Немет сказал, что необходимо сделать все возможное для «обеспечения успеха политики Горбачева», потому что это единственный путь сохранить мир в блоке. Короче говоря, соглашаясь делать то, чего хотел Бонн в ключевом вопросе о восточных немцах, Немет, казалось, надеялся побудить и Бонн, и Вашингтон предоставить Венгрии финансовую помощь и развивать более интенсивные торговые отношения. Коль никаких обещаний такого рода не дал, но согласился поговорить с западногерманскими банкирами (и с Бушем). Существенный пакет финансовой помощи в 1 млрд немецких марок направлялся для поддержки демократизации Венгрии и проведения рыночных реформ: он включал в себя гарантию кредита в 500 млн марок, предоставляемую Баварией и Баден-Вюртембергом, и 500 млн марок от федерального правительства Германии. К концу визита Немет принял судьбоносное решение: Венгрия полностью откроет свои границы на Запад для граждан ГДР в обмен на дойчмарки Коля, чтобы помочь его стране вырваться из блока в западный мир³³⁴.

Было признаком времени, что эта сделка была заключена до того, как Будапешт официально информировал Кремль о своем решении в отношении границы. За этим последовали несколько дней интенсивной «дипломатии поездок». Но когда Хорн поговорил с Шеварднадзе, ему стало ясно, что Советы хотят предоставить свободу венграм в определении собственных действий³³⁵. И телефонный разговор Коля с самим Горбачевым тоже дал зеленый свет, о чем свидетельствовали лаконичные, вполне банальные суждения советского лидера о том, что «венгры хорошие люди»³³⁶.

В достижении соглашений с ГДР венграм, тем не менее, удалось добиться намного меньше. 31 августа в Восточном Берлине Хорн сказал министру иностранных дел Оскару Фишеру, что он хочет отправить восточных немцев домой, если ГДР согласится предоставить беглецам иммунитет от преследования и гарантирует им право на легальную эмиграцию. Фишер гарантировал только иммунитет, но продолжал настаивать, что после возвращения эти восточные немцы должны будут «обращаться за своими индивидуальными выездными визами», пользуясь при этом законной помощью, уже без всякого обещания, что временное

³³² Германские версии записей переговоров двух встреч между Колем, Геншером и Неметом и Хорном, которые обе состоялись 25.8.1989, см.: *DESE docs* 28–9 pp. 377–382. Перевод на англ. см.: NSAEBB No. 490.

³³³ Memcon by Genscher on Kohl's meeting with Nemeth and Horn, Schloss Gymnich, опубликовано в: *DESE doc.* 28 p. 380; Kohl *Ich wollte* pp. 71–74 here esp. p. 74.

³³⁴ *DESE doc.* 28 pp. 378–379 and NSAEBB No. 490; Letter from Kohl to Németh 4.10.1989 and Memcon of Kohl–Delors talks 5.10. 1989, опубликовано в: *DESE docs* 57, 58 pp. 442–443; Kohl *Ich wollte* p. 74.

³³⁵ Kramer 'The Demise' p. 834.

³³⁶ Kohl *Ich wollte* p. 75.

разрешение на выезд будет предоставляться им автоматически. Он также требовал, чтобы Венгрия закрыла свои границы для восточных немцев, что Хорн отверг. Восточный Берлин также попытался созвать встречу министров иностранных дел стран Организации Варшавского договора, чтобы оказать давление на Будапешт, но советские, польские и венгерские власти этому воспротивились, доказывая, что пакт – это не тот форум, чтобы заниматься этим вопросом. Поэтому 5 сентября Политбюро СЕПГ ограничилось привычными давними коммунистическими обвинениями, осудив Венгрию за «выполнение указаний Бонна» и «предательство социализма»³³⁷.

10 сентября Хорн сделал официальное заявление о том, что венгерское правительство позволит восточным немцам свободно следовать через страну в Австрию, откуда они смогут продолжить путь в ФРГ. Хорн объявил, что Венгрия не желает превращаться в «страну лагерей беженцев» и намерена «решить проблему на гуманитарной основе». Его заместитель Ференц Шомоди, тщательно выбирая выражения, на английском языке заявил иностранным журналистам: «Мы хотим открыть и диверсифицировать отношения с Западной Европой и Западом в целом». В этом смысле, отметил Шомоди, Венгрия приняла общий европейский подход и тем самым «приблизилась к Западу», сделав ставку на «абсолютное верховенство всеобщих человеческих ценностей». Более того, добавил он одобрительно, «аналогичные соображения» теперь характеризуют и советскую политику³³⁸.

После этого драма стала разворачиваться уже на телевизионных экранах всего мира. С первых часов 11 сентября последовал массовый исход. Восточные немцы, многие из которых были совсем молодыми 20–30-летними людьми (в основном рабочих профессий, таких как каменщики и штукатуры, водопроводчики и электрики), хлынули через австрийскую границу на автомобилях, автобусах и поездах. Министр внутренних дел Австрии сказал, что к ночи того дня 8100 восточных немцев прибыли в Австрию, двигаясь в Западную Германию, и что этот поток постоянно растет. Вместе с этим потоком, как заметил Крейг Уитни из «Нью-Йорк таймс», «ожил германский вопрос, эта мечта или страх объединения Германии». Он процитировал одного из видных американских дипломатов: «Это не произойдет в ближайшее время, но о нем начали размышлять всерьез. Это перестало быть пустой банальностью»³³⁹.

12 сентября Коль послал Немету телеграмму с благодарностью за этот «великодушный акт гуманизма». В тот же день канцлер в полной мере использовал воцарившуюся в Германии эйфорию на съезде своей партии в Бремене, где кое-кто из христианских демократов решил попробовать его свергнуть. Там он объявил, что больше никогда ответственные западногерманские деятели не будут побуждать восточных немцев к побегу. Но, «само собой разумеется, что любого, кто придет к нам из Восточной Германии, мы будем приветствовать как немца среди немцев». Обращаясь к национальным чувствам и выступая как настоящий патриот, канцлер Коль сумел парировать вызовы своему лидерству и добиться подтверждения своего статуса как руководителя партии. Не в первый и не в последний раз за эти бурные годы международная политика возобладала над внутренними делами³⁴⁰.

³³⁷ О разговоре Хорн–Фишер 31.8.1989, см.: *DE doc.* 2 pp. 75–79 и *Cable from Bertele to BK Chef* 1.9. 1989, опубликовано в в: *DESE doc.* 34 p. 391; *SAPMO ZPA J IV 212/039/77 Verlauf der SED Politbürositzung am 5. September 1989 (Streng geheim!)* 5.9.1989; часть записи заседания Политбюро СЕПГ также опубликована в: *MoH:1989 doc.* 79 pp. 515–516.

³³⁸ Gyula Horn *Freiheit, die ich meine: Erinnerungen des ungarischen Außenministers, der den eisernen Vorhang öffnete* Hoffmann & Campe 1991 pp. 327–328; Serge Schmemann 'Hungary Allows 7,000 East Germans to Emigrate West' *NYT* 11.9.1989; Henry Kamm 'Hungary's Motive: Earning Western Goodwill' *NYT* 15.9.1989.

³³⁹ Ferdinand Protzman 'Thousands Swell Trek to the West by East Germans' *NYT* 12.9.1989; Craig R. Whitney 'The Dream of Reunion; Idea of One Germany Gains New Currency' *NYT* 12.9.1989.

³⁴⁰ Telegram Kohl to Németh 12.9.1989, printed in *DESE doc.* 40 p. 404; Helmut Kohl *Vom Mauerfall zur Wieder-vereinigung: Meine Erinnerungen* Knaur-Taschenbuch 2009 pp. 51–58; Protzman 'Thousands Swell Trek'.

К концу сентября от 30 до 40 тыс. человек – намного больше, чем ожидали даже информированные круги, – проследовали на Запад этим путем³⁴¹. Режим Хонеккера был в ярости, но теперь Восточная Германия оказалась дипломатически изолирована в Варшавском пакте. Решающим стало то, что Москва почти не протестовала. Наоборот, официальный представитель МИДа Геннадий Герасимов сказал лишь, что открытие границы «было необычным и неожиданным шагом», но что это напрямую не задело СССР. То, что Советский Союз согласился с венгерским решением, тем самым еще больше уводя Кремль от Восточного Берлина, было серьезным ударом по репутации режима Хонеккера. Под вопросом оказалось даже долгожданное присутствие Горбачева на праздновании сорокалетия основания ГДР 7 октября. Не было тайной, что Горбачев очень не любил «му...ка» Хонеккера, как он сказал Черняеву. И советский лидер точно не хотел выглядеть человеком, поддерживающим твердолобую позицию Хонеккера против более реформистски настроенных восточногерманских коммунистов. На самом деле после своей триумфальной поездки в Бонн он объяснял Хонеккеру, используя самые общие выражения, что СССР меняется. «Такова судьба Советского Союза, – заявлял он, – но это не только его судьба; это и наша общая судьба». Точно так же он не собирался рисковать своими близкими дружескими политическими отношениями с Колем; политика Горбачева в отношении ГДР, как и политика Немета, во многом зависела от надежд на западногерманские финансовые вливания, обещанные канцлером во время визита советского лидера в Бонн в июне³⁴².

Будучи не в состоянии мобилизовать Варшавский пакт на свою поддержку, правительство Восточной Германии до конца использовало собственные возможности. В течение сентября оно наложило жесткие ограничения на поездки граждан ГДР в Венгрию. И хотя многие все-таки смогли уехать, сама эта политика имела своим следствием разворот потока людей в сторону западногерманских посольств в Варшаве и Праге. К 27 сентября возле посольства в Варшаве скопилось около 500 восточных немцев, а возле посольства в Праге – 1300³⁴³.

Праге досталось больше, потому что Чехословакия в любом случае лежала на транзитном маршруте восточных немцев, надеявшихся попасть на Запад через Венгрию, и эмигранты из ГДР попросту оставались в Чехословакии вместо того, чтобы возвращаться домой. Это были люди, которые до того не обращались за постоянной выездной визой в Западную Германию, и те, у кого не было надлежащих документов для въезда в Венгрию. Опасаясь быть задержанными властями Чехословакии для последующего возвращения в ГДР, они надеялись достичь своей цели, сидя на территории западногерманского посольства, занимавшего дворец XVIII в. в центре Праги, чей прекрасный парк превратился в грязный и антисанитарный лагерь для беженцев.

К концу месяца свыше 3 тыс. человек жили внутри и возле основного здания посольства и 800 из них были детьми. На всех приходилось четыре туалета. Женщины и дети укладывались спать на туристические резиновые коврики, а мужчины по очереди спали в палатках, неуместно натянутых под черными барочными статуями богинь в когда-то элегантных парках. Питание было самым простым: кофе, чай, хлеб с джемом на завтрак и тарелка густого супа в

³⁴¹ Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 68; Mem-con of Seiters-Horváth talks in Bonn 19.9.1989, printed in DESE doc. 41 p. 405; John Tagliabue 'East Germans Get Permission To Quit Prague For West' *NYT* 1.10.1989.

³⁴² О ярости ГДР-овского режима см.: 'Letter from GDR Ambassador to Hungary, Gerd Vehres, to Foreign Minister Oskar Fischer' 10.9.1989 DAWC или опубликованное в: *MoH:1989* doc. 81 pp. 518–520; О точке зрения Кремля см.: Jonathan Steele *Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev, and the Mirage of Democracy* Harvard UP 1994 pp. 184–185; Kramer 'The Demise' pp. 836–837; Taubman *Gorbachev* p. 484; *MoH:1989* doc. 90 p. 548; Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 68; Memcon of Gorbachev–Honecker Meeting in Moscow 28.6.1989, опубликовано в: Daniel Küchenmeister (ed.) *Honecker – Gorbatschow: Vieraugengespräche (hereafter Vieraugengespräche)* Dietz 1993 p. 209. О беседах Коля и Горбачева в Бонне по поводу двусторонних экономических отношений и германской помощи 13 июня 1989, см.: Memcon of Kohl–Gorbachev Talks with Delegations in Bonn 13.6.1989, опубликовано в: DESE doc. 4 pp. 294–299.

³⁴³ PAAA ZA 139.798E BStSL 'Betr.: Aktuelle Zahl der Zufluchtssuchenden' 27.9.1989.

обед и ужин, причем все это готовили в дымных и пахучих полевых кухнях, расположившихся за коваными парковыми воротами. «Иногда давали по одному апельсину на двоих или троих детей для витаминов», – устало говорила одна юная мама³⁴⁴.

Бонн отчаянно стремился к переговорам о том, чтобы этих гэдэровских скваттеров пропустили на Запад, и Генеральная ассамблея ООН, проходившая 27–29 сентября в Нью-Йорке, явилась отличным шансом для Геншера. На полях Генассамблеи он смог спокойно обсудить это дело с советскими, чехословацкими и восточногерманскими партнерами³⁴⁵. По просьбе Геншера Шеварднадзе настаивал, чтобы Восточный Берлин «сделал что-нибудь», и Хонеккер, после одобрительного решения Политбюро 29 сентября, предложил Бонну разовую сделку: те, кто занял посольства, смогут отправиться на Запад, если их «выезд» в ФРГ будет представлен как «выдворение» из Восточной Германии. Таким образом Хонеккер мог продемонстрировать, что он сохраняет контроль, поскольку выгоняет предателей из своей страны. Чтобы показать, что он дирижирует всем процессом, восточногерманский лидер настаивал, чтобы беглецы были вначале возвращены из Праги в Германию в опечатанных вагонах, прежде чем их отправят в Западную Германию. Хонеккер хотел использовать это путешествие, чтобы установить личности всех спасающихся, с тем чтобы власти ГДР могли конфисковать их имущество. Опечатанные вагоны имели давнюю историческую коннотацию, напоминавшую транспортировку в концлагеря нацистской Германии. Существовали опасения, что поезда в ГДР могут остановить. И все-таки правительство Коля согласилось на предложение Хонеккера, потому что по меньшей мере эта договоренность позволяла рассматривать беженцев из Восточной Германии как легальных эмигрантов, а не как бесправных беглецов, – и это было частью общих усилий ввести кризис в рамки международного права и всеобщих гуманитарных ценностей³⁴⁶.

Как только на заре 30 сентября Геншер прибыл из Нью-Йорка домой в Бонн, он уже был готов претворять в жизнь этот план. С небольшой группой помощников он отправился в Прагу. Другие дипломаты из ФРГ направились в Варшаву с аналогичной миссией. Перед обеими группами стояла непростая задача контроля за упорядоченным исходом и обеспечением того, что ГДР уважает согласованные условия. Геншер приземлился в чехословацкой столице после полудня и тут узнал, что – в нарушение достигнутой договоренности – ему не разрешат сопровождать беженцев в их «поезде свободы». Теперь Хонеккер решил, что ехать смогут только западногерманские официальные лица более низкого уровня; он не хотел избыточной шумихи вследствие присутствия министра иностранных дел другой страны вместе с искателями свободы³⁴⁷.

Геншер, несколько не колеблясь в решимости осуществить свои намерения, поспешил отправиться в западногерманское посольство. Там весь день царил возбуждение. Внезапно, сразу после того, как спустились сумерки и без всякого предварительного громкого объявления, Геншер вышел на барочный балкон здания и оглядел огромную толпу, собравшуюся внизу. Заметно волнуясь, он провозгласил: «Дорогие немецкие соотечественники, мы прибыли, чтобы сообщить вам, что сегодня ваше отправление в Западную Германию было

³⁴⁴ Tagliabue 'East Germans Get Permission to Quit Prague for West'.

³⁴⁵ Запись переговоров Геншера с мининдел ЧССР Йоханесом 25.9.1989 в Нью-Йорке опубликована в: DE doc. 7 pp. 97–99; Записи переговоров Геншера с министрами иностранных дел Шеварднадзе (СССР), Йоханесом (ЧССР), Фишером (ГДР), Дюма (Франция), и Бейкером (США) 28.9.1989 в: DE doc. 8 pp. 100–101 and fns 2, 4; и письмо Фишера Хонеккеру 29.9.1989, опубликованы в: DE doc. 10 pp. 106–107. См. также: PAAA ZA 178.931E Vermerk, Betr.: Gespräch BM mit AM Schewardnadze am 27.9.1989 in New York (Kleiner Kreis), 27.9.1989; and PAAA ZA 178.924E Note from Genscher to Shevardnadze 29.9.1989; Genscher *Erinnerungen* pp. 14–19.

³⁴⁶ SAPMO DY 30/ J IV 2/2A/3243 Protokoll der Sitzung des Politbiros 29.9.1989. По вопросам собственности см.: SAPMO DY 30/ J IV 2/2A/3245; Genscher *Erinnerungen* pp. 19–21.

³⁴⁷ Genscher *Erinnerungen* pp. 21–22; Richard Kiessler & Frank Elbe *Ein runder Tisch mit scharfen Ecken: der diplomatische Weg zur deutschen Einheit* Nomos 1993 pp. 33–38; DESE docs 51–7 pp. 429–442; Дневниковая запись сотрудника посольства в Праге Томаса Штридера (Thomas Strieder) 30.9–1.10.1989, опубликовано в: DE doc. 12 pp. 110–111 fn. 3.

одобreno». Одного волшебного слова «отправление» уже было достаточно: остальная часть предложения потонула в криках восторга³⁴⁸.

«В это невозможно поверить, – воскликнул мужчина из Лейпцига. – Геншер предстал как инкарнация свободы». Люди, находившиеся в пражском посольстве, некоторые уже на протяжении одиннадцати недель, тут же спешно стали собирать вещи. Это было «как Рождество и Пасха сразу вместе», – сказал одному из журналистов молодой человек, прежде чем сесть в автобус до вокзала вместе с женой и ребенком³⁴⁹.

Для Ганса-Дитриха Геншера это был невероятно эмоциональный момент. Судьба немцев в ГДР была для него сущностным вопросом, намного более важным, чем для Коля, человека из франко-германского пограничного региона Рейнланд-Пфальц, потому что Геншер сам бежал из Восточной Германии в Западную в 1952 г. И Геншер так никогда и не избавился от характерного саксонского акцента. Начав изучать юриспруденцию в ГДР, он завершил учебу в Гамбурге, прежде чем войти в политическую жизнь Западной Германии³⁵⁰. Эти личные корни объясняют, почему Геншер был так глубоко привержен германскому объединению, так же как и его веру в то, что этого можно добиться через правовые договоренности в рамках мирных отношений с советским блоком. Отсюда вытекает и его преданность Восточной политике Западной Германии и тем принципам, которые были сформулированы на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и вошли в Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., подтверждавший как нерушимость границ Европы периода холодной войны, так и ценности всеобщих прав человека. Его главным желанием было преодолеть холодную войну и разделение Германии не в результате односторонних действий Запада, а в результате панъевропейских решений. Поэтому дополнительным преимуществом (бонусом) было то, что именно он являлся тем человеком, кто командовал представлением у пражского посольства, а не его союзник-соперник канцлер Коль. Неудивительно, что через несколько дней сам Геншер назовет тот момент на балконе как «самый великий день в моей политической карьере». Для него колесо совершило полный оборот, когда он встретил беглецов молодого поколения, желавших пройти тем же путем. «Вы видите, что люди могут пройти через это, потому что они могут жить, как и мы», и он добавил: «не в материальном смысле, а иметь право решать самим, что делать со своими жизнями»³⁵¹.

Так, вечером 30 сентября пражская полиция наладила нормальное движение, чтобы дать возможность двенадцатью автобусами эвакуировать людей из западногерманского посольства. На железнодорожной станции Прага-Либень, сразу за чертой города толпа возбужденных восточных немцев, ожидавших своих поездов, стала еще больше. Приезд западногерманского посла в Чехословакии Херманна Хубера был встречен овацией. Лица людей сияли, они подступали поближе, обнимая и целуя его, даже поднося к нему детей как для благословения. Группа чехословацких офицеров полиции держалась в стороне, за всем наблюдая, но не вмешиваясь в происходящее. После многочисленных задержек шесть поездов все-таки тронулись в путь из Праги, сопровождаемые несколькими западногерманскими официальными лицами, что должно было успокоить людей³⁵².

³⁴⁸ DE doc. 12 pp. 110–114; Genscher *Erinnerungen* pp. 22–24.

³⁴⁹ Tagliabue 'East Germans Get Permission To Quit Prague For West'

³⁵⁰ Genscher *Erinnerungen* part 1 pp. 27–204.

³⁵¹ Ibid. pp. 13–14. Геншер цит. по: Serge Schmemann 'More Than 6,000 East Germans Swell Tide of Emigres to the West' NYT 2.10.1989; ср. Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 60–61.

³⁵² DE doc. 12 pp. 110–114; Tagliabue 'East Germans Get Permission To Quit Prague For West'; Похожая сцена была той ночью в Варшаве, где более 800 немцам, скопившимся на территории посольства ФРГ, разрешили выехать на поезде в Западную Германию, в пограничный город Хелмстед. См.: Cable by Bertele to Chef BK 2.10.1989, опубликовано в: DESE doc. 52 pp. 430–432. Воспоминания посла Хубера см.: prag.diplo. de/cz-de/botschaft/-/2176350.

Поездам предстояло пробыть в пути семь часов, двигаясь по маршруту от Праги через Шонау, Рейхенбах, Дрезден, Карл-Маркс-Штадт (Хемниц), Плауэн, Цвиккау и Гутенферст. Самые напряженные моменты были в ГДР, где офицеры восточногерманской службы безопасности вошли в поезда. Никто не мог поручиться, что они не станут заставлять пассажиров покинуть поезд и завершить свой путь к свободе. Но ничего плохого не произошло, кроме того, что имена уезжающих были записаны и их удостоверения личности изъяты. Эти моменты прошли без происшествий. Поезд останавливался в Дрездене и Карл-Маркс-Штадте, где в поезда сумели сесть новые эмигранты – без каких-либо помех и угроз. Восточные немцы собирались вдоль путей, чтобы посмотреть, как мимо идут специальные поезда Дойчебана³⁵³.

Когда поезда достигли территории ФРГ в городке Хоф в Северо-Восточной Баварии, сотни западных немцев набились в эту станцию, радостно приветствуя каждый прибывающий поезд. Они принесли горы бывшей в употреблении одежды, обуви, игрушек и детских колясок для приехавших. Некоторые совали деньги в руки изможденных родителей или давали детям конфеты. Для кого-то все это было слишком: они тихо стояли, переполненные эмоциями, которые не могли выразить словами. По мнению многих старших по возрасту зрителей в этом пограничном городке, сцена пробуждала память о временах, когда они – как Геншер – собирали свои пожитки после войны, чтобы начать новую жизнь на Западе.

Хотя Геншеру и не позволили самому участвовать в этом исходе, он ощущал историческое значение сделанного и удовлетворение от сыгранной им роли. Тот момент на балконе посольства в Праге вывел его на авансцену разворачивавшейся драмы объединения, и он опередил Коля, тоже жаждавшего своего места в истории. «То, что произошло, показывает, что мы вступили в период исторических перемен, которые необратимы и будут продолжаться, – объявил Геншер прессе. – Я надеюсь, руководство Восточной Германии поймет это и не станет самоизолировать, отрицая перемены. Горбачев скоро придет, и я надеюсь, что он убедит Восточную Германию, что проведение реформ в ее собственных интересах и что реформы означают большую, а не меньшую стабильность»³⁵⁴.

Однако произошло совершенно обратное: больной Хонеккер, неспособный превзойти самого себя, избрал самоизоляцию. Оставалось несколько дней до празднования сорокалетия Восточной Германии, а он чувствовал унижение и даже угрозу. Непрерывно мелькавшие на телевизионных экранах вопиющие фото теперь уже бесчисленных восточных немцев, лезущих через заборы, осаждающих поезда, переполняющих посольства и, наконец, триумфально сжимающих кулаки после прибытия на земли Западной Германии, стали кричащим очевидным приговором его правительству³⁵⁵.

3 октября Хонеккер запечатал Восточную Германию от всего остального мира, даже от остальной части Варшавского пакта. Это был беспрецедентный акт. Теперь впервые для пересечения любых границ ГДР требовались паспорт, который имелся у меньшинства граждан, и специальное разрешение на каждую поездку – документы, которые в сложившихся обстоятельствах вряд ли было возможно оформить³⁵⁶. Восточные немцы рассердились по-настоящему. В канун осенних школьных каникул тысячи людей предварительно приобрели поездки либо в Чехословакию, либо через нее. Теперь, когда поездки без необходимости предъявлять паспорт и без визы были приостановлены, они застряли на границе между ГДР и Чехословакией в Саксонии. Естественно, что именно здесь начались самые массовые в ГДР демонстрации. И, когда

³⁵³ Memo by Duisberg to Klein, 2.10.1989, printed in *DESE* doc. 54 pp. 435–436; Kiessler & Elbe *Ein runder Tisch* pp. 42–44; Sarotte 1989 pp. 31–33. Об атмосфере в поездах, следовавших из Польши через ГДР в ФРГ, см. *DESE* doc. 52 p. 432.

³⁵⁴ Геншер цит. по: Schmemmann 'More Than 6,000 East Germans'.

³⁵⁵ Schmemmann 'Sour German Birthday'.

³⁵⁶ BStU MfS Rechtsstelle 100 HA Konsularische Angelegenheiten S 'Reiseverkehr DDR–CSSR' (не датировано, но около 3.10.1989). См. также: Paula Butturini 'East Germany Closes Its Border After 10,000 More Flee To West' *CT* 4.10.1989.

закрылись последние выходные отверстия, вся Восточная Германия превратилась в перегретый паровой котел³⁵⁷.

Ирония заключалась в том, что между 1 и 3 октября еще 6 тыс. восточных немцев опять заполнили западногерманское посольство в Праге. Всего в Праге и около нее собралось от 10 до 11 тыс. потенциальных беглецов. Такие же сцены, хотя и в меньших масштабах, разыгрывались в Варшаве. Спешно договорились о новой серии опечатанных вагонов, и их отправка сопровождалась камерами множества местных и иностранных телевизионных компаний и международной прессой. Понадобилось восемь поездов из Праги до Хофа, чтобы увезти толпу из Чехословакии; еще два с 1445 пассажирами уехали из Варшавы в Ганновер³⁵⁸. Во время последней транзитной операции тысячи восточных немцев, теперь уже чувствовавших себя узниками в собственной стране, столпились вдоль путей и на станциях, чтобы поглазеть на то, что стало известно под названием «последние поезда на свободу». Многие надеялись попасть в эти поезда. В Дрездене положение стало настолько тревожным, что полиции пришлось применить силу, чтобы очистить вокзал и путь, на которых собралось 2500 человек, и опечатать двери вагонов снаружи. К утру 5 октября через главный вокзал Дрездена смогли проехать только три поезда. Остальные перенаправили через другие города³⁵⁹.

Тем не менее толпа в 20 тыс. обозленных людей осталась стоять на площади Ленина в Дрездене (теперь это Венская площадь, Винер-платц) и на прилегающих улицах. Полиция и военные наступали на толпу с резиновыми дубинками и водометами, намереваясь ее рассеять; демонстранты сопротивлялись, выворачивая из мостовой булыжники и швыряя ими в полицейских, и, по словам наблюдателей, это были самые вопиющие факты гражданского неповиновения с 1953 г.³⁶⁰

Силы безопасности Восточной Германии делали свою жестокую работу под неусыпным надзором дрезденского отделения советского КГБ. Очень может быть, что одним из них был молодой офицер по имени Владимир Владимирович Путин. Как человек КГБ, Путин симпатизировал Хонеккеру и его стремлению наказать предателей государства. Но больше всего его беспокоило, насколько мы можем судить по последующим высказываниям, полное молчание его политических руководителей из Москвы. Из Кремля не раздалось ни одного звонка; ни один солдат Советской армии не вышел на помощь своим товарищам из Восточной Германии, чтобы восстановить порядок. Истина заключалась в том, что Горбачев презирал Хонеккера и его приспешников-сталинистов; полностью посвятив себя своей миссии реформатора, советский лидер бросил эту атрофировавшуюся страну, у которой не было намерения самообновляться. Его помощник Анатолий Черняев описал в своем дневнике «ужасные сцены» насилия, разрушающие и восточногерманский, и советский режимы. Жестокие сцены из Дрездена, показанные СМИ, лишь увеличили разрыв между Хонеккером и Горбачевым, между Восточным Берлином и его советским патроном³⁶¹.

³⁵⁷ Ср. BStU MfS ZAIG 3804 Blatt 1–6 ‘Ministerium für Staatssicherheit: Information no. 438/89 ‘über erste Hinweise auf Reaktionen und Verhaltensweisen von Personen der DDR im Zusammenhang mit der zeitweiligen Aussetzung des pass- und visafreien Reiseverkehrs’ 4.10.1989.

³⁵⁸ Telcon of Kohl–Adameč call 3.10.1989 and Seiters–Duisberg talks and contacts 3–4.10.1989, опубликовано в: DESE docs 55–6 pp. 437–441; DE docs. 14–15 pp. 115–120. Восточногерманские источники об организации поездов см. в: SAPMO DY 30/J IV 2/2A/3245 and DY 30/IV 2/2.039/342.

³⁵⁹ Sarotte *The Collapse* pp. 30–31. *Freedom Train TIME* 16.10.1989; Serge Schmemmann ‘East Germans Line Emigré Routes, Some in Hope of Their Own Exit’ *NYT* 5.10.1989.

³⁶⁰ BStU Außenstelle Dresden BV Dresden LBV 10167 Blatt 1–5 ‘Schilderung der Ereignisse in Dresden zwischen dem 3. und dem 8.10.1989 durch den Leiter der BVfS Dresden, Böhm’ 9.10.1989; Patrick Salmon et al. (eds) *Documents on British Policy Overseas, Series III, Volume VII, German Unification, 1989–1990* (hereafter *DBPO III VII GU 1989–90*) Routledge 2010 doc. 14 p. 34. См. также: Ferdinand Protzman ‘Jubilant East Germans Cross to West in Sealed Trains’ *NYT* 6.10.1989.

³⁶¹ О Путине см.: Vladimir Putin et al., *First Person: An Astonishingly Frank Self-Portrait by Russia’s President Putin* Public Affairs 2000 pp. 69–81; Fiona Gill & Clifford G. Gaddy ‘How the 1980s Explains Vladimir Putin’ *The Atlantic* 14.2.2013; Entry 5.10.1989 Дневниковая запись А.С. Черняева 1989 NSAEBB No. 275.

Раз так, то Хонеккер, сытый по горло человеком из Кремля, обратился к другому коммунистическому союзнику – Китайской Народной Республике. В июне его режим выразил полную поддержку использованию силы Пекином. День, когда дэнсяопиновский Китай просто смел «контрреволюционные беспорядки» на площади Тяньаньмэнь, был для Хонеккера примером для всего блока и лучом надежды на будущее реального социализма, поскольку Горбачев не мог покончить с протестами и подрывной деятельностью³⁶². Лето показало, как в результате отступления СССР зараза польской и венгерской либерализации распространяется по всей Восточной Европе. Она уже поразила и саму ГДР, приведя к «истечению» из нее людей и теперь, как показал Дрезден, к беспорядкам на улицах ранее послушного полицейского государства. Невзирая на эти домашние неурядицы, ГДР намеревалась укрепить международный образ коммунизма. Вот почему Хонеккер направил Эгона Кренца, свой второй номер, в очень важный недельный визит в Пекин, на празднование сороковой годовщины КНР 1 октября 1989 г., за несколько дней до того, как должны были состояться торжества по случаю собственного сорокалетия ГДР. Это точно было правильное время для выражения солидарности между настоящими коммунистами.

Во время поездки Кренц собирался узнать у китайских коммунистов, как следует поступать с протестантами и как вернуть статус-кво³⁶³. В беседе с секретарем ЦК Цзян Цзэми-нем 26 сентября Кренц выразил свое удовлетворение визитом в «нерушимый бастион социализма в Азии», где «под руководством Коммунистической партии самая населенная страна мира освобождена от полуколониальных оков». Цзян и Кренц согласились, что события июня 1989 г. обнажили подлинное враждебное содержание западной стратегии «так называемой мирной эволюции» в отношениях с Китаем, представляя собой «агрессивную программу подрыва социализма»³⁶⁴. Другой член Политбюро ЦК КПК Цяо Ши и ключевая фигура в осуществлении военного положения произвел на Кренца впечатление тем, насколько внимательно он и его коллеги следили за событиями в Европе, особенно «за событиями в Польше и Венгрии». И хотя эти события были источником тревоги, Цяо озвучил огромное удовлетворение в КНР от отказа Восточной Германии от движения по тому же пути и ее решимости «придерживаться социализма». Кроме всего прочего, «мы все коммунисты, наша жизнь есть борьба» – «в политике, идеологии и экономике»³⁶⁵. Выдающийся лидер Дэн Сяопин вдохновенно сказал Кренцу: «Мы вместе защищаем социализм – вы в ГДР, мы в Китайской Народной Республике»³⁶⁶. Кренц в свою очередь провозгласил: «В борьбе нашего времени ГДР и Китай стоят рядом»³⁶⁷. Они представлялись себе двумя маяками социализма, светившими во тьме враждебного мира.

Кренц был одним из немногих випов в поразительно скудном списке иностранцев, приглашенных на празднества по случаю сорокалетия КНР. Все остальные были фигурами меньшего масштаба из относительно маргинальных стран – член чехословацкого политбюро,

³⁶² Erklärung der DDR-Volkskammer zu den aktuellen Ereignissen in der Volksrepublik China, 8.6.1989, printed in *Neues Deutschland* 8.6.1989; Мысли Хонеккера о Китае, высказанные им Яо Иллиню см.: Serge Schmemmann 'East Germans Let Largest Protest Proceed In Peace' *NYT* 10.10.1989.

³⁶³ Восточный Берлин был особенно заинтересован в выводах КПК в отношении причин протестного движения. См.: SAPMO ZPA IV 2/2.035/33 Bericht für das Politbüro über die Lage in der VR China (III. Quartal 1989), опубликовано в: Werner Meißner (ed.) *Die DDR und China 1945–1990: Politik – Wirtschaft – Kultur. Eine Quellensammlung* (hereafter *DDR-CHINA:PWK*) Akademie Verlag 1995 doc. 201 pp. 406–407.

³⁶⁴ SAPMO ZPA JIV 2/2A/3247 Memcon of Jian–Krenz talks in Beijing 26.9.1989, опубликовано в: *DDR-CHINA:PWK*, doc. 204 pp. 412–414 esp. p. 413.

³⁶⁵ SAPMO ZPA JIV 2/2A/3247 Memcon of Qiao–Krenz talks in Beijing, 25.9.1989, опубликовано в: *DDR-CHINA:PWK* doc. 203 pp. 409–411 esp. p. 410.

³⁶⁶ SAPMO DY 30/ J IV 2/2A/3247 'Protocol #43 of the Meeting of the Politburo of the Central Committee of the SED' 17.10.1989 p. 5 DAWC.

³⁶⁷ 'How "Gorbi" Spoiled East Germany's 40th Birthday Party' *Spiegel-Online* 7.10.1989.

представитель кубинской компартии и министры из Эквадора и Монголии. Советский Союз представлял заместитель председателя общества Советско-китайской дружбы. Частично по причине международного возмущения событиями 4 июня никто из глав правительств не присутствовал на торжествах. Отсутствовали даже послы многих важных стран – США, Канады, стран Западной Европы и Японии. Кренц, будучи вторым лицом важнейшей коммунистической партии Европы, вместе со своим коллегой из Северной Кореи, вице-президентом Ли Чжон Ок являлся наиболее важным зарубежным товарищем, чтобы находиться на трибуне рядом с постаревшей китайской элитой в тот момент, когда она взирала на восстановленное спокойствие на площади Тяньаньмэнь. Дэн говорил Ли: «Когда вы приедете домой, пожалуйста, скажите президенту Ким Ир Сену, что общественный порядок в Китае нормализован... То, что произошло не так давно в Пекине, было плохо, но в конце концов анализ показал, что это принесло пользу, потому что отрезвило нас». На это Ли ответил: «Я уверен, что президент Ким будет счастлив узнать об этом»³⁶⁸.

*

Высокопоставленные иностранные гости должны были наблюдать за масштабным фейерверком и красочным костюмированным представлением, исполненным сотней тысяч пионеров с цветами. Они выглядели не столько радостными, сколько вялыми. Вместо большого военного парада, как это было за пять лет до этого, мощь государства олицетворял лишь караул из 45 солдат, промаршировавших перед трибуной. Из-за жестких мер безопасности простые китайцы не могли подойти ближе чем на милю к месту празднования дня рождения их «Народной Республики». Более того, военное положение в Пекине оставалось в силе с тех пор, как три месяца назад оно было введено в момент пика студенческих демонстраций. И солдаты с автоматами продолжали патрулировать центр города. Тон всей КНР в год ее сорокалетия совсем не был юбилейным; до самого последнего времени планировалось провести это мероприятия камерным образом и скромно. Но к октябрю в партии, сумевшей вернуть себе уверенность, захотели показать и отпраздновать факт того, что у нее все находится под контролем. «Национальный день в этом году имеет необычное значение», – заявил Ли Жуйхуань, член Политбюро, отвечавший за пропаганду. Это потому, добавил он, что «мы только что одержали победу над попыткой создать хаос начать контрреволюционное восстание»³⁶⁹.

В то время как коммунистический Китай отметил свое сорокалетие в состоянии приглушенной определенности, пусть и потрясенной событиями 4 июня, но показавшими ясный путь вперед, их немецкие товарищи на протяжении многих месяцев планировали грандиозное празднество, и вдруг в последний момент оказалось, что они столкнулись с растущим социальным напряжением, угрожавшим потерей политического контроля. Настрой был провести 6–7 октября в Берлине огромный фестиваль с военными и молодежными парадами, пышными банкетами в сверкающем Дворце республики, и все это под бесконечные приветственные речи. По контрасту с Пекином здесь должны были присутствовать все ведущие персоны коммунистического мира, в том числе вице-премьер Китая Яо Илин и сам Горбачев. Для Хонеккера это было огромное событие, вершина его двадцатилетнего пребывания у власти и дальнейшее признание положения ГДР в коммунистическом мире. Чтобы быть уверенным, что все идет

³⁶⁸ David Holley 'Under Tight Wraps, China Marks 40th Anniversary of Communist Rule' *LAT* 2.10.1989. Примечательно, что на трибуне в Пекине присутствовал и один американец – бывший госсекретарь Александр Хейг, который, как писали газеты, находился в Китае с частным визитом. Об этом ничего не сказано в мемуарах Буша и Скоукрофта, у Бейкера. Но кажется невероятным, чтобы публичное присутствие Хейга на праздновании не было одобрено Бушем. См.: Lee Feigon 'Bush and China: What's a Massacre Between Friends?' *CT* 12.12.1989.

³⁶⁹ Nicholas D. Kristof "'People's China' Celebrates, but without the People' *NYT* 2.10.1989; Li quoted in '40 Years of Communism – China to Celebrate Loudly' *The Baltimore Sun* 16.8.1989.

по плану, визиты западных берлинцев на период празднеств были сокращены до минимума, в то время как была начата совместная детально «организованная и скоординированная» операция разведки и сил безопасности, чтобы любые попытки протестовать были немедленно пресечены. Короче, это была пекинская, а не московская модель³⁷⁰.

Сначала казалось, что все идет по плану. Когда 6 октября Горбачев прилетел в берлинский аэропорт Шёнефельд, они с Хонеккером перед камерами демонстрировали образцовую дружескую встречу. Они крепко обнялись перед тем, как отправиться в город «украшенный плакатами и сиявший под перекрестными лучами света», где они, стоя плечом к плечу, приветствовали массовое факельное шествие ста тысяч немецких комсомольцев из Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ). Весь вечер телевидение ГДР показывало, как два лидера улыбаются друг другу и приветственно машут толпам молодежи, проходящим мимо них по Унтер-ден-Линден с флагами и факелами. Временами советский лидер слышал ободряющие приветствия в свой адрес и выкрики «Горби, Горби!» со стороны своих молодых немецких поклонников. Затем, к удивлению Горбачева, около 300 членов ССНМ принялись скандировать «Горби, помоги нам! Горби, спаси нас!» – и это стало кодовым словом для обозначения реформ, проведения которых они требовали от своего неуступчивого правительства. Хонеккер наверняка был в ярости от того, как повернулись события, но это еще было минимальное отступление от столь тщательно срежиссированного события, в котором оба лидера предстали в гармоничном единении³⁷¹.

На следующее утро атмосфера была уже совершенно иной. Горбачев снова стоял возле Хонеккера, на сей раз на месте для вивов на Карл-Марк-Аллее во время военного парада – ежегодное мероприятие по такому случаю было сравнительно небольшим, чтобы показать приверженность Варшавского пакта разоружению. Но советский лидер на сей раз выглядел «отрепшенным и обеспокоенным» в момент прохождения мимо него военных колонн: искусственность всего празднества, похоже, становилась для него очевидной³⁷².

После парада «Горби» и «Хонни» беседовали наедине на протяжении почти трех часов, и затем беседа продолжалась в присутствии всех членов Политбюро СЕПГ. Мало что шло по плану: фактически Хонеккер и Горбачев просто не понимали друг друга. Кончилось тем, что каждый говорил о своем. Горбачев в типичной широковещательной манере расхваливал свое новое мышление и текущую «революцию в революции» (другими словами, не опровергавшую октябрь 1917 г.), в то же время подчеркивая, что историческое соревнование коммунизма и социализма продолжается, хотя и в изменившемся мире. Хонеккер, со своей стороны, возносил хвалу ГДР как одной из самых замечательных экономик мира. В микроэлектронику было инвестировано 15 млрд марок ГДР, в том числе в огромные государственные комбинаты «Микроэлектроник» в Эрфурте, «Карл Цейсс» в Йене и «Роботрон» в Дрездене. На заводах было установлено новое автоматизированное оборудование и прирост производительности труда там составил 300–700%. Ни у кого не оставалось сомнений в том, что он намерен придерживаться старой формы государственного социализма. «Мы решим свои проблемы сами своими социалистическими способами», – настаивал Хонеккер.

Их выступления перед членами Политбюро точно так же были построены словно о разном. Но к этому времени Горбачев уже услышал достаточно. Он рассказал восточногерман-

³⁷⁰ *DBPO III VII GU 1989–90 doc. 17 p. 42; Sebestyen Revolution 1989 pp. 332–334; BStU MfS ZAIG 7314 Blatt 1–30 'Plan der Maßnahmen zur Gewährleistung der Sicherheit während des 40. Jahrestages der Gründung der Deutschen Demokratischen Republik – 6–8.10.1989' 27.9.1989; BStU MfS ZAIG 8680 Blatt 1 15–21 'Hinweise für Kollegiumssitzung 3.10.1989 Hinweise zur Aktion "Jubiläum 40"' 3.10.1989. For Honecker's speech on 6.10.1989, available at Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern – German Historical Institute – Washington DC (hereafter DGDB-GHIDC).*

³⁷¹ Taubman *Gorbachev* pp. 484–485. Serge Schmemann 'Gorbachev Lends Honecker a Hand' *NYT* 7.10.1989. Cp. Maier *Dissolution* p. 148.

³⁷² Serge Schmemann 'Police and Protestors Clash Amid East Berlin Festivity' *NYT* 8.10.1989.

ским слушателям историю о шахтерах из Донецка, которые «преподали хороший урок» местному секретарю обкома: «Мы нередко видим, что кто-то из руководителей уже не тянет воз, но не решаемся его заменить, боимся, как бы он не обиделся». И он со значением оглядел членов Политбюро СЕПГ: ни у кого не должно быть иллюзий, что сказанное напрямую не относилось к семидесятилетнему твердолобому Хонеккеру. «Если мы отстанем, жизнь нас накажет», – резюмировал он. Позднее, обращаясь к журналистам из разных стран, его пресс-секретарь Герасимов выразил все сказанное в сжатой афористичной форме: «Жизнь наказывает тех, кто опаздывает»³⁷³.

Это были 24 часа неоднозначных сообщений. Решив в конечном счете посетить празднование в ГДР, Горбачев совершенно определенно намеревался выразить лишь четко выверенную меру солидарности своему самому ценному союзнику времен холодной войны. После появления чрезвычайных фото недавнего исхода и эскалации народных требований проведения реформ и демократии, демонстраций, прокатившихся по всем городам Восточной Германии, главной миссией Горбачева стала задача успокоить взвинченные нервы в Восточном Берлине и помочь предотвратить доведение комбинации социального разочарования и политического паралича до той точки, в которой это могло привести к дестабилизации государства Восточной Германии. В то же время Горбачев ясно дал понять, что Москва не будет вмешиваться в восточногерманские проблемы: это не только «проблемы колбасы и хлеба», как он выразился, но проблема была и в том, что люди требуют «больше кислорода в обществе». В конечном счете сам Хонеккер должен был иметь смелость начать политическую реформу. Горбачев больше не собирался поддерживать его³⁷⁴.

Находясь на передовой линии фронта холодной войны в самом сердце Европы, советский лидер вел себя вызывающе с точки зрения международного положения. В своей речи на торжественном обеде 6 октября он отверг обвинения в том, что только Москва несет ответственность за послевоенный раскол континента надвое, и обратил внимание на то, что в Западной Германии появляется стремление «реанимировать» мечты о германском рейхе «в границах 1937 г.». Он особенно решительно отвергал обращенные к Москве требования разрушить Берлинскую стену – это был призыв 1987 г. Рейгана, повторенный Бушем в 1989-м. «Нас постоянно призывают ликвидировать и то, и это разделение, – сожалел Горбачев. – Нам часто приходится слышать: “Пусть СССР снесет Берлинскую стену, тогда мы поверим в его мирные намерения”». Он был непреклонен в том, что «мы не идеализируем порядок, установленный в Европе. Но фактом является то, что до сих пор признание послевоенной реальности обеспечивает мир на континенте». «Всякий раз, когда на Западе делалась ставка на перекройку послевоенной карты Европы, это вело к очередному напряжению международной обстановки». Горбачев хотел, чтобы его социалистические товарищи приняли обновление, но он не намеревался распускать Варшавский пакт или внезапно снимать границы времен холодной войны, дававшие стабильность континенту в последние сорок лет³⁷⁵.

Так, каждый по-своему, два коммунистических лидера держались за прошлое. Горбачев опирался на существовавшие геополитические реальности, невзирая на прорехи, приоткрывавшие Железный занавес. Хонеккер не расставался с иллюзией, что Восточная Германия остается социалистической страной, объединенной приверженностью к доктринам партии.

³⁷³ SAPMO ZPA J IV 2/2.035/60 Memcon of Honecker–Gorbachev meeting 7.10.1989 and SAPMO ZPA J IV 2/2.035/60 Memcon of SED Politburo meeting with Gorbachev 7.10.1989, опубликовано в *Vieraugengespräche* docs 20-1 pp. 240–266 esp. pp. 241, 243, 256; Schmemann ‘Gorbachev Lends Honecker a Hand’.

³⁷⁴ SAPMO ZPA J IV 2/2.035/60 Memcon of SED Politburo meeting with Gorbachev 7.10.1989, опубликовано в: *Vieraugengespräche* doc. 21 p. 256. Советская версия этой записи: *MoH:1989* doc. 88 p. 545; Schmemann ‘Gorbachev Lends Honecker a Hand’. См. также: Горбачев. Собр. соч. Т. 16. С. 206–211.

³⁷⁵ Gorbachev’s ‘Festansprache zum 40. Jahrestag der DDR (7.10.1989)’ *Neues Deutschland* 9.10.1989; Горбачев цит. по: Schmemann ‘Gorbachev Lends Honecker a Hand’; Горбачев. Собр. соч. Т. 16. С. 199–200.

Непримиримость гдээровского режима, проявленная во время празднования, и растущее социальное недовольство в последние недели создали потенциально взрывную смесь. В течение менее чем двух недель Хонеккер будет смещен. И лишь спустя месяц после празднования сорокалетия ГДР 9 ноября Берлинская стена падет без сопротивления. Стена была главным символом холодной войны, барьером, ограждавшим и население Восточной Германии, и структуры, скреплявшие весь блок. 7 октября партия показала себя театром иллюзий. Впрочем, в том, что вскоре произошло, не было ничего неизбежного.

Глава 3.

Германия воссоединяется, Восточная Европа распадается

На фото:

1. Демонстрация в поддержку кандидатуры Вацлава Гавела на президентских выборах. Чехословакия, декабрь 1989 г.
2. На Берлинской стене. 12 ноября 1989 г.
3. Выступление канцлера ФРГ Гельмута Коля на митинге. Дрезден, 19 декабря 1989 г.

9 ноября 1989 г. Коль был потрясен. Там, где он сейчас находился вместе со всей делегацией в семьдесят человек и шестью министрами его правительства, включая министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера, на грандиозном банкете во дворце Радзивиллов в Варшаве, где их принимали новые лидеры Польши – Мазовецкий, Ярузельский и Валенса, – царила удивительно праздничная атмосфера. Но при этом все вокруг перешептывались “Die Mauer ist gefallen” (Стена пала!). Весь вечер того четверга, когда канцлер пытался вести вежливые разговоры с принимавшими его хозяевами, его беспрерывно прерывали, передавая срочные новости в виде маленьких записочек или временами вызывая его из зала ради срочного телефонного

звонка из Бонна. Все это время Коль отчаянно пытался размышлять³⁷⁶. Он был в неправильном месте в правильное время – в самый драматичный момент всего его канцлерства, возможно, всей его жизни. Что он должен делать?

Когда ужин только начинался, у Коля было совершенно другое настроение. Его пятидневный визит, как это планировалось на протяжении предшествовавших пяти месяцев подготовки, должен был стать вехой в отношениях Западной Германии с одним из ее самых чувствительных соседей. В 1989 г. бремя истории чувствовалось особенно тяжело. Прошло пятьдесят лет с жестокого вторжения Гитлера в Польшу, с начала войны, приведшей к гибели 6 млн польских граждан (3 млн из них были евреями), к разрушению Варшавы после подавления восстания в 1944 г. и включению Польши в советский блок в 1945-м. Германии за многое предстояло нести ответственность, и процесс примирения для Бонна был длительным и болезненным. Первый драматический шаг сделал канцлер от СДПГ Вилли Брандт в декабре 1970 г., опустившись на колени в знак молчаливого покаяния у мемориала в Варшавском гетто. Поездка Коля стала первым визитом в Польшу канцлера от ХДП/ХСС. Но это не было лишь ответом его политическим оппонентам или попыткой пересмотреть прошлое; он также хотел сделать заявление о будущем, о том, что Германия поддерживает возрождение Польши как свободной страны в ее посткоммунистической реинкарнации. Поэтому канцлеру Германии было приятно находиться на таком банкете тем вечером. Так и было, пока он не получили известие из Берлина³⁷⁷.

Сразу после ужина немцы собрались за кофе, чтобы обсудить кризис. Положение было чрезвычайно деликатным. Польское руководство отговаривало Коля от поездки в Берлин, предупреждая, что она может быть истолкована ими как вопиющее пренебрежение. Хорст Тельчик, главный внешнеполитический советник канцлера, тоже сомневался. «Слишком многое было вложено в эту поездку в Варшаву», – предупреждал он, – слишком много она значит для будущего германо-польских отношений». В перечне мероприятий поездки Коля значился и визит в Освенцим (Аушвиц) – в знак раскаяния за Холокост, чему предшествовал лишь один подобный акт, совершенный канцлером Гельмутом Шмидтом (СДПГ) в 1977 г., – двуязычная католическая месса в Нижней Силезии, в которой принял участие и Мазовецкий, что воспринималось как акт примирения с поляками. Месса должна была состояться в имении графа фон Мольтке в Крейсау, одного из тех христианских консерваторов, кто готовил заговор против Гитлера в 1944 г., и обозначала то, что существовала «лучшая Германия в самый темный период нашей истории», как позднее выразился канцлер. Коль, обменявшийся поцелуем примирения с Мазовецким, был связан и с другим знаковым актом примирения: рукопожатием с Миттераном в Вердене в 1984 г. Но жест в Силезии был обращен и к тем, кто был дома – к *изгнанным* (Vertriebene) – вечно недовольным крайне правым членам собственной партии, кто был депортирован с восточногерманских территорий, которые вошли в состав новой Польши (и Советского Союза) после 1945 г.³⁷⁸

Покинув дворец Радзивиллов, Коль направился в «Мариотт-отель», где его ждали представители западногерманской прессы. И он оставался в этом отеле на протяжении нескольких

³⁷⁶ Christoph Gunkel 'Helmut Kohls Polen-Reise 1989 – Problemfall Mauerfall' *Spiegel-Online* 6.11.2009; Werner A. Perger 'Friedliche Revolution: Als Kohl einmal am falschen Platz war' *Zeit Online* 9.11.2009. Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 84–86; Horst Teltschik *329 Tage: Innenansichten der Einigung* Siedler 1991 pp. 11–14 esp. p. 14.

³⁷⁷ Kohl *Meine Erinnerungen* p. 83; Teltschik *329 Tage* pp. 11, 13–14.

³⁷⁸ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 102–103; Teltschik *329 Tage* p. 14; Andreas Rödder *Deutschland einig Vaterland: Die Geschichte der Wiedervereinigung* Beck 2009 pp. 133–134; ср. Несмотря на всю присущую ему историческую чувствительность и политические амбиции в связи с состоявшимся германо-польским примирением спустя 50 лет после 1939 г., совершенные им символические поступки и выбор им мест для посещения во время поездки в Польшу были отмечены противоречивостью. Какие бы решения ни приходилось принимать, все они были чреваты проблемами и стоили головной боли всем, кто планировал эту поездку, что с польской, что с немецкой стороны. 'Weit weg von Aussöhnung' *Der Spiegel* 45/1989 6.11.1989 pp. 18–19; 'Helmut Kohl als Symbol der Geschichte' *Der Spiegel* 47/1989 20.11.1989 pp. 130, 132–133 esp. p. 132.

часов, потому что только в западном отеле можно было видеть новости по германскому телевидению и иметь доступ сразу к нескольким международным телефонным линиям. Около полуночи, когда он в очередной раз говорил с собственной канцелярией, сотрудники его аппарата подтвердили, что пункты перехода в Берлине открыты. Они также сообщили о настоящих людских потоках и праздничной атмосфере в когда-то разделенном городе. Положив трубку, канцлер, испытывавший всплеск адреналина, сказал журналистам, что «мировая история пишется сейчас, колесо истории завертелось быстрее»³⁷⁹.

Коль решил вернуться в Бонн сразу, как только это будет возможно по дипломатическому этикету. «Мы не можем прервать поездку, — заключил он, — но можем сделать перерыв». Следующим утром 10 ноября он ублажил своих польских хозяев посещением памятника героям восстания в Варшавском гетто в стиле Брандта и затем пообещал вернуться через 24 часа. К тому времени, как он собрался покинуть Польшу вместе с Геншером и группой журналистов в 2:30 ночи, его место назначения изменилось. Еще во время пребывания у памятника Героям гетто Коль получил более тревожные новости. Вальтер Момпер, бургомистр Западного Берлина от СДПГ, организовал важное мероприятие для прессы с приглашением на него своего однопартийца и бывшего канцлера Вилли Брандта, которое должно было состояться в тот же день в 16:30 на ступеньках Шёнебергской ратуши. Брандт, являвшийся бургомистром Западного Берлина в августе 1961 г., когда была воздвигнута Стена, затем, став канцлером, прославился своей Восточной политикой, а теперь собирался выйти на авансцену в момент падения Стены. Учитывая, что до новых федеральных выборов оставался лишь год, Коль не мог позволить себя обставить, особенно потому, что когда-то Конрад Аденауэр, другой канцлер от ХДС (1949–1963), отсутствовал в Берлине в те судьбоносные дни 1961 г., когда восточная часть города оказалась окруженной Стеной.

Так что решение ехать в Берлин было верным. Только попасть туда в ноябре 1989 г. было непростым делом. Западногерманским самолетам не разрешали ни летать над территорией ГДР, ни приземляться в Западном Берлине, потому что существовали права четырех секторов союзников — еще одно наследие войны с Гитлером. И так, Коль и Геншеру пришлось лететь окружным путем через шведское и датское воздушное пространство в Гамбург, прежде чем сесть там на самолет, специально предоставленный ВВС США для полета в Берлин. Оба использовали время поездки для того, чтобы спешно набросать свои речи. Они были партнерами, но при этом оставались и политическими соперниками, старавшимися занять более выгодные позиции. При всех этих отличиях они вместе приземлились на аэродроме Темпельхоф, прямо в центре города в тот момент, когда вот-вот должна была начаться праздничная церемония в Шёнебергской ратуше.

Вместе с Брандтом они обратились к двадцатитысячной толпе горожан и к иностранным журналистам, стоя на той самой лестнице, с которой в 1963 г. президент Джон Ф. Кеннеди провозгласил: «Я берлинец» (*Ich bin ein Berliner*)³⁸⁰.

В тот вечер все три ключевых политических фигуры ФРГ каждая по-своему закручивали спираль событий последних двадцати четырех часов. Брандт, следуя своей стратегии «малых шагов», свойственной его Восточной политике, говорил о «совместном движении немецких государств», подчеркивая, что «никто не должен действовать так, словно он знает, в каких конкретных формах народы этих двух государств построят свои новые отношения». Геншер начал выступление с эмоциональных воспоминаний о своих корнях в Восточной Германии, откуда он бежал после войны: «Мои самые сердечные приветствия людям моей Родины». Он намного выразительнее, чем Брандт, указывал на фундаментальный факт национального един-

³⁷⁹ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 86–87; Teltschik *329 Tage* p. 15; cp. Gunkel 'Helmut Kohls Polen-Reise 1989'.

³⁸⁰ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 87–88; Teltschik *329 Tage* pp. 16–19; Genscher *Erinnerungen* pp. 655, 657; Gunkel 'Helmut Kohls Polen-Reise 1989'. См. также: Perger 'Friedliche Revolution'.

ства. «То, чему мы в эти часы являемся свидетелями на улицах Берлина, показывает, что сорок лет разделения не сделали двух наций из одной. Не существует капиталистической и социалистической Германии, а есть только одна германская нация в своем единстве и мире». Но как министр иностранных дел он постарался заверить соседей, особенно поляков: «Ни один народ на Земле, ни один народ Европы не должен бояться того, что ворота между Западом и Востоком открыты»³⁸¹.

Канцлер Коль говорил последним. Море берлинских левых, приветствовавших Брандта и Геншера, не собиралось терпеть этого верзилу, консервативного католического политика из Рейнланда. В таком отношении к нему соединились партийная вражда, местная гордыня и взрывные эмоции; зрители пытались сопровождать каждое слово Коля недовольным гудением, шиканьем и свистом. Канцлер чувствовал, как в нем закипала злость на тех, кого он презрительно называл «левацким сбродом» (*linker Pöbel*). Подавив свой гнев, он упрямо продолжил свою речь. Памятуя о скорых выборах, понимая особое место, которое Брандт уже занял в истории германской политики, и не забывая о том, как Геншер использовал свой шанс, выступая с балкона в Праге, Коль проигнорировал толпу прямо перед собой и обратился к миллионам телезрителей, особенно в ГДР. Он старался предстать человеком, который на самом деле контролирует ситуацию, как подлинный лидер и государственный деятель. Он убеждал восточных немцев оставаться на месте, сохранять спокойствие. Он заверил их: «Мы на вашей стороне, мы остаемся одной нацией. Мы принадлежим друг другу». И канцлер сделал особенный акцент на слова благодарности в адрес «наших друзей» западных союзников за их постоянную поддержку, завершив речь розыгрышем европейской карты: «Да здравствует свободное немецкое отечество! Да здравствует объединенная Европа!»³⁸².

Для многих людей – дома и за границей – Коль в своем выражении национализма зашел слишком далеко. Прямо во время митинга последовало злобешее телефонное сообщение от Горбачева. Тот предупредил, что заявления боннского правительства могут разжечь «эмоции и страсти», и подчеркнул факт существования двух суверенных германских государств. У того, кто отрицает эти реальности, может быть только одна цель – дестабилизация ГДР. Он слышал о слухах, что в ярости толпы немцев могут начать штурмовать советские военные объекты. Горбачев спросил: «Это правда?» Он убеждал Коля избегать любых мер, «способных создать хаотическую ситуацию с непредсказуемыми последствиями»³⁸³.

Горбачевское послание подвело черту под смятением последних двух дней, и оно в то же время не сулило ничего хорошего. Коль направил ответ, заверяя советского лидера, что тому не нужно беспокоиться: атмосфера в Берлине сродни семейному празднику, и никто не собирается затевать мятеж против СССР. Но, поскольку в воздухе было разлитое глубокое ощущение риска, то для канцлера это было опасное время неопределенности. Будут ли три других западных союзника реагировать на произошедшее так же негативно, как и Горбачев? Возвращаясь тем вечером в свой офис в Бонне, он, невзирая на усталость, попытался связаться по телефону с Тэтчер, Бушем и Миттераном.

³⁸¹ Serge Schmemmann 'Joyous East Germans Pour Through Wall; Party Pledges Freedoms, and City Exults – Berlin a Festival' *NYT* 11.11.1989; Genscher *Unterwegs zur Einheit* pp. 228–229; *idem, Erinnerungen* pp. 657–661; ср. то как Тельчик (*Teltschik* 329 *Tage* p. 20), утверждает, что Геншер пытался любой ценой избежать темы единства в своей речи; притом что Брандт в своем обращении произнес знаменитые слова: «теперь то, что принадлежит всем, будет расти благодаря общим усилиям» – чего Геншер не сделал. См. также в: Kohl *Meine Erinnerungen* p. 94 и Willy Brandt: «Now what belongs together will grow together» *Deutsche Welle* 13.12.2012.

³⁸² Schmemmann 'Joyous East Germans Pour Through Wall'. Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 88–93; *Teltschik* 329 *Tage* p. 20. См. также: 'Helmut Kohl als Symbol' pp. 130, 132–133.

³⁸³ Устное послание Горбачева Колю 10.11.1989, напечатано в: *DESE doc.* 80 pp. 504–505; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 89–90.

Первой в 10 часов вечера он позвонил Тэтчер, потому что думал, что разговор с ней будет «самым трудным»³⁸⁴. Однако он прошел хорошо. Премьер-министр, смотревшая события по телевизору, сказала, что сцены из Берлина «самые исторически значимые, чем что-либо, что она видела». Она подчеркнула необходимость выстроить настоящую демократию в Восточной Германии, и они договорились оставаться в тесном контакте: Тэтчер даже предложила встретиться перед намеченным на начало декабря заседанием Европейского совета в Страсбурге. На всем протяжении разговора никто не употребил слово «единство», но канцлер ясно почувствовал, что она ощущает «неловкость» по поводу последствий ситуации³⁸⁵.

Ему понадобилось не меньше получаса, чтобы оказаться в состоянии провести более приятный разговор, который в 10:30 вечера у него должен был состояться с Джорджем Бушем. Коль начал с краткого обзора поездки в Варшаву и экономических трудностей Польши, но не это интересовало президента. Прервав его, Буш сказал, что хотел бы услышать о ГДР. Коль признал масштабность проблемы беженцев и скептически отозвался о Кренце как реформаторе. Он также не стал сдерживаться по адресу «левацкого плебса», попытавшегося сорвать его речь. По его оценке, в целом все обстояло очень неплохо: общее настроение в Берлине можно описывать словами «невероятно» и «оптимистично» – «мы стали свидетелями необычайной ярмарки» – и он сказал Бушу, что «без США этот день никогда бы не наступил (был невозможен)». Канцлер не мог выразиться сильнее: «Это драматично: исторический час». В конце и Буш тоже стал выражаться чрезвычайно оптимистично. «Берегите себя, удачи, – сказал он Коль. – Я горжусь тем, как вы справляетесь с этой исключительно трудной проблемой». Но он также заметил, что «моя встреча с Горбачевым в начале декабря становится даже еще более важной». Буш был прав, долгожданная очная встреча между ним и советским лидером – лишь недавно было решено, что она состоится на Мальте 2–3 декабря, – теперь уже не казалась несвоевременной³⁸⁶.

В тот вечер поговорить с Миттераном не удалось. Когда в 9:15 утром следующего дня они созвонились, Коль стал придерживаться той же линии, но с иными надлежащими поворотами. Не забывая, что в 1989 г. исполнилось двести лет с начала Французской революции, канцлер уподобил настроение на Курфюрстендамм (главной торговой улице Западного Берлина) настроению на Елисейских полях в День Бастилии. Но, добавил он, процесс в Германии «не революционный, а эволюционный». Отвечая ему в том же духе, французский президент приветствовал события в Берлине как «великий исторический момент... час народа». И, продолжил он, «у нас сейчас есть шанс, что это движение перетечет в развитие Европы». Все это, конечно, звучало очень позитивно, но, вероятно, было и напоминанием о традиционной озабоченности Франции, чтобы сильная Германия было крепко связана с европейским интеграционным процессом. У Коля с этим никаких проблем не было, и он был доволен тем, что они оба выразили уверенность в силе франко-германской дружбы³⁸⁷.

Поговорив с Миттераном, Коль принял звонок Кренца, который настаивал на разговоре. Их беседа продолжалась 9 минут и была вежливой, но настойчивой для обеих сторон. Кренц предупреждал, что «в настоящее время объединение не стоит в политической повестке дня». Коль сказал, что их взгляды фундаментально различны, потому что его собственная позиция коренится в Основном законе ФРГ 1949 г., который подтвердил принцип германского единства. Но, добавил он, это не та тема, которая должна беспокоить их обоих в данный момент. Более того, он был заинтересован в «установлении более тесных отношений между нами». Он

³⁸⁴ Kohl *Meine Erinnerungen* p. 94.

³⁸⁵ Letter by Charles Powell (No. 10) to Stephen Wall (FCO) 10.11.1989, printed in *DBPO III VII GU* 1989–1990 doc. 37 p. 102; Telcon of Kohl–Thatcher call 10.11.1989, printed in *DESE* doc. 81 pp. 506–507; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 94–95.

³⁸⁶ Telcon of Kohl–Bush call 10.11.1989, printed in *DESE* doc. 82 pp. 507–509; for the US version see GHWBPL Telcon of Kohl–Bush call 10.11.1989 Oval Office pp. 1–3; Kohl *Meine Erinnerungen* p. 95.

³⁸⁷ Telcon of Kohl–Mitterrand call 11.11.1989, printed in *DESE* doc. 85 p. 512; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 95–96.

ожидает возможности приехать в Восточную Германию для первой личной встречи с новым руководством. Хотя он хотел бы, чтобы она прошла «вне Восточного Берлина» – знакомое желание ФРГ избегать любого намека на признание мнимой столицы ГДР³⁸⁸.

Последним из больших телефонных разговоров Коля – и, быть может, самым чувствительным из всех – был разговор с Горбачевым, который состоялся перед ланчем 11 ноября. Коль обозначил несколько самых опасных экономических и социальных проблем, стоящих в данное время перед ГДР, но подчеркнул, что в этом отношении в Берлине царит позитивный настрой. Горбачев на этот раз не был настолько раздраженным, как во время его первого сообщения Колью в предыдущий день, и выразил свою уверенность в политическом влиянии канцлера. То были, как он сказал, «исторические перемены в направлении новых отношений и нового мира». Но он выразил мнение о необходимости, помимо всего прочего, и «стабильности». Коль твердо согласился с этим и, по словам Тельчика, завершил разговор с видимым облегчением. «Дело сделано» (*‘De Bärn is g’schält’* – нем. «груша очищена»), – сказал он своему помощнику с заметным пфальцским акцентом и широкой улыбкой: было ясно, что Горбачев не станет вмешиваться во внутренние восточногерманские дела, как это делал Кремль в июне 1953 г.³⁸⁹.

Теперь Коль чувствовал поддержку со стороны союзников и русских, хотя все это и не было его единственным опасением. Положив телефонную трубку, он оказался один на один с необходимостью творить его собственную *Дойчландполитик* – Немецкую политику, формировать ее направление в будущем и нести на своих плечах тяжелую ношу ответственности за все это. И она была действительно тяжелой, учитывая то, что он узнал утром во время заседания собственного кабинета, – насколько на самом деле нестабильна ситуация.

К тому времени за год, по данным Министерства внутренних дел, в Западную Германию прибыли 243 тыс. восточных немцев, и еще 300 тыс. этнических немцев (*Aussiedler*) обращались за гражданством ФРГ: иначе говоря, за десять месяцев таких людей оказалось около полумиллиона. И это все произошло еще до падения Стены. Экономическая цена продолжала расти. По данным Министерства финансов, в бюджет надо было добавить еще 500 млн марок, чтобы обеспечить кровом недавно прибывших беженцев из ГДР. И еще 10 млрд марок в год надо будет тратить ежегодно в течение 10 лет, чтобы построить для них постоянное жилье и обеспечить социальную помощь, пособия по безработице. Более того, ФРГ уже субсидировало экономику ГДР на несколько миллиардов ежегодно. И совершенно очевидно, что потребуется намного больше, если только ГДР продолжит «истекать» народом. И как долго это сможет продолжаться? И что произойдет в случае объединения Германии? Революция, очевидно, переворачивает Восток, но жизнь немцев Запада явно тоже меняется – и не все из этих изменений всем нравятся³⁹⁰.

И даже если, в краткосрочном плане, такие траты на ГДР и на мигрантов экономически позволительны, любые разговоры о повышении налогов для покрытия затрат для Коля и его партнеров по коалиции были политически недопустимы в год выборов. Недавнее усиление в ФРГ республиканцев (новой радикально правой партии) отражало растущее нарастание

³⁸⁸ Telcon of Kohl–Krenz call 11.11.1989, printed in *DESE* doc. 86 pp. 513–515; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 96–97.

³⁸⁹ Telcon of Kohl–Gorbachev call 11.11.1989, printed in *DESE* doc. 87 pp. 515–517; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 97–99; Teltschik *329 Tage* pp. 27–29.

³⁹⁰ Letter from Waigel to Kohl 10.11.1989, printed in *DESE* doc. 84; Kohl *Meine Erinnerungen* p. 97. О западногерманской ежегодной помощи экономике ГДР см. также: Christian Joppke *East German Dissidents and the Revolution of 1989: Social Movement in a Leninist Regime* Macmillan 1995 p. 82; Ian Jeffries *Socialist Economies and the Transition to the Market: A Guide* Routledge 2002 p. 313. О вопросах, касающихся экономического объединения, см. Gerlinde Sinn & Hans-Werner Sinn *Kalstart: Volkswirtschaftliche Aspekte der deutschen Vereinigung* DTV 1993. Craig R. Whitney ‘Bonn’s Politicians Appear Dismayed by Cost of Influx’ *NYT* 7.11.1989.

иммиграционного кризиса и нежелание западногерманских гражданских нести это финансовое бремя³⁹¹.

Во время обратного полета в Варшаву днем 11 ноября, чтобы продолжить свой польский визит, Коль должен был понимать, что, хотя он сам говорил с Горбачевым и с западными союзниками о «стабильности», но поддерживать дееспособность ГДР будет очень трудным делом. Конечно, у него не было никакого желания делать это в долгосрочной перспективе. «Стабильность», как он теперь начинал ее понимать, состояла в том, чтобы организовать мирный и согласованный переход к объединенному германскому государству – к тому проекту, который казался недостижимым еще два дня назад³⁹².

Как удалось перейти этот Рубикон, всего лишь через пять недель после масштабных празднований в честь сорокалетия Восточногерманского государства?

В реальности большой прием 7 октября был лишь роскошным фасадом, призванным скрыть огромные и растущие трещины в коммунистическом государстве. Пока Горбачев летел из Восточного Берлина в Москву, демонстрации шли по всему городу и по всей стране, и властям приходилось туго. Седьмого числа каждого месяца стало принято отмечать протестами против манипулирования майскими выборами. Тем не менее в то время как число бежавших из страны выросло с десятков до тысяч, число диссидентов, открыто выступавших против режима, оставалось сравнительно небольшим, особенно за пределами больших городов, таких как Дрезден, Лейпциг и Восточный Берлин. Протесты и демонстрации были вполне сдержанными и насчитывали не больше нескольких сотен человек. Формально оппозиционные группы появились лишь после открытия австро-венгерской границы: к началу октября к таким организациям, как «Новый форум», «Демократия сейчас», «Демократический прорыв», «Социал-демократическая партия ГДР», «Объединенные левые», принадлежало не больше 10 тыс. человек. И большинство этих групп было связано с «Новым форумом». Миллионы граждан ГДР оставались пассивными, и сотни тысяч были готовы защищать свое государство³⁹³.

Атмосфера тех дней была напряженной и неопределенной – все было наполнено слухами о том, что может произойти в самое ближайшее время. На самом верш Эрих Хонеккер рассматривал «китайский вариант» противодействия растущим протестам уже после юбилейной недели (6–9 октября)³⁹⁴, и прототипом действий по такому варианту стало поведение в Восточном Берлине босса Штази Эриха Мильке, когда он выскочил из своего бронированного лимузина вечером 7 октября, крича полицейским: «Заставьте этих свиней подчиниться»³⁹⁵. Тем вечером в районе Пренцлауэр-Берг возле Гефсиманской церкви полиция, одетые в гражданское агенты Штази и дружины добровольцев с собаками и водометами атаковали толпу из шести тысяч человек, скандировавших «Свобода!», «Нет насилию» и «Мы хотим стоять», и попавшихся под руку зевак, избивая мирных граждан, сотни были брошены в тюрьмы. Женщин и девушек раздевали донага; людям не разрешали ходить в туалет и предлагали отправ-

³⁹¹ Whitney 'Bonn's Politicians Appear Dismayed by Cost of Influx'.

³⁹² Cf. Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 100–101. Teltschik 329 *Page* p. 29.

³⁹³ Ilko-Sascha Kowalczyk *Endspiel: Die Revolution von 1989 in der DDR* Beck 2009 p. 387; Detlef Pollack 'Der Zusammenbruch der DDR als Verkettung getrennter Handlungs-linien' in Konrad H. Jarausch & Martin Sabrow (eds) *Weg in den Untergang: Der innere Zerfall der DDR* Vandenhoeck & Ruprecht 1999 pp. 43–44, 51.

³⁹⁴ Sm.: BStU MfS ZAIG 7314 Blatt 1–30 'Plan der Maßnahmen zur Gewährleistung der Sicherheit während des 40. Jahrestages der Gründung der Deutschen Demokratischen Republik – 6–8.10.1989' 27.9.1989; BStU MfS ZAIG 8680 Blatt 1 15–21 'Hinweise für Kollegiumssitzung 3.10.1989. Hinweise zur Aktion «Jubiläum 40»' 3.10.1989. See also Kowalczyk *Endspiel* pp. 389–391.

³⁹⁵ Dieter Krüger & Armin Wagner (eds) *Konspiration als Beruf: Deutsche Geheimdienstchefs im Kalten Krieg* Ch. Links 1999 p. 260; Sebestyen *Revolution* 1989 p. 335.

лять естественные надобности в трусы. Тем, кто спрашивал, куда нас отправят, отвечали: «На свалку».

Похожие сцены наблюдались и в других городах Восточной Германии, но в отличие от них, куда иностранных журналистов не пускали, фотографии из Восточного Берлина быстро разошлись по всему свету. И когда арестованных отпустили, и они стали общаться с прессой, все то, что они рассказали перед камерами о безжалостной жестокости полиции и издевательствах со стороны следователей Штази, звучало по-настоящему шокирующе и казалось невероятным. Это было именно так, потому что большинство этих людей были обычными гражданами, а некоторые даже членами СЕПГ, а не вооруженными протестантами или упертыми диссидентами³⁹⁶.

События подошли к своему пику в понедельник 9 октября в Лейпциге, который был эпицентром народных протестов в течение нескольких последних недель. Фактически демонстрации по понедельникам там стали постоянными с начала сентября, и на них собирались по несколько сотен людей – впрочем, число участников стало расти по экспоненте, начавшись с небольшого числа приходивших на вечернюю службу о мире в Николайкирхе в центре города и дойдя до массового митинга на одной из улиц городского внутреннего кольца. Вечером 25 сентября состоялась четвертая такая демонстрация, пришло 5 тыс. человек; через неделю их было уже 15 тыс., скандировавших «Демократия сейчас или никогда» и «Свобода, равенство, братство». В движении демонстранты теперь скандировали «Мы остаемся здесь», вместо того, чтобы кричать, как раньше «Мы хотим уехать», и требуя: «Эрих [Хонеккер], перестань смещать всех вокруг, позволь перестройке войти». С каждой неделей жители Лейпцига становились все более изобретательными в своих действиях и более яростными в своих требованиях³⁹⁷.

Ожидалось, что 9 октября протесты будут невиданной численности и, соответственно, со стороны властей ожидалось применение больших сил против демонстрантов. С такими мыслями группы оппозиции в Лейпциге и церкви распространяли призывы к осторожности и ненасилию. Всемирно известный дирижер Гевандхауз-оркестра Курт Мазур вместе с двумя другими знаменитостями города добился поддержки со стороны трех руководящих функционеров СЕПГ в городском правлении и выпустил публичный призыв к мирной акции: «Нам всем нужны свободный диалог и обмен мнениями о будущем развитии социализма в нашей стране». Более того, они доказывали, что диалог должен идти не только в Лейпциге, но и с правительством в Восточном Берлине. Так называемый «Призыв шести» зачитывали вслух, его передавали через громкоговорители по всему городу во время вечерней церковной службы³⁹⁸.

Хонеккер со своей стороны был намерен сделать Лейпциг прецедентом. Государственные СМИ все время вспоминали о событиях на площади Тяньаньмэнь и бесконечное число раз повторили выражение солидарности правительства с их товарищами в Пекине³⁹⁹. Когда Хонек-

³⁹⁶ Serge Schmemmann 'Police and Protestors Clash Amid East Berlin Festivity' NYT 8.10.1989 p. 18; *idem* 'Security Forces Storm Protesters in East Germany' NYT 9.10.1989; Stefan Wolle *Die heile Welt der Diktatur: Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989* Ch. Links 2013 pp. 320–322. Самая большая демонстрация по масштабам города с численностью населения в 76 тыс. человек 7 октября прошла в Плауене, где на улицы вышло 20 тыс., протестуя против режима; но западные СМИ не обратили внимания на события в этом маленьком провинциальном городке неподалеку от межгерманской границы и намного большего города КарлМаркс-Штадта. См.: Kowalczyk *Endspiel* pp. 396–399.

³⁹⁷ См.: 'Die Geduld ist zu Ende' *Der Spiegel* 41/1989 9.10.1989. Pollack 'Der Zusammenbruch' pp. 44, 52.

³⁹⁸ Serge Schmemmann 'East Germans Let Largest Protest Proceed in Peace' NYT 10.10.1989; 'Wir bitten Sie um Besonnenheit – Roland Wötzel über den Aufruf der Leipziger Sechs am 9. Oktober 1989 in der Messemetropole' 29 *Neues Deutschland* 8.10.2014. See also Sarotte *The Collapse* pp. 55–56, 69.

³⁹⁹ BStU MfS BdL/Dok 006921 Fernschreiben des SED-Generalsekretärs Honecker an die 1. Sekretäre der SED-Bezirksleitungen, von Mielke mit Begleitschreiben weitergeleitet an die Leiter der Stasi-Bezirksverwaltungen 8.10.1989. Tobias Hollitzer 'Der friedliche Verlauf des 9. Oktober in Leipzig – Kapitulation oder Reformbereitschaft?' in Günther Heydemann et al. (eds) *Revolution und Transformation in der DDR 1989/1990* Duncker & Hum-blott 1999 pp. 247–288 here p. 261; Sarotte *The Collapse* pp. 43–44. О страхе «китайского решения» в Лейпциге см. страницы дневника суперинтенданта д-ра Иоханнеса Рихтера, опубликованных в кн.: Tobias Hollitzer & Sven Sachsenbacher (eds) *Die friedliche Revolution in Leipzig* Leipziger Uni-Vlg 2012 p. 409.

кер встретился с Яо Илинем, китайским вице-премьером, утром 9 октября, оба они объявили, что есть «доказательства конкретных антисоциалистических акций со стороны врагов-империалистов, имеющих своей целью повернуть вспять социалистическое развитие. В этом отношении нужно учесть фундаментальный урок контрреволюционного восстания в Пекине и текущую ситуацию» в Восточной Германии. Сам Хонеккер выразился самым напыщенным образом: «Любая попытка империализма дестабилизировать социалистическое строительство или оклеветать его достижения сейчас и в будущем будет не более чем тщетным нападением Дон Кихота на ветряные мельницы»⁴⁰⁰.

По мере того как тем вечером 9 октября сгущались сумерки, памятью об ужасных картинах из Берлина, многие ожидали, что Лейпциг ждет «кровавая баня». Хонеккер освятил тезис, что восстания нужно давить в зародыше. И к этому были готовы 1500 солдат, 3 тыс. полицейских и 600 дружинников, поддерживаемые сотнями агентов Штази. «Либо мы их, либо они нас», – так наставляли полицейских их начальники. «Бейте их без всяких компромиссов», – приказывал министр внутренних дел. Солдатам раздали патроны и противогазы; агентов Штази Мильке инструктировал лично; дружинникам и полиции скомандовали быть наготове⁴⁰¹. Около 6 часов вечера после службы в Николайкирхе и соседних церквях толпа высыпала на улицы. К демонстрантам все время присоединялись новые люди, и огромная толпа из 70 тыс. человек стала медленно продвигаться в сторону кольцевой улицы Ринг⁴⁰².

И все-таки страшного противостояния удалось избежать. Местные партийные руководители не хотели действовать без детальных инструкций от руководства в Восточном Берлине. Армия и полиция не были готовы к встрече с такой большой толпой, в два раза превосходившей их ожидания... Кроме всего прочего, слово Хонеккера больше не было законом. В Восточном Берлине шла ожесточенная борьба за власть. Эгон Кренц, который был моложе Хонеккера на 25 лет, уже какое-то время готовил против него заговор. И несмотря на свой недавний «братский» визит в Пекин, он совершенно не был готов к тому, чтобы Хонеккер взвалил на него ношу претворения здесь решения проблемы, как на площади Тяньаньмэнь, потому что в таком случае его руки были бы огажены немецкой кровью, а престарелый вождь в этом случае мог обвинить его в насилии. Все это парализовало партию, разделившуюся на твердокаменных, колеблющихся и реформаторов. А поскольку тем вечером из Берлина ничего внятного не скомандовали, местный партийный руководитель совершил резкий разворот. Следуя «Обращению шести», он приказал своим людям действовать лишь в случае необходимости самообороны. Тем временем из Москвы в штаб-квартиру генерала Бориса Снеткова, главнокомандующего Группой советских войск в Германии в Вюнсдорфе возле Берлина, была прислана директива не вмешиваться события в Восточной Германии. Советские войска на немецкой земле должны были оставаться в своих гарнизонах.

Итак, «китайская карта» не сыграла. И не потому, что на самом верху СЕПГ было принято такое решение, идущее от изменений в самом сердце, а потому что не было никакого решения. Время ушло. Массы продолжали демонстрации. Не было насилия. Репрессивный аппарат, мобилизованный Мильке, не вступал в противостояние с бесстрашными «врагами государства» и анархическими «хулиганами», вместо них на улицах были дисциплинированные обычные граждане со свечами в руках, изъяснявшиеся на языке непротивления. Чего они

⁴⁰⁰ Хонеккер цит. по: Schmemann 'East Germans Let Largest Protest Proceed In Peace'; 'Chinesische Lehre und westliche Hetzballons' taz 11.10.1989.

⁴⁰¹ BStU MfS BdL/Dok 006921 Fernschreiben des SED-Generalsekretärs Honecker an die 1. Sekretäre der SED-Bezirksleitungen, von Mielke mit Begleitschreiben weitergeleitet an die Leiter der Stasi-Bezirksverwaltungen 8.10.1989; BStU MfS BdL/Dok 006920 Telegrafische Weisung Mielkes an die Leiter der Dienstseinheiten 8.10.1989. См. также: Hans-Hermann Hertle *Der Fall der Mauer: Die unbeabsichtigte Selbstauflösung des SED-Staates* Westdeutscher Verlag 1999 pp. 114–115; Rödder *Deutschland* p. 88; Sarotte *The Collapse* p. 52.

⁴⁰² Rödder *Deutschland* p. 88; Sarotte *The Collapse* pp. 43, 53–54; Hollitzer 'Der friedliche Verlauf' pp. 268–280.

хотели, так это признания со стороны правящей партии своего законного права на базовые свободы и политическую реформу: их лозунгом стало: «Мы – народ» (*Wir sind das Volk*)⁴⁰³.

Возникли новые факты. И появилась новая культура демонстраций – выплеснувшаяся из церквей на площади и улицы. Потеря режимом решимости тем вечером обернулась исчезновением атмосферы страха. И это изменило облик ГДР. Активисты правозащитники и массы протестующих начали сливаться друг с другом.

Это была огромная победа мирных демонстрантов и эпическое поражение режима. «Ситуация настолько плоха, как никогда раньше не было в СЕПГ (*‘Die Lage ist so beschissen, wie sie noch nie in der SED war’*)», – такой итог заседанию Политбюро 17 октября подвел один из его членов⁴⁰⁴. На следующий день Хонеккер подал в отставку – официально по состоянию здоровья – и новым руководителем партии стал Кренц⁴⁰⁵. Но это нисколько не улучшило общественного настроения: люди видели в передаче власти результат их собственного давления снизу, а не результат разных партийных махинаций и маневрирования, начавшихся с той поры, как Хонеккер серьезно заболел во время встречи представителей стран Варшавского пакта в Бухаресте в июле⁴⁰⁶.

18 октября Кренц пообещал Центральному комитету партии, что он начнет «поворот» (*Wende*). Он высказался за начало «диалога» с оппозицией при двух условиях: первое, «продолжение строительства социализма в ГДР... без сдачи наших общих достижений», и второе, сохранение Восточной Германии как «суверенного государства». В результате «поворот» Кренца обернулся не более чем риторической корректировкой стандартной партийной догмы. Похожим образом он осуществил и персональные перемены в руководстве, оказавшиеся косметическими. Короче говоря, в перспективе не просматривались никакого настоящего «обновления»: очевидно, что «поворот» (*Wende*) не означал «перелома» (*Umbruch*).

Членов СЕПГ, настроенных на реформы, разочаровал не только приход к власти Кренца; хуже оказалось то, что лично у него не было ключика к пониманию истинной природы общественного настроения. После своего избрания на пост генерального секретаря СЕПГ он обратился к лидерам протестантской церкви с вопросом: «Когда наконец прекратятся эти демонстрации?» Он тупо продолжил, что «нельзя же проводить на улице целые дни»⁴⁰⁷. Как же мало он понимал.

В любом случае Кренц как лидер не пользовался доверием. Ходили слухи, что у него есть проблемы со здоровьем и с алкоголем. И никто в партии не мог поверить, что «длиннозубый» Кренц, как его прозвали, на протяжении тридцати лет игравший роль серой лошадки в партии, вдруг станет «реформатором». Таким образом, его приход к власти вместо того, чтобы стабилизировать режим правления СЕПГ, на самом деле лишь усилил недовольство народа партией и ускорил эрозию ее монополии на власть. Более того, когда Кренц отказался от открытого применения силы, такая уступка вдохновила массы на требования еще более фундаментальных

⁴⁰³ Sarotte *The Collapse* pp. 69–77; Pollack ‘Der Zusammenbruch der DDR’ pp. 55–64; Rödger *Deutschland* pp. 81–82.

⁴⁰⁴ BArch/P E-1- 56321 Persönliche Aufzeichnungen Schürers über die Politbürositzung am 17. Oktober 1989, опубликовано в: Hertle *Der Fall der Mauer* doc. 4 p. 431.

⁴⁰⁵ SAPMO-BArch SED ZK J IV 2/2A/3247 Protokoll des Politbüros der SED vom 17.10.1989 (Auszug) опубликовано в: Gerd-Rüdiger Stephan (ed.) *Vorwärts immer, rückwärts nimmer! Interne Dokumente zum Zerfall von SED und DDR 1988/89* Dietz 1994 doc. 35 p. 166. Erklärung des Genossen Erich Honecker (Заявление об отставке Эриха Хонеккера) Berlin 18.10.1989 CVCE.EU.

⁴⁰⁶ Pollack ‘Der Zusammenbruch der DDR’ pp. 65–66. О болезни Хонеккера см.: Sarotte *The Collapse* pp. 26, 28.

⁴⁰⁷ Pollack ‘Der Zusammenbruch der DDR’ p. 59; SHStA Dresden SED 13218. Рукопись выступления Модрова во время дискуссии между Эрихом Хонеккером и первыми секретарями окружных комитетов (1. Bezirkssekretäre der SED) 12.10.1989 в Берлине, опубликована в: Stephan (ed.) *Interne Dokumente* doc. 33 pp. 157–161 and SAPMO-BArch TonY 1/TD 737. Речь Модрова перед Центральным комитетом 18.10.1989, опубликована в: Hertle & Stephan (eds) *Das Ende der SED* doc. 9 p. 124; Rödger *Deutschland* pp. 93–94.

перемен. Теперь они почувствовали, что толкают открытую дверь: «власть улицы» потрясла «твердыню власти»⁴⁰⁸.

После того как 18 октября Хонеккер был смещен, антиправительственные протесты – в форме молений за мир, массовых демонстраций и публичных дискуссий – распространились по всей стране. Разнообразные критические течения сливались в одну приливную волну. Давние церковные диссиденты, писатели и альтернативные леваки-интеллектуалы; критики СЕПГ внутри самой партии и просто массы людей выплеснулись на улицы: все они смешались в том, что можно назвать независимой общественной сферой. В унисон они говорили о народном суверенитете. Недовольство стало открытым. Давнее заклание молчания было снято.

23 октября в Лейпциге в понедельничной демонстрации по Рингу приняли участие 300 тыс. человек. Ожидалось, что в Шверине на Балтийском побережье в поддержку режима выйдут «благонадежные силы», но все кончилось тем, что эти силы присоединились к параллельной демонстрации «Нового форума». На следующий день демонстрации вернулись в Восточный Берлин, где на площадях было тихо после жестокого разгона 7 и 8 октября. Всего за последнюю неделю месяца в ГДР прошло 145 антиправительственных выступлений. А в первую неделю ноября – 210. Но росло не только число протестов, требования протестующих тоже становились все более разнообразными и более четкими:

«Руководящая роль народу», 16 октября.

«Эгон, проводи реформы или ты будешь следующим», 23 октября.

«Без визы на Гавайи!», 23 октября.

«Демократия вместо монополии на власть СЕПГ», 30 октября.

Руководство СЕПГ, наоборот, словно потеряло дар речи. Испытывая растущую неспособность противопоставить этим лозунгам какие-нибудь аргументы, Политбюро при Кренце пряталось за традиционную ортодоксию⁴⁰⁹. Партия совершенно не была готова расстаться со своей конституционно закрепленной «руководящей ролью» (*Führungsanspruch*), что было принципиальным требованием всех, кто желал либерализации и демократизации⁴¹⁰. Положение усугубляло и то, что, пытаясь найти способы восстановить свой авторитет, режим демонстрировал собственное замешательство и беспомощность перед лицом ухудшавшейся в ГДР экономической ситуации. Дискуссии в Политбюро шли вокруг вопросов, как обеспечить потребителей большим числом покрывал, детей – куртками-анораками, мебелью, более дешевыми аудиоплеерами и как наладить массовое производство ПК и чипов на один Mb, а вовсе не о структурных переменах в экономике⁴¹¹.

И только 31 октября жестокая правда, наконец, прозвучала на Политбюро в официальном докладе Герхарда Шюрера, главы Плановой комиссии. Производительность труда в ГДР была на 40% ниже, чем в ФРГ. Плановая экономика с этим справиться не могла. ГДР была близка к национальной неплатежеспособности. Задолженность перед Западом выросла с 2 млрд валютных марок в 1970 г. до 49 млрд в 1989-м⁴¹². Если перестать увеличивать задолженность, то из-за необходимости обслуживать внешний долг неизбежно уровень жизни восточных немцев упадет на 25–30%. А любая задержка в графике погашения долгов приведет к ультиматив-

⁴⁰⁸ Telex von Bertele an Chef BK 22.9.1989, опубликован в: *DESE* doc. 45 pp. 413–416 esp. p. 414; Gerhard Wettig 'Niedergang, Krise und Zusammenbruch der DDR – Ursachen und Vorgänge' in Eberhard Kuhrt et al. (eds) *Die SED-Herrschaft und ihr Zusammenbruch* Leske & Budrich 1996 p. 418; Pollack 'Der Zusammenbruch der DDR' pp. 65–67. См. также: Niall Ferguson *The Square and the Tower: Networks, Hierarchies and the Struggle for Global Power* Allen Lane 2017.

⁴⁰⁹ Pollack 'Der Zusammenbruch der DDR' pp. 66–68; Rödder *Deutschland* pp. 98–102; Wolle *Die heile Welt der Diktatur* pp. 440–441.

⁴¹⁰ См.: Serge Schmemann 'East Germany's Cabinet Resigns, Bowing to Protest and Mass Flight' *NYT* 8.11.1989.

⁴¹¹ Rödder *Deutschland* p. 95.

⁴¹² Валютная марка была денежной единицей ГДР, использовавшейся исключительно в экономических отношениях ГДР с несоциалистическими экономиками.

ным требованиям со стороны МВФ по введению рыночной экономики на условиях жесткой экономии. Для СЕПГ это было идеологически неприемлемо. В мае Кренц провозгласил, что экономическая и социальная политика неразделимы и должны быть продолжены в том виде, как они существуют, потому что в этом сама сущность социализма в ГДР. Режим оказался в замкнутом круге: социализм зависел от плана, а выживание плановой экономики требовало внешних кредитов таких масштабов, что теперь делало Восточную Германию полностью зависимой от капиталистического Запада, особенно от ФРГ⁴¹³.

Сразу после этого судьбоносного заседания Политбюро Кренц полетел в Москву с первым визитом в Кремль в роли Генерального секретаря. 1 ноября он сообщил о внутренних экономических проблемах самому Горбачеву. Он не встретил у него сочувствия. Горбачев холодно сообщил Кренцу, что в СССР было давно известно о трудностях Восточного Берлина; и именно поэтому он так убеждал Хонеккера в необходимости реформ. При этом, услышав от Кренца точные цифры – ГДР нужен был кредит в 4,5 млрд долл. только для выплаты процентов по займам, – советский лидер на какое-то время потерял дар речи – редкий случай. Кремль не мог помочь, и единственное, что Горбачев посоветовал сделать Кренцу, так это сказать людям правду. Для страны, которая с начала 1989 г. уже лишилась 240 тыс. сбежавших граждан, такая перспектива не выглядела удачной⁴¹⁴.

После встречи Кренц попытался сохранить лицо в семидесятиминутной встрече с иностранными журналистами, представ перед ними в качестве «близкого друга» Горбачева и совсем не сторонника жесткого курса. Но прессу убедить в этом не удалось. Когда Кренц говорил о политике, он звучал как Хонеккер, как его политический наставник, и при этом он совершенно отказывался обсуждать воссоединение с Западной Германией и снятие Берлинской стены. «Эти вопросы не являются актуальными, – настаивал Кренц. – Тут нечего воссоединять, потому что социализма и капитализма вместе на немецкой земле не существовало». Кренц позитивно высказался о массовых протестах. «Многие люди вышли на улицы, чтобы показать, что они хотят, чтобы социализм стал лучше и общество обновлялось, – сказал он. – Это хороший признак, указание на то, что мы находимся на повороте». Он добавил, что СЕПГ будет серьезно рассматривать требования протестующих. Первые шаги будут сделаны на партийной встрече на следующей неделе⁴¹⁵.

По правде говоря, СЕПГ приперли к стенке. Растерявшись, она решила пойти навстречу протестантам в вопросе о снятии ограничений на путешествия – создать видимость свободы. Так 1 ноября ГДР открыла границу с Чехословакией. Результат этого шага стал сюрпризом только для Политбюро. Люди снова проголосовали ногами: еще 8 тыс. человек покинули Родину в первый же день. 3 ноября Милош Якеш, лидер чешских коммунистов, заручившись согласием Кренца, формально открыл чехословацкую границу с ФРГ, предоставив тем самым восточным немцам легальный транзит на Запад. Но вместо того, чтобы приостановиться, поток лишь продолжил расти: 23 тыс. восточных немцев прибыло в ФРГ во время уикенда 4–5 ноября, и к 8 ноября общее число эмигрантов достигло 50 тыс⁴¹⁶.

⁴¹³ SAPMO-BArch DY 30/5195 Gerhard Schürer, Gerhard Beil, Alexander Schalck, Ernst Höfner und Arno Donda: 'Vorlage für das Politbüro des ZK der SED – Analyse der ökonomischen Lage der DDR mit Schlusfolgerungen, 30.10.1989; Hertle *Der Fall der Mauer* docs 7–8 pp. 448–460 and p. 461; и о заявлениях Кренца в мае 1989 г. см. в: Rödder *Deutschland* p. 73. См. также: Gerhard Hesse 'Die gesamtwirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland 1970 bis 2000 – Neue Ergebnisse einer volkswirtschaftlichen Gesamtrechnung' *Historical Social Research* (2005) p. 238; 'Die Entwicklung der Staatsverschuldung seit der deutschen Wiedervereinigung' *Deutsche Bundesbank Monatsbericht* (March 1997).

⁴¹⁴ SAPMO-BArch, ZPA-SED, J IV 2/2A.3255, Запись переговоров Горбачев–Кренц 1.11.1989 в Москве, опубликована: Hertle *Der Fall der Mauer* doc. 9 pp. 462–482.

⁴¹⁵ Bill Keller 'New East German Chief Hints at Election Changes' *NYT* 2.11.1989.

⁴¹⁶ Drahtbericht, Hiller (Prag) an AA 4.11.1989, опубликовано в *DE* doc. 18 esp. fns1, 2, 6. Telegramm des tschechoslowakischen DDR-Botschafters über die Grenzschieftung 3.10.1989; Beschluss des Politbüros der SED zum visafreien Verkehr 24.10.1989, оба документа опубликованы в Karel Vodicka *Die Prager Botschaftsflüchtlinge 1989* V&R Unipress 2014 docs 38, 55 pp. 380, 407–408. Другие телеграммы, относящиеся к пражскому кризису с беженцами, см.: docs 57–67 pp. 414–428; John

Вернувшись домой, Кренц обратился к восточным немцам по телевидению. Тем, кто думал об эмиграции, он сказал: «Доверьтесь нашей политике обновления. Ваше место здесь. Вы нам нужны»⁴¹⁷. Последнее предложение было сущей правдой: массовый исход той осенью привел к серьезной нехватке рабочей силы в экономике, особенно в системе здравоохранения. Больницы и клиники сообщали о том, что потеряли до 30% штата, потому что врачи и медсестры поддались искушению свободы, более высокой заработной платы и лучшей оснащенности их труда на Западе⁴¹⁸.

На этой стадии уже мало кто слушал лидера СЕПГ. 4 ноября полмиллиона вышли на «митинг за перемены» в Восточном Берлине, организованный Союзом актеров. Впервые с дней празднования сорокалетия полиция в столице ни во что не вмешивалась. Митинг, в котором приняли участие партийные деятели, актеры, лидеры оппозиции, священники, писатели и разные знаменитости, впервые освещали СМИ ГДР. Представителей правительства освистывали, выкрикивая: «Кренц, Сяопин, спасибо, нет». Другим, таким как писатель Криста Вольф, доставались приветствия, когда она заявила, что ей не нравится партийный язык «изменения курса». Она сказала, что предпочитает говорить о «революции снизу» и «революционном обновлении».

Вольф была одним из тысяч активистов оппозиции, кто надеялся на лучшую, подлинно демократическую и независимую ГДР. Вполне определенно она не идеализировала ФРГ. Они не хотели, чтобы их страна была поглощена доминирующей, бо́льшей западной половиной Германии – задешево продана капитализму. Люди вроде Вольф или Бёрбель Боле, художницы и одной из основателей «Нового форума», были связаны с ГДР, невзирая на все ее недостатки; убежать из ГДР, с их точки зрения, было слишком легким решением. Они хотели пожинать плоды своих тяжких трудов как диссидентов. Они были идеалистами, приверженными демократическому социализму, и в осени 1989 г. увидели шанс превратить свои мечты в реальность.

Но у Ингрид Штамер, вице-бургомистра Западного Берлина, было иное видение. Видя, как граждане ГДР теперь потоком свободно перемещаются из своей страны через территории стран-соседей по Варшавскому пакту, она понимала, что Стена очень скоро уйдет в историю: «Она просто стала лишней»⁴¹⁹.

В понедельник 6 ноября около миллиона человек в восьми городах ГДР – около 400 тыс. в Лейпциге и 300 тыс. в Дрездене вышли на улицы с требованием свободных выборов и свободного передвижения. Они объявили совершенно недостаточным недавнее смягчение закона о передвижении, опубликованного тем утром в государственной ежедневной газете «Нойес Дойчланд», потому что в нем ограничивалась поездка за рубеж 30 днями. И вставал новый вопрос: а сколько валюты восточным немцам разрешать поменять дома? Восточная марка не была полностью конвертируемой, и к тому моменту можно было лишь раз в году обменять 15 восточных марок на дойчмарку – около 8 долл. по официальному обменному курсу, – чего с трудом хватало лишь на то, чтобы однажды поесть⁴²⁰.

Давление было настолько сильным, что ЦК СЕПГ собрался 8 ноября на трехдневное заседание. Прямо с самого начала все старое Политбюро ушло в отставку, и вновь избранное, численно сократившись с 21 члена до 11, приступило к тому, чтобы показать готовность к переменам. При этом шесть старых членов сохранили свои места и были избраны пятеро новых.

Tagliabue 'Travel Ban Lifted and East Germans Swarm to Prague' *NYT* 2.11.1989; *idem* 'More East Germans Seek Passage through Prague' *NYT* 3.11.1989.

⁴¹⁷ Serge Schmemann 'East Germans' New Leader Vows Far-Reaching Reform and Urges End to Flight' *NYT* 4.11.1989; *idem* 'East Germany Opens Frontier to the West for Migration or Travel; Thousands Cross' *NYT* 10.11.1989.

⁴¹⁸ *Idem* 'East Germany's Cabinet Resigns, Bowing to Protest and Mass Flight' *NYT* 8.11.1989

⁴¹⁹ *Idem* '500,000 in East Berlin Rally for Change; Emigres Are Given Passage to West' *NYT* 5.11.1989.

⁴²⁰ *Idem* '10,000 More Flee as East Germany Vows Easy Travel' *NYT* 6.11.1989; *idem* 'East Germany's Cabinet Resigns, Bowing to Protest and Mass Flight' *NYT* 8.11.1989; *idem* 'East Germany Opens Frontier to the West For Migration or Travel'. См. также Peter Brinkmann *Zeuge vor Ort: Correspondent in der DDR '89/90* Edition Ost 2014 pp. 8–9.

Трое из тех, кого предпочитал Кренц, не были избраны, и партия поручила возглавить правительство Хансу Модрову, главе организации СЕПГ в Дрездене – настоящему реформатору. В результате партийная элита снова оказалась разделенной. И более того, за пределами здания ЦК партии пять тыс. членов СЕПГ открыто митинговали против своих руководителей⁴²¹.

На следующий день, 9 ноября борьба в партии велась по вопросу о том, каким должен быть ответ на уличные требования. В конце дня ЦК вернулся к проблемным правилам передвижения. Было подготовлено короткое заявление о новом свободном порядке выезда граждан ГДР за рубеж и передано Гюнтеру Шабовски, назначенному тем утром секретарем ЦК СЕПГ по вопросам информации. В 6 часов вечера Шабовски встретился с иностранными журналистами, и эта встреча транслировалась в прямом эфире телевидения ГДР⁴²².

Это была долгая и скучная встреча. Ближе к концу ее одна журналистка спросила Шабовски об изменениях в законе о выезде. Он довольно бессвязно пересказал содержание заявления, но затем, оказавшись под давлением журналистов, торопливо зачитал несколько отрывков из заявления для прессы, которые ему передали ранее. Опасаясь дополнительных вопросов, он опустил части текста, касавшиеся оснований для отказа в заявке как на частную поездку, так и на постоянный выезд. Прочитанные им выдержки, тем не менее, только добавили сумятицы. Действительно ли Центральный Комитет радикально поменял курс? А теперь Шабовски в паническом тоне заговорил о решении разрешить гражданам эмигрировать на постоянной основе. Зал для прессы охватило беспокойство. Журналисты вцепились в тему.

А что об отпусках? А короткие поездки на Запад? Визиты в Западный Берлин? А где будут погранпереходы? Когда вступают в силу новые правила? Совершенно растерявшийся Шабовски на это пробормотал: «Насколько я знаю... немедленно, прямо сейчас». Поскольку прессе не дали никакого формального письменного текста заявления, недоверчивые журналисты ловили каждое слово Шабовски, выжимая из его ответов все, что только можно⁴²³.

Наконец кто-то задал фатальный вопрос: «Господин Шабовски, что произойдет с Берлинской стеной?»

Шабовски: Мне напомнили, что сейчас уже семь часов вечера. Это должен быть последний вопрос. Спасибо за понимание.

Да... Так что произойдет с Берлинской стеной? Вам сообщили информацию в связи с поездками. Да... вопрос поездок, да... возможность пересечь Стену с нашей стороны... пока ответа на это нет, и исключительно вопрос в том смысле... что, и если я его поставлю так, то укрепленная государственная граница ГДР... да... мы всегда говорили, что следует учитывать несколько других факторов. И они имеют отношение к комплексу вопросов, который товарищ Кренц в своей речи, обращенной к отношениям между ГДР и ФРГ, а также в свете, да... необходимости продолжения процесса обеспечения мира с новыми инициативами.

И, да... определенно на дебаты по этим вопросам, да, положительно повлияет, если ФРГ и НАТО также согласятся и предпримут меры по разоружению таким же образом, что и ГДР и другие социалистические страны. Спасибо большое.

⁴²¹ Kowalczyk *Endspiel* p. 454; Rödder *Deutschland* p. 106; Serge Schmemmann 'Bonn Ties More Aid for East Germany to Free Elections; Politburo Ranks are Shaken up by New Leader' *NYT* 9.11.1989.

⁴²² Hertle *Der Fall der Mauer* pp. 163–176; Sarotte *The Collapse* pp. 93–119; Rödder *Deutschland* pp. 106–108.

⁴²³ Günter Schabowski's Press Conference in the GDR International Press Centre 6.53–7.01 p.m. 9.11.1989 DAWC. Другие версии этой записи см. также в: Hertle *Der Fall der Mauer* pp. 168–172; Brinkmann *Zeuge vor Ort* pp. 23–25; Albrecht Hinze 'Versehentliche Zündung mit verzögerter Sprengkraft' *SZ* 9.11.1989 p. 17.

Пресса могла делать что хотела с этой его невнятицей. В секунды пресс-зал опустел. Новости понеслись по проводам, и вскоре через телевидение и радио достигли квартир и улиц Берлина. «Прямо сейчас можно пройти через любой пункт пропуска ГДР», – сообщило агентство Рейтер в 19:02. «ГДР открывает границы», – тремя минутами позже вторило Ассошиэйтед пресс. В восемь вечера программа вечерних новостей западногерманского телевидения «Тагесшау», которую могли видеть миллионы восточных немцев, передала это же сообщение. Правильные по существу, эти заголовки, конечно, в своих формулировках были резче, громче и широковещательнее, чем в малотиражном восточногерманском издании «Райзерегелунг» (Правила поездок), равно как и на практике⁴²⁴.

Но в тот сырой и очень холодный ноябрьский вечер реальность наступила – и была мстительной.

В течение нескольких следующих часов тысячи восточных немцев собрались на многих пропускных пунктах у Стены, особенно в центре города, чтобы проверить, смогут ли они и вправду пройти за Стену. Их не могли отговорить ни восточногерманское телевидение, ни полиция, призывавшая их прийти завтра утром к восьми, когда бюрократия успеет сработать. Вместо этого они принялись кричать: «Откройте ворота!» (Tor auf!). На Борнхольмер-штрассе несли службу около 60 вооруженных пограничников под командой подполковника Харальда Ягера, служившего здесь с 1964 г. Пограничники сидели в своих будках у пропускного пункта, перед которыми скопилась огромная толпа, и они не получали никаких инструкций от руководства. Центральный Комитет, высшие военные руководители, участвовавшие в бесконечных заседаниях, оставались для них в недосягаемости. И люди на передовой должны были принимать решения самостоятельно. Около 9 часов вечера они стали пропускать людей: вначале это была струйка, пропускали одного за другим, методично делая отметки в паспорте, – полагали, что уходящие не вернуться. Затем около половины одиннадцатого пограничники подняли шлагбаумы в обоих направлениях и перестали проверять удостоверения. Это выглядело так, словно были подняты ворота плотины. Люди потоком двинулись в Западный Берлин. При этом не присутствовал никто из политиков, ни с Восточной, ни с Западной стороны, как, впрочем, не было ни одного представителя от четырех держав-оккупантов. Там находилось лишь несколько сбитых с толку восточных немцев в форме, да и те от волнения не могли сдержать слез, понимая, что присутствуют при историческом моменте⁴²⁵.

К полуночи, после того как граница была заперта на протяжении двадцати восьми лет, все переходы в Берлине были открыты; аналогично, по мере того как новости получали распространение, открывались все пункты перехода вдоль всей границы между двумя Германиями. Ни силы безопасности ГДР, ни части Советской армии не сделали ничего, чтобы это предотвратить. Не раздалось ни одного выстрела, и ни один советский солдат не покинул своей казармы. Теперь тысячи восточных немцев всех возрастов и разных занятий шли пешком, ехали на велосипедах и на машинах в западную часть города – в его запретную часть, на которую раньше можно было лишь смотреть издалека. У знаменитого пункта Чекпойнт Чарли, где танки союзников и СССР встали друг напротив друга в августе 1961 г., пока возводилась Берлинская стена, торжествующую толпу посетителей приветствовали машущие флагами западные немцы, забрасывая их цветами и предлагая выпить шампанское.

«Я не знаю, что мы будем делать, может, просто поездим и посмотрим, что происходит, – говорил один тридцатичетырехлетний берлинец с Востока, сидя за рулем своего оранжевого

⁴²⁴ Reuters 9.11.1989 7.02 Uhr: Ausreisewillige DDR-Bürger können ab sofort über alle Grenzübergänge der DDR in die Bundesrepublik ausreisen; AP 9.11.1989 7.05 p.m.; ARD Tagesschau 8.00 p.m. 9.11.1989 youtube.com/watch?v=llE7tCeNbro. Cf. Brinkmann *Zeuge vor Ort* pp. 19–27; Hertle *Der Fall der Mauer* pp. 172–174.

⁴²⁵ Hertle *Der Fall der Mauer* pp. 180–187, 380–389; Gerhard Haase-Hindenberg *Der Mann, der die Mauer öffnete: Warum Oberstleutnant Harald Jäger den Befehl verweigerte und damit Weltgeschichte schrieb* Heyne 2007 pp. 194–201. См. также Sarotte 1989 pp. 41–42; *idem*, *The Collapse* pp. 127–150.

“Трабанта”, тихонько проплывавшего по сверкающей Курфюрстендамм. – Мы здесь впервые. Через несколько часов я вернусь домой. Моя жена и дети ждут меня дома. Но я не хочу пропустить такой момент»⁴²⁶.

У Бранденбургских ворот, у самой знаменитой приметы разделения города, сотни людей скандировали на западной стороне: «Стена должна уйти!» Некоторые забирались на верхушку стены и танцевали там; другие перелезали через нее и направлялись прямо через историческую арку, которая так долго была недоступна берлинцам с обеих сторон. Это были действительно невероятные картины, запечатленные съемочными группами американского телевидения и показанные в новостях в прайм-тайм⁴²⁷.

Всю эту ночь и в следующие несколько дней восточные берлинцы продолжали мощным потоком двигаться в Западный Берлин: за три дня их было трех миллионов, и большинство из них вернулись домой.

Они увидели обетованную землю, и их обирали за возможность почувствовать ее прелесть. На Востоке у банков и туристических агентств не было значительных резервов иностранной валюты (дойчмарок), чтобы поменять каждому едущему туда даже разрешенный максимум в 15 марок ГДР, и на Западе выстраивались длинные очереди из восточных берлинцев у офисов западноберлинских банков, чтобы получить по 100 дойчмарок – около 55 долл., которые правительство ФРГ выделяло каждому восточному немцу, впервые приезжавшему на Запад («Приветственные деньги»). Они спускали их, эти свободные дойчмарки, в сияющей эйфории общества потребления и наполняли пластиковые пакеты замечательными товарами – часто это были просто бананы, апельсины и детские игрушки – и несли их обратно серыми улицами социалистической утопии⁴²⁸.

Именно в эти дни все разговоры о революции и обновлении в ГДР как заслуживающем доверия политическом проекте полностью испарились. Конечно, не для интеллектуалов из оппозиции – таких альтернативных левых идеалистов и искренних реформаторов-социалистов, как Боле или Вольф, и даже не для нового эшелона более молодых функционеров из СЕПГ. Они отвергали всякие разговоры об объединении как реакционный патриотизм типа нацистского «Домой в Рейх» (*Heim ins Reich*), высмеивали капиталистическую культуру как материалистический мусор и клеймили потребление и путешествия за рубеж как новый опиум для масс⁴²⁹. Но большинство этих «масс» не обращали на них внимания. Для них идея реформирования ГДР или поиска «третьего пути»⁴³⁰ между государственным социализмом по версии СЕПГ и западным капитализмом была мертва. Вот это и стало подлинной революцией: народ отверг старый режим и не поддерживал никакого утверждения нового социал-демократического видения общества. Зачем оставаться в разбитом коммунистическом государстве, когда вы можете начать новую жизнь среди храмов капитализма? Или даже требовать слияния Восточной Германии с Западом?

Как получилось, что опыт ГДР оказался настолько отличным от опыта Польши и Венгрии? Частично потому, что в ГДР переход от коммунизма начался намного позже и развивался намного быстрее. Польша и Венгрия по-настоящему вступили на путь политической трансформации летом 1988 г.; в ГДР первые сполохи протеста появились лишь в мае 1989-го,

⁴²⁶ Hertle *Der Fall der Mauer* pp. 188–192; Ferdinand Protzman ‘East Berliners Explore Land Long Forbidden’ *NYT* 10.11.1989.

⁴²⁷ Protzman ‘East Berliners Explore Land Long Forbidden’ *NYT* 10.11.1989.

⁴²⁸ Serge Schmemann ‘Joyous East Germans Pour Through Wall; Party Pledges Freedoms, And City Exults’ *NYT* 11.11.1989; ‘Einmal Ku’damm und zurück’ *Der Morgen* 11–12.11.1989; ‘DDR Reisebüro beklagt Man-gel an Devisen’ *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)* 10.11.1989; ‘Eine friedliche Revolution’ *Der Spiegel* 46/1989 13.11.1989. Cp. Garton Ash *The Magic Lantern* p. 62.

⁴²⁹ Hannes Bahrmann & Christoph Links. *Wir sind das Volk: Die DDR im Aufbruch – Eine Chronik* Aufbau 1990 p. 99; ‘Hurra – wir kaufen die DDR’ *taz* 24.11.1989.

⁴³⁰ См.: Christof Geisel *Auf der Suche nach einem dritten Weg: Das politische Selbstverständnis der DDR-Opposition in den 80er Jahren* Ch. Links 2005 pp. 107–124; Karsten Timmer *Vom Aufbruch zu Umbruch: Die Bürgerbewegung in der DDR 1989* Vandenhoeck & Ruprecht 2000 p. 341.

а уличные демонстрации начались в сентябре 1989 г. Частично также потому, что экономики Польши и Венгрии были в намного худшем положении, чем восточногерманская, и поэтому их извилистый путь от командной экономики к рыночной привлекал намного меньшее внимание, чем путь ГДР. На самом деле политико-экономический переход приводил к намного большим нехваткам и трудностям, чем люди готовы были выносить. Но это произошло и потому, что восточногерманское партийное государство не смогло, несмотря на сорок лет усердных стараний, вырастить чувство патриотизма ГДР. В Венгрии и Польше перемены были укоренены в национальном единстве; не так было в ГДР, где единство было *обще*германским, а не *восточно*германским.

Режим в ГДР также был намного более твердокаменным и более неспособным к реконструированию. Лишь в Восточном Берлине всерьез рассматривали применение «Китайского решения», и совсем не потому, что события на Тяньаньмэнь произошли после того как польские и венгерские реформы двинулись полным ходом. Хонеккер был заперт в своем прошлом, абсолютно предан своему государству и собственной версии реального социализма. И хотя ГДР была, быть может, самой технологически продвинутой страной Восточного блока, она в то же время больше, чем ее соседи, зависела от СССР вследствие численности расположенных на ее территории советских войск и потому что ГДР была искусственным государством, созданным Москвой и ею поддерживаемым. Брежнев сказал об этом в 1970 г. Хонеккеру: «Эрих, я тебе честно говорю, и никогда не забывай этого: ГДР без нас существовать не может, без Советского Союза, его мощи и силы. Без нас нет и ГДР». Проблема Хонеккера в 1989 г. состояла в том, что Горбачев определенно не был Брежневым. Он хотел провести радикальные реформы и, более того, открыто отказался от применения силы. Для Хонеккера это означало конец его правления, да и самой СЕПГ тоже.

Из такого различия между Восточным Берлином и Кремлем происходил внутренний политический паралич. В Лейпциге 9 октября никакого подавления протестов в китайском стиле не было, «зараза» Тяньаньмэнь в Европу не попала. Это указывало на фундаментальное различие между азиатским и европейским транзитами после холодной войны – это было различие между использованием репрессий и достижением консенсуса в отношении ненасилия. Паралич политики ГДР не завершился после смещения Хонеккера, потому что Кренц не допускал какого-либо покушения на монополию на власть СЕПГ до самого «падения Стены».

Фактически реформы в Польше и Венгрии очень слабо повлияли на развитие событий в ГДР. То, что имело значение со стороны Венгрии, так это был выход, а совсем не пример. Именно открытие венгеро-австрийской границы и последовавший за этим исход восточных немцев оказался настоящим катализатором перемен внутри ГДР. Это влияние еще более усилилось с открытием Чехословакией границы с Западной Германией и, в конечном счете, с крушением внутренней германской границы тоже. Как только массы восточных немцев пришли в движение, в умах вновь возник «германский вопрос». Вот почему момент политической схожести с Польшей и Венгрией был так короток – что-то около трех недель перед падением Стены, а далее наступательная политика Коля подорвала надежды «Нового форума» и его союзников реформировать социализм. Это также сделало бессмысленными усилия Ханса Модрова, которого многие в ГДР приветствовали как «немецкого Горбачева», сформировать новое и стабильное правительство и начать переговорный процесс с оппозицией за круглым столом по польскому образцу. Прежде чем переговоры за круглым столом начались, произошла дезинтеграция СЕПГ на всех уровнях, не считая коррупционных скандалов и череды отставок, в результате в начале декабря партия была переименована в ПДС (Партия демократического социализма), а указание на монополию партии на власть было убрано из Конституции. Короткая эра Кренца ушла в историю.

Точно так же «Новый форум» и другие оппозиционные группы вроде «Демократического прорыва» (Demokratischer Aufbruch) оказались подорванными «пост-Стенным» разделением

между политическими активистами и общей массой граждан ГДР. Даже когда мечта оппозиции превратить ГДР в демократическую и преобразованную социалистическую страну казалось совсем близкой – на расстоянии вытянутой руки, – как писал комментатор Тимоти Гэртон Эш, поменяв местами буквы Г и Д в названии страны, – она все равно была мертворожденной. Переговоры за круглым столом были намечены на 7 декабря, но за предшествовавшие им четыре недели еще 130 тыс. человек эмигрировали в ФРГ. В Лейпциге понедельничные демонстрации проходили под лозунгом «Германия – единое отечество», который впервые раздался 13 ноября; а неделей позже лозунг «Мы – народ» (*Wir sind das Volk*) трансформировался в «Мы – один народ» (*Wir sind ein Volk*). В ГДР открытие страны Западу и перспективы объединения создавали главное отличие от Венгрии и Польши. Венграм и полякам приходилось выдумывать альтернативное будущее для самих себя; восточным немцам достаточно было взглянуть на уже существующую реальную альтернативу у своего порога: процветающее, функционирующее западногерманское государство, управляемое соотечественниками. И они так и сделали. Как заметил Гэртон Эш, это было и шансом, и трагедией Восточной Германии одновременно, потому что «границы социального самоопределения и национального самоопределения – не одно и то же»⁴³¹.

Имело важное значение и то, что национальная история Германии имела обширные последствия. Когда сегодня мы говорим о падении Стены, в нашем сознании возникают образы Бранденбургских ворот и людей, танцующих на Стене. Но фактом является то, что Ворота находились на ничейной земле: они не были пунктом перехода через границу и после той исключительной ночи 9 ноября оставались закрытыми еще шесть недель. И только 22 декабря Стена открылась через Ворота. Это – напоминание о том, что СМИ иногда бывают и катализатором, и формирующей силой, и множителем событий. Всего за одни сутки заголовки перешли от «ГДР открывает свои границы с Федеральной Республикой» (10 ноября) к «Стена и колючая проволока больше не разделяют» (11 ноября). Один локальный момент, при том произошедший, возможно, случайно, был быстро превращен в событие универсального значения. Но, как опыт обретения свободы через преодоление физического разделения, конец Стены имел значение и резонанс, быстро распространившийся далеко за пределы Берлина.

В самом процессе внимание быстро сместилось с политиков (особенно это касалось Шабовски и его провальной пресс-конференции), привыкших делать историю методом проб и ошибок, на рассказ о простых людях, совершающих революционные изменения. И еще, даже говоря еще более абстрактно, по мере того как политики ГДР и западные журналисты, на самом деле вершившие события той ночью, были вычеркнуты из истории, «падение Стены» стало волшебным и чрезвычайно символическим моментом истории. Танцующие на Стене у Бранденбургских ворот стали настоящим символом свободы для 1989 г. точно так же, как на другом краю политического спектра стал символом репрессий человек, вставший перед танками на площади Тяньаньмэнь⁴³².

Падение Стены определенно не стало моментом триумфа Коля. И он следующие три недели сражался, чтобы это случилось. Потом он все-таки захватил инициативу и отомстил.

Большая часть ноября ушла на то, чтобы отвечать на требования других, а не на то, чтобы заниматься собственной повесткой дня. 9 ноября, той памятной для Германии ночью,

⁴³¹ Hans-Hermann Hertle *Die Berliner Mauer: Biografie eines Bauwerkes* Ch. Links 2015 p. 102; Garton Ash *The Magic Lantern* pp. 69, 74.

⁴³² 'Die DDR öffnet ihre Grenzen zum Westen' *Tagesspiegel* 10.11.1989; 'Mauer und Stacheldraht trennen nicht mehr' *FAZ* 11.11.1989. О том, как ТВ искажает реальность, см.: Sarotte 1989 pp. 38–39, 41, 44, 46. См. также: Julia Sonnevend *Stories Without Borders: The Berlin Wall and the Making of a Global Iconic Event* Oxford UP 2016 pp. 89–90.

его вообще не было в стране. Когда Коль в конце концов вырвался из Польши и на следующий день прибыл в Берлин, он был освистан толпой. Вскоре ему пришлось поспешить обратно в Варшаву, чтобы возобновить прерванный визит. Но поляков умиротворить было труднее, потому что речь уже не шла о том, чтобы похоронить прошлое, а о том, чтобы снять опасения по поводу будущего. После трех дней, посвященных примирению и культуре – в Освенциме и Силезии, – поездка завершалась тщательно выверенным финалом. Коль объявил о пакете помощи на сумму 2,2 млрд долл. – самый большой пакет помощи, предоставленный каким-либо западным правительством (Буш обещал 100 млн долл., когда приезжал в Польшу в начале июля). И канцлер списал 400 млн долл. из займов, предоставленных Западной Германией с 1970-х гг. Этими мерами он хотел предотвратить всякие новые разговоры о мирном договоре по итогам Второй мировой войны, способные поднять несчастные вопросы о репарациях и границе с Польшей по Одере-Нейсе. Поэтому на пресс-конференции, когда его в конце спросили о слоне в посудной лавке – «о воссоединении», – канцлер ответил: «Мы не говорим о воссоединении, но только о самоопределении»⁴³³.

Коль было подчеркнуто осторожен, когда публично говорил о единстве, предпочитая описывать свою позицию, опираясь на точные правовые принципы, касавшиеся права Восточной Германии на самоопределение и на положения Основного закона ФРГ, что единство может быть достигнуто через выражение немцами своей свободы воли. Коль, конечно, понимал, что, если появится возможность спросить об этом восточных немцев, то они выскажутся за воссоединение. Свою точку зрения он высказал в обращении к нации 8 ноября, перед тем как Стену преодолели, и снова повторил это в развернутой форме в Бундестаге 16 ноября.

«Наши соотечественники в ГДР должны сами решить, каким путем они хотят идти в будущее, – провозгласил канцлер. – Конечно, мы будем уважать любое решение, которое примет народ ГДР во время свободного волеизъявления». По вопросу экономической помощи он добавил, что она окажется бессмысленной, «пока не будет проведена необратимая реформа экономической системы и не будет положен конец бюрократической плановой экономике, не будет введена рыночная экономика». Другими словами, самоопределение в принципе было совершенно свободным, но вполне подвержено небольшому подкупу.

В своей речи Коль сделал сдержанный кивок в сторону западных союзников Бонна и не высказываемых ими опасений возрождения германского национализма. «Мы являемся и остаемся частью западной системы ценностей», – утверждал он, добавляя, что было бы «фатальной ошибкой» замедлять процесс европейской интеграции⁴³⁴.

Его зашифрованного заявления о «Европе» было, между тем, недостаточно, чтобы развеять все страхи. Это стало очевидным, когда Коль отправился в Париж на специальный обед глав государств Европейского сообщества 18 ноября. Миттеран, который в то время по ротации занимал пост президента ЕС, срочно пригласил своих коллег в Елисейский дворец – он хотел убедиться в том, что ЕС-12 будет активным партнером для стран Центральной и Восточной Европы, вступивших на путь реформ, но при этом не станет уклоняться от идущего процесса углубления экономической и политической интеграции. В особенности французский президент беспокоился о том, чтобы на предстоящей встрече Совета ЕС в Страсбурге 8–9 декабря планы экономического и валютного союза (ЭВС) после драмы в Берлине не были отодвинуты с позиции центральной темы. Он считал, что эти планы становятся еще более срочными и актуальными как раз из-за масштабных преобразований во всем Восточном блоке. И он хотел,

⁴³³ John Tagliabue 'A Goodwill Trip Ends; Kohl Recalls Auschwitz and Agrees to Aid Poles' *NYT* 15.11.1989. См. также: GHWBPL WHORM Files CO054-02 FRG Letter from Kohl to Bush 6.11.1989 pp. 2–3.

⁴³⁴ Craig R. Whitney 'Bonn Ties More Aid for East Germany to Free Elections: Kohl Says There is Less Reason Now to Accept Division of Nation' *NYT* 9.11.1989; Deutscher Bundestag *Stenographische Berichte* 11. Wahlperiode 176. Sitzung p. 13335; Serge Schmemmann 'Kohl Says Bonn Will Not Press East Germany on Reunification' *NYT* 17.11.1989; Rödder *Deutschland* p. 137.

чтобы ЕС публично обозначило свою позицию перед саммитом и переговорами Буш–Горбачев на Мальте 2–3 декабря⁴³⁵.

Когда Миттеран говорил о «Европе», у него была вполне ясная собственная повестка дня. Но как лидер Франции он довольно отчетливо волновался о том, куда, собственно, сейчас движется Германия. Он и Коль не встречались с того эпохального вечера 9 ноября, и Миттеран хотел использовать встречу в Париже чтобы напрямую поговорить со своим немецким коллегой. И они поговорили, как пишет Коль в своих мемуарах, во время короткой встречи тет-а-тет перед ужином. Миттеран предпочел не упоминать вопрос воссоединения, но Коль – чувствовавший, что это носится в воздухе, – поднял этот вопрос сам. «Я говорю вам как немец и как канцлер», – сказал он, и затем торжественно выразил свою деятельную приверженность строительству Европы. Более конкретно он добавил: «Я вижу две причины для развития на Востоке: та, что Альянс (т.е. НАТО) будет сохранять твердость благодаря двухтрековому решению⁴³⁶ и тому факту, что Европейское сообщество так динамично развивается». Так, сжато, он подчеркнул свитую воедино лояльность и западному альянсу, и Европейскому проекту⁴³⁷.

Выложив карты на стол, Коль и Миттеран присоединились за ужином к остальным лидерам ЕС. Ужин в одном из самых роскошных залов Елисейского дворца проходил гладко. Никто даже шепотом не произнес слово «воссоединение», как позднее вспоминал Коль. Вместо этого Миттеран стал говорить о поддержке процессов демократизации на Востоке в целом. Он выступал за неприменную осторожность и против всего, что могло хоть как-то дестабилизировать Горбачева. Хотя германский вопрос, очевидно, там присутствовал, но не обсуждался.

В конце концов Маргарет Тэтчер не выдержала. После десерта она буквально взорвалась, обращаясь к Колю: «Не может быть и речи об изменении европейских границ», что было закреплено Заключительным актом совещания в Хельсинки. Любая попытка поднять это или вопрос о воссоединении Германии содержит риск подорвать позиции Горбачева, предупреждала она, и это «откроет ящик Пандоры с пограничными претензиями по всей Центральной Европе». Коль, видимо, подался назад под ее напором, что омрачило все настроение за ужином. Стараясь как-то ответить, он процитировал декларацию саммита НАТО 1970 г., в которой союзники выражали свою поддержку в вопросе о германском единстве. Тэтчер возразила, что это высказывание принадлежит времени, когда никто всерьез не верил, что воссоединение может когда-либо произойти. Но Коль продолжал копать. Может, так оно и было, сказал он холодно, но НАТО приняло эту декларацию, и это решение по-прежнему в силе. Даже Тэтчер не сможет остановить немецкий народ на его пути: люди теперь держат свои судьбы в собственных руках. Откинувшись назад, заполнив собой просторное кресло, он посмотрел прямо

⁴³⁵ Alan Riding 'Western Europe Pledges to Aid East' NYT 19.11.1989.

⁴³⁶ «Двойное решение», принятое НАТО в декабре 1979 г., уравновешивало утешение готовностью к ведению переговоров и к разоружению: «первое решение» подтверждало приверженность Альянса к размещению в Европе после 1982 г. нового поколения американских ракет Першинг-2 и крылатых ракет мобильного базирования, «второе решение» – всеобъемлющие переговоры с Советским Союзом о сокращении вооружений закончились успехом. Этот сложный и труднодостижимый компромисс был предложен канцлером Гельмутом Шмидтом во время встречи на Гваделупе с лидерами трех ядерных держав НАТО в январе 1979 г. Это было необходимое решение, чтобы удержать Альянс в тот момент, когда была опасность его распада. Что было даже более важно, так это то, что такие двойные переговоры давали Западной Германии место за столом международных переговоров вместе с другими ядерными державами. В краткосрочном отношении двойные переговоры стали бедой для Шмидта. Они фактически привели к его отставке. Его партия раскололась по вопросу о размещении новых ракет, и Коль сумел вынести Шмидту вотум недоверия. Основную роль сыграла измена его партнера по коалиции и министра иностранных дел: Ханс-Дитрих Геншер, лидер Свободных демократов, отправился в услужение к Колю. Коль соответственно воспользовался принятым решением о размещении ракет Першинг-2 и крылатых ракет в 1983 г., что, как считал Шмидт и он сам, привело к подписанию Договора об РСМД в 1987 г., что стало триумфальной кульминацией «второго решения», последовавшего за осуществлением «первого решения».

⁴³⁷ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 108–109. Запись этой беседы наедине найти не удалось ни в немецких, ни во французских архивах.

в глаза британскому премьеру. Топнув в гневе несколько раз ногой, она воскликнула: «Вот как *вы* это видите, *вы* видите!»⁴³⁸

Колю было совершенно ясно, что Железная леди хочет сохранения статус-кво. Для нее границы были неприкосновенны; и даже их мирное изменение нельзя было рассматривать. Это относилось и ко внутренней германской границе, которую он – как и большинство немцев – не считал международной границей, не исключая и границу по Одеру-Нейсе с Польшей.

И хотя Коля был потрясен диатрибой Тэтчер, он понимал, что ее глубокая антипатия по отношению к европейскому проекту означает, что она аутсайдер при принятии решений в ЕС. И что она не сможет разыграть американскую карту, потому что Коля уже точно знал, что Буш поддерживает принцип германского воссоединения. Коля больше волновало то, что Миттеран все это время сидел спокойно и, кажется, одобрял слова Тэтчер. Не он ли ее вдохновил? Существует ли англо-французская ось при принятии решений? Канцлер начал беспокоиться, что, быть может, французский лидер ведет двойную игру⁴³⁹.

Всего за две недели до этого Миттеран сказал Колю в Бонне, что он не боится воссоединения Германии. В то же время в конце разговора французский президент предостерег, что ему надо подумать над тем, а что же лучше для интересов Франции и Европы. Другими словами, существовала некая двойственность во французской позиции: Миттеран думал, что для воссоединения Германии понадобится немало времени (*la necessaire duree du processus* – процесс требует времени), а одновременно с этим процессом следует ускорить создание все более сплоченного Европейского союза. Эта двойная динамика долготы и ускоренности (*largo* и *accelerando*), очевидно, много значила для француза. И, в свою очередь, затрудняла ситуацию для канцлера. Но он решил довериться истории их партнерства и сотрудничества, ухивившейся в 1982 г.⁴⁴⁰

Коля начинал понимать, что ЕС или уж точно один из его главных членов собирается в ходе переговоров об объединенной Германии что-то потребовать взамен. Обдумав оба разговора в Бонне и Париже, он осознал, что нужно убеждать Миттерана в том, что Германия все-таки привержена осуществлению Европейского валютного и политического союза и что она не просто попутчик в этом деле, а соратник, готовый использовать всю мощь франко-германского тандема. Это имело еще большее значение, потому что у Коля не было иллюзий относительно холодного отношения многих европейцев к объединению Германии, и не в последнюю очередь в Италии и Нидерландах.

Канцлер решил затронуть этот вопрос на специальной сессии Европарламента 22 ноября, собираемой для обсуждения недавних событий в Восточной Европе. Его выступление стало провозглашением того, что разделение и Европы, и Германии закончилось. Не только Лондон, Рим, Дублин и Париж принадлежат Европе, провозгласил он, но также Варшава и Будапешт, Прага и София. И конечно, Берлин, Лейпциг и Дрезден. Германское единство может быть достигнуто только в рамках широкого общеевропейского процесса объединения: «В свободной и объединенной Европе – свободная и объединенная Германия», «Политика в отношении

⁴³⁸ Существуют различные трактовки ужина в Елисейском дворце. См.: Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 110–111; Thatcher *The Downing Street Years* pp. 793–794; Jacques Attali *Verbatim III: Première partie, 1988–1989* Fayard 1995 pp. 431–433. Сравни: Tilo Schabert *Wie Weltgeschichte gemacht wird: Frankreich und die deutsche Einheit* Klett-Cotta 2002 pp. 411–415; Bozo Mitterrand pp. 135–137; Sarotte 1989 p. 64.

⁴³⁹ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 110–111; Sarotte 1989 p. 64; Bozo Mitterrand pp. 135–138. О поддержке Коля со стороны Буша см.: GHWBPL Telcon of Bush's call to Kohl 17.11.1989 Oval Office pp. 1–4. О германской версии записи телефонного разговора см.: DESE doc. 93, pp. 538–540. О том, что открытые для всех высказывания Буша о единстве Германии сыграли значительную роль в качестве поддержки, см.: R. W. Apple Jr 'Possibility of a Reunited Germany Is No Cause for Alarm, Bush Says' *NYT* 25.10.1989.

⁴⁴⁰ Bozo Mitterrand p. 138 – основаны на интервью Миттерана журналам Пари матч (23.11.1989) и Уолл-стрит джорнал (22.11.1989).

Германии" (Deutschlandpolitik) и "политика в отношении Европы" (Europapolitik) – это две стороны одной монеты», – сказал Коль⁴⁴¹.

Коль настойчиво просил Миттерана лично присутствовать на своем выступлении. И когда президент так и сделал, это было воспринято как явное одобрение заявления канцлера. Для Коля Страсбург стал огромным успехом. В конце заседания Европарламент почти единогласно принял резолюцию (против были лишь два депутата из 518), гласившую, что у восточных немцев есть право «быть частью объединенной Германии и объединенной Европы»⁴⁴².

Канцлер Германии обратился к Европе и получил одобрение. Поскольку Буш никакого особого смущения по этому вопросу не выказывал, оставив инициативу в руках Коля, то была надежда, что пусть и несколько позже, с помощью американцев, если уж не французов и ЕС, но удастся добиться присоединения к этой общей линии и Тэтчер. Но ничто из этого, тем не менее, не могло скрыть факта растущего давления на Коля дома, и он должен был внятно и открыто высказаться, как он намерен достичь германского единства, – потому что до сих пор канцлер был подчеркнуто осмотрителен в отношении деталей. А его шпыняли со всех сторон.

Среди множества голосов, требовавших, чтобы канцлер определенно выступил за объединение, был Рудольф Аугштайн, редактор журнала «Шпигель». В номере от 20 ноября он написал колонку под заголовком «Скажи, что и как» ('Sagen, was ist'). Аугштайн с трудом скрывал свое нетерпение. Не пытаясь прятаться за разговоры о европейском единстве, он доказывал, что правительство Коля должно признать, что находится перед лицом подлинно всенародного стремления к германскому единству. Вопрос не в том, надо ли это делать, но в том, как может быть проведено воссоединение⁴⁴³.

Точно так же высказывался за объединение и Алфред Херрхаузен, глава «Дойче банка», адвокат европейской экономической интеграции и одновременно советник канцлера. В своем интервью он подчеркнул реальность того, что, как только в ГДР разрешат иностранные инвестиции, западногерманская экономика очень быстро проглотит восточную. Ссылаясь на идею о возможном членстве ГДР в ЕС, Херрхаузен говорил, что как банкир он считает в краткосрочном смысле это положительным, но как гражданин Германии он определенно не желает терять историческую возможность объединения. Это для него перевешивало все остальные соображения⁴⁴⁴.

Впрочем, Коль испытывал давление и со стороны тех, кто не верил в воссоединение.

Гюнтер Грасс, автор левых убеждений, имевший большую популярность интеллектуал, жестко выступил против идеи «конгломерации власти» в сердце Европы, призывая вместо этого к «конфедерации двух государств, которым предстоит самоопределиться». Другими словами, он хотел устроить «сеттлмент» между Западом и Востоком. Он настаивал на том, что прошлое мертво: «Дело совсем не в том, чтобы оглядываться на Германский рейх, в каких бы границах он ни был, 1945 или 1937 года; это все в прошлом. Нам надо заново самоопределиться»⁴⁴⁵.

⁴⁴¹ Речь Коля в Европейском парламенте, 22.11.1989, video at my-european-history.ep.eu/myhouse/story/921.

⁴⁴² Kohl *Meine Erinnerungen* p. 113; Teltschik 329 *Tage* pp. 46–47.

⁴⁴³ Rudolf Augstein 'Sagen, was ist' *Der Spiegel* 47/1989 20.11.1989.

⁴⁴⁴ "Die DDR ist am Zuge" – Spiegel-Gespräch mit Deutsche-Bank-Chef Alfred Herrhausen über die ostdeutsche Wirtschaftsmisere' *Der Spiegel* 47/1989 20.11.1989.

⁴⁴⁵ Грасс сказал следующее: «Одна сторона из последних сил цепляется за статус-кво и заявляет: ради безопасности в Центральной Европе необходимо придерживаться сохранения двух государств. Кроме того, есть еще одна лига, которая всегда соглашается на воссоединение в свое время, но каждый раз считая данное время неподходящим. Но между тем есть возможность достичь соглашения между двумя немецкими государствами. Это отвечало бы потребностям и самооценке Германии, и наши соседи тоже могли это принять. Таким образом, это не объединение сил в смысле воссоединения, но и не дальнейшая неопределенность в смысле существования двух государств, а скорее конфедерация двух государств, которая должна была переосмыслить себя. Здесь не поможет никакой экскурс в историю Германской империи, будь то в границах 1945 года или в границах 1937 года; все это исчезло. Нам нужно новое самоопределение» [пер. с нем. – О.З.]. См.: 'Viel Gefühl, wenig Bewußtsein – Spiegel-Gespräch mit dem Schriftsteller Günter Grass über eine mögliche Wiedervereinigung Deutschlands' *Der Spiegel*

Оскар Лафонтен из СДПГ, соперник Коля за пост канцлера, также занял диаметрально противоположную позицию. Невзирая на беспорядки, предшествовавшие падению Стены, он предупреждал о «спектре мощного Четвертого рейха», который будет «устрашать наших западных соседей, не меньше, чем восточных»⁴⁴⁶. И 8 ноября, после того как Коль восхвалял единство через самоопределение, Лафонтен проклинал призывы к единому национальному государству как «неправильные и устаревшие»⁴⁴⁷. Если границы будут открыты, Лафонтен предсказывал возникновение тяжелой, почти бредовой атмосферы «национального опьянения» и упрямо спрашивал, правильно ли будет, если все восточные немцы явятся на Запад и просто получают доступ к преимуществам системы социального обеспечения ФРГ. Принимая во внимание грядущие федеральные выборы, он пытался сыграть на беспокойстве западных немцев, которые, по опросам Гэллага, были готовы помогать Восточной Германии финансово, но без повышения налогов для них самих⁴⁴⁸.

Особенно поразительным стало отрицание воссоединения со стороны Эгона Бара (СДПГ), который в 1960-е гг. был отцом Новой восточной политики, основанной на идее, что «изменения через сближение» проложат дорогу к единству. Накануне 9 ноября он говорил, что люди должны перестать «мечтать и болтать о единстве»⁴⁴⁹. И он отрицал приоритет, отдаваемый «лжи» об объединении, – бормоча, что это «отравляет» атмосферу и порождает «политическое загрязнение». Потом он занял осторожную линию, предпочитая медленное приближение к воссоединению, и оставался в тени Лафонтена⁴⁵⁰.

Внутри СДПГ только Вилли Брандт, старый патрон Бара, высказывался за единство. Будет непростительно, провозглашал он, задраить люки на Западе⁴⁵¹. Германское единство сейчас это только вопрос времени, и оно не обязательно должно последовать за достижением единства Европы. Этим Брандт дистанцировался от линии Лафонтена–Бара в своей собственной партии, и в более общем плане от тех слева, кому была ближе прежде всего панъевропейская структура или горбачевский «Общеввропейский дом», внутри которого могла объединиться Германия⁴⁵². Он также отстранился от геншеровского «Плана-Европа», вброшенного в октябре, который предполагал, что восточные европейцы, включая ГДР, будут интегрированы в ЕС в то самое время, когда Брюссель вовсю продвигался к валютному и экономическому союзу⁴⁵³.

Ирония заключалась в том, что по вопросу германского единства позиция, занятая Лафонтеном и Баром, оказалась ближе к позиции оппозиции в ГДР (и даже к реформато-

47/1989 20.11.1989.

⁴⁴⁶ “Das Gespenst des Vierten Reiches” – Der stellvertretende SPD-Vorsitzende Oskar Lafontaine über die Politik seiner Partei’ *Der Spiegel* 39/1989 25.9.1989.

⁴⁴⁷ Оскар Лафонтен во время дебатов по немецкому вопросу в ландтаге Саара 8 ноября 1989 г. сказал: «Существует мнение – мы снова услышали его сегодня в Бундестаге, – что членство в НАТО является частью государственного устройства Федеративной Республики Германия. Я хотел бы четко заявить, что уважаю эту точку зрения, но считаю ее ложной и анахроничной, так же как и цель воссоединения национального государства» (пер. с нем. – О.З.).

⁴⁴⁸ ‘Man muß auch anstößig sein’ *Der Spiegel* 52/1989 25.12.1989.

⁴⁴⁹ Эгон Бар, на президиуме СДПГ: «Давайте перестанем мечтать или болтать о единстве для всего мира». *Bild am Sonntag* 1.10.1989. Сравни: *Bernt Conrad, ‘Ich habe nichts zu korrigieren’ – Egon Bahr wird 75 – Unbeirte Rückschau eines Vordenkers’ Die Welt* 18.3.1997

⁴⁵⁰ Egon Bahr ‘Nachdenken über das eigene Land’ *Frankfurter Rundschau* 13.12.1988. «Для авторитета нашей республики было бы невыносимо продолжать пустые разговоры, согласно которым воссоединение остается самой неотложной задачей. Это объективно и субъективно – сладострастие, отравляющее нас лицемерие и политическая грязь». См.: Margit Roth *Innerdeutsche Bestandsaufnahme der Bundesrepublik 1969–1989: Neue Deutung* Springer VS 2014 pp. 148–149.

⁴⁵¹ Rede von Willy Brandt auf dem SPD-Parteitag, Berlin, 18.12.1989 CVCE.EU. ‘Es kann keine Rede davon sein, im Westen die Schotten dicht zu machen.’

⁴⁵² Брандт сказал: «Нигде не написано, что немцы должны оставаться на запасном пути, пока в какой-то момент на станцию не придет весь европейский поезд». См.: ‘Man muß auch anstößig sein’ *Der Spiegel* 52/1989 25.12.1989 and ‘In Angst vor der Einheit’ *Der Spiegel* 51/1989 18.12.1989.

⁴⁵³ ‘Die Geduld ist zu Ende’ *Der Spiegel* 41/1989 9.10.1989.

рам в СЕПГ), чем к точке зрения их собственного федерального правительства в Бонне. На самом деле, писатели и клирики, представлявшие оппозицию в Восточном Берлине, призвали 26 ноября к независимой самодостаточности ГДР, полагая, что у них все еще есть шанс как «равных соседей всех европейских стран развивать социалистическую альтернативу ФРГ»⁴⁵⁴.

Коль и Тельчик были особенно обеспокоены заявлением премьер-министра Восточной Германии Ханса Модрова в его первой «правительственной декларации» 17 ноября. Он обещал тайное голосование на многопартийных выборах в 1990 г., а также глубокую перестройку командной экономики, но не немедленный переход к рынку. Модров был уверен, что решающие изменения в Восточной Германии положат конец «нереалистичным и опасным спекуляциям на тему объединения». Он предложил, что стабильная ГДР – это первоочередное условие для более широкой стабильности в Центральной Европе, и даже для Европы в целом. В этом смысле, глядя на Бонн, он провозгласил, что его правительство будет «готово к переговорам» об установлении отношений с Западной Германией на «новом уровне». Его целью был «договорной союз», который будет построен на основе комплекса политических и экономических союзов (*Ostpolitik* и *Osthandel*), подписанных между двумя государствами в предыдущие десятилетия⁴⁵⁵.

Первое официальное заявление Модрова было обращено и к ФРГ, и к ГДР о том, как двигаться вперед в отношениях между двумя Германиями. Он опередил Коля и, более того, явственно вознамерился остановить движение к объединению. Критика канцлера со стороны восточных немцев стала более резкой. Редактор «Ди Вельт» 19 ноября спрашивал: «Мы что, позволим другим диктовать нам проекты единения?»⁴⁵⁶ А сооснователь крайне правой партии «Республиканцы» Франц Шёнхубер узрел в молчании Коля шанс повысить вес своей партии, поставив в предвыборной программе темы «воссоединения» и «возвращения» восточных территорий⁴⁵⁷.

А Коль все еще сдерживался. В понедельник 20 ноября обеспокоенный Тельчик записал в своем дневнике: «Международное, равно как и внутреннее обсуждение шансов германского единства, полностью развернулось, и его не остановить. Мы все больше и больше это осознаем, но директивы канцлера остаются прежними: быть сдержанными при публичном обсуждении. Ни внутри коалиции и вообще во внутреннем пространстве, ни в международном плане он не хочет подставляться для атаки со стороны».

Тельчик видел в этом решающий момент для Коля, как дома, так и за рубежом. Обсуждая дела со всех сторон в узком кругу помощников Коля и думая об «электоральном марафоне», они пришли к следующему выводу: «Высокую международную репутацию канцлера следует использовать больше во внутренней политике, и германский вопрос может послужить мостом к улучшению его имиджа». Оппозиции надо противостоять лоб в лоб⁴⁵⁸.

Пока все это крутилось у Тельчика в голове, следующий день начался спозаранку с утреннего брифинга с Колем, в котором им пришлось реагировать на последствия массовых понедельничных демонстраций по всей Восточной Германии под новым незабываемым лозунгом «Мы один народ». «Искра возгорелась», – подумал он. И еще он прокручивал в своем уме строчку из колонки Аугштайна, напомнившего о фразе Аденауэра «Ключ к единству лежит в Кремле» (*der Schlüssel liegt im Kreml*)⁴⁵⁹.

⁴⁵⁴ Rödder *Deutschland* pp. 118–124. Цит. по: 'Für unser Land' on 26.11.1989, см.: Matthias Judt (ed.) *DDR-Geschichte in Dokumenten: Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse* Ch. Links 1998 p. 544.

⁴⁵⁵ Craig R. Whitney 'New Ties to Bonn Sought by Premier of East Germany' *NYT* 18.11.1989.

⁴⁵⁶ Herbert Kremp 'Lassen wir uns die Einheit vom anderen vorformulieren?' *Die Welt* 19.11.1989.

⁴⁵⁷ Bahrmann & Links *Wir sind das Volk* p. 146. См. также: 'Republikaner – Mit Freude einschlürfen: Mit «intellektualisiertem» Programm wollen die Republikaner den Einzug in den Bundestag schaffen' *Der Spiegel* 48/1989 27.11.1989.

⁴⁵⁸ Teltschik 329 *Tage* p. 41.

⁴⁵⁹ Ibid. pp. 42, 40.

Первой большой записью в его дневнике от 21 ноября была тема встречи в 10:30 с Николаем Португаловым, сотрудником аппарата ЦК КПСС, с которым он довольно часто встречался. И хотя Тельчик считал Португалова слишком хитрым, даже скользким, он уважал его интеллект и понимание германской сцены, всегда используя встречи с ним, чтобы получить новости прямо из Москвы, а не через соперничающее Министерство иностранных дел Геншера. В тот раз, однако, поведение Португалова выглядело необычно серьезным. Он сказал, что привез послание лично канцлеру, и затем достал стопку исписанных от руки страниц о советском понимании германского вопроса.

Один документ был озаглавлен «Официальная позиция». В нем в основном содержалось подтверждение заверений, данных Колем Горбачеву о невмешательстве в дела ГДР, и включая ссылки на их саммит 12 июня. Что касается современного момента, то в тексте подчеркивалось, что должно существовать определенное понимание между двумя германскими государствами о способе сосуществования, и представлялось предложение Модрова о договорном сообществе как способе движения вперед. Иначе ГДР будет ощущать угрозу своему существованию. Важным было то, что документ также прямо объявлял, что порядок всеевропейского мира является «абсолютной предпосылкой» для решения германского вопроса⁴⁶⁰. Чтобы установить такой порядок, разумеется, понадобятся годы, но в тексте содержались и некоторые направления движения вперед. В нем указывалось, что идея германо-германского сближения через конфедерацию – это именно то, что Советы уже обсуждают на уровне Политбюро и в принципе готовы принять. На самом деле это повторяло сообщение, полученное в Бонне из посольства в Москве, о том, что Шеварднадзе в своих высказываниях 17 ноября отверг односторонние изменения статус-кво, но одобрил идею взаимных мирных перемен в рамках «все-европейского консенсуса»⁴⁶¹.

Что на самом деле захватило внимание Тельчика, так это документ, названный «Неофициальная позиция». Он начинался довольно театрально: «Настал час освободить и Западную и Восточную Германии от реликтов прошлого». Прочитав несколько общих фраз о текущей ситуации, Тельчик почувствовал, что поражен предположением: «Давайте чисто теоретически зададимся вопросом: а что если федеральное правительство занялось проталкиванием вопроса “воссоединения” или “нового объединения” в практической политике...» Развивая далее эту гипотезу, документ утверждал, что при всем прочем будет необходимо обсудить будущее членство обоих германских государств в альянсе или более конкретно, как извлечь Западную Германию из НАТО и из Европейского сообщества. Каковы при этом будут последствия от нахождения будущей Германской конфедерации внутри ЕС? Это, продолжалась мысль в документе, может стать зародышем панъевропейского интеграционного проекта, но как тогда будет Советский Союз вести свою торговлю в Восточной Германии через Брюссель и как он будет справляться с импортными налогами и другими правилами ЕС? В документе прямо утверждалось, что «в контексте германского вопроса Советский Союз был готов думать о всех возможных альтернативах, по-настоящему думать “о немыслимом”». Текст завершался словами, что Москва может «в среднесрочной перспективе» дать «зеленый свет» Германской конфедерации, при условии, что она будет совершенно свободна от присутствия иностранного ядерного оружия на своей земле⁴⁶².

⁴⁶⁰ Vorlage von Teltchik für Kohl 6.12.1989 and Memo ‘SU und «deutsche Frage»’ (не датировано), оба материала опубликованы в: DESE docs 112 and 112A pp. 616–617. Teltchik, 329 Tage pp. 43–44. О миссии Португалова см. также: ‘The Soviet Origins of Helmut Kohl’s 10 Points’ NSAEBB No. 296; Grachev *Gorbachev’s Gamble* pp. 143–147 esp. pp. 146–147; Alexander von Plato *Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die internen Gesprächsprotokolle* Ch. Links 2009 pp. 115–121; Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 118

⁴⁶¹ Teltchik 329 Tage p. 45.

⁴⁶² DESE doc. 112A pp. 616–618; Teltchik 329 Tage pp. 43–44.

То, что он прочитал, буквально наэлектризовало Тельчика. Это сочетание возвышенного мышления и дипломатической гибкости было беспрецедентным и сенсационным. Сбалансировать «официальную» и «неофициальную» позиции было трудно, но они ясно показывали, что публичные заявления Москвы совсем не обязательно указывают на то, что она собирается делать. Умчавшись после встречи с Португаловым, Тельчик смог перекинуться несколькими словами с Колем перед следующей встречей канцлера. Их разговор был очень кратким, но Тельчик заронил в сознание Коля мысль о том, что сигналы из Москвы говорят: наступило время для перехода в наступление. Коль укрепился в этом мнении после послеполуденной встречи с главой своей канцелярии Рудольфом Зейтерсом, вернувшимся из поездки в Восточный Берлин и полным новостей об идущих там реформах и о переговорах о договорном сообществе. Прежде чем отправиться в Страсбург – на встречу с Миттераном и ЕС, – Коль сказал Тельчику, чтобы к его возвращению у того что-то было уже готово. В первый раз канцлер заговорил об использовании поэтапного подхода к германскому вопросу. Общая политическая стратегия, наконец, начинала зарождаться⁴⁶³.

Пока Коль отсутствовал, Тельчика взбудоражили новости, прежде всего, о том, что Миттеран собирается посетить Восточный Берлин перед Рождеством и что он собирается также встретиться с Горбачевым в Киеве 6 декабря. Его настораживало, что Париж не проинформировал Бонн заранее, прежде чем новости появились в информагентствах. Тельчик гадал, а не сговариваются ли французы и Советы между собой? Впрочем, новости от Геншера, находившегося в Вашингтоне, были намного более вдохновляющими: министр иностранных дел подчеркивал наличие импульса к «воссоединению снизу» и предупреждал против каких-либо попыток вмешательства четырех держав-победительниц. К его удовольствию госсекретарь Бейкер подтвердил, что Америка полностью и безоговорочно поддерживает германское единство. И снова, имея «зеленый свет» из Вашингтона, позитивные сигналы из Москвы и одобрение в Страсбурге от Миттерана и ЕС, Тельчик приступил к составлению плана речи Коля, которой суждено было стать программой из 10 пунктов⁴⁶⁴.

Во время их встречи вечером в четверг 23 ноября Коль согласился с Тельчиком, что Внутринемецкая политика (*Дойчландполитик*) – это дело для шефа (*Chefsache*) и что теперь настало время возглавить формирование мнения как в Германии в предвыборный год, так и в том, что касается Четырех держав (т.е. США, СССР, Франции и Великобритании как союзников-победителей во Второй мировой войне). Иначе его правительство столкнется с диктатом⁴⁶⁵. Было решено, что Коль представит свои предложения по достижению германского единства при первой подходящей возможности, которая должна была представиться через пять дней, 28 ноября во время запланированных дебатов в Бундестаге по бюджету. Маленькая команда из восьми человек во главе с Тельчиком приступила к непрерывной работе в атмосфере полной секретности над подготовкой проекта речи. После полудня в субботу 25 числа этот проект был доставлен на машине в Бонн канцлеру, находившемуся у себя дома в Оггертсхайме⁴⁶⁶.

Коль настолько опасался возможных утечек и того, что кто-то из партнеров по коалиции или союзников по НАТО сможет отговорить его от выступления, что все, кто знал об этом, поклялись молчать. Весь остаток выходных он работал над проектом с горсткой доверенных друзей и женой Ханнелорой, внося исправления и снимая вопросы по тексту, периодически советуясь с Тельчиком по телефону. Затем вечером в воскресенье он попросил Ханнелору напечатать исправленную версию на ее портативной пишущей машинке⁴⁶⁷.

⁴⁶³ Teltschik 329 Tage pp. 44–45.

⁴⁶⁴ Ibid. pp. 47–49.

⁴⁶⁵ Ibid. pp. 44–45, 49.

⁴⁶⁶ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 113–115; Teltschik 329 Tage pp. 50–51.

⁴⁶⁷ Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 114–115.

Завершая работу над черновиком, Коль все еще сохранял несколько ключевых опасений. В канун федеральных выборов он намеревался позиционировать себя как настоящего немецкого патриота и канцлера единства – в большей мере, чем либерал Геншер, который продвигал собственный «Европа-план» и кто с балкона в Праге уже однажды украл у Коля шоу. Точно так же он не хотел и оказаться в тени великого старого канцлера от СДПГ Брандта, который чуть не затмил Коля в Берлине 10 ноября и теперь представлял воссоединение как кульминацию его собственной Восточной политики. Именно по предвыборным причинам канцлер решил опустить все упоминания о линии Одер-Нейсе, даже несмотря на то что он лично принимал ее как восточную границу Германии. Помимо всего, чтобы убрать последнее препятствие с пути во время поездки в Варшаву, он поддержал 8 ноября резолюцию Бундестага, подтверждавшую неизблемость послевоенных границ Польши⁴⁶⁸. Но Коль был осторожен, стремясь не обострять эту тему с немцами-изгнанниками. Он не мог быть уверенным, что традиционные избиратели ХДС могут оказаться соблазненными агитацией «Республиканцев» Шёнхубера за реставрацию границ Германии 1937 г.

Другой заботой Коля был язык описания разных стадий германского сближения и слияния на пути к единому государству. Вместо того чтобы воспользоваться термином Модрова «конфедерация», Коль предпочел фразу «конфедеративные структуры», чтобы никто в ХДС не смог его обвинить в закреплении намертво тезиса о двух суверенных германских государствах (*Zweistaatlichkeit*), за что, похоже, выступали Лафонтен, Бар и их соперники из СДПГ. В то же время его собственная, более мягкая фраза была предназначена для успокоения восточногерманских официальных лиц, так же как и оппозиционных групп в ГДР, которые все боялись *аниллюса* по типу 1938 г.: поглощения социалистической ГДР капиталистической ФРГ. В долговременном плане, конечно, Коль вдохновлялся мыслью о создании *Bundestaat*, т.е. «федерации», другими словами, единого государства. Но у него не было ясного представления, как будет выглядеть эта его новая Германия, хотя он и был уверен, что она должна быть Федерацией (*Bundestaat*), а не Союзом государств (*Staatenbund*) или «конфедерацией», которую представляли себе восточногерманские политические элиты. Как думал Коль, повествуя о заключительном «единстве», он мог привлечь и усилить общественный настрой в Восточной Германии – все еще раздробленной, но все больше высказывающейся за единство, что показывали последние протестные лозунги: «Германия, единое Отечество» (*Deutschland, einig Vaterland*) и «Мы один народ» (*Wir sind ein Volk*). На самом деле, предлагая единство (*Einheit*) как конечную цель своей речи, он тем самым мог представить то видение «сверху», которое могло сделать так, чтобы восточные немцы «снизу» стали смотреть на Запад.

Там было столько этих «если», которые надо было иметь в виду, что Коль едва мог ухватить все проявления. На этой стадии он предполагал, что весь процесс сближения, более тесного сотрудничества и завершающее воссоединение займут по меньшей мере десятилетие. Но он точно знал, чем все закончится. В те выходные в Отгертсхайме он настраивал себя на внезапное наступление – безоговорочно поставить германское единство в международную повестку дня⁴⁶⁹.

Во вторник 28 ноября в 10 часов утра Гельмут Коль выступил в Бундестаге. Вместо того чтобы, как ожидалось, мусолить бюджет, Коль взорвал свою бомбу – «Программу из 10 пунктов по преодолению раскола Германии и Европы»⁴⁷⁰. Коль начал с «немедленных мер», которые надо предпринять, чтобы справиться с «волной беженцев» и с «новым масштабом туристических поездок». К тому же он пообещал дальнейшее сотрудничество с ГДР в экономике, тех-

⁴⁶⁸ В резолюции утверждалось, что «их право жить в пределах безопасных границ не оспаривается сейчас и не будет подвергаться сомнению в будущем в силу каких-либо территориальных претензий с нашей германской стороны». See Whitney 'Bonn Ties More Aid For East Germany To Free Elections'.

⁴⁶⁹ 'Ein Staatenbund? Ein Bundesstaat?' *Der Spiegel* 49/1989 4.12.1989.

⁴⁷⁰ Kohl *Meine Erinnerungen* p. 115.

нологических и культурных вопросах и также существенное увеличение финансовой помощи, если ГДР «определенно» и «необратимо» приступит к фундаментальной трансформации своей политической и экономической системы. В этом смысле он потребовал, чтобы СЕПГ отказалась от монополии на власть и приняла новый закон «о свободном, равном и тайном голосовании на выборах». В силу того, что народ Восточной Германии ясно выразил желание добиться экономической и политической свободы, он сказал, что не хочет «стабилизировать условия, которые стали неприемлемыми». Это уже не походило на переговоры, это был ультиматум.

В центральной части его речи (пункты с четвертого по восьмой) канцлер представил свою дорожную карту к единству – а именно то, «как развить конфедеративные структуры между двумя государствами в Германии... с целью создания федерации». Все это будет сделано в соответствии с принципами Хельсинкского Заключительного акта 1975 года и как часть большого панъевропейского процесса: «Будущая архитектура Германии должна соответствовать будущей архитектуре Европы». Коль отметил, что его план также согласуется с идеей Горбачева об Общеввропейском доме, так же, как и концепции советского лидера о «свободе выбора» в смысле «права народа на самоопределение», как это установлено в Заключительном акте. Фактически Коль напомнил Бундестагу, что он и Горбачев уже выразили их согласие по этим вопросам в их Совместной декларации в июне 1989 г. Но в драматических новых обстоятельствах ноября канцлер решил пойти дальше. Он доказывал, что Европейское сообщество должно дотянуться до взявших курс на реформы стран Восточного блока, включая ГДР. «ЕС не должно кончаться на Эльбе», – провозгласил он. Открываясь для Востока, оно сделает возможным «подлинно всеобъемлющее Европейское объединение». Этим он нейтрализовал и эффективно впитал геншеровский «Европа-план».

Центральной темой речи Коля была работа над «условиями мира в Европе», при которых немцы могут вновь достичь своего единения. Это, как он пояснил в конце выступления, невозможно отделить от более широких вопросов международного порядка. «Увязывание германского вопроса с развитием Европы в целом и отношениями Восток–Запад, – провозгласил он, – принимает в расчет интересы всех, кто в этот вопрос вовлечен» и «прокладывает дорогу к мирному и свободному развитию в Европе». Потребуются быстрые шаги по разоружению и контролю над вооружениями. Этим западногерманский канцлер прямо взывал к сверхдержавам и своим европейским союзникам.

То, чего Коль не сказал, было так же показательным, как и то, о чем он говорил. Он опустил вопрос о польской границе и ничего не сказал о членстве ГДР в НАТО в настоящем и будущем, не сказал и о правах союзных держав на немецкой земле. Даже о своей конечной цели – единении Германии – Коль говорил очень осмотрительно. «Никто сегодня не знает, как будет выглядеть в итоге объединенная Германия». Но он продолжал твердить о «праве» немецкого народа на единство и патетически утверждал: «Это единство наступит, тем не менее, тогда, когда этого захочет народ Германии, – в этом я убежден». Канцлер рассуждал о том, что модель «совместного роста» – это часть «континуитета германской истории». Государственная организация в Германии, добавил он «почти всегда означала конфедерацию или федерацию. Мы, конечно, можем опираться на этот исторический опыт». Коль, вероятно, оглядывался на времена Бисмарка (Северогерманский союз 1867 г. и Рейх 1871 г.), но он определенно опирался и на его собственный жизненный опыт – модель послевоенной Федеративной Республики⁴⁷¹.

После произнесенной речи канцлер почувствовал большое облегчение, а то, как ее приняли, его просто обрадовало. В обеденный перерыв он сказал своим помощникам, что реакция депутатов была «почти восторженной». А что Геншер, озорно спросил Тельчик, уверенный,

⁴⁷¹ Helmut Kohl's Ten-Point Plan for German Unity (28.11.1989) DGDB-GHIDC. На нем. яз.: Rede von Bundeskanzler Helmut Kohl im Bundestag ('10-Punkte-Programm') 28.11.1989 CdMDA.

что теперь министр иностранных дел оказался совершенно потерянным. Коль усмехнулся: «Геншер подошел ко мне и сказал: “Гельмут, это была великая речь”»⁴⁷².

В первый раз план Коля теперь начинался с прояснения взаимосвязи между германским объединением и европейской интеграцией как процессов переплетенных, но отдельных. Один не должен был мешать другому, и они могут идти с разной скоростью. Германское объединение должно происходить в рамках ЕС, но конкретное развитие и форма будущих внутригерманских отношений остается за немцами, и им решать.

В общем, Коль предложил проект новых отношений между двумя Германиями, и он со всей ясностью был построен на условиях Бонна. Отражая «большую политическую уверенность в себе» Федеративной Республики как уже «широко признанной весомой экономической державы» – в формулировке посла США в ФРГ Вернона Уолтерса, – Коль представил миру все как свершившийся факт и сформулировал соответствующую повестку дня⁴⁷³. И в силу того, что Восточная Германия распалась намного быстрее, чем кто-либо мог ожидать, другим лидерам теперь приходилось отвечать на то, что канцлер уже выложил на стол. А то, что повестка была сформулирована человеком, продемонстрировавшим на протяжении последних трех недель нужную реакцию на события, стало чрезвычайно умелой демонстрацией политического лидерства.

В ретроспективе поразительно, что речь Коля не привлекла публичного внимания на международном уровне. Впрочем, этому едва ли стоило удивляться, если принять во внимание, что в это самое время во всей Чехословакии разыгрывалась своя драма. В тот день, когда Коль выступил в Бундестаге, «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком на первой полосе «Миллионы чехословаков, выйдя на двухчасовую всеобщую забастовку, увеличивают давление на партию». Пересказ речи Коля был глубоко зарыт на 14-й полосе, и в нем сообщалось, что он «призвал создать конфедерацию» в основном для того, чтобы ответить на упреки, что его реакция «на бурные перемены в Восточной Германии» была «пассивной и опиралась на западногерманские межпартийные отношения»⁴⁷⁴. В среду 29 ноября Чехословакия снова стала главной новостью с заголовком во всю первую полосу «Партия в Праге отдает несколько правительственных постов и перестает настаивать на верховенстве в обществе». Коль с его «наметками конфедерации» оказался в небольшой врезке в самом низу той же полосы⁴⁷⁵. Потом Германия вообще исчезла с первых полос газеты до конца той недели, при том что Прага продолжала доминировать в новостях наряду с сообщениями о советско-американском саммите на Мальте. Даже в Федеративной Республике все это трактовалось как сугубо внутренний вопрос. В любом случае, с четверга все новости заслонил акт террора группы Баадер-Майнхоф: произошло убийство близкого Колю человека – Альфреда Херрхаузена⁴⁷⁶.

⁴⁷² Teltschik 329 Tage p. 58.

⁴⁷³ AmEmb Bonn to Sec State Washdc Cable – Subject: Kohl's Ten-Point-Program – Silence on the Role of the Four Powers 1.12.1989, reprinted in CWHIP Paris Conference 2006.

⁴⁷⁴ R. W. Apple Jr 'Millions of Czechoslovaks Increase Pressure on Party with 2-Hour General Strike' *NYT* 28.11.1989; Ferdinand Protzman 'Kohl to Outline Plan for German Unity' *NYT* 28.11.1989.

⁴⁷⁵ R. W. Apple Jr 'Prague Party to Yield Some Cabinet Posts and Drop Insistence on Primacy in Society' *NYT* 29.11.1989; Ferdinand Protzman 'Kohl Offers an Outline to Create Confederation of the 2 Germanys' *NYT* 29.11.1989; 'Excerpts from Kohl Speech on Reunification of Germany' *NYT* 29.11.1989. «Вашингтон пост», напротив, вынесла тему 10 пунктов Коля в качестве главной истории: Mark Fisher 'Kohl Proposes Broad Program for Reunification' *WP* 29.11.1989. Если бы не это, то на первых полосах доминировали бы сообщения о действиях ЦРУ в Анголе, заговоре на Филиппинах, о войне с наркомафией и гражданских конфликтах в Латинской Америке.

⁴⁷⁶ Ferdinand Protzman 'Head of Top West German Bank Is Killed in Bombing by Terrorists' *NYT* 1.12.1989; см. статью 'Wir können jeden erledigen' and cover of *Der Spiegel* 49/1989 4.12.1989.

Несмотря на отсутствие немедленной общественной реакции, «план из 10 пунктов» стал миной замедленного действия. Как того, возможно, и хотел Коль, его речь сделала его объектом комментариев, чаще критических, со стороны всех крупнейших держав. И это происходило как раз потому, что, как выразился посол Уолтерс, «немецкие государства реально самостоятельно будут планировать свое будущее»⁴⁷⁷. Теперь канцлер оказался в уязвимом положении: ему нужно было приступить к новому раунду международной дипломатии, чтобы отразить критику и обеспечить если и не принятие, то хотя бы терпимость к его плану самоопределения Германии. Этот раунд продлится до середины декабря.

Первой и самой важной персоной, кого надо было поддерживать в позитивном отношении, был Буш. Утром перед тем, как выступить с речью, канцлер направил ему упреждающее письмо – больше никого он не предупреждал. Коль придал письму форму рекомендации, как президенту США стоит поступать во время встречи с Горбачевым на Мальте, и это длинное письмо содержало широкий анализ революционных процессов в Европе, положения в Советском Союзе и императивность сокращения вооружений, как стратегических, так и обычных. Но все это было лишь прелюдией к тому, что на самом деле имел в виду канцлер, а именно то, как Бушу нужно обсуждать германский вопрос на Мальте. Коль связал горбачевскую политику «свободы выбора» в 1989 г. и великий образ «жизни, свободы и стремления к счастью», обрисованный Америкой в 1776-м. Он подчеркнул, что современный запрос на освобождение исходит от самих народов – поляков, венгров, чехов, так же как и от восточных немцев, – и это не просто поворот на Запад, а исторически значимое стремление к реформам, исходящее изнутри каждой нации и из каждой их культуры. Этим суждением он стремился уйти от всякой «победной» западной риторики и в то же время придать вес ключевой теме своего письма – «самоопределению», столь критически важной для его подхода к решению германского вопроса. Только после этого канцлер, излагая свои «10 пунктов», принялся рассматривать объединение – это была самая длинная часть его письма. Имея в виду предстоящий саммит, Коль прямо обращался за поддержкой к Бушу, настаивая на том, что сверхдержавы не просто не должны решать вопросы Германии без нее, как это сделали Рузвельт и Сталин в 1945 г. Не должно быть, как он сказал Бушу, «никакой параллели между Ялтой и Мальтой»⁴⁷⁸.

Интересно, что Эгон Кренц тоже написал Бушу письмо о речи Коля: это явилось поразительным свидетельством того времени, когда он ясно осознал, что поддержки Москвы для выживания ГДР больше не хватит. Кренц предупреждал о «национализме» и о «возрождении нацистских идей» – четко направляя указующий перст на Бонн и попросил президента о помощи в сохранении статус-кво, другими словами, о сохранении двух Германий как членов «разных союзов». Кренц не получил ответа на свое письмо. Буш знал, что он уже никто и его дни в той должности сочтены⁴⁷⁹.

Однако следующим утром президент взял трубку, чтобы поговорить с Колем. В Белом доме сразу уловили суть последствий «программы из 10 пунктов», видя в ней стратегический переход в сферу международной политики, а не элемент тактической игры в политике внутренней. Скоукрофт был озабочен новыми и односторонними действиями Коля, в то время как сам Буш, хотя и был удивлен, не особенно был этим обеспокоен. Он знал, что канцлер не сможет добиться объединения, действуя в одиночку, и сомневался, что Коль хочет отстраниться от своего самого близкого союзника. «Я уверен, что он посоветуется с нами, прежде чем двигаться дальше, – позднее заметит Буш. – Мы были нужны ему»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁷ AmEmb Bonn to Sec State Washdc Cable – Subject: Kohl's Ten-Point-Program – Silence on the Role of the s Four Powers 1.12.1989, перепечатано в CWHIP Paris Conference 2006.

⁴⁷⁸ Письмо Коля Бушу 28.11.1989, опубликовано в *DESE doc. 101 pp. 567–573*; Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 122; Jason De Parle 'THE WORLD – The Bitter Legacy of Yalta: Four Decades of What-Ifs' *NYT* 26.11.1989.

⁴⁷⁹ Письмо Кренца Бушу 28.11.1989, цит. по: Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 122.

⁴⁸⁰ Bush & Scowcroft *A World Transformed* p. 194.

29 ноября президент и канцлер проговорили тридцать минут. Во-первых, они договорились о встрече между ними как «личными друзьями» сразу после Мальты, и эта встреча должна была пройти без Геншера. Коль возьмет с собой только занимающегося вопросами объединения Тельчика – решение, которое снова подчеркнуло институциональное и личное соперничество между Бундесканцелярией и МИДом. Затем Коль более детально пояснил, как он надеется достичь объединения. Несмотря на проявленную с ним на прошлой неделе в Страсбурге солидарность, канцлера продолжала беспокоить степень поддержки Миттерана. Он также четко указал, что опирается на Соединенные Штаты. «История сдала нам хорошие карты, – сказал он Бушу. – Я надеюсь, что при сотрудничестве с нашими американскими друзьями мы сможем неплохо сыграть». Президент, как всегда, не говорил лишних слов: «Я очень поддерживаю ваш общий подход. Заметил, что вы делаете акцент на стабильности. Мы ощущаем это точно так же. Стабильность – это ключевое слово. Мы стараемся не делать ничего, что вызвало бы реакцию со стороны СССР». Буш постарался развить этот последний пункт. Он признал, что состояние советской экономики намного хуже, чем они себе это раньше представляли, хотя Шеварднадзе гордо заметил, что Советы не хотят, чтобы Америка их выручала. Поэтому помощь следует предлагать очень осторожно. Но Буш и Коль согласились с тем, что западная помощь понадобится, потому что «мы хотим, чтобы он добился успеха». Канцлер был удовлетворен разговором и поблагодарил Буша «за добрые слова» – «немцы на Западе и на Востоке слушают очень внимательно. Каждое одобрительное слово по поводу самоопределения и объединения сейчас очень важно»⁴⁸¹.

Комментируя прессе состоявшийся телефонный разговор сразу после его окончания, Буш сказал: «Мне было удобно. Я думаю, все идет своим чередом». Ему шутливо напомнили, что, еще будучи вице-президентом, он не увлекался тем, что называл «предвидением» (*vision thing*), и спросили, каким он видит будущее Европы через пять или десять лет⁴⁸². И президент, чувствуя себя значительно комфортнее, чем раньше, пошутил: «Что касается “предвидений”, стремлений, то я их описал в нескольких редко упоминаемых речах прошлой весной и летом, и я бы хотел, чтобы все к ним вернулись и их перечитали. А я потом проверю». Когда смех стих, он продолжил: «Там вы найдете кое-что из “предвидений” – о Европе целостной и свободной». И он добавил: «Я думаю о Европе как целостной и свободной, и это уже не видение, а реальность». Но президент вынужден был признать: «О том, как мы этого достигнем и какими способами и когда будет решен Германский вопрос и все эти вещи, – я сейчас более определено сказать не могу»⁴⁸³.

В Москве настроение было существенно менее позитивным. Коль движется слишком быстро и планирует будущее Европы «совершенно без учета точки зрения другой Германии», заявил один из советников Горбачева Вадим Загладин. Советский лидер – во время визита в

⁴⁸¹ GHWBPL Telcon of Bush's call to Kohl 29.11.1989 Oval Office pp. 1, 4. Рассекреченной немецкой версии записи разговора нет или ее нет в DESE. Коль цит. по: Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 123.

⁴⁸² «Проблема предвидения» – это фраза, которую сам Буш непреднамеренно ввел в обиход в начале своего собственного президентского срока как признанную проблему формулирования четкого видения страны; Martin J. Medhurst (ed.) *The Rhetorical Presidency of George H. W. Bush* Texas A&M Press 2006 ch. 2. See also Thomas Singer (ed.) *The Vision Thing: Myth, Politics and Psyche in the World* Taylor & Francis 2014. На самом деле, президент, возможно, позволил себе некоторую самоиронию, сославшись на «проблему предвидения» в январе 1987 г. в неудачном ответе на критику за свою неспособность четко сформулировать свои фундаментальные убеждения и политику в отличие от Рональда Рейгана. Его насмешливый отпор «О, эта штука с предвидением» возымела обратный эффект, и в октябре 1987 г. *Newsweek* опубликовал обложку с заголовком «Джордж Буш: борьба с “Фактором слабака”». Даже после победы на выборах 1988 г. Буш так и не смог избавиться от имиджа чрезмерно прагматичного управляющего, который в основном реагирует на события как кризисный менеджер. Идея о том, что у его президентства есть пределы, прижилась, и его рассматривали как президента, которому не хватает определенных лидерских качеств, таких как долгосрочное планирование и творческое мышление. Это явно беспокоило его. Так что в своих замечаниях 29 ноября он тоже был серьезен. Как он ясно дал понять, он предварительно, но с необычной прямоотой и ясностью изложил в период с апреля по июнь 1989 г. свои взгляды на крупное объединение в Европе и на то, к чему, как он надеялся, это может привести. Так что, возможно, он все-таки не был таким уж недалекновидным.

⁴⁸³ Интервью Буша журналистам пула Белого дома 29.11.1989 APP.

Рим – прямо сказал итальянскому премьер-министру Джулио Андреотти, что «две Германии останутся реальностями» и что «объединение ФРГ и ГДР не относится к числу важнейших вопросов». Позднее на пресс-конференции Горбачев добавил: «Итак, пусть распорядится история. Не надо подталкивать и форсировать несозревшие процессы»⁴⁸⁴. Была ответная реакция и в западноевропейских столицах. Тэтчер хотя и в неопределенных выражениях, но дала Колю понять, что объединение «не стоит на повестке дня», и французские дипломаты публично тоже выразили серьезные возражения по поводу «преждевременных» действий канцлера⁴⁸⁵.

Казалось, что Коль разжег пожар, а человеком, которому пришлось его тушить, был Геншер. Министр иностранных дел был совершенно ошеломлен, когда несколько дней назад канцлер сбросил свою бомбу в «10 пунктов». Вынужденный вытерпеть все это, Геншер, пусть и сквозь зубы, но поздравил Коля в Бундестаге и затем поведал миру, что политика, изложенная в 10 пунктах, является не чем иным, как «продолжением нашей политики в области международных отношений, в сфере безопасности и внутригерманских дел». Конечно, Геншер негодовал, но должен был поддерживать Коля как партнер по коалиции⁴⁸⁶. Впрочем, он сам поступил по отношению к Колю точно так же в своем выступлении с пражского балкона несколькими месяцами ранее. Да, у них были инстинктивно разные подходы к тому, как достичь воссоединения – Коль предпочитал западноориентированную линию Аденауэра, нацеленную на включение Восточной Германии в Федеративную Республику и Западный альянс, в то время как Геншер склонялся к тому, чтобы распространить Восточную политику на всю панъевропейскую архитектуру. Но, несмотря на соперничество, несмотря на различие в способах и средствах, они оба фундаментально были согласны в конечной цели, а именно, хотели достичь германского единства. Для Геншера это было делом и для головы, и для сердца. Поэтому, смилив гордыню, он был готов выполнить роль пожарного и попытаться перетянуть на свою сторону Лондон, Париж и Москву.

Технически, конечно, министр иностранных дел не отвечал за внутринемецкую политику, потому что внутренние вопросы не относились к «внешней политике». Тем не менее Геншер был полностью вовлечен в вопросы воссоединения, потому что с ним были связаны внешние осложнения, отношения с соседями ФРГ, с правами Четырех союзных держав, прерогативы сверхдержав, сфера международных организаций, так же как и вопросы территории и безопасности. Геншер понимал, что выстроить международный консенсус и проложить дорогу к единству – это его долг.

Москва, очевидно, была самым проблемным препятствием, и для его преодоления требовались самые большие усилия. И, что еще более важно, у Советов были сильные карты: СССР был ядерной сверхдержавой, одной из четырех стран-союзниц, державшей на территории ГДР полумиллионную армию.

Это давало Кремлю несколько возможностей. Он мог настаивать на панъевропейской структуре. Или предлагать идти к германскому единству через нейтралитет, как это пытался сделать Сталин в 1952 г. Он просто мог сказать единству «нет» или использовать силу, чтоб сохранить ГДР. Но как обстояли дела в самом Кремле? А не повернет ли перестройка вспять? А как обстоит дело с переориентацией экономики? Можно ли сдержать сепаратистские требования республик? А вдруг произойдет путч?

⁴⁸⁴ Vorlage von Lambach für Sudhoff, 1.12.1989, опубликовано в DE doc. 25; Запись переговоров Андреотти и Горбачева в Риме 29.11.1989, опубликована в: Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 267; Горбачев. Собр. соч. Т. 17. С. 206; Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 124; Kiessler & Elbe *Ein runder Tisch* pp. 52–54; Vorlage von Hartmann an Kohl 1.12.1989, опубликовано в: DESE doc. 107 pp. 595–596.

⁴⁸⁵ Kiessler & Elbe *Ein runder Tisch* pp. 51–52

⁴⁸⁶ Пять лет спустя, в своих мемуарах, Геншер все еще пренебрежительно отзывался о плане Коля из десяти пунктов как о слишком нерешительном и медлительном, без четкого графика в очень срочной ситуации. «Единство должно было быть достигнуто как можно скорее». Genscher *Erinnerungen* p. 673.

Неделей позже, 5 декабря Геншер прилетел в советскую столицу – темным, пасмурным днем прямо во время метели. По пути в город его кортеж встретил другой, двигавшийся ему навстречу, – в аэропорт. Это были Кренц, Модров и иные руководители СЕПГ, только что завершившие свои дела в Кремле. Геншер невольно подумал, что Советы специально согласовали все события, чтобы избежать неловкой германо-германской встречи в аэропорту⁴⁸⁷.

Напряжение витало в воздухе. И то, что произошло вслед за этим, оказалось «самой несговорчивой встречей» с Советами, которую Геншер мог потом вспомнить. Тон разговора во время всей встречи с Горбачевым был настолько резким, что Геншер позднее попросил стенографиста описать встречу более спокойно⁴⁸⁸. «Никогда ранее и никогда после я не видел Горбачева таким огорченным и расстроенным», – отметил Геншер в своих мемуарах. Советский лидер не мог сдерживать злости из-за того, что Коль не стал консультироваться. По воспоминаниям Черняева, он гневался несколько дней, хотя у его гнева могли быть и другие причины из-за трудностей в своей стране и вследствие ухудшения ситуации в Восточной Европе в целом. Но что бы ни происходило в уме Горбачева, Геншер был удобной мишенью для его гнева. На самом деле Геншер чувствовал, что временами Горбачев впадает в ярость, потому что просто не в состоянии обсуждать важные вопросы серьезно⁴⁸⁹.

И все-таки Геншер не терял самообладания и преданно защищал политику канцлера. Он подчеркнул, что Германия никогда «не пойдет на это одна», что Федеративная Республика прочно связана с ЕС и ОБСЕ (т.е. с Хельсинкским заключительным актом) и что «совместное развитие двух германских государств» будет вписано во все эти структуры. Он подтвердил Политику ответственности Бонна (*Politik der Verantwortung*) и то, что ФРГ привержена выполнению заключенных соглашений и, не в последнюю очередь, соглашений о польской границе. Это, сказал он, важно подчеркнуть в свете немецкой «истории, ее геополитического положения и размеров населения». Горбачев дал ему высказаться и затем со злостью повторил, что «10 пунктов» Коля – это полностью «безответственная и грубая политическая ошибка», которая представляет собой ультиматум правительству Восточной Германии; Коль попытался выписать конкретный «внутренний ордер» на ГДР, на суверенное государство. «Даже Гитлер не позволял себе ничего подобного!» – подал голос Шеварднадзе.

Все еще горячась, Горбачев объявил программу Коля «настоящим реваншизмом», написанной в стиле «обращения к подданным» и объявлявшей не меньше, как «похороны» европейскому процессу. Он продолжал в том же духе: «10 пунктов» – «безответственный план». Немецкая политика – это «сумятица в умах, суматоха». «Немцы эмоциональный народ, но вы и философы. И должны помнить, к чему приводила в прошлом политика без головы».

Геншер прервал его: «Мы знаем наши исторические ошибки, и мы не намерены их повторять».

«Вы имели прямое отношение к выработке “восточной политики”. А теперь вы очень многое ставите под угрозу. Я боюсь, не собираетесь ли вы сделать все происходящее предметом своей предвыборной борьбы». Он продолжил критиковать Коля за то, что он «торопится, искусственно подстегивает события, подрывая с таким трудом налаживающийся общеевропейский процесс». Горбачев попробовал и вбить клин между Геншером и Колем: «Мне кажется, г-н Геншер, что о его десяти пунктах вы слышали только из соответствующего выступления в бундестаге». На что Геншер, признав сам факт, ответил: «Да, это так, но это наше внутреннее дело. Мы сами в этом разберемся». Хорошо, согласился Горбачев, но «сами видите, что ваше внутреннее дело задевает всех».

⁴⁸⁷ Ibid. p. 682; см. также: Ritter Hans-Dietrich Genscher pp. 39–40.

⁴⁸⁸ Werner Weidenfeld et al. *Außenpolitik für die deutsche Einheit: Die Entscheidungsjahre 1989/90* [Geschichte der deutschen Einheit, Band 4] DVA 1998 p. 646.

⁴⁸⁹ Genscher *Erinnerungen* pp. 683–684. Для сравнения см. довольно краткие воспоминания об этом Горбачева: Gorbachev *Memoirs* pp. 527–528.

Советский лидер завершил встречу, протянув что-то вроде оливковой ветви мира: «Не относите все, что мною сказано, на свой личный счет, г-н Геншер. Вы знаете, что мы относимся к вам иначе, чем к другим». Посыл был совершенно ясен: Геншер – не Коль. Министр иностранных дел проглотил это, потому что канцлера тут не было. Горбачев чувствовал себя так, словно Коль его предал. Это был плач по их благоухающему вечеру тогда в июне на берегах Рейна. Теперь, чтобы восстановить эти отношения, нужно было время и немалые усилия⁴⁹⁰.

Хотя Горбачев и Советский Союз оставались основной проблемой, Коль и Геншер столкнулись с проблемами и на своем западном фронте. И в Лондоне был лидер, столь же яростно настроенный, как и Горбачев, и по меньшей мере такой же критик всякого движения в сторону объединения Германии – не в последнюю очередь потому, что Маргарет Тэтчер заикнулась на истории. Она родилась в 1925 г. и выросла в провинциальном Грантэме – городке в Линкольншире. Она повзрослела ко времени войны с Гитлером и сформировалась на мифологии о британском «звездном часе». И это всегда окрашивало ее взгляды на послевоенную Германию. Выучившись на химика и позже став адвокатом, она была избрана в парламент как депутат от партии тори в 1959 г., в самый разгар холодной войны, и через двадцать лет стала премьер-министром, как раз когда политика разрядки обледенела. Десятилетие ее пребывания у власти было отмечено радикальной программой экономической либерализации и мощного национализма, за что ее прозвали «Железной леди».

Ее внешняя политика была традиционной, основанной на идеях баланса сил. Тэтчер обожала «особые отношения», усердно взращиваемые Рональдом Рейганом. Она равно горячо выступала за ядерное устрашение, поддерживая модернизацию тактических ядерных сил НАТО и продвигая размещение крылатых ракет, несмотря на яростную оппозицию слева. Она, так же как и Рейган, была убеждена, что коммунизм – это идеология прошлого, и поэтому поддерживала политику реформ Горбачева, хотя при этом внимательно следила за их последствиями для советской державы. В Европе она была суровым критиком глубокой экономической и политической интеграции, особенно плана Делора, хотя с энтузиазмом подписалась под решением о создании единого рынка в 1986 г. После крушения советского блока в 1989-м ее самым большим страхом стало то, что новый германский гегемон нарушит европейское равновесие, с таким трудом созданное за прошедшие сорок лет. Сочетание единой валюты и единой суверенной Германии в центре Европы будет просто «неприемлемым», говорила она Миттерану 1 сентября. Она говорила, что «много читала по германской истории в отпуске и очень обеспокоена»⁴⁹¹. Три недели спустя в таком же стиле она проинформировала Горбачева, что «хотя НАТО традиционно делает заявления о поддержке надежды Германии на воссоединение, на практике мы совсем не будем этому рады»⁴⁹². Другими словами, даже накануне падения Стены она определенно находилась на «тропе войны» против германского единства⁴⁹³.

Вообще, все выглядело так, что Тэтчер всегда против, и она этого не скрывала. Хотя ей почти нечего было предложить взамен в практическом плане. Она мечтала увидеть конец ком-

⁴⁹⁰ Подчищенную немецкую запись см.: PAAA ZA 178.931E Vermerk – Memcon of Gorbachev–Genscher talks in Moscow on 5.12.1989 by Kastrup D2 6.12.1989. Выдержку из советских записей см.: Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 274–284.

⁴⁹¹ Minute from Sir Patrick Wright (FCO) to Wall 30.10.1989, printed in *DBPO III VII GU 1989/90* doc. 26 fn. 3 p. 79. Cf. Elisabeth Guigou *Une femme au coeur de l'Etat. Entretiens avec Pierre Favier et Michel Martin-Roland* Fayard 2000 pp. 75–77. См. также TNA UK PREM 19/2691 Charles Powell's 'Memo for Thatcher: Meeting with President Mitterrand' 29.8.1989.

⁴⁹² *DBPO III VII GU 1989/90* doc. 26 fn. 4 p. 69. Ср. запись разговора между Горбачевым и Тэтчер 23.9.1989, опубликована в: *MoH:1989* doc. 85 pp. 530–532; Thatcher *The Downing Street Years* p. 792; Rodric Braithwaite *Across the Moscow River: The World Turned Upside Down* Yale UP 2002 pp. 135–136. Vermerk by Hartmann on London talks 13.10.1989, опубликовано в: *DESE* doc. 61 pp. 450–451.

⁴⁹³ G. R. Urban *Diplomacy and Disillusion at the Court of Margaret Thatcher: An Insider's View I*. B. Tauris 2006 p. 100. После падения Стены Тэтчер 24 ноября в Кэмп-Дэвиде сказала Бушу, что «теперь нет времени для начала обсуждения границ в Европе. Если обсуждение начать, то это подорвет позиции Горбачева... Так что воссоединение Германии – это не только вопрос об их самоопределении». TNA UK PREM 19/2892 Charles Powell's 'Letter to Wall: Prime Minister's Meeting with President Bush at Camp David' 25.11.1989.

мунизма, но боялась того воздействия, которое он мог оказать на баланс сил в Европе. Когда Геншер навел на следующий день после речи Коля, она опасалась за судьбу Горбачева. Если Германия объединится, советский лидер падет, а Варшавский пакт распадется, то что будет дальше? Поэтому императивом является, наставляла она Геншера, прежде всего, развитие демократических структур в Восточной Европе. Она настаивала на том, что политическая свобода в Восточной Европе станет устойчивой, только если правильно будет осуществлена экономическая либерализация, и порицала Горбачева за то, что он держался за ремонт социализма, а не за его снос. Перемены в Восточной Европе идут, они ведут к свободе и демократии, и они должны происходить при том, что «основа остается стабильной». Иными словами, говорила она, «другие вещи надо оставить на своих местах». История показала, что проблемы Центральной Европы всегда начинаются со второстепенных вопросов; если кому-то станут не давать покоя его границы, то все займется распутыванием таких вопросов. Именно так и началась Первая мировая война. За десять дней до этого в Париже она понимала дело так, что объединение и границы не находятся на столе переговоров; а теперь речь Коля потрясла все эти основания.

Геншер попытался ее успокоить, сосредоточив внимание на теме переговоров о сокращении обычных вооружений, призванных стабилизировать ситуацию в сердце Европы. Он, конечно, хотел побудить Советы к выводу их войск из Восточной Германии, но Тэтчер буквально вскинулась, когда об этом зашла речь. Она не хотела, чтобы советские войска уходили, если это означало, что и американцам предстоит уйти. Для нее это не было вопросом о стратегическом балансе сил в области европейской безопасности, но вопросом о том, чтобы сохранять немцев под контролем⁴⁹⁴.

Министр иностранных дел Британии Дуглас Хёрд присутствовал на этой встрече молча. Пока Тэтчер неистовствовала, ему нельзя было сказать ни слова. Но Министерство иностранных дел и по делам Содружества на самом деле было весьма озабочено всеми теми вопросами, которые затрагивала Тэтчер⁴⁹⁵. Записка министерства на эту тему, подготовленная как раз в день визита Геншера, признавала, что немцы «видят свое положение вне мейнстрима». Как, собственно, и Вашингтон: президент «держится отстраненно от нас по вопросам Варшавского пакта и германского воссоединения». Что касается беспокойства Тэтчер о политической уязвимости Горбачева, то министерство считает, что все это сильно преувеличено, потому что сам Горбачев «не вмешивается в процесс избавления Восточной Европы от коммунизма». Таким образом, настоящая опасность заключается в том, что «мы святее папы римского». Форин-офис предупреждал об опасности политики статус-кво и о вероятности оказаться в стороне, если только не разделить представление Буша о Европе «целостной и свободной». Если в крайнем случае парламент решит блокировать объединение Германии, используя статус Великобритании как одной из четырех держав-победительниц, то «мы не сможем рассчитывать на то, что кто-то еще к нам присоединится»⁴⁹⁶.

Тэтчер просто не была на одной волне со своими дипломатами. Она не только была прямолинейна в разговоре с Геншером, но и не стеснялась обзывать Коля, которого не любила лично, называя его «толстяк», «сосисочник», «типичный тевтонец», – вообще считала его воплощением колосса Европы⁴⁹⁷.

⁴⁹⁴ PAAA ZA 178.931E 'Vermerk; by Amb. von Richthofen on the Thatcher–Genscher talks in London, 1710-1805hrs (29.11.1989)' 30.11.1989. Это также опубликовано в: Andreas Hilger (ed.) *Diplomatie für die deutsche Einheit: Dokumente des Auswärtigen Amtes zu den deutsch-sowjetischen Beziehungen 1989/90* Oldenbourg 2011 (hereafter DDE) doc. 10 pp. 49–55.

⁴⁹⁵ На самом деле сэр Патрик Райт распорядился, чтобы резкие высказывания премьер-министра Тэтчер во время встречи глав государств Содружества в Куала-Лумпуре 19–24.10.1989 были убраны из записи, сделанной Секретариатом Содружества. «Но, – отметил он, – пройдет немного времени, и взгляды премьер-министра на этот вопрос станут широко известны». *DBPO III VII GU 1989/90* doc. 26 p. 80 fn. 6.

⁴⁹⁶ Minute, Sir John Fretwell to Wall 29.11.1989, опубликовано в: *DBPO III VII GU 1989/90* doc. 62 pp. 143–144.

⁴⁹⁷ Ср. дневниковые записи за 19.12.1989 и за 25.3.1990, опубликованные в: *Urban Diplomacy* pp. 104–116, 131 («пожи-

Британский премьер была признанным западным критиком «10 пунктов», но у Геншера имелись трудности и с французским президентом. Миттеран был поражен тем, что Коль держал его в неведении, – особенно после того, как на протяжении ноября в Бонне, Париже и Страсбурге они провели содержательные напряженные беседы. Коль даже пространно написал ему 27 числа о будущем экономическом и валютном союзе, никак не намекнув, что на следующий день объявит об объединении. Тем не менее, попридержав язык, Миттеран в Афинах сообщил прессе, где он находился с государственным визитом, что, хотя он и ожидал, что Четыре державы будут поставлены Бонном в известность, само стремление немцев к единству является «законным» и что у него нет никаких намерений противиться этим надеждам. Более того, сказал Миттеран, он верит, что немцы не допустят, чтобы другие народы Европы столкнулись с тем, что немецкая политика свершившихся фактов будет осуществляться тайком⁴⁹⁸.

Когда Миттеран встретился с Геншером в Елисейском дворце, то их сорокапятиминутная встреча была вежливой, но отстраненной. Будучи приглашенным высказаться первым, Геншер предпочел прежде всего подчеркнуть то, что считает себя европейцем. Он настаивал на том, что ФРГ совершенно привержена интеграции ЕС и хотела бы иметь дела с Востоком. Он говорил, что верит, что судьба Германии должна быть связана с судьбой Европы. Европейское воссоединение невозможно без воссоединения Германии. И в такой же степени он не хочет и того, чтобы интеграционный процесс в ЕС отставал из-за той энергии, которая уходит на преобразование отношений Восток–Запад. И НАТО тоже должно в этом участвовать. И не в последнюю очередь потому, что присутствие Америки в Европе и на немецкой земле является «экзистенциальной необходимостью»⁴⁹⁹.

Миттеран выслушал его, но потом выдал свою собственную лекцию, говоря с возрастающим напряжением, по мере того как он вспоминал свою личную одиссею во время двух мировых войн. Он родился в 1916-м, в год франко-германской бойни при Вердене, а самому Миттерану довелось стать ветераном 1940 г. Как и у любого другого патристически настроенного француза, у него были исторически обоснованные предрассудки в отношении Германии. Но, как большинство послевоенных политических руководителей Франции, особенно после подписания договора Аденауэра – де Голля в 1963 г., он был глубоко привержен франко-германскому примирению, развитию «особых отношений» между Парижем и Бонном и лидирующей роли двух стран в европейской интеграции⁵⁰⁰. Хотя он был социалистом, и в этом смысле идеологически находился в противоположном лагере с канцлером – христианским демократом, он и Коль стали добрыми друзьями, в 1984 г. обменявшимися знаменитым рукопожатием у мемориала в Вердене. Но, несмотря на все эти публичные выражения дружеских чувств, отношение Миттерана к немецкому государству оставалось неоднозначным⁵⁰¹.

Германское единство выглядит отлично до той поры, пока остается удаленной перспективой. Миттеран в сентябре сказал Тэтчер, что он не так встревожен, как она, но только потому, что он верит, что ЕС и особенно единая валюта будут работать как ограничитель, но также и потому, что он не ждет, что германское объединение произойдет скоро. Он сказал ей по секрету, что Горбачев не воспринимает объединенную Германию в НАТО, а Вашингтон не допустит, чтобы ФРГ вышла из Альянса: «Alors, ne nous inquiétons pas: disons quelle se fera quand les Allemands le décideront, mais en sachant que les deux Grands nous en protégeront» (Поэтому не

ратель сосисок», «толстяк», «туповатый тевтонец»), 133.

⁴⁹⁸ DE doc. 25 p. 151. Письмо Коля Миттерану 27.11.1989, опубликовано в: DESE doc. 100 pp. 565–566.

⁴⁹⁹ Niederschrift (Memcon) by Amb. Pfeffer of Mitterrand–Genscher talks Paris 30.11.1989, printed in DDE doc. 11 pp. 56–57.

⁵⁰⁰ О том, как оценивает Миттеран специальные франко-германские отношения, см. в записи переговоров Горбачева и Миттерана в Киеве, 6.12.1989, опубликовано в: Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 286.

⁵⁰¹ DDE doc. 11 p. 58.

станем волноваться: давайте скажем, что это произойдет тогда, когда такое решение примут сами немцы, понимая, что две сверхдержавы защитят нас от них)⁵⁰².

Однако теперь Миттеран сказал Геншеру, что дело явно пошло. И раз Европа пришла в движение, старые территориальные вопросы проснутся. Кто-то не сможет даже представить себе возврат к 1913 г., и мир может оказаться на грани войны. Является императивом, что воссоединение, когда бы оно ни произошло, должно происходить в сети безопасности все более консолидирующегося Европейского сообщества. Если интеграционный процесс прервется, он боится, что континент может вернуться к дням политики альянсов. И он ясно дал понять Геншеру, что Коль действует деструктивно, выступая в роли «тормоза» ЭВС. Он добавил, что до сих пор Федеративная Республика всегда была мотором европейского объединительного процесса. Сейчас этот процесс замер. И если Германия и Франция не посмотрят друг другу прямо в глаза на саммите в Страсбурге в декабре, другие от этого только выиграют. Тэтчер не только блокирует всякий прогресс в Европе, но и объединится с другими против германского единства.

В отличие от Тэтчер Миттеран принял то, что остановить процесс германского воссоединения невозможно и что на самом деле это справедливо. Но он настаивал, что этот неостановимый процесс должен быть надлежащим образом интегрирован с проектом ЕС. «Европа» не только помогла абсорбировать его укоренившиеся подозрения в отношении немцев, но он также почувствовал, что она дала ему возможность влиять на Бонн: и это было преимущество вливания немецкой марки в единую валюту. А вот у Тэтчер, при всей ее намного большей германофобии, подобного оружия в арсенале не было: она игнорировала Европейский проект и ненавидела единую валюту. На самом деле она все больше отодвигалась на поля европейской политики. Но это не беспокоило британского премьера. В действительности ей, кажется, нравилось оставаться в меньшинстве, если она была убеждена в собственной нравственной правоте⁵⁰³.

В такой вот атмосфере лидеры стран ЕС встретились в Страсбурге 8–9 декабря. Теперь уже Колю, а не Геншеру пришлось разбираться со всем этим – и это не доставляло ему удовольствия. Как он позднее написал в своих мемуарах, он не мог припомнить другой такой «напряженной» и «недружеской» встречи. Он ощущал себя так, словно предстал перед судом⁵⁰⁴. У всех на уме было только воссоединение. Давние коллеги, которые, казалось, так верили в европейскость ФРГ, теперь оказались в ужасе, что Бонн пойдет собственной дорогой – словно поезд, несущийся вперед все быстрее и быстрее и, быть может, совсем в другом направлении, чем от него ожидали. Коль чувствовал, что весь зал был полон вопросов: можно ли ему вообще доверять? Остается ли ФРГ надежным партнером? Остаются ли немцы лояльными Западу? И только лидеры Испании и Ирландии встретили идею воссоединения Германии с открытым сердцем. Коль чувствовал, что Бельгия и Люксембург могут создать проблемы. У всех остальных имелись свои опасения, и они их не скрывали. Итальянец Джулио Андреотти открыто предупредил о возможности «пангерманизма»; и даже коллега, христианский демократ из Нидерландов Рууд Любберс, не мог скрыть своего недовольства амбициями германского воссоединения⁵⁰⁵.

На самом деле Коля нервировала Тэтчер. Ее любимым коньком на протяжении обоих дней была «нерушимость границ». Она заговорила об этом в первый же рабочий день, и Коль был ужасно раздражен этим, потому что чувствовал, что ее целью была вовсе на западная гра-

⁵⁰² DBPO III VII GU 1989/90 doc. 26 fn. 3 p. 79

⁵⁰³ DDE doc. 11 pp. 56–61. См. также: Patrick Wright, *Behind Diplomatic Lines: Relations with Ministers* Biteback Publ. 2017 p. 52; Malcolm Rifkind, *Power and Pragmatism* Biteback Publ. 2016 p. 255; Robin Renwick *A Journey With Margaret Thatcher: Foreign Policy Under the Iron Lady* Biteback Publ. 2014 pp. xviii–xxi

⁵⁰⁴ Kohl *Meine Erinnerungen* p. 136.

⁵⁰⁵ Ibid. p. 138.

ница Польши, а разделение между Востоком и Западом Германии. После ужина при обсуждении текста коммюнике саммита Тэтчер угрожала применить право вето, если принцип «нерушимости границ» ОБСЕ не будет четко упомянут. И Коль вновь потерял самообладание, со злостью напомнив ей, что главы правительств ЕС по множеству случаев подтверждали то, что она сейчас ставит под сомнение: воссоединение Германии через самоопределение в соответствии с Хельсинкским заключительным актом. Тэтчер буквально взорвалась: «Мы дважды разбили Германию! И они опять возвращаются!» Коль прикусил губу. Он знал, что она прямо говорит то, о чем многие вокруг лишь думают⁵⁰⁶.

Это для него было особенно чувствительно, потому что он знал, что Тэтчер и Миттеран в тот день общались тет-а-тет. Но он не знал, что во время этой встречи она достала из своей знаменитой сумочки две карты, где были отмечены границы Германии в 1937 и в 1945 гг. Она указала на Силезию, Померанию и Восточную Пруссию: «Они займут все, и Чехословакию». Временами Миттеран подыгрывал ей – говоря, например, что «мы должны оформить особые отношения между Францией и Великобританией точно так же, как в 1913 и в 1938 гг.», он также спокойно утверждал, что воссоединение нельзя предотвратить, добавляя «мы должны обсуждать с немцами и уважать договоры», и подтвердил сам принцип воссоединения. Но Тэтчер пропустила все это мимо ушей: «Если Германия будет направлять ход событий, она возьмет под свой контроль Восточную Европу точно так же, как Япония поступила на Тихом океане, и это будет неприемлемо с нашей точки зрения. Другие должны объединиться, чтобы этого избежать»⁵⁰⁷.

Но они не объединились. Когда коммюнике было опубликовано, стало очевидно, что Франция и Германия держатся вместе, твердо придерживаются и валютного союза, и германского воссоединения. Более того, все, кто изначально сомневался, к ним присоединились.

По вопросу валютного союза ЕС-12 отвергли ярые возражения Тэтчер и сделали новый и важный шаг в направлении создания центрального банка и общей валюты. Они согласились созвать специальную межправительственную конференцию в декабре 1990 г. – после завершения работы по тесной координации экономической политики в соответствии с первой стадией, предусмотренной докладом Делора, намеченной на июль, и после выборов в ФРГ (чтобы угодить Колю). Было очевидно, что недавние перемены в Восточной Европе усилили импульс к европейской интеграции. Миттеран доказывал, что Сообщество надо укрепить, чтобы справиться с проблемой оказания помощи «новым демократиям Восточной Европы по мере их движения к большей свободе и для того, чтобы справиться с растущими перспективами германского воссоединения». Ведомый Францией консенсус оставил Тэтчер в знакомом ей положении единственного оппонента ускоренной интеграции, к которому добавился ее отказ подписать Хартию социальных прав Сообщества, с удовольствием одобренной всеми остальными. Широкая поддержка труда, благополучия и других прав трудящихся рассматривалась как важный противовес сильной ориентации на интересы бизнеса значительной части интеграционной повестки дня⁵⁰⁸.

В отдельном заявлении лидеры ЕС также формально поддержали идею единого германского государства, но обставили это некоторыми условиями, которые были предназначены не допустить, чтобы германское единство подорвало европейскую стабильность. «Мы стремимся к укреплению мира в Европе, в котором немецкий народ вновь обретет единство через свобод-

⁵⁰⁶ Kohl *Erinnerungen 1982–1990* pp. 1012–1013

⁵⁰⁷ Mitterrand and Thatcher on German Unification (December 1989) 8.12.1989, опубликовано в: Jussi Hanhimäki & Odd Arne Westad (eds) *The Cold War – A History in Documents and Eyewitness Accounts* Oxford UP 2003 pp. 609–612.

⁵⁰⁸ Alan Riding 'European Leaders Give Their Backing to Monetary Plan' *NYT* 9.12.1989. О высказываниях Тэтчер об ЭМУ и Социальной хартии как «дирижистских, бюрократических, централизованных» и о том, что их действие будет «протекционистским», и что «мы боремся с таким подходом», см. TNA UK PREM 19/3981 Charles Powell to Prime Minister (Secret) – Meeting with Secretary Baker 9.12.1989 pp. 1–3.

ное самоопределение. Этот процесс должен пройти мирно и демократично, с полным соблюдением соответствующих соглашений и договоров и всех принципов, изложенных в Хельсинкском заключительном акте, в контексте диалога и сотрудничества между Востоком и Западом. Он также должен быть поставлен в рамки перспективы европейской интеграции». Другими словами, западная интеграция и панъевропейская безопасность, под чем подписались и Соединенные Штаты, были составной частью любого процесса германского воссоединения.

Заявление ЕС не игнорировало «общую ответственность» за тесное сотрудничество с СССР и Восточной Европой в том, что называло «этой решающей фазой в истории Европы». В особенности в нем подчеркивалась приверженность ЕС поддержке экономических реформ в этих странах. В нем также содержалось подтверждение будущей роли Европейского сообщества: оно остается краеугольным камнем новой европейской архитектуры и в своем стремлении к открытости, к обретению будущего европейского равновесия»⁵⁰⁹.

Коль был невероятно доволен. Несмотря на все возражения, его ставка на «Программу из 10 пунктов» сработала. Теперь, когда Европа и Америка были полностью за него⁵¹⁰, казалось, что у него развязаны руки, чтобы вести свою *Дойчландполитик* так, как он хотел.

Сразу по возвращении в Бонн Коль начал планировать детали своей встречи с Хансом Модровым в Дрездене, назначенной на 19 декабря. Но ни один западногерманский канцлер не мог позволить себе воспринимать нечто как должное. И это был урок, следовавший из сорока лет истории, на протяжении которых ФРГ всегда зависела от оккупационных держав, всегда несла на себе бремя гитлеровской эры, всегда ощущала отсутствие суверенитета. Одним из беспокойств было французское объявление 22 ноября о том, что Миттеран посетит ГДР 20 декабря. Почему именно сейчас? Формально поездка была ответным визитом на визит Хонеккера в Париж в январе 1988 г., но Коль был обижен тем, что его – наиболее заинтересованную сторону – обошли. На более глубинном уровне он ощущал, что французский президент был двуличен – обещал поддержку Колю и движению к единству, хотя очевидно помогал слабейшему несостоявшемуся государству ради собственных интересов Франции. Более того, 6 декабря Миттеран встретился с Горбачевым в Киеве для переговоров о Германии и Восточной Европе. Попасть в ГДР до Миттерана было важнейшей причиной для назначения встречи Коль–Модров на день раньше⁵¹¹.

8 декабря взорвалась другая мина. Коль узнал, что послы Четырех держав собираются встретиться в Берлине для обсуждения текущей ситуации. И не просто в Берлине, а в здании Союзной комендатуры, означавшем для немцев центр оккупационного режима в 1940-е гг. и место, которым не пользовались с 1971 г., когда было подписано четырехстороннее соглашение о допуске в город. Советы, судя по всему, пытавшиеся извлечь для себя пользу из саммита ЕС, пригласили на обсуждение на 11 декабря, всего лишь через три дня. Когда старшего французского офицера спросили, а не будет ли Бонн недоволен этой встречей, он ответил: «В этом и смысл ее проведения». Правительство Коля было в ярости; его гнев смирilo лишь обещание американцев, что они позаботятся о том, чтобы повестка дня была ограничена одним

⁵⁰⁹ 'Excerpts from Statement by European Community' *NYT* 10.12.1989; Alan Riding 'Europe Backs Idea of One Germany' *NYT* 10.10.1989

⁵¹⁰ Даунинг-стрит 10, напротив, был «немного раздражен американским отношением к Европе» и Германии. TNA UK PREM 19/3981 Charles Powell to Prime Minister (Secret) – Meeting with Secretary Baker 9.12.1989 pp. 1–2.

⁵¹¹ Teltschik 329 *Tage* pp. 47, 60–61; см. также: Bozo *Mitterrand* pp. 156–160, 163–167, 419–420, особенно примечания 160–161, 167–168. Киев не упоминается в записях о переговорах во время рабочего завтрака Коля–Миттерана в Страсбурге 9.12.1989, опубликовано в: *DESE* doc. 117 pp. 628–631. Из записей о переговорах Горбачева и Миттерана в Киеве 6.12.1989, см.: *MoH:1989* doc. 114 pp. 657–659.

Берлином, а не стала обсуждением германского вопроса в целом. Что касается того, что произошло в тот день, то американцам потребовалось применить изрядные дипломатические усилия, чтобы нейтрализовать эту довольно грубую русскую уловку придать Четырём державам какую-то формальную роль при решении германского вопроса⁵¹².

Поскольку все это произошло через несколько дней после того, как Горбачев набросился на Геншера, то советская демонстрация силы в Комендатуре была предназначена для канцлера, чтобы он предпринял усилия объяснить свои 10 пунктов Горбачеву и ответил на советскую критику. Коль поручил Тельчику набросать личное послание к советскому лидеру, занявшее одиннадцать машинописных страниц и содержавшее очень тщательно подобранные аргументы.

В своем письме Коль объяснял, что его мотивом при подготовке «Программы из 10 пунктов» было стремление прекратить лишь реагировать на события и бежать за ними, а вместо этого начать формировать будущую политику. Он также настаивал, что его речь была сжатой и ее следует понимать в широком международном контексте. Он особенно ссылаясь на «параллельность и взаимное усиление» процессов в примирении Востока и Запада, так четко проявившееся на Мальте, более тесное сплочение ЕС, как это было согласовано в Страсбурге, и вероятные подвижки в существующих военных альянсах в сторону придания им больше политической формы и на то, что, как он надеется, станет эволюцией процесса ОБСЕ через ее следующую конференцию (Хельсинки-2). Через эти различные процессы, подчеркивал канцлер, и проляжет его путь к единству. Он добавил, что никакого «жесткого графика» нет, как нет никаких заранее предустановленных условий – как ошибочно предположил Горбачев. Более того, эта речь предлагает ГДР варианты и постепенный, поэтапный подход, который обещает взаимное переплетение множества политических процессов. Далее Коль детально изложил все десять пунктов, прежде чем в конце письма сообщить, что он стремится преодолеть разделение как в Германии, так и в Европе «органично». Нет причины, настаивал он, Горбачеву опасаться каких-либо немецких попыток «идти в одиночку» (*Alleingänge*) или по «отдельной тропе» (*Sonderwege*), как нет причины опасаться какого-то «отсталого национализма»! В целом, провозглашал Коль, «будущее всех немцев – в Европе». Он доказывал, что они теперь находятся «на историческом поворотном пункте Европы и всего мира, в котором политических лидеров проверяют на то, способны ли они и насколько сообща решать проблемы». В этом духе он предлагал, чтобы они оба обсудили положение на личной встрече, и пообещал, что будет готов к встрече с Горбачевым в любой момент, как он того пожелает.

Однако оказалось, что это весомое письмо не возымело никакого эффекта. Вечером 18 декабря накануне своего визита в Дрезден канцлер получил письмо от Горбачева. Коль думал, что это ответ на его послание, но Горбачев затрагивал другие вопросы⁵¹³. В резком тоне на двух страницах советский лидер упоминал лишь визит Геншера и повторил, что с точки зрения СССР «10 пунктов» – это «ультиматум». Как и ГДР, сказал он, Советы считают такой подход «неприемлемым», видят в нем нарушение соглашений в Хельсинки и также тех соглашений, которые были достигнуты в текущем году. Наконец, сославшись на свою речь в ЦК 9 декабря, Горбачев подчеркнул членство ГДР в Варшавском пакте и статус Восточного Берлина

⁵¹² Zelikow & Rice *Germany Unified* p. 140 (цитата); Телеграмма Маллаби делегации Великобритании в Страсбург 9.12.1989; и телеграмма Маллаби Хёрду 10.12.1989, обе опубликованы в: *DBPO III VII GU 1989/90 docs 72-3 pp. 166–169*.

⁵¹³ Письмо Горбачева к Колю (не датировано, середина декабря 1989), опубликовано в: *DESE doc. 126 pp. 658–659*; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 143–144; *Teltschik 329 Tage* pp. 85–86. Ирония заключается в том, что советский посол Квидинский позвонил Тельчику, чтобы узнать, пришло ли письмо, и спросил, является ли письмо Коля ответом на темы письма Горбачева. Он не понимал, что письмо Коля было написано за несколько дней до этого и было отправлено прежде, чем Горбачев изложил свои мысли на бумаге. Но Тельчик постарался все обставить как можно лучше, предположив, что письмо Коля безусловно ответит на некоторые из озабоченностей, так волновавших Горбачева.

как «стратегического союзника» СССР и заявил, что Советский Союз сделает все для «нейтрализации» всякого вмешательства в дела Восточной Германии⁵¹⁴.

Поскольку обо всем этом Коль от Геншера уже слышал, то письмо его всерьез не обескуражило. По письму он чувствовал, что Горбачев находился под влиянием московского визита Ханса Модрова 4–5 декабря. Советский лидер после торжеств 7 октября лично в Восточной Германии не был, и у него не было собственного ощущения ситуации и настроения народа. Попав под влияние Модрова – с его рассуждениями о преобразованном коммунизме, сохранении независимости Восточной Германии и договорном сообществе с ФРГ, – советский лидер, вероятно, постарался выказать свою приверженность ГДР. Так могло выглядеть в том или ином смысле позитивное прочтение письма Горбачева. В более пессимистическом варианте следовало сосредоточить внимание на том, что кремлевское руководство отвергает «темп и конечную цель» германо-германского движения к единству, очевидную озабоченность Горбачева тем, какие «геополитические и стратегические последствия этот процесс может иметь для самого СССР»⁵¹⁵.

Это сражение в письмах усилило настрой Коля на использование «окна возможностей» еще до Рождества – принять меры в отношении Модрова и, наконец, самому погрузиться в революцию в Восточной Германии. Ирония заключалась в том, что канцлер Западной Германии с момента падения Стены бывал везде – в Западном Берлине, Польше, во Франции и совсем недавно в Венгрии, но не в самой ГДР. Этот пробел был восполнен утром 19 декабря, когда Коль, Тельчик в сопровождении небольшого круга лиц приземлились в Дрездене. Министра иностранных дел Геншера с ними не было.

Коль был очень тактильным политиком, и он чутко прислушивался к общественным настроениям. Он мог с чувством рассуждать о германском единстве в боннском Бундестаге – как он признавал это в воспоминаниях, – но реальное ощущение этой возможности у него появилось, когда он вышел к толпе приветствовавших его людей в аэропорту Дрездена тем холодным вторничным утром. «Там были тысячи людей, ожидавших меня под красно-черно-золотым флагом», – вспоминал Коль. «И мне вдруг стало ясно: этому режиму пришел конец. Воссоединение приходит!» Спускаясь по трапу, он обратил внимание на еще одну деталь – напряженное выражение посеревшего лица Модрова, встречавшего его. Коль обернулся и пробормотал: «Так и есть. Дело в шляпе»⁵¹⁶.

Пока автомобиль с черепашьей скоростью вез их в город, лидеры двух Германий сидели друг напротив друга. Они немного поговорили о детстве: Модров, оставаясь почти неподвижным и сохраняя уверенность в себе, рассказывал о своем рабочем происхождении, о том, как он, получив профессию слесаря, затем защитил диссертацию по экономике в Берлинском университете имени Гумбольдта. Но Коль на самом деле его не слушал. Он во все глаза смотрел на толпы, выстроившиеся вдоль улиц. Ему с трудом верилось в то, что он видел. То же было и с Тельчиком, описавшим эти сцены в своем дневнике: «Целые рабочие коллективы покинули свои заводы – они были в синих рабочих спецовках, и кроме них женщины, дети, целые школьные классы, удивительно много молодежи. Они аплодировали, размахивали какими-то большими белыми полотнищами, смеялись, веселились и радовались. А некоторые просто стояли и плакали. Радость, надежда, ожидание читались на их лицах, но видны были и беспокойство, неопределенность, сомнение». Напротив отеля «Беллвью», где должны были проходить переговоры, стояли тысячи молодых людей, скандируя «Гельмут! Гельмут!» У некоторых в руках были плакаты «Нет насилию» (*Keine Gewalt*)⁵¹⁷.

⁵¹⁴ Vorlage von Hartmann an Kohl (re: Gorbachev's letter) 18.12.1989, опубликовано в: *DESE doc.* 127 p.

⁵¹⁵ Ibid. 127 pp. 661.

⁵¹⁶ Kohl *Erinnerungen 1982–1990* p. 1020.

⁵¹⁷ Teltschik 329 *Tage* p. 87.

Коля и его помощников охватило возбуждение. Каждому захотелось поделиться своими чувствами, когда они ненадолго заехали в отель. Все считали, что это «великий день», «исторический день», «неповторимое событие». После всего, что было, официальные встречи уже не вдохновляли. Премьер-министр Восточной Германии – весь напряженный, сидевший опустив глаза – говорил о потребности в экономической помощи и о реальности двух немецких государств, но ни то, ни другое не тронуло Коля. К предложению Модрова сначала создать «договорное сообщество» двух Германий, а потом только обсудить, что делать дальше «примерно через один или два года», Коль отнесся скептически. Он требовал откровенного и реалистичного разговора о сотрудничестве. Но при этом он сказал Модрову, что не может быть речи ни о каких 15 млрд немецких марок и вообще ни о каких суммах, если их обозначат исторически обусловленным термином «компенсация» (*Lastenausgleich*).

К концу сорокапятиминутного разговора потрясенный Модров понял, что ему придется действовать на условиях, предложенных Колем. Это означало, что ему предстоит отказаться от требования подписать Совместную декларацию с упоминанием «договорного сообщества двух суверенных государств». Канцлер напрочь отвергал всякий разговор о «двух государствах», потому что за этим скрывался риск закрепления статус-кво и создавалась лазейка для сохранения восточногерманского государства. Вместо этого он сосредоточил свое внимание на самом немецком народе и на его праве на самоопределение. Теперь Коль уже был совершенно уверен в том, чего хотели восточные немцы: жить в единой, объединенной Германии⁵¹⁸.

После ланча, прошедшего в атмосфере холодности, и пресс-конференции для журналистов канцлер прошел по улице до руин Фрауэнкирхе, разрушенной во время бомбардировки союзников в 1945 г. В своих воспоминаниях Коль пишет, что выступил перед собравшейся толпой экспромтом, однако на самом деле его речь была тщательно подготовлена Тельчиком предшествующей ночью. В сгущавшихся сумерках зимнего вечера Коль взобрался на специально сооруженную трибуну возле почерневших камней церкви XVIII в., ставшей «антивоенным мемориалом» и тем самым местом, где в 1989 г. состоялись первые протестные акции. Оглядел десятитысячную толпу. Многие держали плакаты и баннеры с лозунгами вроде «Коль, канцлер немцев» (*Kohl, Kanzler der Deutschen*), «Мы один народ» (*Wir sind ein Volk*) и «Единство сейчас!» (*Einheit jetzt*)⁵¹⁹. Надо полагать, в этой людской массе была немало агентов Штази и даже советских секретных служб; может быть, среди них был и спецгент КГБ в Дрездене Владимир Путин.

С трудом сдерживая эмоции, канцлер начал свою речь медленно, ощущая груз ожиданий. Он передал теплые слова приветствия жителям Дрездена от их соотечественников из Федеративной Республики. Ему ответили восторженными криками. Он показал жестом, что ему есть что еще сказать. Стало очень тихо. Дальше Коль говорил о мире, о самоопределении и свободных выборах. Он немного рассказал о встрече с Модровым и о будущем экономическом сотрудничестве и развитии конфедеративных структур и затем перешел к кульминации. «Позвольте мне сказать здесь, на этой площади, с таким богатым прошлым, что моей целью остается – если позволит это исторический момент – единство нашего народа». Гром аплодисментов. «И, дорогие друзья, я знаю, что мы можем достичь этой цели и что наступит час, когда мы станем вместе работать на это, если будем поступать рассудительно и открыто, с пониманием возможного».

Едва справляясь с эмоциями, Коль продолжил свою речь, предметно повествуя о длинном и трудном пути к этому общему будущему, повторяя основные темы, которые он затраги-

⁵¹⁸ Ibid. pp. 87–88, 90; Запись пленарных переговоров Коля–Модрова в Дрездене 19.12.1989, опубликовано в: DESE doc. 129 pp. 668–673. См. также: Vorschlag fu#r Gesprächslinie (о переговорах в Дрездене – не датировано, середина декабря), опубликовано в: DESE doc. 128A p. 665.

⁵¹⁹ Teltschik 329 *Tag* p. 86; Serge Schmemmann 'Leaders of the 2 Germanys Meet – Symbolic Reconciliation Cheered' *NYT* 20.12.1989.

вал в Западном Берлине за день до падения Стены. «Мы, немцы, не живем в Европе и мире одни. Стоит бросить взгляд на карту, чтобы понять, что изменения здесь повлияют на наших соседей как на Востоке, так и на Западе... Здание Германии, наш дом надо строить под европейской крышей. И это должно быть целью нашей политики». В заключение он сказал: «Рождество – праздник для семьи и для друзей. Особенно сейчас, в эти дни, мы вновь начинаем смотреть на самих себя как на немецкую семью. Отсюда, из Дрездена, я шлю мои поздравления всем нашим соотечественникам в ГДР и в Федеративной Республике Германия. Да благословит господь наше Германское отечество!»

К окончанию речи Коля народ почувствовал покой, оказавшись под внушением силы момента. Никто даже не пошевелился, чтобы уйти с площади. Затем одна пожилая женщина взошла на подиум, обняла его и сквозь слезы тихо сказала: «Мы все благодарим вас»⁵²⁰.

В тот же вечер и на следующее утро Коля говорил со священниками протестантской и католической церкви в ГДР и с лидерами вновь сформировавшихся оппозиционных партий⁵²¹. Все его встречи в Дрездене ясно показали Колю, что элиты ГДР не разделяют надежд более широкой общественности. Народные толпы в Дрездене не желали никакой модернизированной ГДР, существующей в одиночестве, о чем говорила оппозиция, равно как и некоего обновления старого режима во главе с Модровым и другими переименовавшимися коммунистами (партия ПДС), существующего в некоей конфедерации с ФРГ. Двадцати четырех часов, проведенных среди народа Дрездена, хватило, чтобы убедить западногерманского канцлера в том, что его «Программа из 10 пунктов» уже устарела. В начавшейся гонке со временем все эти «новые конфедеративные структуры», которые он так отстаивал, оказывались слишком тяжеловесными и затратными по времени. У канцлера больше не было намерения поддерживать правительство Модрова – представлявшее собой шаткое, переходное образование, лишенное какой-либо демократической легитимности и лишь пытавшееся оттянуть гибель тонущего судна⁵²².

Внезапно Коля увидел открывшееся «окно возможностей» в самой сердцевине кризиса. Приветствия толп народа Восточной Германии взбодрили его и стали оправданием драматического поступка. Ему предстояло стать машинистом локомотива объединения, и в этом качестве он был готов перевести рычаг ускорения еще на несколько новых зубчиков. К тому же он получил заряд энергии от всеобщего позитивного медийного восприятия своего визита в Дрезден – как дома, так и за рубежом. Общей темой уже на следующий день стало то, что западногерманский канцлер заложил основу для воссоединения и сделал это на земле Восточной Германии⁵²³.

Дрезден стал началом подлинного моря изменений в общественном восприятии Коля. Он пошел к людям. Он всегда обращался к восточным немцам со словами «дорогие друзья». Он с очевидным удовольствием купался в обожании масс. Крики «Гельмут, Гельмут!» отражали возникшее у восточных немцев ощущение, что западногерманский лидер стал для них своим человеком. Поскольку все это транслировали по телевидению в обеих Германиях, то очень быстро канцлер со свойственным ему бурным выражением патриотических чувств наполнил немецкие квартиры от Берлина до Кельна и от Ростка до Мюнхена⁵²⁴.

⁵²⁰ Rede des Bundeskanzlers auf der Kundgebung vor der Frauenkirche in Dresden am 19.12.1989, опубликовано в: *Bulletin* no. 150 22.12.1989; Schmemmann 'Leaders of the 2 Germanys Meet'.

⁵²¹ Запись переговоров Коля с группами оппозиции в ГДР в Дрездене 20.12.1989, опубликовано в: *DESE doc.* 130 pp. 673–675; Teltschik 329 Tage p. 93.

⁵²² Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 156–167.

⁵²³ Teltschik 329 Tage p. 92.

⁵²⁴ Schmemmann 'Leaders of the 2 Germanys Meet'. См. также: Rödder *Deutschland* pp. 144–145. Ганс Модров был сильно огорчен влиянием речи Коля на толпу и на весь визит в целом. См.: Hans Modrow *Ich wollte eine neues Deutschland* Dietz 1998 pp. 391–392.

Конечно, подобные приветствия сопровождали и выступление Вилли Брандта на митинге СДПГ в Магдебурге в ГДР в тот самый день. С огромным энтузиазмом встречали и Ханса-Дитриха Геншера в его родном городе Галле и в Лейпциге, куда он вернулся 17 декабря⁵²⁵. Но Коль в Дрездене намного обошел их всех. Очень редко канцлера – часто становившегося объектом насмешек за неуклюжую провинциальность – встречали так восторженно даже в его собственной Западной Германии. Учитывая, что в ФРГ до выборов оставалось меньше года и что германское единство становилось доминирующим вопросом, Дрезден стал самым лучшим завоеванием общественного внимания, о котором канцлер мог только мечтать.

И какого-то международного соперничества тоже не было. В тот самый день, 19 декабря, когда Коль выступал в Дрездене, Эдуард Шеварднадзе стал первым советским министром иностранных дел, который появился в штаб-квартире НАТО⁵²⁶, что стало еще одним символическим сигналом завершения холодной войны. А 20 декабря уже Франсуа Миттеран стал первым лидером из числа западных стран-союзниц, совершивших официальный визит в столицу Восточной Германии, – еще одно событие, соединявшее многих помимо крошащейся Стены⁵²⁷. Но все эти события звучали как легкий шум на фоне большого взрыва, устроенного Колем. Более того, эти инициативы представлялись поразительными только в сравнении с прошлым, в то время как канцлер смотрел в будущее, и все это знали⁵²⁸.

Это стало совершенно очевидным в одно мгновение 22 декабря – в ту дождливую пятницу в канун рождественских праздников, – когда Коль и Модров официально открыли пункты перехода у Бранденбургских ворот. Глядя на людей, праздновавших единение их собственного города, Коль воскликнул: «Это один из самых счастливых дней в моей жизни!» Для канцлера в конце этого памятного года – прошло менее месяца после его речи о 10 пунктах – Дрезден и Берлин на самом деле означали самые приятные воспоминания⁵²⁹.

Конец 1989 г., конечно, не был счастливым для всех и каждого. Когда люди в западном мире собрались за рождественским ужином, экраны их телевизоров заполнили кадры последних мгновений жизни Николае и Елены Чаушеску. Абсолютный правитель Румынии на протяжении двадцати пяти лет и его жена были казнены солдатами его армии, которой он еще командовал за несколько дней до этого.

Румыния была последней из числа стран советского блока, которая пережила революционные перемены. И она была единственной, в которой они сопровождались широкомасштабным применением силы в 1989 г.: по официальным данным, 1104 человека были убиты и 3352 человека ранены⁵³⁰. Только здесь, как и в Китае, были применены танки, происходили масштабные перестрелки. Это отражало природу чрезвычайно персонализированной и арбитражной диктатуры Чаушеску – самой жестокой в Восточной Европе. Отдалившись от Москвы в середине 1960-х гг., Чаушеску остался в стороне и от реформистской повестки дня Горбачева, и от мирного подхода к осуществлению изменений.

Так почему в таком репрессивном полицейском государстве началось восстание? В отличие от других стран блока Чаушеску смог погасить все внешние долги Румынии – но это стало

⁵²⁵ Michael Richter *Die Friedliche Revolution: Aufbruch zur Demokratie in Sachsen 1989/90* Vandenhoeck & Ruprecht 2009 p. 1094; Genscher *Erinnerungen* pp. 697–702; *idem*, *Unterwegs zur Einheit* pp. 232–238. Cf. Modrow *Ich wollte eine neues Deutschland* pp. 393–394.

⁵²⁶ «Cold War Is Over» Says Shevardnadze at NATO' LAT 19.12.1989.

⁵²⁷ Bozo Mitterrand pp. 163–167.

⁵²⁸ Teltschik 329 *Tage* p. 95.

⁵²⁹ *Ibid.* p. 96; Kohl *Meine Erinnerungen* pp. 158–159.

⁵³⁰ Peter Siani-Davies *The Romanian Revolution of December 1989* Cornell UP 2007 p. 97.

высокой ценой для его народа: он настолько сократил внутреннее потребление, что магазины стояли с пустыми полками, в домах не было отопления и подача электричества ограничивалась несколькими часами в день. Между тем Николае и Елена жили в показной роскоши.

Несмотря на все эти вопиющие репрессии, поводом к их падению стали не социальные протесты, а этнические трения. В Румынии существовало многочисленное венгерское меньшинство: около 2 млн человек из 23 млн населения страны, к которым относились как к гражданам второго сорта. Точкой напряжения стал западный город Тимишоара, где местного пастора и социального активиста Ласло Токеша ожидало выселение. В выходные дни 17–18 декабря около 10 тыс. человек собрались на митинг в его поддержку, декламируя «Свободы! Подымайтесь, румыны. Долой Чаушеску!» Служба безопасности (Секуритате) и армейские части ответили водометами, слезоточивым газом и огнеметами. Шестьдесят безоружных граждан были убиты⁵³¹.

Теперь уже протесты охватили всю страну, люди вышли на улицы, вдохновленные примером Польши, Венгрии и Восточной Германии. Режим предпринял ответные действия, и появились данные о двух тысячах погибших. 19 декабря, когда Коль был в Дрездене, Вашингтон и Москва независимо друг от друга осудили «жестокое насилие»⁵³².

В Бухаресте Чаушеску, совершенно потерявший ощущение реальности, 21 декабря попытался остановить хаос и выступил перед огромной толпой, что стало телевизионным обращением ко всей стране и миру. С балкона президентского дворца великий 71-летний диктатор выглядел постаревшим, растерянным, встревоженным, постоянно делавшим ошибки во время выступления. Почувствовав это, толпа прерывала его невнятную речь шиканьем, воплями и свистом – в какой-то момент он замолк на три минуты. Как только солдаты и кое-кто из агентов Секуритате начали браться с демонстрантами на улицах, режим стал рушиться. На следующее утро чету Чаушеску вывезли с крыши дворца на вертолете, но очень скоро снова задержали и, судив судом Линча, расстреляли – или, точнее, всадили в их тела больше сотни пуль. Их окровавленные тела показали нетерпеливым репортерам.

Однако Румыния в 1989 г. стала исключением. Повсюду смена режимов происходила замечательно более мирным образом. В соседней Болгарии Тодор Живков, находившийся у власти 35 лет, дольше, чем кто-либо еще в блоке, был смещен 10 ноября. Мир это едва заметил, потому что СМИ были заморожены падением Стены предыдущей ночью. В любом случае, это был всего лишь дворцовый переворот: Живков был заменен на своем посту его собственным министром иностранных дел Петром Младеновым. И лишь постепенно стала чувствоваться сила народа. Первые уличные демонстрации в Софии начались неделей позже 18 ноября с требованиями демократии и свободных выборов. 7 декабря разрозненные оппозиционные группы сформировали так называемый Союз демократических сил. Находясь под давлением, власти решили пойти на дальнейшие уступки. Младенов 11 числа объявил, что Коммунистическая партия не претендует на монополию на власть и многопартийные выборы состоятся следующей весной. Впрочем, внезапная отставка Живкова не привела ни к какой фундаментальной передаче власти народу, как в Польше, или к появлению радикальной программы, как в Венгрии. Из этого понятен предпочитаемый в Болгарии термин «Перемены». Через несколько недель настоящий динозавр Варшавского договора был тихо отправлен на свалку истории⁵³³.

Самой эмблематичной из всех национальных революций 1989 г. была революция в Чехословакии. Чехам из первых рук был известен коллапс ГДР, с тех пор как «трабанты» всех цве-

⁵³¹ McDermott & Stibbe (eds) *The 1989 Revolutions* pp. 18–19; Sebestyen *Revolution 1989* pp. 380–386; Thomas L. Friedman 'Casualties Reported in Rumania Protest Spawned by a Clash' *NYT* 19.12.1989.

⁵³² Friedman, 'Rumania's Suppression of Protest Condemned by the US as "Brutal"' *NYT* 20.12.1989.

⁵³³ Sebestyen *Revolution 1989* pp. 361–366; Jordan Baev '1989: Bulgarian Transition to Pluralist Democracy & Documents' *CWIHP Bulletin* 12/13 pp. 165–180. Cf. On 'the change', Maria Todorova 'Daring to remember Bulgaria, pre-1989' *Guardian* 9.11.2009.

тов радуги двинулись по их проселкам, а беженцы наводнили Прагу. Но их собственная коммунистическая элита имела бескомпромиссную твердолобую репутацию, и поэтому перемены пришли в страну позже. Лидер партии Милош Якеш отвергал все попытки реформ сверху, по типу Венгрии и Польши. И у этого был свой контекст. Воспоминания о 1968 г., а прошло всего 20 лет, были все еще памятными и болезненными, но их оживили сцены с Берлинской стены 9–10 ноября. Неделей позже, 17 ноября мероприятие в память о чешском студенте, убитом нацистами пятьдесят лет назад, быстро переросло в демонстрацию против режима, разогнанную полицией силой. Это стало искрой. Со следующей недели ежедневные студенческие протесты стали расти как на дрожжах, вбирая в себя интеллигенцию, диссидентов и рабочих, распространяясь по всей стране. К 19-му числу оппозиционные группы в Праге оформились в «Гражданский форум» (в Братиславе – столице Словакии – движение стали называть «Общественность против насилия»), и к 24-му числу они уже вступили в переговоры с коммунистическим правительством, в котором доминировали умеренные, пришедшие к власти после того, как в отставку ушла старая гвардия из окружения Якеша. Двумя ключевыми фигурами оппозиции – каждая по-своему символичная – были писатель Вацлав Гавел, ключевой деятель движения «Хартия 77» недавно освобожденный из тюрьмы, и словак Александр Дубчек, руководитель Пражской весны в 1968 г. Формальные переговоры за круглым столом прошли 8 и 9 декабря. На следующий день Президент Густав Гусак назначил первое некоммунистическое правительство Чехословакии с 1948 г. и затем ушел в отставку⁵³⁴.

От скорости перемен захватывало дух. Вечером 23 ноября Тимоти Гэртон Эш – ставший свидетелем беспорядков в Польше в июне и начала революции в Чехословакии, – беседовал с Гавелом за кружкой пива в подвале любимого паба Гавела. Британский журналист пошутил: «Польше понадобилось 10 лет, Венгрии 10 месяцев, а Восточной Германии 10 недель; вероятно, Чехословакии понадобится 10 дней!» Гавел взял его за руку, улыбаясь своей знаменитой улыбкой победителя, позвал команду видеожурналистов, пивших пиво в том же баре, и попросил Гэртона задать свой вопрос вновь, на камеру: «Если бы это было возможно, то это было бы сказочно!» – вздохнул Гавел⁵³⁵. Его скептицизм совсем не был показным. И в то же время революция заняла пусть не десять, но двадцать четыре дня, а 29 декабря Национальная ассамблея избрала Вацлава Гавела Президентом Чехословакии в священных залах Пражского Града.

На тот момент это было лишь переходное правительство – свободные выборы должны были состояться в июне 1990-го – трансформация на самом деле была поистине глубокой. Она стала «бархатной революцией»: мягкой и тихой, временами даже веселой. По сравнению с Польшей, Венгрией и ГДР политика оппозиции в Праге формировалась любителями, но они смогли научиться на ошибках других, а также на ошибках их предшественников. И что еще более важно: революция в Чехословакии прошла без болезненного экономического кризиса, с которым пришлось бороться правительствам в Варшаве и Будапеште. Таким образом, к Новому году Чехословакия уверенно вышла на дорогу демократии и рыночной экономики⁵³⁶.

Так много всего изменилось за два месяца. В начале процесса в ноябре 1989 г. в Восточной Европе еще были в состоянии видеть будущее для коммунизма, пусть и в реформированных государствах. Но в течение нескольких недель никто уже не сомневался в том, что происходит необратимый упадок. И к концу года «те, кто опаздывал», как Горбачев выразился в Восточном Берлине, уже определенно были наказаны (Чаушеску, Живков и Хонеккер),

⁵³⁴ Oldrich Tuma 'Czechoslovak November 1989 & Documents' *CWHP Bulletin* 12/13 pp. 181–216. Sebestyen *Revolution 1989* pp. 367–369; Garton Ash *The Magic Lantern* pp. 78–130. Cf. Michael Pullmann 'The Demise of the Communist Regime in Czechoslovakia, 1987–1989: A Socio-Economic Perspective' in McDermott & Stibbe (eds) *The 1989 Revolutions* pp. 136–153

⁵³⁵ Garton Ash *The Magic Lantern* p. 78.

⁵³⁶ Craig R. Whitney 'Czech Parliament Unanimously Picks Dubček as Leader' *NYT* 29.12.1989; *idem* 'Havel, Long Prague's Prisoner, Elected President' *NYT* 30.12.1989.

в то время как те, кто никогда не позволял себе молчать (особенно Гавел и Мазовецкий), заменили тех лидеров, которые их раньше преследовали.

Тот факт, что Горбачев находился над всеми этими разнообразными национальными выходами из коммунизма и при этом не вмешивался, также предоставил Колю больше свободы действий и дал надежду на осуществление его миссии в 1990 г.: подвести обе Германии как можно ближе к единению. Канцлер отразил это в своем новогоднем послании, выразив надежду, что предстоящее десятилетие будет «самым счастливым в этом столетии» для его народа, обещая «шанс на свободную и объединенную Германию в свободной и объединенной Европе». Это, сказал он, «прежде всего зависит от нашего вклада». Другими словами, он напомнил своим соотечественникам немцам – столь долго находившимся под грузом прошлого, – что теперь они получили возможность сформировать свое будущее⁵³⁷.

Но эта новая архитектура не могла быть построена одними немцами. Ледник коммунизма отступал – тая прямо на глазах, открывая путь поднимающейся Западной Европе, а застывшая двухблоковая структура Европы времен холодной войны раскололась. Теперь эти части надо было собрать вместе в какую-то новую мозаику, что требовало не только совместных действий, но также творческого участия сверхдержав.

Другими словами, Коль, может, и имел какие-то проблемы в отношениях с Миттераном и особенно с Тэтчер, но все это не были камни преткновения. Когда дело дошло до строительства нового порядка вокруг объединенной Германии, достичь этого можно было, только если работать вместе с Бушем и Горбачевым. Впрочем, оба эти лидера в конце 1989 г. глубоко погрузились в собственные проблемы: как им, пусть и с опозданием, добиться эффективного личного взаимопонимания. И более того, как справиться с очень деликатной проблемой выхода из холодной войны в самом центре Европы.

⁵³⁷ Новогодняя речь Коля 31.12.1989, см.: Bundesregierung website.

Глава 4.

Сохранить Германию в мире после падения Стены

На фото:

1. Встреча на Мальте. Джордж Буш и Михаил Горбачев. Теплоход «Максим Горький», 3 декабря 1989 г.
2. Гельмут Коль в гостях у Михаила Горбачева на Ставрополье. 15 июля 1990 г.
3. Гельмут Коль, Джордж Буш и Джим Бейкер. Кэмп-Дэвид, 24–25 февраля 1990 г.

3 декабря 1989 г. Это было почти невероятно. Джордж Буш и Михаил Горбачев, лидеры Соединенных Штатов и Советского Союза, сидят вдвоем на Мальте, непринужденно шутят на совместной пресс-конференции в завершение саммита. И все это происходит лишь через месяц после падения Стены и чуть больше чем через неделю после неожиданного оглашения Колем в Бундестаге его «Программы из 10 пунктов».

«Мы стоим на пороге совершенно новой эры в американо-советских отношениях, – провозгласил Буш. – И мы каждый по-своему вносим вклад в преодоление разделения Европы и прекращение здесь военной конфронтации». Президент был весьма оптимистичен относительно того, что они «смогут добиться длительного мира и преобразовать отношения Восток–

Запад в отношения постоянного сотрудничества». Это, сказал Буш, то «будущее, которому председатель Горбачев и я кладем начало прямо сейчас здесь, на Мальте»⁵³⁸.

Советский лидер был с ним полностью согласен. «Мы оба констатировали, что мир уходит из одной эпохи – “холодной войны” – и вступает в новую эпоху. Правда, это все еще начало, мы в самом начале пути длительного мирного периода». Он прямо сказал: «Новая эпоха требует и новых подходов. И надо от многого того, что было создано в период “холодной войны”, решительно отказаться, и прежде всего от ставки на силу, от конфронтации, от гонки вооружений, от недоверия, от идеологических схваток. Все это должно уйти в прошлое»⁵³⁹.

На Мальте не заключили никаких новых соглашений, даже не приняли коммюнике. Но посыл саммита был совершенно ясен – его символом стала первая в истории совместная пресс-конференция лидеров сверхдержав. Холодная война, определявшая международные отношения на протяжении более сорока лет, казалась явлением прошлого.

Прошел целый год с того времени, когда эти два человека последний раз встречались на Говернорс-айленд в Нью-Йорке в 1988-м, когда Рейган еще был президентом. Тогда Буш заверил Горбачева, что он надеется основываться на том, что уже было достигнуто в американо-советских отношениях, но ему нужно «немного времени», чтобы разобраться с этими вопросами. Это небольшое время обернулось двенадцатью месяцами, в течение которых мир перевернулся с ног на голову⁵⁴⁰.

Исходным дипломатическим приоритетом для Буша было продолжить открытие Китая, но этого стало труднее добиваться после Тяньаньмэнь. И только после своего европейского турне – после саммита НАТО в мае и поездок в Польшу и Венгрию в июле – президент на самом деле начал понимать размах перемен в Европе. С тех пор как он стал свидетелем празднования двухсотлетия Революции 1789 г. во время саммита в Париже, в его ушах стал непрерывно звучать язык революции, и он решил, что настало время встретиться с Горбачевым, чтобы наладить личные отношения, необходимые для того, чтобы справиться с растущим смятением. И она стала таким достоверным свидетельством «перемены взглядов», как позднее признал Буш в своих мемуарах, Мальта была поворотом на 180 градусов⁵⁴¹.

Советский лидер, конечно, всегда был готов к встрече, но определенно согласовать место и время для нее удалось лишь 1 ноября. И когда они на самом деле встретились через месяц после этого, Железного занавеса уже на существовало: Восточная Германия распадалась, в Болгарии произошел дворцовый переворот, а в Чехословакии вовсю шла «Бархатная революция». Буш опасался, что политические лидеры не смогут удержать под контролем эти замечательные революционные перемены. В особенности он боялся, что Горбачева могут подтолкнуть к использованию силы, чтобы сохранить блок и укрепить советское могущество. Именно поэтому президент противился нетерпеливым призывам праздновать триумф демократии – к недоумению многих американцев, особенно причастных к политике и средствам массовой информации. Буш чувствовал, что в американских национальных интересах надлежит, во-первых, помочь Горбачеву остаться у власти, потому что он твердо придерживался реформ, и, во-вторых, держать войска США в Европе для утверждения влияния США на континенте. В условиях перемен на геополитической карте обмен мнениями между сверхдержавами становился жизненно важным для мирного управления событиями. Поэтому ему и Горбачеву надо было поговорить, даже если им нечего было подписывать.

⁵³⁸ Remarks of the President and Soviet Chairman Gorbachev and a Q&A Session with Reporters in Malta 3.12.1989 APP.

⁵³⁹ Ibid; Горбачев. Собр. соч. Т. 17. С. 243.

⁵⁴⁰ GHWBPL Memcon of President's Private Meeting with Gorbachev 1.05–1.30 p.m. Governors Island NYC 7.12.1988 pp. 4–5 NSAEBB No. 261; and Bush & Scowcroft *A World Transformed* pp. 6–7.

⁵⁴¹ GHWBPL NSC Files – Condoleezza Rice Files, Soviet Union/USSR Subject Files Folder: Summit at Malta December 1989, Malta Memcons (hereafter NSC-CRF-MM1989) First expanded bilateral session with Gorbachev on the *Maxim Gorky* 10.00–11.55 a.m. 2.12.1989 p. 2 DAWC.

За десять дней до встречи 22 ноября Буш послал советскому лидеру письмо: «Я хочу, чтобы эта встреча принесла пользу для укрепления взаимопонимания между нами и заложила основу хороших отношений». Далее: «Я хочу, чтобы встречу посчитали успехом». Он настаивал: «Успех не означает подписания документов, по моему мнению. Это означает, что вы и я будем откровенны друг с другом настолько, что две наших великих страны смогут обойтись без напряженности в отношениях, которое возникает, если мы не знаем хода мысли друг друга»⁵⁴²

⁵⁴² Письмо Буша Горбачеву 22.11.1989, опубликовано в: Bush *All the Best* p. 444.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.